

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 1 (150) • 2023

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Адрес редакции и издателя — 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
Тел.: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.

Подписной индекс 46490.

Размещение в Каталоге периодических изданий «Газеты и журналы», в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» — на сайте www.ural-press.ru

Цена свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Главный редактор ***В.В. Нырков***
Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 27.02.2023 г. Дата выхода в свет 6.03.2023 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 26,95. Уч.-изд. л. 22,8. Тираж 950 экз. Заказ № 66.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Нырков	кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
А.Н. Варыгин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.И. Грачев	доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
А.И. Клименко	доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 1 (150) • 2023

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya str., 1.

The address of the editorial office and publisher is 410056, Saratov, Volskaya str., 1. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy".

Phone: (8452) 29-90-87

E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.

The subscription index is 46490.

Placement in the Catalog of periodicals "Newspapers and magazines", in the electronic subscription catalog of the Ural-Press Group — on the website www.ural-press.ru

The price is free.

**The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" at:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>**

The journal is registered by the Permitting Department in the Field of Mass Communications of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor ***V.V. Nyrkov***

Editor, proofreader ***M.V. Sedova***

Layout by ***E.S. Sidorova***

Signed in print 27.02.2023. Date of publication 6.03.2023. Format 70×1081/16.

Pr. sheet. 26,95. Ed. print. 22,8. The circulation is 950 copies. Order № 66.

Printed in the printing house of the publishing house
Saratov State Law Academy. 410056, Saratov, ul. Volskaya, 1.

© FSBE HE Saratov State
Law Academy, 2023

EDITORIAL BOARD

V.V. Nyrkov	candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I. Grachev	doctor of law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T.V. Zametina	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
A.I. Klimenko	doctor of Law, Professor (V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **В.М. Баранов, М.В. Баранова, С.Б. Поляков**
Правовая экспертиза в юридическом деле: допустимость, объект, предмет, методы
- 36 **М.С. Десятов**
Профессиональное правосознание сотрудников оперативных подразделений полиции: уникальность в деталях
- 41 **А.Г. Репьев**
Правовые обещания и законные ожидания как компоненты модели общерегулятивных правоотношений
- 54 **С.В. Тихонова**
Учение о преступлении раннего Гегеля в интерсубъективистской интерпретации А. Хоннета
- 61 **С.Т. Адамянц**
Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики
- 69 **Г.Г. Егоров, И.Б. Орешкина**
О стратегии развития правовой системы в контексте юридической безопасности
- 79 **Е.В. Зазолина**
Поместный приказ как один из ведущих органов государственного управления в Московском государстве: историко-правовой аспект
- 89 **А.Е. Степанова**
Прогрессивные идеи искусственного разума в контексте современного права России
- 96 **С.А. Чиркаев**
Функции юридического приоритета: теория и практика

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 104 **Т.А. Еременко**
Обезличивание персональных данных как механизм защиты конституционных прав человека
- 110 **А.А. Смирных**
Ограничение прав и свобод как категория науки конституционного права

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 118 **А.Ю. Соколов**
Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях
- 125 **Н.А. Синельникова**
К вопросу об административной ответственности за нарушение трудового законодательства
- 130 **Р.С. Тихий, Е.Э. Черемушкина**
К вопросам о понятии административных процедур осуществления таможенного контроля в сфере предпринимательской деятельности

- 137 С.С. Терещук**
К вопросу о разграничении дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения
- 143 С.В. Фомиченко**
Административная ответственность за неразмещение саморегулируемой организацией документов и информации о своей деятельности на официальном сайте в сети Интернет

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 150 О.Г. Григорьева**
Легализация параллельного импорта как юридическое средство обеспечения национальных интересов России в условиях санкционных ограничений
- 156 А.Б. Стёпин**
Защитные функции преемственности гражданских прав
- 162 И.К. Буракова**
Реализация принципа свободы договора в сфере государственных и муниципальных закупок

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 167 Е.И. Лоцинина**
К вопросу о правовой природе приказного производства в гражданском процессе
- 173 Н.Н. Ткачева**
Преодоление исполнительского иммунитета в отношении единственного пригородного жилья гражданина-должника как гарантия сохранения баланса интересов взыскателя и должника в исполнительном производстве
- 180 А.А. Горябин**
Процессуальное равенство сторон в упрощенном производстве в арбитражном процессе
- 188 М.С. Береговский**
Реализация принципа процессуальной экономии в различных видах упрощенных (ускоренных) процедур рассмотрения гражданских дел

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 198 С.И. Бякина**
О профилактической и воспитательной работе с осужденными за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций
- 210 М.Е. Дубова**
Общие положения о понятии преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД
- 218 В.А. Тимошкина**
Проблемные аспекты применения отдельных мер пресечения в отношении несовершеннолетних

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ: НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

- 227 А.Н. Варыгин, С.Ю. Бытко**
К вопросу об эффективности координационной деятельности органов прокуратуры
- 238 Е.Н. Асташкина**
Прокурорский надзор как гарантия реализации конституционного права на образование

- 245 Е.В. Богатова, О.И. Лавринович**
Прокурорский надзор за соблюдением разумных сроков органами предварительного следствия
- 250 И.Н. Вишневецкая**
Фемицид: проблемы уголовно-правовой квалификации и криминологические особенности
- 256 О.А. Грачёва, А.А. Титова**
Роль органов прокуратуры РФ в координационной деятельности по противодействию преступности

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 263 В.А. Абалдуев**
Минимальная заработная плата как коллективно-договорная гарантия трудовых прав работников
- 274 А.А. Богустов**
Право лица на изображение в законодательстве государств евразийского региона: сравнительно-правовой анализ
- 286 Н.Л. Потапова**
Психологический портрет спортивного экстремиста и его использование в расследовании преступлений
- 290 А.А. Батчаева**
О новых веяниях в «делах примирительных» (анализ целесообразности существования частного начала в уголовном процессе России)
- 300 А.С. Пастушенко**
Теоретическая характеристика правоприменительных действий банка России, осуществляемых в рамках процедур банковского надзора

ИНФОРМАЦИЯ

- 307 Учитель, ученый, человек!**
Памяти профессора Владимира Терентьевича Кабышева

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 15 **V.M. Baranov, M.V. Baranova, S.B. Polyakov**
Legal Expertise in a Legal Case: Admissibility, Object, Subject, Methods
- 36 **M.S. Desyatov**
Professional Legal Awareness of Employees of Operational Police Units: Uniqueness in Details
- 41 **A.G. Repyev**
Legal Promises and Legal Expectations as Components of the Model of General Regulatory Legal Relations
- 54 **S.V. Tikhonova**
Early Hegel's Doctrine of Crime in the Intersubjectivist Interpretation of A. Honneth
- 61 **S.T. Adamyants**
Spiritual and Moral Values of Russian Society as an Object of Legal Support: Issues of Theory and Practice
- 69 **G.G. Egorov, I.B. Oreshkina**
On The Legal Development Strategy in The Context of Legal Security
- 79 **E.V. Zazolina**
Pomestny Prikaz (Local Order) as One of the Leading Organs of State Administration in the Moscow State: Historical and Legal Aspect
- 89 **A.E. Stepanova**
Progressive Ideas of Artificial Intelligence in the Context of Contemporary Russian Law
- 96 **S.A. Chirkaev**
Functions of Legal Priority: Theory and Practice

CONSTITUTIONAL LAW

- 104 **T.A. Eremenko**
De-Identification of Personal Data as a Mechanism for the Protection of Constitutional Human Rights
- 110 **A.A. Smirnykh**
Limitation of Rights and Freedoms as a Category of the Science of Constitutional Law

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 118 **A.Yu. Sokolov**
Legal Policy in the Field of the Use of Digital Technologies in Proceedings on Administrative Offenses
- 125 **N.A. Sinelnikova**
On the Issue of Administrative Responsibility for Violation of Labor Legislation
- 130 **R.S. Tikhiy, E.E. Cheremushkina**
On the Concept of Administrative Procedures for Customs Control in the Field of Entrepreneurial Activity

137 S.S. Tereshchuk
On the Question of the Distinction Between Disciplinary Misconduct and Disciplinary Corruption Offenses

143 S.V. Fomichenko
Administrative Responsibility for Failure of a Self-Regulatory Organization to Post Documents and Information About Its Activities on the Official Internet Site

CIVIL LAW

150 O.G. Grigorieva
Legalization of Parallel Import as a Legal Means of Securing Russia's National Interests under Sanctions Restrictions

156 A.B. Stepin
Protective Functions of Succession Civil Rights

162 I.K. Burakova
Implementation of the Principle of Freedom of Contract in Public and Municipal Procurement

CIVIL PROCEDURE. ARBITRATION PROCESS

167 E.I. Loshchinina
On the Legal Nature of the Writ Proceedings in Civil Proceedings

173 N.N. Tkacheva
Overcoming Executive Immunity in Respect of the Only Suitable Housing of a Citizen-Debtor as a Guarantee of Preserving the Balance of Interests of the Claimant and the Debtor in Enforcement Proceedings

180 A.A. Goryabin
Procedural Equality of the Parties in Summary Proceedings

188 M.S. Beregovsky
Implementation of the Principle of Procedural Economy in Various Types of Simplified (Accelerated) Procedures for Consideration of Civil Cases

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

198 S.I. Byakina
On Preventive and Educational Work with Convicted Persons for Illicit Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Registered with the Penal Inspectorate

210 M.E. Dubova
General Provisions on the Concept of Crime Involving Discrediting IAB

218 V.A. Timoshkina
Problematic Aspects of the Application of Certain Preventive Measures Against Minors

PROSECUTOR'S SUPERVISION AND CRIMINOLOGY: SCIENTIFIC SUPPORT FOR THE FIGHT AGAINST CRIME

227 A.N. Varygin, S.Yu. Bytko
On the Effectiveness of Coordination Activities of Prosecution Authorities

238 E.N. Astashkina
Prosecutor's Supervision as a Guarantee of the Constitutional Right to Education

- 245 E.V. Bogatova, O.I. Lavrinovich**
Prosecutorial Supervision of the Compliance of Reasonable Time Limits
by Preliminary Investigation Bodies
- 250 I.N. Vishnevetskaya**
Femicide: Problems of Criminal and Legal Qualification and Criminological
Peculiarities
- 256 O.A. Gracheva, A.A. Titova**
The Role of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Coordinating
Anti-Crime Activities

OTHER BRANCHES OF LAW

- 263 V.A. Abalduev**
Minimum Wage as a Collective and Contractual Guarantee of Labor Rights
of Employees
- 274 A.A. Bogustov**
The Right of a Person to an Image in the Legislation of the States of the Eurasian
Region: Comparative Legal Analysis
- 286 N.L. Potapova**
The Psychological Profile of a Sports Extremist and Its Use in the Investigation
of Crimes
- 290 A.A. Batchaeva**
On New Trends in "Conciliatory Cases" (Analysis of the Feasibility of the Private
Principle in Russian Criminal Procedure)
- 300 A.S. Pastushenko**
Theoretical Characterization of Law Enforcement Actions of the Bank of Russia,
Carried Out Within the Procedures of Banking Supervision

INFORMATION

- 307 A Teacher, A Scientist, A Person!**
In Memory of Professor Vladimir Terentyevich Kabyshev

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-15-35

УДК 340.131.5

В.М. Баранов, М.В. Баранова, С.Б. Поляков

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ЮРИДИЧЕСКОМ ДЕЛЕ: ДОПУСТИМОСТЬ, ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, МЕТОДЫ

***Введение:** в статье обосновывается необходимость правовых экспертиз при решении юридических дел в целях повышения качества правоприменения, критикуются доктринальные позиции о недопустимости такого рода экспертиз. **Цель:** определить допустимость проведения правовой экспертизы при рассмотрении юридических дел в разных видах судопроизводства, ее объект, предмет и методы для повышения качества правоприменения. **Методологическая основа:** диалектический подход к познанию юридической деятельности, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, синтез логических норм права из положений законодательства, структурный анализ норм права. **Результаты:** сформулированы основания допустимости правовой экспертизы при рассмотрении юридических дел, а также понятия объекта, предмета, методов правовой экспертизы при рассмотрении юридических дел; выдвинуты предложения по внесению изменений в процессуальные нормы о назначении судебной экспертизы по юридическим делам;*

© Баранов Владимир Михайлович, 2023

Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности (Нижегородская академия МВД России), Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»; e-mail: baranov_prof@bk.ru

© Баранова Марина Владимировна, 2023

Доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского), вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»; e-mail: qazxsw1232007@ya.ru

© Поляков Сергей Борисович, 2023

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Пермь), адвокат; e-mail: psb59@rambler.ru

© Baranov Vladimir Mikhailovich, 2023

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head for Innovative Development of Scientific Activities (Nizhny Novgorod Academy of the Russian MIA), President of the Nizhny Novgorod Research Scientific-Applied Center «Legal Techniques»

© Baranova Marina Vladimirovna, 2023

Doctor of Law, Candidate of Cultural Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law (National Research Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky), Vice-President of Nizhny Novgorod Research Center for Applied Science «Legal Techniques»

© Polyakov Sergey Borisovich, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law (National Research University «Higher School of Economics» — Perm), lawyer

приведены положительные примеры по уголовным и гражданским делам в форме заключений, вынесенных специалистами права, и по содержанию являющихся реализацией положений статьи закона. **Вывод:** для правовых экспертиз при решении юридических дел в законе нет прямых запретов. Доктринальные возражения против них не соответствуют цели повышения качества правоприменения и содержат логические ошибки. Решение проблемы видится в строгом разграничении компетентности и ответственности экспертизы судебной и экспертизы правовой.

Ключевые слова: экспертиза, суд, качество правоприменения, объект, предмет, методы исследования, логическая норма права, юридический факт.

V.M. Baranov, M.V. Baranova, S.B. Polyakov

LEGAL EXPERTISE IN A LEGAL CASE: ADMISSIBILITY, OBJECT, SUBJECT, METHODS

Background: the article substantiates the need for legal expertise in solving legal cases in order to improve the quality of law enforcement, criticizes the doctoral positions on the inadmissibility of such expertise. **Objectives:** to determine the admissibility of legal expertise in the consideration of legal cases in different types of legal proceedings, its object, subject and methods to improve the quality of law enforcement. **Methodology:** dialectical approach to cognition of legal activity, formal-legal and comparative-legal methods, synthesis of logical rules of law from provisions of legislation, structural analysis of rules of law. **Results:** the grounds for the admissibility of legal expertise in legal cases, as well as the concept of the object, subject, methods of legal expertise in legal cases are formulated; proposals for changes in the procedural rules on the appointment of judicial expertise in legal cases are put forward; positive examples in criminal and civil cases in the form of conclusions made by legal professionals, and the content is the implementation of the provisions of the law are given. **Conclusion:** there are no direct prohibitions in the law for legal expertise in solving legal cases. Doctrinal objections to them do not correspond to the goal of improving the quality of law enforcement and contain logical errors. The solution to this problem is seen in the strict distinction between the competence and responsibility of judicial expertise and legal expertise.

Key-words: expertise, court, quality of law enforcement, object, subject, research methods, logical rule of law, legal fact.

Наш интерес к правовым экспертизам по юридическим делам [1; 2; 3] подстегнула солидная статья А.А. Барыгиной и С.В. Дубовиченко [4]. Авторы, представив библиографию противников и сторонников правовой экспертизы по уголовным делам, вопрос о допустимости таких экспертиз рассматривают с позиций основных понятий экспертологии: объект, предмет, метод экспертиз. В итоге они отвечают на данный вопрос отрицательно, с чем мы по принципиальным соображениям не согласны.

Изначально авторов интересовали следующие аспекты дискутируемой проблемы: являются ли юридические знания специальными знаниями; возможна ли деятельность эксперта в области права по ответу на вопросы, поставленные перед ним, отнести к исследованию; обладает ли правовая судебная экспертиза своим предметом и объектом исследования; возможно ли разработать методику исследования применительно к правовой судебной экспертизе [4, с. 43].

Именно эти вопросы являются основой для конструктивной дискуссии о допустимости правовых экспертиз по юридическим делам. Без четкого определения

объекта, предмета, метода правовой экспертизы по юридическим делам, разграничения компетенции правоприменителя и эксперта такая экспертиза вместо средства повышения качества правоприменения будет катализатором реализации интересов участников юридического конфликта неправовыми методами.

Из легальных определений оснований назначения экспертизы (ч. 1 ст. 79 ГПК РФ, ч. 1 ст. 82 АПК РФ, ст. 195, 196 УПК РФ, ч. 1 ст. 26.4 КоАП РФ, ч. 1 ст. 77 КАС РФ), согласно логическому приему различения понятий [5, с. 52–53], следует, что под специальными знаниями понимаются неюридические знания, которые необходимы дополнительно к знаниям, которыми обладает судья (правоприменитель). А.А. Барыгина и С.В. Дубовиченко в этой связи пишут: «Специальными могут признаваться те знания, которыми не обладают субъекты юрисдикционной деятельности, а поскольку сотрудники органов предварительного расследования и судьи имеют юридическое образование, то очевидно, что познания в этой области не могут рассматриваться в качестве специальных» [4, с. 43]. Поэтому юридические знания не являются специальными знаниями в смысле оснований назначения судебной экспертизы. На этом можно было бы сразу поставить точку в дискуссии о допустимости правовых экспертиз.

Но если исходить из легальных задач правильного разрешения дел в судопроизводстве (ст. 2 ГПК РФ, п. 1, 3–5 ст. 2 АПК РФ, ст. 6 УПК РФ, ст. 1.2 КоАП РФ, п. 2–4 ст. 3 КАС РФ), в соответствии с которыми должны создаваться отдельные процессуальные правила, следует обратить внимание на весьма значимые факторы правоприменения. И вопрос «Являются ли юридические знания специальными знаниями?», на который легко дать легальный ответ, должен быть преобразован в вопрос об уровнях юридического знания, необходимого для правильного решения дел. Понятие «правильное решение дел» мы основываем на положении п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»: «Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права».

Распространенный штамп в обоснование недопустимости правовых экспертиз по юридическим делам сформулирован так: «судьи знают право» («*jura novit curia*»). Е.Р. Россинская называет такой подход устаревшим: «Двести лет назад физик или химик могли с уверенностью заявить, что в полном объеме владеют физическими или химическими знаниями. На рубеже XX–XXI веков такое утверждение уже невозможно, поскольку в силу дифференциации научного знания эти науки превратились в физические и химические отрасли знания, дав начало множеству специальных наук. Процессы дифференциации научного знания, сопровождающие развитие науки вообще, не обошли стороной и юридические науки» [6, с. 35]. Исследователь убедительно показывает изменчивость соотношения понятий «специальные», «юридические», «общеизвестные» знания, их зависимость от уровня развития социума и степени интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека [6, с. 35–36].

Типичное обоснование потребности правовой экспертизы таково: «Большинство норм, определяющих составы преступлений в сфере экономической деятельности, носят бланкетный (отсылочный) характер. Для правильной их трактовки требуются знания множества нормативных актов гражданского, хозяйственного,

банковского права и различных областей экономики» [7, с. 39]. Знание права нельзя сводить к способности собрать и хранить в голове правоприменителя растущий в геометрической прогрессии массив нормативных правовых актов и иных форм права. Сегодня эту функцию выполняют программы справочно-правовых систем «КонсультантПлюс», «Гарант». С объемом памяти и быстродействием компьютера в отыскании нужной правовой информации человек сравниться уже никогда не сможет, как и пешим ходом перегнать автомобиль.

Но компьютер, пока он «мыслит» на языке «да/нет», не оперирует такими категориями, как текст, буквы, символы или изображения [8, с. 728–733], и потому не может вычленил из текста нормативных правовых актов информацию, необходимую для вынесения законного судебного решения и дающую возможность реализовать следующие задачи:

выявлять юридические факты и формировать из них фактические составы, порождающие, изменяющие, прекращающие предписанное деяние, различая обязательные и альтернативные для заявленного требования обстоятельства;

преобразовывать оценочные юридические факты в индивидуально определяемые обстоятельства по делу, подлежащие установлению и доказыванию;

определять из описания деяния вид предписания: право, обязанность, запрет; устанавливать тождество и различие элементов норм права и их виды в соответствии с правилами логики (соотношение понятий, содержащихся в текстах правовых актов) для решения вопроса о коллизии норм права;

приводить аргументы наличия или отсутствия пробелов в законодательстве для применения аналогии закона или аналогии права, а также выполнять многое другое для того, чтобы выносить законное судебное решение.

А теперь нужен честный ответ на отнюдь не риторический вопрос: многие ли из обладателей дипломов о высшем юридическом образовании способны на вышеуказанные действия? Именно этот честный ответ (а не соотношение понятия «правовые знания» с понятием «специальные знания») определяет потребность в правовых экспертизах по юридическим делам и, возможно, в изменениях процессуальных норм об основаниях назначения судебной экспертизы.

Половинчатое решение принято только в отношении вопросов применения норм иностранного права. В ст. 14 АПК РФ и ст. 1191 ГК РФ предусмотрено привлечение экспертов в целях установления содержания норм иностранного права. Но ограниченность познаний правоприменителей для правильного решения дел часто признается не только в отношении применения этих (зарубежных) норм. Например, Ю. Корухов, в целом негативно высказываясь о «порочной практике назначения „правовых“, „экономико-правовых“ и „юридических“ экспертиз», отмечает слабую экономическую подготовку следователей, «их неспособность разобраться в хитросплетении экономических правонарушений, помноженных на непостоянство нормативных актов в сфере экономической деятельности» [7, с. 40]. В связи с этим он допускает назначение экспертиз с постановкой вопросов, связанных с правовой оценкой действий в сфере экономики, по аналогии с анализом положений, правил, носящих «полуправовой-полутехнический характер (например, правила дорожного движения, положения о технике безопасности труда и т. п.)» [7, с. 40]. О допустимости экспертиз, оценивающих правильность применения технических норм, пишут и другие ученые [9, с. 127; 10; 11, с. 35].

В п. 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2006 г. № 65, п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня

2008 г. № 11, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 фиксируется недопустимость постановки перед экспертом вопросов правового характера, правовой оценки экспертом деяний, относящихся к исключительной компетенции суда, при решении дела арбитражным судом, решении гражданских и уголовных дел. Но в этих положениях говорится об экспертах — специалистах в различных областях науки, техники, искусства, ремесла (ст. 79 ГПК РФ, ст. 195 УПК РФ, ст. 82 АПК РФ), а не о специалистах права.

Процессуальное законодательство не содержит дозвоительных, обязывающих, запрещающих предписаний о заключениях правоведов по вопросам права. Установлено исключительное право суда (соответственно запрет для иных лиц) на оценку доказательств (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 17, 87, 88 УПК РФ, ст. 84 КАС РФ). Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон и образующих состав преступления (правонарушения), а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ст. 55 ГПК РФ, ч. 1 ст. 64 АПК РФ, ст. 74 УПК РФ, ч. 1 ст. 26.2 КоАП РФ, ст. 59 КАС РФ).

В арбитражном процессуальном законодательстве явно отличается нормативное обоснование иска (п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ), являющееся источником юридических фактов, и указание обстоятельств, на которых основаны исковые требования (п. 5 ч. 2 ст. 125 АПК РФ). Нахождение этих понятий в разных пунктах ч. 2 ст. 125 АПК РФ свидетельствует о том, что их нельзя смешивать.

В ГПК РФ прямо отмечается, что в исковом заявлении, определяющем предмет судебного разбирательства, должны быть указаны обстоятельства, на которых истец основывает свои требования (п. 5 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ). Обосновать юридическое значение названного обстоятельства, т.е. определить его как юридический факт, по общему правилу ГПК РФ истец не должен для возникновения его права на рассмотрения его иска судом. Но ч. 3 ст. 131 ГПК РФ установлено, что в исковом заявлении, предъявляемом прокурором в защиту интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований или в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, должна содержаться ссылка на закон или иной нормативный правовой акт, предусматривающий способы защиты этих интересов. Таким образом, арбитражное законодательство различает юридический факт, содержащийся в тексте правового акта, и фактическое обстоятельство дела.

В процессе доказывания выделяются два этапа:

установление соответствия, названного стороной фактического обстоятельства дела юридическому факту, который она обязана доказать;

установление существования этого фактического обстоятельства в действительности (буквально «наличие или отсутствие обстоятельств» — ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, ч. 1 ст. 64 АПК РФ, ч. 1 ст. 74 УПК РФ, ч. 1 ст. 59 КАС РФ).

В ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, ч. 2 ст. 310 КАС РФ отдельными основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке указаны следующие:

- 1) неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела;
- 2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела.

В п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ обозначено: «неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела», а п. 2 аналогичен п. 2 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ.

В этих нормах установлены отдельные обязанности суда установить следующее:

фактический состав (совокупность юридических фактов, порождающих юридическое предписание соответственно притязанию истца);

соответствие фактического обстоятельства дела юридическому факту.

В УПК РФ основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке изложены несколько иначе. Но в п. 2 ст. 389.16 предусмотрено основание «суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда», а определение в ч. 1 ст. 389.18 УПК РФ основание «неправильное применение уголовного закона» (п. 3 ст. 389.15 УПК РФ) указывает на ошибку в определении юридически значимых обстоятельств. Бланкетное и отсылочное изложение норм уголовного закона обязывает не по тексту УК РФ определять фактические составы, порождающие обязанности и запреты, нарушение которых влечет за собой уголовную ответственность.

Исходя из этих положений закона, в процессе правоприменения следует отличать действия строго в их последовательности:

определение юридических фактов (из описания действия или события в тексте нормативного правового акта, договора, другой формы права) и формирование из них фактических составов — вопрос права;

установление фактического обстоятельства дела — вопрос факта;

правовая квалификация фактического обстоятельства дела как соответствующего/несоответствующего юридическому факту — вопрос доказывания;

доказывание существования фактического обстоятельства дела — вопрос доказывания.

С выводами А.А. Барыгиной и С.В. Дубовиченко о недопустимости правовой экспертизы по юридическим делам как доказательства факта, основанными на общей теории судебной экспертизы о том, что предметом ее являются фактические данные (обстоятельства дела) [4, с. 43–44], нельзя не согласиться. Но правовая экспертиза даже в пределах легального определения доказательств может быть использована в качестве доказательства «иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела». Под это понятие подпадают вопросы права.

Законодательством предусмотрены правовые экспертизы проектов нормативных правовых актов (Федеральные законы от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ст. 26.3-3), от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (п. 3 ч. 3 ст. 6), от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 94); Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (п. 3.1–3.3, 4.1, 5) и др. Данные правовые экспертизы назначаются не судом и потому не соответствуют понятию судебной экспертизы. А.А. Барыгина и С.В. Дубовиченко приводят положения

законодательства и юридической литературы о правовых экспертизах нормативных правовых актов и указывают, что объектом исследования в таком случае являются нормы права. На основании легального определения объекта судебных экспертиз, поручаемых специалистам неюридических наук, авторы заключают: «Поскольку объекты исследования в правоприменительной и правотворческой деятельности отличаются, вывод очевиден: объектом исследования в правоприменительной судебно-экспертной деятельности не могут быть нормы права на основании статьи 10 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ» [4, с. 44].

Если исключить из этого вывода слова «судебно-экспертной», он будет явно ошибочным. Прежде чем применить норму права, ее нужно понять. Это не дело специалистов неюридических наук, об экспертизах которых прямо говорится в законодательстве о судебных экспертизах. Ошибка в данном случае заключается в сужении объема понятия «правоприменительная деятельность» введением в него признака «судебно-экспертная», что порождает двусмысленность: функции эксперта-правоприменителя могут рассматриваться как судебно-экспертная деятельность и как деятельность правотворческая. Ни то, ни другое авторы понятия «правоприменительная судебно-экспертная деятельность» вряд ли будут отстаивать.

Строго говоря, объектом правовых экспертиз нормативных правовых актов являются тексты нормативных правовых актов [12, с. 13–24; 13, с. 52–53]. Предметом таких экспертиз являются дефекты содержащихся в правовых актах норм права [14, с. 135–137].

Правоприменитель должен изучить применяемый им нормативный правовой акт, определить в нем нормы права и далее (отличие от правотворческой деятельности) оценить соответствие этим нормам фактических обстоятельств дела.

Таким образом, объекты и предметы исследования правовой экспертизы в правотворческой деятельности и деятельности правоприменителя находятся в соотношении перекрещивания. В правоприменении акцент должен быть сделан не на отличиях, а на «зоне перекрещивания». Правоприменитель, как и эксперт нормативного правового акта, должен определить норму права, а именно логическую норму права [15; 16; 17, с. 42–46; 18, с. 561–562]. Для правильного решения по делу ему необходимо определить характеристику дозволенного либо обязательного или запрещенного действия субъекта права (диспозицию нормы) и фактический состав или альтернативные фактические составы, порождающие эти действия (гипотезу).

В качестве первых задач подготовки дела к судебному разбирательству в ст. 148 ГПК РФ, ч. 1 ст. 133 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 138 КАС РФ указаны следующие: определение (уточнение) обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела; определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела. Из этого следует обязанность суда точно определить по юридическим основаниям истца и возражениям ответчика с учетом положений ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, ч. 2 ст. 65 АПК РФ, ч. 3 ст. 62 КАС РФ фактический состав, порождающий правовое предписание соответственно притязаниям истца. В уголовном судопроизводстве задача определения состава преступления, на соответствие которому будет проверяться судом обвинение, следует из ст. 3, 8, 14 УК РФ.

Исходя из требований ст. 148 ГПК РФ, ч. 1 ст. 133 АПК РФ после приведения в судебном акте текста норм права, подлежащих применению, фундаментом правильного и обоснованного решения является четкое изложение следующих

из этих норм фактических составов, подлежащих установлению и доказыванию по делу. В качестве образца можно привести кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2022 г. № 88-7663/2022 по гражданскому делу № 2-1994/2021, в котором после изложения норм права о неосновательном обогащении следует абзац: «Условиями возникновения неосновательного обогащения являются следующие обстоятельства: имело место приобретение (сбережение) имущества, приобретение произведено за счет другого лица (за чужой счет), приобретение (сбережение) имущества не основано ни на законе (иных правовых актах), ни на сделке, прежде всего договоре, то есть произошло неосновательно. При этом указанные обстоятельства должны иметь место в совокупности» (сайт Седьмого кассационного суда общей юрисдикции: URL: <http://7kas.sudrf.ru>. УИД 59RS0008-01-2021-002195-37). А далее в решении содержится оценка фактических обстоятельств дела на соответствие этому фактическому составу.

Но далеко не все судебные решения имеют такую структуру, а выносящие их судьи ясно определяют, какие обстоятельства имеют значение для дела, умеют «вывести» юридические факты и их составы из текстов применяемых нормативных правовых актов. «В отличие от нормы-предписания, логическая норма, как правило, не находится в тексте одной статьи властного предписания. Ее элементы содержатся в различных частях одного нормативно-правового акта или даже в нескольких формально-юридических источниках права. Установление такого правового положения требует высокого уровня профессиональной подготовки и глубоких юридических знаний» [19, с. 11].

Так, транспортный прокурор Пермского края обратился в суд с иском к администрации Камского бассейна внутренних водных путей с требованием обязать ответчика принять меры по очистке рек от затонувших бесхозных судов (их частей и механизмов). Согласно п. 1 ст. 49 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее — КВВТ РФ), «администрация бассейна внутренних водных путей поднимает затонувшее судно или иное затонувшее имущество и при необходимости удаляет либо утилизирует их, если владелец затонувшего судна или собственник иного затонувшего имущества не поднимет затонувшее судно или иное затонувшее имущество в срок». Далее следует еще ряд условий. Пунктом 2 ст. 11 КВВТ РФ прямо установлено: «Затонувшие судно или его части подлежат удалению в случаях и порядке, которые установлены настоящим Кодексом». О том, кто должен поднимать бесхозные суда и иное имущество, в КВВТ РФ ничего не сказано. На наличие данного пробела ни прокурор, ни суд, удовлетворивший иск, не указывали. Ответчик же указывал, что законом для него не установлена обязанность поднимать бесхозные суда и иное имущество, а выполнение работ за пределами установленных обязанностей будет квалифицировано как нецелевое использование бюджетных средств. Он ссылался на подп. 2 п. 1 ст. 111 Кодекса торгового мореплавания РФ в редакции п. 6 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 470-ФЗ, предусматривающий удаление затонувшего имущества администрацией порта или органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в случаях, когда отсутствует информация о собственнике утонувшего судна либо юридическое лицо, являющееся собственником утонувшего судна, ликвидировано. В решении суда указано, что приведенные ответчиком законы не подлежат применению, поскольку не распространяются на правоотношения по удалению затонувших судов из таких

водных объектов, как реки. В применении этих положений законодательства по аналогии закона судом отказано по мотивам правил действия норм права в пространстве. Но ссылка на статьи КВВТ РФ, в которых предусматривалась бы обязанность администрации бассейна внутренних водных путей поднимать затонувшее судно или иное затонувшее имущество, собственники или владельцы которых не установлены, в решении суда отсутствует.

Ответчик представил в суд апелляционной инстанции заключение специалиста, перед которым были поставлены следующие вопросы:

1. Содержится ли в решении Ленинского районного суда г. Перми от 13 января 2022 г. по делу № 2-122/2022 (2-4274/2021) перечень фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела по иску транспортного прокурора Пермского края о возложении обязанности принять меры по очистке рек от затонувших бесхозных судов?

2. Какой фактический состав (альтернативные фактические составы) предусмотрен(ы) законодательством для возникновения обязанности, соответствующей предмету иска по вышеуказанному делу?

Изложение содержания исследования и его выводов были осуществлены с учетом требований, предъявляемых к экспертным заключениям (Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» с распространением ст. 41 его действия на экспертизы, проводимые специалистами, не являющимися государственными судебными экспертами).

В заключении были указаны процессуальные основания дачи заключения и пределы исследования: специалист воздерживается от установления существования названных участниками дела фактических обстоятельств в действительности; по содержанию правоприменительного акта он может лишь определить, указаны или нет доказательства наличия или отсутствия обстоятельств, но не обоснованность подтверждения указанным доказательством наличия или отсутствия обстоятельства; специалист не дает оценки фактическим обстоятельствам дела.

Объектами исследования были указаны:

1. Исковое заявление транспортного прокурора Пермского края от 30 августа 2021 г. № 05-08-2021 на 12 страницах.

2. Ксерокопия решения Ленинского районного суда г. Перми от 13 января 2022 г. по делу № 2-122/2022 (2-4274/2021) на 17 страницах.

3. Возражения и дополнительные возражения ответчика Федерального бюджетного учреждения «Администрация Камского бассейна внутренних водных путей» б/д и б/н соответственно на 17 и 2 страницах.

4. Тексты нормативных правовых актов, указанных в вышеприведенных объектах исследования.

Предметами исследования соответственно вопросам указаны:

1. Наличие в решении Ленинского районного суда г. Перми от 13 января 2022 г. по делу № 2-122/2022 (2-4274/2021) перечня фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела по иску Пермского транспортного прокурора о возложении обязанности принять меры по очистке рек от затонувших бесхозных судов.

2. Предусмотренный нормативными правовыми актами, указанными истцом в обоснование иска, ответчиком в возражениях на иск и судом в обоснование

принятого решения по вышеуказанному делу, фактический состав (альтернативные фактические составы) для возникновения обязанности, соответствующей предмету иска.

В заключении были указаны применявшиеся при исследовании указанных объектов методы:

1. Формально-догматический (заключается в ограничении исследования текстом объектов исследования: исследователь не может описывать явления, процессы за пределами текстов документов [20, с. 335]).

Использование формально-догматического метода позволяет соблюсти требования, предусмотренные ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

При использовании формально-догматического метода исключается оценка правильности выводов суда о соответствии фактических обстоятельств дела положениям правовых актов.

2. Анализ текстов нормативных правовых актов, указанных истцом в обоснование иска, ответчиком в возражениях на иск и судом в обоснование принятого решения по делу, а также иных правовых актов, если, по мнению специалиста, они связаны с данными правовыми актами, с предметом иска и возражениями против иска, и синтез из них логических норм права.

3. Языковой способ толкования для конструирования из текстов нормативных правовых актов логических норм права и определения ее элементов:

адресата предписания (субъекта правоотношения, для которого установлено право/ обязанность/запрет на определенное деяние);

диспозиции, которая заключается в описании дозволенного/обязательного/запрещенного деяния;

гипотезы, которая заключается в указании юридических фактов и составов из них (фактических составов), порождающих дозволенное/обязательное/запрещенное деяние;

санкции, которая заключается в описании негативного последствия за неисполнение обязанности или несоблюдение запрета.

4. Сравнительный метод, заключающийся в сравнении позиций участников дела и суда в отношении фактического состава (альтернативных фактических составов) для возникновения обязанности, соответствующей предмету иска, для выявления различий в позициях и наличия аргументов противоположных суждений.

В заключении исследования были указаны использованные нормативные правовые акты, постановления высших судов и специальная литература.

В содержании и результатах исследования были изложены положения законодательства, указанные в объектах исследования, наличие или отсутствие в процессуальных документах участников дела перечня фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, юридические факты и альтернативные фактические составы из них для возникновения обязанности, соответствующей предмету иска, предусмотренные нормативными правовыми актами, указанными истцом в обоснование иска, ответчиком в возражениях на иск и судом в обоснование принятого решения по вышеуказанному делу.

Путем исключения из названных истцом, ответчиком и судом положений законодательства, не содержащих элементов адресованного администрации бассейна внутренних водных путей обязывающего предписания по подъему затонувших судов или иного затонувшего имущества, для определения такого предписания остались положения ст. 3, 45, п. 4 и 5 ст. 47.1, ст. 49 КВВТ РФ. Из них сконструировано восемь альтернативных фактических составов, порождающих обязанность администрации бассейна внутренних водных путей поднимать затонувшее судно или иное затонувшее имущество. Во всех из них обязательным юридическим фактом является следующий: владелец затонувшего судна или собственник иного затонувшего имущества не поднимает затонувшее судно или иное затонувшее имущество.

В ходе исследования выявлено следующее:

перечень юридических фактов и образуемых из них фактических обстоятельств, порождающих обязанность по предмету иска, в исковом заявлении не содержится;

в последнем абзаце возражений (с. 15–16) ответчик указывает, что в соответствии с гл. VIII КВВТ РФ и, в частности, с ее ст. 45 и 49 обязательным юридическим фактом для возложения на администрацию бассейна внутренних водных путей обязанности поднять затонувшее судно или иное затонувшее имущество является наличие следующего обстоятельства: объекты имеют владельца или собственника;

перечень юридических фактов и образуемых из них фактических составов, порождающих присужденную ответчику обязанность по подъему и удалению затонувших бесхозных судов (их частей и механизмов), в решении суда отсутствует.

Истец и суд, не определив фактических составов, порождающих обязанность администрации бассейна внутренних водных путей поднимать затонувшее судно или иное затонувшее имущество, не привели доводов о необязательности для возникновения такой обязанности соответствующего юридического факта: «владелец затонувшего судна или собственник иного затонувшего имущества не поднимет затонувшее судно или иное затонувшее имущество».

В то же время истец и суд не привели положений законодательства об обязанностях администрации бассейна внутренних водных путей поднимать бесхозные затонувшее судно или иное затонувшее имущество.

Соответственно этому в итоге заключения даны выводы по поставленным вопросам. После изложения фактических составов, порождающих обязанность администрации бассейна внутренних водных путей поднимать затонувшее судно или иное затонувшее имущество, указано: «По предмету иска в законодательстве нет фактического состава».

В апелляционном определении нет оценки этого заключения и выводов и аргументации суда апелляционной инстанции о необязательности юридического факта для возникновения присужденной судебным решением ответчику обязанности «владелец затонувшего судна или собственник иного затонувшего имущества не поднимет затонувшее судно или иное затонувшее имущество» и вообще фактического состава, порождающего такую обязанность (Решение Ленинского районного суда г. Перми от 13 января 2022 г. по делу № 2-122/2022 и апелляционное определение Пермского краевого суда от 13 апреля 2022 г. № 33-3389/2022 // Официальный сайт Пермского краевого суда. URL: [Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 1 \(150\) • 2023](https://oblsud-</p></div><div data-bbox=)

-perm.sudrf.ru). Это подтверждается отсутствием у многих судей необходимого (должностного) уровня профессиональной подготовки и юридических знаний для определения логических норм права, применяемых ими в деле.

Однако сложности определения фактических составов в первую очередь предопределены тем, что нормотворец часто не придает значения четкому изложению фактического состава, порождающего устанавливаемое им предписание, не определяет однозначно обязательность и альтернативность указываемых им событий или действий. Нормативные правовые акты пишутся не как система строго сконструированных логических норм, но правоприменитель должен вывести их из текста норм права в процессе решения юридического дела. Он вынужден компенсировать низкий уровень профессионализма нормотворцев, причины которого и их устранение — отдельная тема [21]. В научной литературе указывается на качество нормативных правовых актов как на фактор потребности в правовых экспертизах по юридическим делам [7, с. 39; 22].

Например, было возбуждено уголовное дело по признакам ч. 4 ст. 159 УК РФ в связи с предполагаемым незаконным получением предпринимателем субсидии из бюджета субъекта Российской Федерации. Противоправность деяния в постановлении о возбуждении дела обоснована нарушением подпункта подзаконного правового акта субъекта Российской Федерации, регулирующего предоставление предпринимателям субсидий на возмещение части прямых понесенных затрат по реализуемым объектам агропромышленного комплекса: «Субсидии предоставляются сельскохозяйственным товаропроизводителям при соблюдении следующих условий: <...>

создание, и (или) реконструкция, и (или) модернизация объектов начаты не более чем за 3 года, предшествующие году предоставления субсидий».

В этом тексте обвинением усмотрен запрет предъявлять к возмещению затраты, понесенные предпринимателями более чем за 3 года, предшествующие подаче заявления на предоставление субсидии, а включение затрат с нарушением такого запрета предварительно квалифицировано как мошенническое получение субсидии.

В порядке ч. 3 ст. 80 УПК РФ адвокатом было запрошено заключение специалиста права, перед которым были поставлены следующие вопросы:

1. Содержится ли в указанном пункте завершенная норма права? Если да, то что она предписывает получателю субсидии?

2. Содержит ли Порядок предоставления субсидий точные характеристики объема затрат на создание, реконструкцию и модернизацию объектов агропромышленного комплекса, которые должен указать сельскохозяйственный товаропроизводитель, обратившийся за предоставлением субсидии?

3. Какие санкции, за какие деяния и для каких субъектов предусмотрены Порядком предоставления субсидий?

4. Содержатся ли в Порядке предоставления субсидий коррупциогенные факторы, предусмотренные Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утверждена Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96)?

5. Соответствуют ли предписания Порядка предоставления субсидий требованиям формальной определенности закона, предполагающей точность и ясность законодательных предписаний, на которые указывалось в постановлении Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 года № 15-П?

В выводах представленного специалистом заключения, составленного по структуре экспертного заключения на 29 листах (размер шрифта 12, абзац одинарный), было указано (излагается кратко):

в пункте Порядка предоставления субсидий, указанном в процессуальных документах обвинения, содержится часть гипотезы управомочивающего сельскохозяйственных товаропроизводителей предписания на получение субсидий;

Порядок предоставления субсидий содержит неопределенность в установлении действия или события, с которым связывается начало создания, реконструкции и модернизации объектов агропромышленного комплекса, в целях применения Порядка; не содержит прямого указания на параметры затрат на создание, реконструкцию и модернизацию объектов агропромышленного комплекса, которые должен указать сельскохозяйственный товаропроизводитель, обратившийся за предоставлением субсидий;

за нарушение установленных Порядком предоставления субсидий обязанностей органов власти субъекта Федерации (Комиссии и Министерства) санкции Порядком не предусмотрены;

обязанности и запреты Порядком предоставления субсидий установлены только для тех сельскохозяйственных товаропроизводителей, которым предоставлены субсидии, за нарушение использования которых предусмотрено применение единственно установленной в нем санкции (правовосстановительной) — возврат в бюджет Пермского края субсидии, — в том числе за «недоверенность представленной сельскохозяйственным товаропроизводителем информации». При этом обязанности соблюдения условий предоставления субсидий прямо возложены на Комиссию и Министерство;

Порядок предоставления субсидий (в указанных в исследовательской части и выводах заключения пунктах Порядка) содержит коррупциогенные факторы, предусмотренные п. «а», «и» п. 3, п. «а» п. 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов;

буквальное содержание Порядка и его смысл в системном единстве с Конституцией РФ (ст. 1, 2, 18, 54, 55, 71–73, 76), Бюджетным кодексом РФ (п. 2 п. 2 ст. 78) и Уголовным кодексом РФ (ст. 8) в части, касающейся возможных последствий за нарушение сельскохозяйственными товаропроизводителями, получившими субсидии, условий, установленных при их предоставлении, отвечает содержащемуся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 15-П требованию, «чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия», поскольку они не предусматривают никаких мер юридической ответственности для получателей субсидии, кроме гражданско-правовых. Вместе с тем неопределенность начала создания, реконструкции и модернизации объектов агропромышленного комплекса в целях применения Порядка предоставления субсидий, а также времени и субъекта расходов, которые должен указать сельскохозяйственный товаропроизводитель, обратившийся за предоставлением субсидии, при использовании Порядка в целях уголовного преследования порождает, в свою очередь, неопределенность субъективной стороны «преступления» сельскохозяйственных товаропроизводителей. В таком случае Порядок не соответствует положениям постановления Конституционного Суда

РФ от 13 июля 2010 № 15-П о том, что «любое преступление либо административное правонарушение, а равно санкции за их совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть уголовно- или административно-правовые последствия своих действий (бездействия)».

Положения заключения были приведены в постановлении о прекращении уголовного дела.

Главными предметами приведенного исследования были логические нормы права, содержащиеся в Порядке предоставления субсидий, запутанно адресованные субъектам регулируемых им отношений, и формальная определенность структурных элементов образующих их предписаний. Методы исследования и их применение были описаны те же, что и в предыдущем заключении.

«Муки» правоприменителя при выявлении и уяснении логической нормы, созданной нормотворцем, обусловлены толкованием права. Объектом деятельности правоприменителя в данном случае выступает текст правового акта с целью выявления в нем норм права и их элементов как эталона оценки фактических обстоятельств дела.

Толкование права соответствует характеристикам исследования, приводимым в словарях: процесс научного изучения какого-либо объекта с целью выявления его свойств; вид, часть познавательной деятельности, связанный с определенной задачей.

Тем не менее А.А. Барыгина и С.В. Дубовиченко противопоставляют толкование права и исследование: «Результаты так называемого правового судебного исследования представляют собой акт профессионального или доктринального толкования норм права в конкретной ситуации и отражают лишь субъективное мнение эксперта, которое носит предположительный характер, поэтому данные результаты могут иметь лишь рекомендательный и информативный характер для субъектов юрисдикционной деятельности» [4, с. 45]. Такое суждение сходно со штампом судебных актов, сопровождающим неаргументированное отклонение доводов участника дела: «Довод представляет собой субъективную оценку закона (или обстоятельств дела)». Судьи, выносящие такое суждение, представляют себя носителями объективной истины, забывая, что их решение может быть отменено по установленному основанию — «неправильное истолкование закона» (п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ, п. 3 ч. 2 ст. 270 АПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ).

Наличие у судьи мантии не устраняет субъективности его суждений. Поэтому авторы исследования определяют судей как «субъектов юрисдикционной деятельности». А иначе и не назвать. Не объектами же деятельности они выступают.

Объективность суждений (относительная!) определяется не статусом их автора, а наличием оснований, методов, которыми данные суждения выведены. Это следует и из приведенного положения ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В изложенных заключениях специалистов представлен процесс толкования положений законодательства, на которые ссылались участники дела, с указанием методов изучения объектов и изложением процесса достижения цели: определение фактического состава, порождающего предписанное деяние для субъекта спорных отношений. В то время как наши исследования регулярно подтверж-

дают, что в значительном большинстве судебных актов суды ограничиваются безапелляционным утверждением о неправильном толковании закона стороной, высказывавшей противоположное судебскому мнению о смысле применяемой нормы, без указания способов и приемов толкования, с помощью которых они пришли к «верному» толкованию [3, с. 244–298; 23, с. 21–23; 24, с. 5–6]. Такие неаргументированные судебские выводы и есть «лишь субъективное мнение».

А.А. Барыгина и С.В. Дубовиченко замечают, что заключение специалиста не требует исследования, каковое положение отражено в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» и в научной литературе [4, с. 45]. Исследовательская часть для заключения специалиста действительно законом не предусмотрена (ст. 87.1 АПК РФ, ч. 3 ст. 80 УПК РФ, ст. 50 КАС РФ). Но это не значит, что специалисты права не аргументируют в заключениях свои выводы и оценки анализом, т.е. исследованием нормативных и иных правовых актов. Другое дело, что в судебных актах часто нет опровержения исследований, изложенных в заключениях, немотивированно отвергаемых [25, с. 17–21].

Приведенные заключения были представлены в делах в форме актов специалиста, хотя по содержанию они отвечали требованиям закона к заключениям экспертиз. В них были указаны как общенаучные методы исследования, присущие известным видам судебных экспертиз, так и частнонаучные методы исследования правовых актов, позволяющие проверить выводы эксперта о выявленных им в текстах правовых актов юридических конструкциях. Поэтому фактически необоснованным представляется следующее суждение А.А. Барыгиной и С.В. Дубовиченко: «В настоящее время отсутствует методика так называемой правовой судебной экспертизы. Методика не может заключаться в перечислении общенаучных методов исследования, в ней должны быть сформулированы алгоритмы исследовательских операций, которые предоставляют возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов другими экспертами» [4, с. 45]. Другое дело, что методика правотворческой и правоприменительной правовой экспертизы требует развития, чему в том числе посвящаются ежегодные научно-практические форумы «Юртехнетика» [26; 27; 28; 29].

Выводы специалистов права облакаются в форму заключения специалиста, а не экспертного заключения не потому, что они не основаны на исследованиях правовых актов, а потому что даны не на основании постановления о назначении экспертизы.

По уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 169 УК РФ, в деяниях должностных лиц органа местного самоуправления (ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя в нарушение вступившего в законную силу судебного акта), следователь вынес постановление о назначении правовой экспертизы. Она была назначена с целью получить прямые ответы на вопрос, есть ли в документах многолетней переписки сторон — индивидуального предпринимателя и органов местного самоуправления (споры между ними в нескольких делах решал арбитражный суд) объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 169 УК РФ. Экспертами, однако, при назначении экспертизы были предложены вопросы с ограничением своей компетенции:

1. Относительно каких обстоятельств, предусмотренных ст. 169 УК РФ, выводы 34 судебных актов арбитражных судов по 8 делам имеют преюдициальное значение?

2. Являются ли 28 документов органов местного самоуправления правовыми актами? Если да, то к какому виду правовых актов они относятся и отвечают ли требованиям, предъявляемым к соответствующему виду правовых актов?

3. Есть ли противоречия между документами, указанными в п. 2, и судебным актами, указанными в п. 1?

Предмет исследования в этом деле был иной, чем в предыдущих примерах. Необходима была оценка индивидуальных правовых актов, являющихся обстоятельствами дела, но производимая теми же специально-правовыми методами исследования объективных текстов документов без проверки их подлинности и авторства. Поэтому такое исследование было решением вопросов права, а не фактов.

Заключение экспертизы было представлено на 61 листе с приложением двух таблиц по 9 листов. В его основу был положен анализ документов органов местного самоуправления о наличии/отсутствии в правовых актах по вопросу о включении в дислокацию (схему) размещения стационарных объектов мелкокоррозийной сети сведений, соответствующих требованиям к правовым актам органов местного самоуправления данного вида.

На эти правовые вопросы следователь должен был дать самостоятельный ответ. Но он не посчитал зазорным усомниться в своих знаниях и получить помощь специалистов теории права и уголовного права.

В Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусмотрено заключение эксперта (ст. 63). Конституционный Суд РФ решает вопросы права, но не фактов (ст. 86, 90, 94, 99, 104, 104.3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, за исключением дел, предусмотренных гл. XV). Для решения дел Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно привлекал для участия в деле в качестве экспертов именно правоведов, хотя судьи КС РФ практически все — известные ученые. Разумеется, что эксперты в вопросах права не должны подменять правоприменителя. Компетенция и ответственность каждой из этих сторон должны быть четко разграничены.

Допуская проведение правовых экспертиз по делам с применением технических норм права, многие авторы фактически пишут об индивидуально определяемых обстоятельствах по делу, соответствующих этим нормам. Строго говоря, это правовой вопрос, который должен решать правоприменитель с учетом особенностей рассматриваемого дела.

В законодательстве многие юридические факты выражены абстрактными понятиями (оценочными формулировками). «Индивидуальное регулирование приводит к тому, что к процессу правового регулирования «подключаются» фактические обстоятельства, которые не определены с достаточной отчетливостью в нормах права. Эту группу фактических обстоятельств можно назвать индивидуально определяемыми (или относительно определенными) фактами. <...> Их особенность заключается в том, что они требуют не только установления, как любые юридические факты, но еще и конкретизации со стороны правоприменительного органа» [18, с. 690–691]. Для этого требуется оценка фактических обстоятельств дела как по отдельности, так и в совокупности, что является ис-

ключительной прерогативой суда. Поэтому в заключении специалиста может быть указан только установленный по тексту нормативного правового акта (иной формы права) юридический факт, выраженный абстрактными понятиями (оценочными формулировками). Но определение образующих его конкретных юридических фактов, требующих индивидуального определения с учетом особенностей спорных правоотношений, находится за пределами возможностей и компетенции специалиста.

Тем более за пределами возможностей и компетенции эксперта права находится установление существования названного участниками дела фактического обстоятельства в действительности. По содержанию правоприменительного акта эксперт может лишь определить, указаны или нет доказательства наличия или отсутствия обстоятельств, но не обоснованность подтверждения указанным доказательством наличия или отсутствия обстоятельства.

Таким образом, вопросы факта и его доказывания не должны ставиться перед специалистом при назначении правовой экспертизы, поскольку для этого необходимо непосредственное исследование доказательств, что является исключительной прерогативой правоприменителя. Объектом экспертного исследования могут быть материалы дела (ст. 10 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ). Но изучения материалов дела экспертом недостаточно для реализации принципа непосредственного исследования доказательств судом (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, ч. 1 ст. 71 АПК РФ, ч. 1 ст. 240 УПК РФ, ч. 1 ст. 84 КАС РФ, ст. 26.11 КоАП РФ).

В понятии «правовая экспертиза», как и в понятии «судебная экспертиза», нет указания на субъект, назначающий экспертизу. В то же время «правовая экспертиза» уже самим названием подразумевает объект и предмет экспертизы — правовые акты и их содержание. Из положений законодательства о судебных экспертизах (не по вопросам права) их объект и предмет несовместимы с объектом и предметом правовой экспертизы.

Итак, объектом правовой экспертизы по юридическим делам следует считать тексты правовых актов, а ее предметом — логические нормы права и их элементы, формальную определенность правовых предписаний, виды правовых актов, иные вопросы права, требующие решения для определения эталона поведения участников юридического конфликта, решаемого судом. Сведения об этих вопросах являются сведениями о фактах — существенном признаке понятия «доказательство», легальное определение которого приведено выше. Но сведениями о фактах особого рода, содержащихся в правовом акте (юридических фактах для неопределенного круга лиц), а не выраженных в поступках людей (действиях) или природных явлениях (событиях) — фактических обстоятельствах конкретного дела, которые при решении юридического дела соотносятся с юридическими фактами. Поэтому заключение правовой экспертизы следует считать доказательством «иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела», устанавливаемых методами исследования правовых актов: формально-догматическим, сравнительно-правовым, методом выявления юридических конструкций, прежде всего логических норм права и их элементов, способами и приемами толкования права и др.

По мнению А.А. Барыгиной и С.В. Дубовиченко, разграничение объекта и предмета правовой экспертизы и экспертизы судебной снимает вопрос о конкуренции этих экспертиз: «На наш взгляд, абсолютно недопустимо один вид доказательства в правоприменительной практике подменять другим видом до-

казательств и придавать им более веское значение в системе доказательств по уголовному делу, каковыми, как мы показали, являются заключения эксперта по правовым вопросам и специалиста (показания специалиста) в области права» [4, с. 45].

Оценка заключений правовых и неправовых судебных экспертиз должна осуществляться по единым правилам: никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Заключение эксперта для суда необязательно и оценивается судом по общим правилам. Несогласие суда с заключением должно быть мотивировано в решении или определении суда. Результаты оценки доказательств суд обязан отразить в решении, где должны быть приведены мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, в то время как другие судом отвергнуты, а также указаны основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (ч. 2 и 4 ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ, ч. 5 и 7 ст. 71, ч. 3 ст. 86 АПК РФ, ч. 2 ст. 17 УПК РФ, ч. 8 ст. 82, ч. 2 и 8 ст. 84 КАС РФ).

Другое дело, что суд (либо другой правоприменитель) может и должен дать более глубокую оценку исследовательской части заключения правовой экспертизы сравнительно с исследовательской частью других судебных экспертиз.

Отсутствие в процессуальном законодательстве разных видов судопроизводств прямых предписаний о назначении экспертиз по вопросам права (кроме положений ст. 14 АПК РФ и ст. 1191 ГК РФ о привлечении экспертов при рассмотрении дел с применением норм иностранного права) при наличии запретов только для оценки доказательств, исходя из целей правильного решения юридических дел, следует считать пробелом в законе. Для его устранения предлагается внести в статьи процессуальных кодексов о назначении экспертиз (в ч. 1 ст. 79 ГПК РФ, ч. 2 ст. 82 АПК РФ, ч. 1 ст. 80 УПК РФ, ч. 1 ст. 77 КАС РФ) следующие положения: «При возникновении в процессе рассмотрения дела споров о фактических составах, предусмотренных нормами права, на которые ссылаются участники дела и подлежащими применению по мнению суда, о коллизии норм права, на которые ссылаются участники дела, о пробелах в законодательстве и для решения иных вопросов права по делу может быть назначена правовая экспертиза, поручаемая специалистам права. В предмет правовой экспертизы не могут входить вопросы оценки деяний и соответствия фактических обстоятельств дела нормам права». Такое дополнение не требует изменений и дополнений иных норм о назначении и проведении судебных экспертиз, которым правовые экспертизы в юридическом деле должны соответствовать.

Библиографический список

1. Поляков С.Б. Экспертиза индивидуальных правовых актов как средство повышения эффективности правоприменения // Эффективность юридических процедур: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 20–21 мая 2015 г.) / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 557–565.
2. Поляков С.Б. Объективные следы коррупции в судебных актах // Адвокат. 2017. № 1. С. 12–19.
3. Поляков С.Б. Диагностика правосознания правоприменителей: учебное пособие. Пермь, 2017. 357 с.
4. Барыгина А.А., Дубовиченко С.В. Перспективы использования правовых знаний в доказывании по уголовным делам // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 40–46.

5. *Гетманова А.Д.* Логика для юристов. Со сборником задач: учебное пособие. М., 2012. 344 с.
6. *Россинская Е.Р.* Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 32–43.
7. *Корухов Ю.* Допустимы ли правовые и юридические экспертизы в уголовном процессе // Законность. 2000. № 1. С. 39–40.
8. *Марьясов К.В.* Правовые риски перехода к цифровому обществу и цифровой экономике в условиях современной России // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 728–733.
9. *Петрухин И.Л.* Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. 266 с.
10. *Кудрявцева А., Лившиц Ю.* Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 36–38.
11. *Щепалов С.В.* Дискреционные приемы при судебном толковании административного законодательства // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 33–38.
12. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» / под ред. П.А. Кабанова. Казань, 2010. 100 с.
13. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (в аспекте современной экспертологии): учебное пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2014. 224 с.
14. *Баранов В.М., Поляков С.Б.* Правовая экспертиза изменений действующего российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 135–151.
15. *Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. 41 с.
16. *Бабаев В.К.* Логические проблемы социалистического права: дис. ... д-ра юрид. наук. Горький, 1980. 389 с.
17. *Алексеев С.С.* Общая теория права: курс в 2 т. М., 1982. Т. 2. 359 с.
18. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х т. / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 2: Право. 816 с.
19. *Филимонова А.И., Кулакова О.С.* Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец? // Российский судья. 2021. № 7. С. 7–12.
20. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
21. *Баранов В.М.* Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.
22. *Гаухман Л.* Нужна правовая экспертиза по уголовным делам // Законность. 2000. № 4. С. 21–24.
23. *Порохнина А.А.* Алгоритм толкования права в правоприменительной деятельности: выпускная квалификационная работа магистра. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. 135 с.
24. Операции толкования права: учебно-методическое пособие / В.С. Благодарева [и др.]; под ред. С.Б. Полякова. Пермь, 2021. 70 с.
25. *Поляков С.Б.* Оценка судом заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 17–21.
26. Юридическая техника: Ежегодник. 2013. № 7. Ч. 2: материалы XIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине» (Н. Новгород, 27–28 сентября 2012 г.) / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Кириллица, 2013. 920 с.
27. Юридическая техника: Ежегодник. 2015. № 9: материалы XVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Стратегия, тактика, техника

законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)» (Н. Новгород, 25–27 сентября 2014 г.) / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Кириллица, 2015. 851 с.

28. Юридическая техника: Ежегодник. 2017. № 11: материалы XVIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления» (Н. Новгород, 22–23 сентября 2016 г.) / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Кириллица, 2017. 762 с.

29. Юридическая техника: Ежегодник. 2022. № 16: материалы XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 г.) / гл. ред. В.М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. 686 с.

References

1. *Polyakov S.B.* Examination of Individual Legal Acts as a Means of Increasing the Effectiveness of Law Enforcement // Efficiency of Legal Procedures: Theory, Practice, Technique: collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, May 20-21, 2015)/under the general editorship of V.A. Tolstik N.Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. P. 557–565.

2. *Polyakov S.B.* Objective Traces of Corruption in Judicial Acts // Lawyer. 2017. No. 1. P. 12–19.

3. *Polyakov S.B.* Diagnostics of the Legal Consciousness of Law Enforcement Officers: a textbook. Perm, 2017. 357 p.

4. *Barygina A.A., Dubovichenko S.V.* Prospects of Using Legal Knowledge in Proving Criminal Cases // Russian Justice. 2022. No. 3. P. 40–46.

5. *Getmanova A.D.* Logic for Lawyers. With a collection of tasks: textbook. M., 2012. 344 p.

6. *Rossinskaya E.R.* Special Knowledge and Modern Problems of Their Use in Legal Proceedings // Journal of Russian Law. 2001. No. 5. P. 32–43.

7. *Korukhov Yu.* Are Legal and Legal Expertise Permissible in Criminal Proceedings // Legality. 2000. No. 1. P. 39–40.

8. *Maryasov K.V.* Legal Risks of Transition to a Digital Society and Digital Economy in the Conditions of Modern Russia // Yuridicheskaya tekhnika. 2019. No. 13. P. 728–733.

9. *Petrukhin I.L.* Expertise as a Means of Proof in the Soviet Criminal Process. M., 1964. 266 p.

10. *Kudryavtseva A., Livshits Yu.* Evidentiary Value of “Legal” Examinations in Criminal Proceedings // Russian Justice. 2003. No. 1. P. 36–38.

11. *Shchepalov S.V.* Discretionary Techniques in Judicial Interpretation of Administrative Legislation // Russian justice. 2018. No. 7. P. 33–38.

12. Scientific and Practical Commentary on the Federal Law “On Anticorruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts” / edited by P.A. Kabanov. Kazan, 2010. 100 p.

13. Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts (in the aspect of modern expert science): studies. manual / ed. by E.R. Rossinskaya. M., 2014. 224 p.

14. *Baranov V.M., Polyakov S.B.* Legal Examination of Changes in the Current Russian Legislation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 3 (110). P. 135–151.

15. *Pigolkin A.S.* Theoretical Problems of Law-Making Activity in the USSR: extended abstract of dis. ... doc. of law. M. 1972. 41 p.

16. *Babaev V.K.* Logical problems of socialist law: dis. ... doc. of law. Gorky, 1980. 389 p.

17. *Alekseev S.S.* General Theory of Law: course in 2 vol. M., 1982. Vol. 2. 359 p.

18. General Theory of State and Law. Academic course in three volumes / ed. by M.N. Marchenko. 3rd ed., reprint. and additional. M., 2007. Vol. 2: Law. 816 p.
19. *Filimonova A.I., Kulakova O.S.* Who Is the Court: the Legal Interpreter or the Lawmaker? // Russian judge. 2021. No. 7. P. 7–12.
20. *Syrykh V.M.* History and Methodology of Legal Science: textbook. M.: Norm: INFRA-M., 2012. 464 p.
21. *Baranov V.M.* Normwriter as a Profession // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 6. P. 16–29.
22. *Gaukhman L.* Need Legal Expertise in Criminal Cases // Legality. 2000. No. 4. P. 21–24.
23. *Porokhnina A.A.* Algorithm of Interpretation of Law in Law Enforcement Activity: Master's Final Qualifying Work. Perm: Perm State National Research University, 2018. 135 p.
24. Operations of Interpretation of Law: textbook. method. manual / V.S. Blagodareva [et al.]; edited by S.B. Polyakov; Perm Branch of the National Academy of Sciences. research. Higher School of Economics Univ. Perm, 2021. 70 p.
25. *Polyakov S.B.* Evaluation by the Court of a Specialist's Opinion (Part 3 of Article 80 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) // Criminal proceedings. 2018. No. 3. P. 17–21.
26. Legal Technique: Yearbook. 2013. No. 7. Part 2: materials of the XIV International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic: "Legal Construction in Law-Making, Implementation, Doctrine" (Nizhny Novgorod, September 27-28, 2012) / Chief editor prof. V. M. Baranov. Nizhny Novgorod: "Cyrillic", 2013. 920 p.
27. Legal Technique: Yearbook. 2015. No. 9: materials of the XVI International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic: "Strategy, Tactics, Technique of Lawmaking (Interrelation, Innovative Achievements, Mistakes)" (Nizhny Novgorod, September 25–27, 2014) / Chief editor prof. V.M. Baranov. Nizhny Novgorod: "Cyrillic", 2015. 851 p.
28. Legal Technology: Yearbook. 2017. No. 11: materials of the XVIII International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic: "Collisions of Legislative, Interpretative, Law Enforcement Acts: Doctrine, Practice, Technique of Overcoming" (Nizhny Novgorod, September 22–23, 2016) / Editor-in-chief prof. V.M. Baranov. Nizhny Novgorod: Cyrillic, 2017. 762 p.
29. Legal Technique: Yearbook. 2022. No. 16: materials of the XXIII International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic: "Law-Making Expertise (Doctrine, Practice, Technique)" (Nizhny Novgorod, September 22–25, 2021) / Chief editor prof. V.M. Baranov. Nizhny Novgorod: UNICOPI, 2022. 686 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-36-40

УДК 340.132, 343.985.8

М.С. Десятов

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ: УНИКАЛЬНОСТЬ В ДЕТАЛЯХ

Введение: проблематика профессионального правосознания сотрудников оперативных подразделений полиции является актуальной и малоизученной темой, требующей пристального внимания ученых. Исследования, проведенные до настоящего времени, затрагивают, как правило, общетеоретические вопросы правосознания правоприменителей в целом, в то время как правоприменение в оперативно-разыскной сфере обладает собственной неповторимой спецификой, что качественно влияет на формирование и развитие профессионального правосознания оперативных сотрудников полиции. **Цель:** выявить специфические особенности профессионального правосознания сотрудников оперативных подразделений. **Методологическая основа:** опрос оперативных сотрудников и их руководителей, слушателей и курсантов образовательных организаций МВД России, лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям; изучение архивных дел оперативного учета; метод идеализации; метод абстрагирования. **Результаты:** выдвигается гипотеза о том, что профессиональное правосознание сотрудников и руководителей оперативных подразделений принципиально отличается от правосознания правоприменителей в иных сферах, что обусловлено преимущественно тайным характером действий, применением специфического нормативного правового регулирования, имеющего ограниченный круг обращения, строго определенного числа лиц, допущенных к работе с государственной тайной и обеспечивающих контроль и надзор за законностью правоприменительной деятельности; перманентным соприкосновением с криминальным контингентом в условиях неочевидности правоприменительной деятельности. **Выводы:** доказывается, что профессиональное правосознание сотрудников и руководителей оперативных подразделений качественно отличается от правосознания иных правоприменителей. Факторами, влияющими на особенности правосознания сотрудников оперативных подразделений являются: готовность сотрудников к правовым компромиссам, тайный характер правоприменения, превалирование группового правосознания, ограниченный характер правоприменительной деятельности, что формирует усеченное целеполагание влияющее на правосознание.

Ключевые слова: правосознание, сотрудники оперативных подразделений, оперативно-разыскная деятельность, право, правопорядок.

M.S. Desyatov

PROFESSIONAL LEGAL AWARENESS OF EMPLOYEES OF OPERATIONAL POLICE UNITS: UNIQUENESS IN DETAILS

Background: the problem of professional legal awareness of police operational units is an urgent and little-studied topic that requires the close attention of scientists. The research conducted so far, as a rule, touches on general theoretical issues of the legal awareness of law enforcement officers in general, while law enforcement in the operational-investigative sphere has its own unique specifics, which qualitatively affects the formation and development of professional legal awareness of operational police officers. **Objective:** to identify the specific features of the professional legal awareness of the employees of operational units. **Methodology:** survey of operational staff and their supervisors, trainees and cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, persons providing confidential assistance to operational units; study of archival files of operational accounting; idealization method; abstraction method. **Results:** the hypothesis is put forward that the professional legal awareness of employees and heads of operational units is fundamentally different from the legal awareness of law enforcement officers in other areas, which is mainly due to the secret nature of actions, the use of specific regulatory legal regulation having a limited range of treatment, a strictly defined number of persons admitted to work with the state secret and providing control and supervision over the legality of law enforcement activities; permanent contact with the criminal contingent in the conditions of non-obviousness of law enforcement activity. **Conclusions:** it is proved that the professional legal awareness of employees and heads of operational units is qualitatively different from the legal awareness of other law enforcement officers. The factors influencing the peculiarities of the legal awareness of employees of operational units are: the willingness of employees to legal compromises, the secret nature of law enforcement, the prevalence of group legal awareness, the limited nature of law enforcement activities, which forms a truncated goal-setting that affects legal awareness.

Key-words: legal awareness, employees of operational units, operational investigative activities, law, law and order.

Профессиональное правосознание лишь тогда можно считать правильно сформированным и развитым, когда в его основу заложены правовые ценности и ориентиры, способные его корректировать, совершенствовать, исключая или минимизируя появление рисков профессиональной деформации. Думается, в этом отношении в рамках проводимого исследования применительно к оперативно-разыскной деятельности недостаточно знать, что собой представляет собственно правовое сознание, в том числе уже сформированное или еще формируемое (в обоих случаях — это результат определенных созидательных процессов). На наш взгляд, важны и сами процессы формирования именно профессионального правового сознания, анализ которых позволит уяснить закономерности, проблемы и пути развития подготовки правоприменителей в оперативно-разыскной сфере.

Особое значение правосознания объясняется его взаимосвязью с правом и влиянием на состояние правопорядка в обществе. Известный философ Иван Александрович Ильин, подчеркивая роль правосознания писал: «...право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой, а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную осно-

ву и объективную верность...», «...правосознание не мыслимо без личности, без человеческой духовности, а оно предполагает человеческое уважение к праву» [1, с. 99].

Правосознание формируется в результате анализа правовой реальности, сопоставления различных фактов, является результатом логического, абстрактного мышления, осуществляемого в теоретических государственно-правовых понятиях на основе, научных методов познания, а также на основе определенных психических процессов, состояний и свойств, среди которых огромную роль играет отношение к изучаемому правовому явлению и получаемому знанию о нем [2, с. 84].

Проблемы правосознания достаточно давно изучаются представителями различных научных направлений [3; 4; 5; 6; 7], однако в оперативно-разыскной сфере деятельности полиции данная проблематика остается практически не исследованной.

Уместно отметить, что в теории права этому вопросу посвящено значительное количество работ, в которых авторские позиции имеют схожую природу [8; 9; 10]. Нельзя сказать, что позиции ученых не имеют под собой основы, однако прослеживается определенная степень «оторванности» от предмета исследования, отсутствие специфики формирования профессионального правосознания именно оперативных сотрудников. В то же время в оперативно-разыскной науке этой тематике уделено незначительное внимание, а проблема собственно факторов, влияющих на формирование правосознания, осталась не изученной.

Главным субъектом оперативно-разыскного правоприменения является представитель государственной власти — сотрудник оперативного подразделения полиции. Именно органами внутренних дел выявляется и раскрывается до 94% преступлений от общего числа зарегистрированных. В любой оперативно-разыскной ситуации сотрудник оперативного подразделения полиции воспринимает информацию и принимает решение исходя не только из предписаний закона, но и собственных представлений о должном. То есть правовое решение основывается, в том числе, и на его правосознании, от уровня развития которого во многом зависит законность и эффективность конкретных действий в условиях разрешения правовой ситуации.

Изучение оперативно-разыскной практики полиции показало, что правосознание сотрудников оперативных подразделений уникально и существенно отличается от правосознания иных участников оперативно-разыскного процесса, в том числе должностных лиц. Обобщение результатов исследования¹ позволяет выделить следующие позиции:

1. Готовность к правовым и тактическим компромиссам в сложных оперативно-тактических ситуациях. В отличие от правоприменителей иных категорий сотрудники оперативных подразделений полиции обладают внутренней убежденностью в необходимости прецедентного подхода к каждой возникающей ситуации, которая сопровождается индивидуальным набором характеристик.

¹Опрошено 682 сотрудника (руководителя) оперативных подразделений ОВД из 27 субъектов Российской Федерации, 693 обучающихся образовательных организаций высшего образования МВД России; проведено интервьюирование 57 сотрудников и руководителей оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы России, более 130 лиц, оказывающих конфиденциальное сотрудничество (содействие); изучено 412 архивных дел оперативного учета и 124 уголовных дела.

Их анализ позволяет правоприменителю оценить не только правовую, но и тактическую стороны сложившейся правовой ситуации, прогнозируя ее развитие. В итоге, как показывают результаты исследования, сотрудники оперативных подразделений полиции демонстрируют готовность к правовым и тактическим компромиссам, если убеждены в необходимости и целесообразности таких действий в установленных законом пределах.

2. Ориентация на преимущественно тайный характер правоприменения. В отличие от иных правоприменителей, сотрудники оперативных подразделений полиции на протяжении всего оперативно-разыскного процесса осознают и активно используют преимущественно негласный характер своих действий. Действия и решения следователя находятся под пристальным вниманием значительного числа субъектов (адвокат, прокурор, судья и др.). Осознание этого факта заставляет взвешено относиться к правоприменительным решениям. Правоприменители в оперативно-разыскной сфере в большинстве случаев скрывают факт проведения как отдельных мероприятий, так и оперативных проверок (разработок). Фактически прокурорский надзор и ведомственный контроль обращены к уже свершившимся событиям, что предполагает перманентный самоконтроль, осуществляемый субъектами ОРД, оказывающий непосредственное воздействие на развитие позитивного профессионального правосознания.

3. Приоритет группового правосознания. Правоприменение в оперативно-разыскной деятельности, как правило, связано с деятельностью не одного, а нескольких должностных лиц. Это обусловлено как требованиями безопасности, например, при проведении операций по задержанию преступника, так и организационно-тактическими особенностями проведения оперативных комбинаций, сложных оперативно-разыскных мероприятий, таких как, например, оперативный эксперимент. Одной из особенностей оперативно-разыскной деятельности является коллективное обсуждение с участием опытных сотрудников и руководителей подразделений различных вопросов относительно правовой основы проводимых мероприятий, вариантов решений и использования имеющихся сведений и т.д., в результате чего групповое правосознание превалирует над индивидуальным. Это происходит под влиянием как объективных, обозначенных ранее процессов, так и субъективных, таких как наличие в коллективе субординации, кастовости, традиций и устоев.

4. Усеченность правоприменительной деятельности. В настоящее время роль оперативно-разыскной деятельности фактически сведена к обеспечению расследования, а оперативно-разыскные данные являются необходимым, и порой единственным средством обоснования позиции обвинения при избрании меры пресечения и решении иных вопросов в судебном заседании в ходе досудебного производства. Вместе с тем сегодня можно говорить об участии сотрудников оперативных подразделений преимущественно лишь на начальных стадиях уголовного судопроизводства, что формирует усеченное целеполагание правоприменительной деятельности, влияющее на профессиональное правосознание. Фактически завершая свое участие на стадии вынесения обвинительного заключения, сотрудники оперативных подразделений полиции не участвуют в привлечении лица к уголовной ответственности, назначении ему наказания. Иными словами — конечный результат для них зачастую не виден.

В заключение можно сделать вывод, что сотрудник оперативного подразделения полиции воспринимает информацию и принимает решение исходя не

только из предписаний закона. Правовое решение основывается на правосознании сотрудника, от уровня развития которого во многом зависит законность и эффективность конкретных действий в условиях разрешения правовой ситуации. Разумеется, приведенный перечень особенностей не носит исчерпывающий характер. Дальнейшему исследованию проблемы может способствовать учет особенностей правосознания сотрудников оперативных подразделений в сочетании с индивидуальными личными и деловыми качествами, психологическими особенностями, уровнем профессиональных знаний, умений и навыков.

Библиографический список

1. Ильин И.А. О сущности правосознания: в 2 т. М., 1993. Т. 1. 235 с.
2. Гладких М.В. Понятие индивидуального правосознания в свете психоаналитической теории: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 181 с.
3. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 349 с.
4. Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 22 с.
5. Кудрявцев В.Н. Правосознание юриста // Советская юстиция. 1974. № 10. С. 3–4.
6. Луговик В. Ф., Давыдов С.И., Пономаренко О.Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения. Барнаул, 2007. С. 26–43.
7. Сафронов В.В. Правосознание гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 242 с.
8. Баранов П.П. Проблемы теории правосознания и правового воспитания. Ростов н/Д, 2005. 377 с.
9. Коноплева И.Н., Калягин Ю.С. Формирование правосознания и личности юриста в вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3. С. 25–28.
10. Лаптева О.И. Особенности формирования профессионального правосознания юриста // Наука и современность. 2011. № 10. С. 262–267.

References

1. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness: in 2 vol. M., 1993. Vol. 1. 235 p.
2. Gladkikh M.V. The concept of individual legal consciousness in the light of psychoanalytic theory: dis. ... cand. jurid. sciences'. Stavropol, 2004. 181 p.
3. Bayniyazov R.S. Legal consciousness and legal mentality in Russia: dis. ...Dr. jurid. M., 2006. 349 p.
4. Maksimova I.M. Legal consciousness as a source of legal behavior of a person: abstract. dis. ... cand. jurid. Nauk. N. Novgorod, 2005. 22 p.
5. Kudryavtsev V.N. Legal awareness of a lawyer // Soviet justice. 1974. No. 10. P. 3–4.
6. Lugovik V.F., Davydov S.I., Ponomarenko O.N. Operational investigative support of the state prosecution. Barnaul, 2007. P. 26–43.
7. Safronov V.V. The legal consciousness of a citizen: dis. ... cand. jurid. sciences'. Krasnoyarsk, 2004. 242 p.
8. Baranov P.P. Problems of the theory of legal consciousness and legal education. Rostov n/A, 2005. 377 p.
9. Konopleva I.N., Kalyagin Yu.S. Formation of legal consciousness and personality of a lawyer at a university // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2010. No. 3. P. 25–28.
10. Lapteva O.I. Features of the formation of professional legal consciousness of a lawyer // Science and modernity. 2011. No. 10. P. 262–267.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-41-53

УДК 340.13; 34.03

А.Г. Репьев

ПРАВОВЫЕ ОБЕЩАНИЯ И ЗАКОННЫЕ ОЖИДАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ МОДЕЛИ ОБЩЕРЕГУЛЯТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Введение: автором, на основе положений законодательства, правоприменительной практики и юридической доктрины, предпринята попытка анализа феноменов «правовое обещание» и «законное ожидание» сквозь призму модели общерегулятивных правоотношений. Базируясь на лингвистическом, общенаучном и общетеоретическом восприятии связи терминов «обещание» — «ожидание», изучается их влияние на правовое регулирование общественных отношений, реализацию прав и законных интересов граждан. **Цель:** уточнить общеправовое понимание модели общерегулятивных правоотношений посредством определения в ней места и роли правовых обещаний и законных ожиданий, а также предложить пути снижения рискогенности появления обманутых ожиданий и подрыва доверия к праву. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования, совокупность диалектического и системного методов познания, формально-юридический подход, метод интерпретации. **Результаты:** выдвигается тезис, что несмотря на относительно устоявшуюся доктрину законных ожиданий в международном праве, данный феномен не исследовался на фундаментальном уровне в рамках отечественной правовой науки. Аргументируется положение, что соответствие правовых обещаний и законных ожиданий друг другу, их корреляция, обеспечивают такой системообразующий государственно-правовой феномен как доверие. **Выводы:** на основе общесоциального, философско-правового, формально-юридического восприятия феномена «ожидание», определена его юридическая природа, сформулирована дефиниция, показано значение в ракурсе повышения эффективности правотворческого и правореализационного процессов, выявлены дефекты и риски, образующиеся вследствие отсутствия эквивалентной связи между правовыми обещаниями и законными ожиданиями.

Ключевые слова: законное ожидание, правовое обещание, юридическая обязанность, законный интерес, правовой статус, модель, эксперимент, опыт, доверие.

A.G. Repyev

LEGAL PROMISES AND LEGAL EXPECTATIONS AS COMPONENTS OF THE MODEL OF GENERAL REGULATORY LEGAL RELATIONS

Background: the author, based on the provisions of legislation, law enforcement practice and legal doctrine, attempted to analyze the phenomena of “legal promise” and “legal expectation” through the prism of the model of general regulatory legal relations.

© Репьев Артем Григорьевич, 2023
Доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Академия управления МВД России); e-mail: repyv-artem@yandex.ru
© Repyev Artem Grigoryevich, 2023
Doctor of Law, Professor, State and Legal Disciplines Department (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Based on the linguistic, general scientific and general theoretical perception of the combination of terms “promise” - “expectation,” their influence on the legal regulation of public relations, the implementation of the rights and legitimate interests of citizens is studied. Objective: to clarify the general legal understanding of the model of general regulatory legal relations by determining the place and role of legal promises and legitimate expectations in it, as well as to propose ways to reduce the riskiness of the appearance of deceived expectations and undermine confidence in law. Methodology: general scientific and private research methods, a set of dialectical and systemic methods of cognition, a formal-legal approach, an interpretation method. Results: the thesis is put forward that despite the relatively established doctrine of legitimate expectations in international law, this phenomenon has not been studied at the fundamental level within the framework of domestic legal science. It is argued that the compliance of legal promises and legitimate expectations with each other, their correlation, provide such a system-forming state-legal phenomenon as trust. Conclusions: based on the general social, philosophical and legal, formal and legal perception of the phenomenon “expectation,” its legal nature is determined, a definition is formulated, the value is shown in the view of increasing the effectiveness of legal and legal implementation processes, defects and risks are identified due to the lack of an equivalent connection between legal promises and legal expectations.

Key-words: legal expectation, legal promise, legal duty, legal interest, legal status, model, experiment, experience, trust.

*«Обещать — не значит жениться»
(русская поговорка)*

Юридическая печать за последние годы весьма показательно характеризует интерес профессионального сообщества к проблематике правовых отношений. Труды ученых и практиков обращают внимание как на консервативный аспект (относительно общеправового понимания отношений в праве в самом широком значении данного явления), так и инновационные моменты тематики диалектической связи социальных отношений и права, их взаимодействия. Полагаем, что формируемые государством задачи науки должны быть соизмеримы с потребностями, ощущаемыми обществом, которые могут быть разрешены при помощи юридического знания. В этой связи обращает на себя внимание категория общерегулятивных правоотношений, претерпевающая заметные изменения в свете реалий сегодняшнего дня.

Процессы трансформации интересов государства, изменения экономических основ его функционирования (обусловленные как последствиями коронавирусной инфекции, так и новыми глобальными вызовами санкционного давления), предопределяют актуальность исследования вопросов соотношения планируемого и реального правового взаимодействия, соизмерения добровольно взятых на себя юридических обязательств и результатов их воплощения в жизнь. Иными словами, в условиях кризисных явлений в государстве и праве, частичной утраты доверия к ним со стороны населения как к универсальным регуляторам общественных отношений, назрела необходимость обращения к вопросам определения социально-юридической природы и механизма действия правовых обещаний, в том числе, при сопоставлении с планируемыми, обоснованными ожиданиями в рамках складывающихся правоотношений. Тем более, что до настоящего времени предпринимались лишь фрагментарные попытки исследования данной правовой сферы [1].

Мы не хотим углубляться в дискуссию относительно определения юридической природы, формы и содержания правоотношения в праве, поскольку в рамках настоящей публикации предполагается рассмотрение данного явления в самом общем виде, синонимично отношениям между субъектами, опосредуемым правом (о модели общерегулятивных правоотношений, участниками которых являются все субъекты писал например С.С. Алексеев) [2, с. 272–274], но применительно к идеальной форме и содержанию, т.е. мысленно созданной структуре, воспроизводящей определенную часть правовой действительности. Следует сказать, что в числе первых авторов, обратившихся к проблематике моделирования в правоотношениях были Р.О. Халфина, Ю.И. Гревцов [3, с. 76] и др.

Первая отмечала, что модель правоотношения, предусмотренная нормой права, может совпадать с реальным взаимодействием, но может и нет, поскольку норма права, закрепляя модель правового отношения, воплощает лишь основные его черты [4, с. 35]. При этом относительно структуры правоотношения (как и его идеальной модели) сходятся абсолютное большинство авторов, считая основными элементами: права и юридические обязанности. Однако связующий между ними компонент — юридическое взаимодействие, — часто выпадает из поля зрения ученых. Выдвинем гипотезу, что подобное взаимодействие осуществляется не только через поведение, но и его ожидание, т.е. определенное субъективное состояние участников. Сказанное объясняется тем, что возможное (и должное) поведение далеко не всегда идентичны друг другу, абстрактные права и обязанности, предусмотренные правовой нормой, могут расходиться с реальным поведением людей.

Профессор Н.И. Полищук обратил внимание на закономерность возникновения правового отношения, заключающуюся в наличии, помимо прав, обязанностей, юридического факта, — «объективно-субъективного состояния» [5, с. 10]. Обратившись к работам классиков теоретико-правовой науки, отмечавшим допустимость существования фактов-состояний (Я.Л. Явич, Н.Л. Гранат и др.), позволим себе предположить присутствие в общерегулятивных правоотношениях такого компонента как ожидание, гипотетически предполагающего дальнейшее наступление правовых последствий. При этом данный тезис основывается на анализе доктринальных источников, в рамках которых авторы уже предпринимали попытку юридизировать социальный феномен «ожидание».

К сожалению, работы ученых, использующих термин «ожидание» обособленно либо в связке с качественными прилагательными (законные, разумные, обоснованные) не всегда отличаются содержательным анализом данного феномена [6] (за редким исключением [7]), либо допускают мысль о восприятии его как части более широкой конструкции «правомерные ожидания» [8, с. 16]. Доктрина «законных ожиданий», весьма обстоятельно разработанная в международном праве (во многом благодаря таким ученым и практикам, как А. Бланкенагель, М. Вольф, А. Деннинг, П. Крейг, К. Ларенц, М. Сигрон, Р. Томас и др.), получила некоторое отражение в трудах отечественных представителей отраслевой науки [9; 10], в основном через призму исследования принципа доверия к закону и действиям государства [11].

Обобщая позиции ученых по данному вопросу, позволим себе предположить, что феномен «ожидание» в праве основан на каком-либо постулировании, декларировании либо конкретном обещании чего-либо, изложенном в правовом акте государства, что порождает у адресата веру в исполнение. Интересна в этом

смысле юридическая природа такого добровольно данного обязательства как «выполнить что-либо» [12, с. 559], а также его место в структуре правоотношений, средства объективизации в нормативном материале, правовые последствия, которые оно вызывает в виде, так называемых, законных ожиданий.

Начать полагаем уместным с интерпретации общеупотребительного значения термина «ожидание», которое представляет собой действия или состояние человека в преддверии появления чего-либо, а также выражение надежды на что-нибудь, предположение [12, с. 215, 592]. Более прагматичный, отвлеченный от эмоциональной рефлексии вариант толкования данного термина дает словарь под редакцией Т.Ф. Ефремовой. Так, ожидать означает «...рассчитывать на появление чего-либо, наступление или совершение чего-либо, быть подготовленным к чему-либо» [13, с. 440].

Расчет подразумевает осуществление интеллектуальных операций, основывающихся на фактах, событиях, их соотнесение с окружающей действительностью. В этом ключе ожидание, которое зиждется на рациональном мышлении, тесно соприкасается с таким качеством этого явления, как уместное, обоснованное или правомерное, законное. Сказанное объясняется тем, что прилагательные «правомерный», «законный», помимо буквального значения, т.е. процесса, согласованного с действующими нормативными правовыми актами, обусловленного ими, имеет еще и значение позволительного, допустимого, понятного с нравственной и логической точек зрения желания и предположения [12, с. 241] или основанное на справедливости, правильное, верное наступление чего-либо [14, с. 729].

К примеру, интересное толкование «законным ожиданиям» и их связи с таким средством объективизации правовых обещаний как юридическая обязанность, появилось не так давно в судебной практике. В рамках рассмотрения дела о дорожно-транспортном происшествии, в результате которого погиб человек, кассационная инстанция, обратила особое внимание на ранее установленный факт, что пешеход переходил проезжую часть на запрещенный для себя сигнал светофора, и лишь в результате этого водитель, двигаясь с разрешенной скоростью, не имел технической возможности избежать наезда. Казалось бы, в чем заключается новелла?

Изучив данный прецедент, полагаем возможным предположить, что судебный орган, при пересмотре дела, включил феномен «законные ожидания» в конструкцию правоотношений в качестве ключевого компонента. Это следует из того, что решением первой и апелляционной инстанций, лицо, управляющее транспортным средством, было признано виновным в несоблюдении п. 10.1 Правил дорожного движения¹, поскольку его скорость не позволила ему контролировать движение автомобиля для выполнения требований правил. Однако на кассационной стадии был сделан вывод, что руководствуясь юридической обязанностью соблюдать Правила дорожного движения, водитель вправе ожидать такого же от иных участников, рассчитывать на их правомерное поведение. Этот аргумент стал ключевым при вынесении решения и направлении дела на пересмотр в Щелковский городской суд в новом составе².

¹ См. п. 10.1 Постановления Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (в ред. от 31 декабря 2020 г.). Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Отменен приговор водителю, который сбил пешехода, перебежавшего на красный свет // Российская газета. 2022. 14 февр.

Памятуя о том, что нет обязанностей без прав и наоборот, остановимся на интересной мысли судьи Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотова о том, что законные ожидания призваны еще и выступать «основой выделения новых прав» [15, с. 15] человека. Ряд ученых даже обособляет юридическую конструкцию «правоожиданий» [16]. К примеру, в соответствии с государственной программой «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»¹ молодые ученые вправе получить социальную выплату на приобретение жилых помещений. Модель воплощения данных правоотношений содержит обязательный элемент — правовое ожидание, реализуемое через очередность получения сертификата.

В ракурсе затрагиваемого аспекта следует остановиться на рисках, образующихся вследствие употребления правотворческими органами абстрактной конструкции «разумные сроки», применительно к ожиданию реализации права. К примеру, российское законодательство отсылает правоприменителя к данному основанию при ожидании реализации права на судопроизводство, или права на исполнение судебного акта, и т.д. Несмотря на тот факт, что интерпретационными актами критерии разумности достижения законных ожиданий приобретают все более очерченные формы², само по себе исполнение подобной оценочной формулировки не приближает правовые нормы к требованиям однозначности, стабильности и ясности.

Если субъективное право лица — это, в первую очередь, свобода и индивидуальная возможность человека по осуществлению определенных действий, при этом гарантированная государством, то ряд дозволений, вытекающих из правовых обещаний, лишь гипотетически могут быть обеспечены политической волей аппарата управления. Их традиционно в юридической науке и практике именуют *законным интересом*. Любопытно в этой связи, что отдельные авторы считают законное ожидание компонентом конструкции законного интереса, его формой [9, с. 78, 80]. Подобная позиция привлекает внимание, поскольку связывает ожидания с действиями, которые не являются обязательными для органов, наделенных властными полномочиями (в отличие от предыдущего примера), но и не относятся к абсолютно дозволенным и безусловно разрешенным.

Примером такого ожидания в структуре общерегулятивных правоотношений является расчет осужденного на освобождение от отбывания наказания, в частности, условно-досрочное. Основаниями подобного рода ожиданий, их качество законности, складываются не только из фактического исполнения определенной части назначенной меры наказания, но и совокупного отношения лица, находящегося в местах лишения свободы, к труду и учебе, к совершенному им деянию и прочих критериев³.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710 «Об утверждении государственной программы „Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации“». Доступ из справ.-правой системы «Консультант-Плюс».

² См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 января 2022 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок“ и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 4, ст. 674.

³ См. ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 13, ст. 1952.

В свою очередь, и администрация исправительного учреждения располагает законными ожиданиями, включая негативные, к примеру, относительно нарушения режима отбывания наказания. Подобного рода убежденность детерминирует изменение правового статуса субъекта правоотношений, включая вменение ему дополнительных ограничений и запретов¹.

Связь интереса и законного ожидания проявляется и в другом, например, в том, что лицо ожидает правомерных и при этом активных действий другого участника правоотношений. Так, ссылаясь на наличие «законных ожиданий снижения платы за отопление при оборудовании индивидуальными приборами учета жилых помещений в многоквартирном доме»², Конституционным судом РФ было аргументировано противоречие положений законодательства Основному Закону страны, не позволявших учесть показания индивидуальных приборов учета.

Помимо восприятия юридической природы законных ожиданий через обязанность, а также в качестве законного интереса или части субъективного права, в доктрине и практике имеют место и иные примеры. Так, исследуемый феномен ранее обозначался в правовых позициях высших судебных инстанций в качестве элемента конструкции правового статуса личности. Конституционный Суд РФ, например, полагает, что для того, чтобы участники правоотношений могли «быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса», государство должно создавать для них условия в которых возможно «в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения»³.

Законное ожидание того, что правовое положение субъекта (при наличии правомерного поведения) не изменится в худшую сторону — важная конституционная гарантия социального и правового государства. На примере прецедента, связанного с реализацией специального правового статуса судей, Конституционный суд РФ указал, что «статус судьи служит гарантией общего конституционного статуса личности и в качестве таковой подлежит конституционно-правовой защите, уровень которой не должен снижаться по отношению к уже достигнутому»⁴. Подобным актом толкования закреплено правовое обе-

¹ Сведения о намерениях конкретного лица совершить правонарушение, в том числе, склонность к побегу, являются основаниями постановки на индивидуальный профилактический учет (см. п. 24 Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (утверждена приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72)). Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июля 2018 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации, абзацев третьего и четвертого пункта 42 (1) Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобой гражданина С.Н. Деминца». Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 января 2004 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона „О трудовых пенсиях в Российской Федерации“ в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан». Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2010 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 7 Федерального закона „О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации“ в редакции Федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с принятием Федерального закона „О противодействии коррупции“ в связи с жалобами граждан А.А. Анохина и П.И. Зелинского и запросами Железнодорожного районного суда города Новосибирска и Кировского районного суда города Ростова-на-Дону». Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

щение — обеспечить стабильность правового положения личности на уровне правоприменения.

Помимо ретроспективного ожидания сохранения юридического положения субъекта, участники правоотношений вполне законно могут надеяться и на улучшение своего статуса при достижении высоких показателей социально-полезной деятельности либо выполнении важных государственных задач и пр. Так, военнослужащие и сотрудники полиции, осуществляющие защиту жителей Донецкой и Луганской народных республик, в ходе специальной военной операции получили правовые преимущества в форме квот на обучение детей, а также иные формы поддержки¹. Подобная позиция, отражающая основания законных ожиданий, обусловленных достигнутыми результатами профессиональной деятельности, также встречается в судебной практике².

Приведенные положения позволяют согласиться с мнением авторов, небезосновательно полагающих, что доктрина законных ожиданий должна рассматриваться сквозь призму принципа определенности права [17, с. 25], закладываемого, как известно, вносимыми изменениями в законодательство. Данный постулат также находит отражение в иных решениях высших судебных инстанций, заявляющих о необходимости «разумной стабильности правового регулирования и недопустимости внесения произвольных изменений в действующую систему норм»³. В этой связи остановимся далее на юридической природе ожидания в контексте оценки качества изменений законодательства. Такая постановка проблемы, думается, обусловлена целями правотворчества. Этот процесс, как известно, предопределен необходимостью правового регулирования общественных отношений за счет закрепления новых правовых установлений, изменения действующих или отмены неактуальных, утративших свой потенциал норм.

Убеждены, что стержнем феномена «ожидание» будет *эквивалентность*, т.е. степень соразмерности, соответствия прикладываемых государством усилий по воздействию на отношения и результата этого. При этом согласимся с мнением, что ожидания с одной стороны, составляют ядро правосознания [18, с. 358], а с другой стороны, полагаем, что они предопределены его уровнем. С этой точки зрения ожидания от осуществленных изменений законодательства могут быть *оправданными* либо *обманутыми*. Из последних новелл законодательства, зарекомендовавших себя и с позиции истинности в части отражения объективной

¹ См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2022 г. № 268 «О дополнительных мерах поддержки семей военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QVC7AAU5AS3eE5wemPKcVNeZRAOVE4NT.pdf> (дата обращения: 26.05.2022).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2015 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 9 Федерального закона от 25 декабря 2012 № 269-ФЗ „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина В.П. Селезенева» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1576.

³ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона „О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей” в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой». Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс»; Решение Верховного Суда РФ от 20 августа 2007 г. № ГКПИ07-627 «О признании частично недействующим пункта 7 Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 16 октября 2000 г. № 789). Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

действительности, и с точки зрения исполнимости, т.е. доказавшие на практике не только актуальность их принятия, но и верно выбранные средства и подходы к правовому регулированию, можно назвать пакет законов о самозанятых гражданах¹, или участие в долевом строительстве жилья посредством открытия эскроу-счета².

С обманутыми ожиданиями вопрос стоит острее. В силу оценочного характера восприятия эффективности законодательных новелл не всегда просто определиться с субъектом, чьи ожидания должен (или мог бы) оправдать закон. Здесь, полагаем, верным исходить из социальной природы нашего государства, установленной Конституцией РФ, что подсказывает соответствующий ориентир — любая правовая норма должна обеспечивать приоритет прав и свобод человека, служить повышению благосостояния населения и пр. С этой точки зрения в памяти возникает несколько «провальных» законодательных изменений: как на наш взгляд, так и по мнению аутентичного источника, а также надзирающих органов. К их числу можно отнести, к примеру, «монетизацию льгот»³ или реформу жилищно-коммунального хозяйства⁴.

Ожидания, в контексте законодательных изменений, ввиду дряхлеющего характера данного процесса, могут быть *прогнозируемыми* (в отношении планируемых реформ, проектов правовых актов, внесенных на рассмотрение) и *текущими* (применительно к уже внесенным изменениям и нацеленным на оценку практики реализации правового предписания).

Прогнозируемые ожидания, как правило, более всего обусловлены перспективной социально-экономической ситуацией, глобальными тенденциями. Так, ввиду недружественной политики ряда государств, многие секторы отечественной экономики оказались в непростой ситуации, вызванной отсутствием импортной техники, комплектующих для промышленной инфраструктуры и пр. В этой связи, к примеру, сообщество нефтегазодобывающего сектора призывает

¹ По данным исследования Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства на сегодняшний день в России зарегистрировано более 4,5 млн самозанятых граждан, из которых свыше 1 млн в Москве (см.: Крупный и средний бизнес начал активнее сотрудничать с самозанятыми // Российская газета. 2022. 4 мая).

² Российская модель защиты участников долевого строительства многоквартирных жилых домов, при которой заключать договоры с дольщиками могут только добросовестные застройщики, внесенные в реестр, а финансовые средства, размещенные на эскроу-счете, могут быть освоены ими лишь при условии ввода объекта в эксплуатацию, признана положительной и в качестве такого опыта перенимается соседними государствами (см.: Безопасный эскроу-счет // Российская газета. 2022. 12 янв.).

³ Экспертное сообщество в целом признает правильность выбранного в начале 2000-х годов курса на оздоровление экономики за счет отказа от натуральных льгот. Однако правовые меры, которыми он был осуществлен, считают не подготовленными (см.: Монетизация льгот в России: десять лет спустя. Официальный сайт портала РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20140822/1020935104.html>? (дата обращения: 16.05.2022)).

⁴ Принимаемые государством меры по реформированию сферы жилищно-коммунального хозяйства (несмотря на создание единых центров расчетов, гибкий подход при формировании платежных документов, ведение реестров недобросовестных управляющих компаний и пр.) большей частью населения оценивается невысоко, и не только ввиду стабильно растущей стоимости предоставляемых услуг гражданам, но скорее в силу недостаточного их качества (см., например: в Москве выросли тарифы на жилищно-коммунальные услуги // Российская газета. 2022. 22 янв.). В результате, на последнем выступлении Генерального прокурора РФ в Государственной Думе РФ были отмечены многочисленные нарушения в данной сфере, в том числе, в 2021 году пресечена практика оказания услуг жилищно-коммунального хозяйства по нерегулируемым ценам в 17 субъектах Российской Федерации, отмечено аварийное состояние сотни тысяч объектов сферы и многое другое (см.: Генпрокурор обсудил с депутатами тарифы на услуги ЖКХ и проверки бизнеса // Российская газета. 2021. 16 нояб.).

органы государственной власти вернуться к обсуждению проекта федерального закона (ранее отклоненного по итогам рассмотрения в первом чтении)¹, который открыл бы возможности участия в этой сфере представителей малого бизнеса².

Текущие ожидания как нельзя лучше отражают качество нормотворческой деятельности уполномоченных органов. Они позволяют в режиме реального времени оценить способность законодательных новелл принести положительный эффект. Так, по нашему мнению, в ближайшее время едва ли стоит рассчитывать на кардинальное изменение ситуации в области обеспечения безопасности дорожного движения применительно к использованию индивидуальных средств мобильности (моноколес, самокатов и пр.). Вносимые изменения (преимущественно за счет потенциала регионального законодательства и разработки новых государственных стандартов), касающиеся запретов движения со скоростью свыше 25 км/ч, управления в состоянии алкогольного опьянения и лицами, не достигшими 14 лет³, не решают краеугольную проблему по определению правового статуса лица, управляющего данными устройствами и их регистрации. В такой ситуации остается открытым вопрос о средствах и формах контроля за исполнением вносимых новелл.

Пример того, что текущие ожидания от внесенных в законодательство изменений могут быть изначально пессимистичными, подталкивает к тезису о том, что с точки зрения формируемого общественного восприятия, социальной оценки (принятия или отторжения), ожидания от изменений законодательства могут быть *позитивными и негативными*.

К последним, к примеру, относится пакет законов Республики Украина, в частности от 2015 года «О декоммунизации» и от 2022 года «О десоветизации», в рамках которых на территории данного государства запрещается использовать географические названия, ассоциирующиеся с Россией, а также историей русского государства и ее выдающимися деятелями⁴. Полагаем, что любой цивилизованный человек понимает, что ничего кроме формирования лживой общественной идеологии, построенной на негативном восприятии истории собственного государства, данные нормативные правовые акты не преследуют. Приведенные примеры подталкивают к поиску наиболее действенных способов повышения соразмерности правовых обещаний и законных ожиданий, эквивалентности надежды от вносимых изменений и их качества реализации, воплощения в жизнь.

Ожидания положительного эффекта законодательного нововведения, ввиду высокой абстрактности своей конструкции, оценочного характера, могут быть проверены в рамках *правового экспериментирования*. Это специальная модель правового регулирования направлена на временное установление норм-изъятий и (или) норм-дополнений к основному правовому предписанию, обеспечивает изменение методов, средств и инструментов по воздействию на общественные отношения, повышение его эффективности [19, с. 39]. Такой подход, кро-

¹ См.: О государственном регулировании деятельности в нефтяной отрасли Российской Федерации: проект федерального закона № 886989-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/886989-7?> (дата обращения: 13.05.2022).

² См.: Из пешек в дамки // Российская газета. 2022. 12 мая.

³ См.: Скорость электросамокатов и моноколес ограничат до 25 км/ч // Российская газета. 2022. 11 мая.

⁴ См.: Зеленский подписал закон о «десоветизации» украинского законодательства // Российская газета. 2022. 6 мая.

ме всего прочего, позволяет скорректировать ожидания от ранее проведенного реформирования. Обусловлено это несколькими факторами:

а) формально-юридическим, поскольку ожидания в рамках экспериментального режима действия правовой нормы менее зажаты в определенные рамки, в силу пробного характера самого властного установления, они гибче по своей сущности, могут быть скорректированы по ходу внедрения новеллы;

б) социально-психологическим, ввиду того, что при условии позитивного медийного освещения и позиционирования в качестве попытки изменить условия жизни граждан к лучшему, вероятность положительной общественной оценки новой временной меры существенно увеличивается.

Следовательно, можно предположить, что для снижения вероятности наступления обманутых ожиданий от законодательных изменений, модель правового экспериментирования — одна из наиболее востребованных на сегодняшний день.

К примеру, в начале 2000-х гг. государство начало проводить широкомасштабную антиалкогольную политику, одним из шагов которой стало установление на региональном уровне запрета на продажу спиртосодержащей продукции в учреждениях культуры, на спортивных объектах, в местах массового питания сезонного (летнего) вида и пр. На сегодняшний день ряд регионов Российской Федерации (в числе первых из которых стала столица) решились на эксперимент и временное (до конца 2022 года) снятие отдельных ограничений. Норма-изъятие предполагает возможность реализовывать алкогольную продукцию в летних кафе, а также в музеях и иных учреждениях культуры, имеющих концертные залы, но с содержанием этилового спирта не более 16,5% объема готовой продукции¹.

Подобный эксперимент, с одной стороны, вызван подтвердившимися ожиданиями государства от ранее осуществленных мер по ужесточению процесса реализации алкоголя. По данным Минздрава России показатель потребления спиртосодержащей продукции в нашей стране за последние годы сократился более чем на 40%². С другой — в условиях стрессового состояния экономического сектора, необходимости стимулирования и оказания поддержки предпринимательскому сообществу, органы власти пошли на определенные риски. Всем известно, что показатели преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, далеки от благополучных³. Для того, чтобы ожидания от этой новеллы не разочаровали их инициаторов и общество, внедряется пробное нормативное предписание, которое позволит собрать необходимые эмпирические данные о реализации правовой нормы и спрогнозировать возможность установления подобного режима на постоянной основе.

¹ См.: Постановление Правительства Москвы от 19 апреля 2022 г. № 610-ПП «О мерах по реализации постановления Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 353 „Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 году”» // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: https://www.mos.ru/dtu/documents/view/268595220/?utm_source=search&utm_term=serp (дата обращения: 12.05.2022).

² См.: Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5347926> (дата обращения: 12.05.2022).

³ См.: Статистические данные по итогам 2021 года свидетельствуют, что каждое третье преступление в Российской Федерации совершается лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения (удельный вес в общей структуре лиц, совершивших преступления — 30,9%). Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. Официальный сайт МВД России URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 12.05.2022).

Другим вариантом, способным улучшить прогнозируемые ожидания от вносимых изменений законодательства, будет применение *правотворческого опыта*. Это также *специальная модель правового регулирования, реализуемая посредством закрепления на постоянной основе правовой нормы, ранее успешно апробированной (на ином уровне законодательства, в другой области общественных отношений, на территории иного государства и т.д.) и направленная на повышение его эффективности*.

К примеру, несмотря на действие нормативных положений об ответственном обращении с животными¹, группа российских депутатов по итогам изучения законодательства и практики защиты животных в Республике Беларусь вышла с инициативой принятия дополнительных мер².

Остановимся на ключевых выводах по изложенному материалу:

законное ожидание как компонент общерегулятивных правоотношений представляет собой *специфическое правовое состояние, заключающееся в аналитическом представлении о прогнозируемом правовом последствии, обусловленном правовыми обещаниями и сформировавшемся под воздействием совокупности объективных условий жизнедеятельности (социальных, экономических, политических и иных) и субъективных факторов (склада характера, уровня интеллекта, специфики образования, правового сознания и правовой культуры и прочее)*;

в числе факторов, повышающих рискогенность появления обманутых ожиданий, выступает использование законодательными органами оценочных конструкций правовых обещаний, доминантной из которых представляется словосочетание «разумные сроки». При этом судебная и иная правоприменительная практика, несмотря на то, что не является формой российского права, активно формирует законные ожидания участников правоотношений, в том числе, за счет интерпретации правовых обещаний, заложенных (иногда абстрактным или латентным способом) в нормах законодательства;

соответствие правовых обещаний и законных ожиданий друг другу, их корреляция, обеспечивают такой системообразующий государственно-правовой феномен как *доверие*, выражающийся в *чувственной рефлексии сознания индивида, основанной, в числе прочего, на ожидании положительных, достойных уровню правового государства, справедливых правоотношений, их стабильности и устойчивости*;

одним из инструментов снижения рисков обманутых ожиданий эффективности законодательных изменений выступает применение специальных моделей правового воздействия, к числу которых относятся правовое экспериментирование и применение правотворческого опыта. В рамках эксперимента в области нормотворчества законодательный орган имеет возможность испытать действие нового правового предписания в усеченных временных и территориальных границах при помощи установления норм-изъятий и норм-дополнений. Правотворческий опыт позволяет использовать ранее успешно апробированный подход к воздействию на общественные отношения, зарекомендовавший себя на ином уровне законодательства (к примеру, региональном).

¹ См.: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53, ст. 8424; 2021. № 24, ст. 4188.

² См.: «СОЮЗ» сравнил, как работают законы о защите прав животных в Беларуси и России // Российская газета. 2022. 18 мая.

Библиографический список

1. Головкин Р.Б., Гудкова А.В. Обещание в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 2(59). С. 160–164.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2-х т. / науч. ред.: Р.К. Русинов; отв. за вып.: В.М. Семенов. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1972. Т. 1. 396 с.
3. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. 83 с.
4. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношениях. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
5. Полищук Н.И. Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 56 с.
6. Аликуперов Х.Д. Коронавирус, развенчавший закон и парализовавший законные ожидания граждан // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (57). С. 19–23.
7. Черновол К.А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 181–191.
8. Макаренко Д.Г. Принцип доверия как детерминанта эффективного правового регулирования общественных отношений: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. 2017. № 4 (25). С. 15–22.
9. Ядрихинский С.А. Доктрина законных ожиданий в налоговых отношениях // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 4 (17). С. 76–84.
10. Минкина Н.И. Концепция правомерного ожидания в трудовом праве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21–1. С. 157–159.
11. Пилипенко А.А. Теоретико-прикладные аспекты принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в налоговой сфере // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сборник статей III Международной научно-практической конференции / под ред. Н.В. Пантелеевой. Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2020. С. 359–363.
12. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», ООО Изд-во «ДОМ. XXI век», 2008. 1239 с.
13. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160000 слов. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 2: М-П. 1160 с.
14. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160000 слов. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 1: А-Л. 1165 с.
15. Кокотов А.Н. Конституционный Суд России и защита прав и свобод // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 10 (167). С. 9–20.
16. Емелькина И.А. Право ожидания и право приобретения чужой недвижимой вещи как вещные права // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: СТАТУТ, 2011. С. 232–253.
17. Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 48 с.
18. Стуканов В.Г. Психологическая характеристика деформаций правосознания личности // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 3. С. 356–362.
19. Репьев А.Г., Сенякин И.Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 36–42.

References

1. Golovkin R.B., Gudkova A.V. Promise in Law // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2021. No. 2(59). P. 160–164.

2. *Alekseev S.S.* Problems of the theory of Law: Basic Issues of the General Theory of Socialist Law. Course of lectures: in 2 vol. /scientific Ed.: R.K. Rusinov; holes for issue: V.M. Semenov. Sverdlovsk: Publishing House Sverdlov. Jurid., 1972. T. 1. 396 p.
3. *Grevtsov Yu.I.* Problems of the Theory of Legal Relations. L.: Publishing House of Leningr. un-ta, 1981. 83 p.
4. *Halfina R.O.* General Doctrine of Legal Relations. M.: Legal literature, 1974. 351 p.
5. *Polishchuk N.I.* Evolution and State of the Theoretical Model of the Relationship Between the Rule of Law, Legal Relations and Legal Fact: extended abstract diss. ... doc. of law. M., 2008. 56 p.
6. *Alikperov H.D.* Coronavirus, Who Debunked the Law and Paralyzed the Legitimate Expectations of Citizens // Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020. No. 2 (57). P. 19–23.
7. *Chernovol K.A.* Concept of Legitimate Expectations: European and Russian Experience // Jurisprudence. 2019. T. 63. No. 1. P. 181–191.
8. *Makarenko D.G.* The Principle of Trust as a Determinant of Effective Legal Regulation of Public Relations: Legal Support // Law enforcement monitoring. 2017. No. 4 (25). P. 15–22.
9. *Yadrikhinsky S.A.* Doctrine of Legitimate Expectations in Tax Relations // Russian Journal of Legal Research. 2018. No. 4 (17). P. 76–84.
10. *Minkina N.I.* The Concept of Legitimate Expectation in Labor Law // Actual Problems of Combating Crimes and Other Offenses. 2021. No. 21-1. P. 157–159.
11. *Pilipenko A.A.* Theoretical and Applied Aspects of the Principle of Maintaining Citizens' Confidence in the Law and State Actions in the Tax Sphere // State and Law: Current Problems of the Formation of Legal Consciousness: a collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference / edited by N.V. Panteleeva. Mogilev: Mogilev State University named after A.A. Kuleshov, 2020. P. 359–363.
12. *Ushakov D.N.* Big Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. M.: "Alta-Print", LLC Publishing House "HOUSE. XXI century", 2008. 1239 p.
13. *Efremova T.F.* Modern Explanatory Dictionary of the Russian language. In 3 volumes: approx. 160,000 words. M.: AST; Astrel, 2006. V. 2: M–P. 1160 p.
14. *Efremova T.F.* Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 3 volumes: approx. 160,000 words. M.: AST; Astrel, 2006. V. 1: A–L. 1165 p.
15. *Kokotov A.N.* Constitutional Court of Russia and Protection of Rights and Freedoms // Lex Russica. 2020. V. 73. No. 10 (167). P. 9–20.
16. *Emelkina I.A.* The Right to Wait and the Right to Acquire Someone Else's Real Estate as Property Rights // Property Rights: Setting a Problem and Solving It: a collection of articles / edited by M.A. Rozhkova. M.: STATUTE Publishing House LLC, 2011. P. 232–253.
17. *Demin A.V.* Uncertainty in Tax Law and Legal Means of Overcoming It: diss. ... doc. of law. Yekaterinburg, 2014. 48 p.
18. *Stukanov V.G.* Psychological Characteristic of Deformations of the Legal Consciousness of the Person // Man: Crime and Punishment. 2017. V. 25 (1–4). No. 3. P. 356–362.
19. *Repyev A.G., Senyakin I.N.* Expert Significance of the Experimental Rule of Russian Law // Legal Technology. 2022. No. 16. P. 36–42.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-54-60

УДК 34.01

С.В. Тихонова

УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ РАННЕГО ГЕГЕЛЯ В ИНТЕРСУБЪЕКТИВИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. ХОННЕТА

Введение: развитие представлений о праве позднейшей Франкфуртской школы связано с осуществленной А. Хоннетом ревизией гегелевского политико-правового наследия. Хоннет строит свою новую интерпретацию на платформе интерсубъективизма, открывая неисследованный потенциал ранней гегелевской мысли в «Системе нравственности». **Цель:** анализ хоннетовской интерсубъективистской интерпретации понятия преступления у раннего Гегеля как фундаментального основания его понимания права свободы и правовой свободы. **Методологическая основа:** коммуникативная теория права, позволяющая установить различия и преемственность между концепцией правогенеза как продукта коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас) и установкой на установление пределов права как механизма овнешнения интерсубъективных институтов (А. Хоннет). **Результаты:** рассмотрена выдвигаемая Хоннетом оппозиция теориям общественного договора с имманентной для них моделью атомарного индивида. Учение Гегеля о преступлении он рассматривает как описание постепенного самораскрытия взаимного признания индивидов, важнейшую роль в котором играет конфликт как борьба с непризнанием. **Выводы:** гегелевская идея преступления как реакции на усиление формального юридического признания позволяет Хоннету перейти к осмыслению онтологической взаимозависимости индивидов, предшествующей установлению правовой свободы при одновременном схватывании ее конфликтного, динамического характера.

Ключевые слова: философия права, история политических и правовых учений, Франкфуртская школа, А. Хоннет, учение о преступлении Гегеля, интерсубъективизм в праве, коммуникативная теория права.

S.V. Tikhonova

EARLY HEGEL'S DOCTRINE OF CRIME IN THE INTERSUBJECTIVIST INTERPRETATION OF A. HONNETH

Background: the development of the later Frankfurt School's ideas of law is linked to A. Honneth's revision of Hegel's political-legal legacy. Honneth builds his new interpretation on the platform of intersubjectivism, discovering the unexplored potential of early Hegelian thought in the "System of Morals." **Objective:** an analysis of Honneth's intersubjectivist interpretation of the concept of crime in early Hegel as the fundamental basis for his understanding of the right to liberty and legal freedom. **Methodology:** communicative theory of law, which allows us to establish differences and

© Тихонова Софья Владимировна, 2023

Доктор философских наук, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: segedasv@yandex.ru

© Tikhonova Sophia Vladimirovna, 2023

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

continuity between the concept of law genesis as a product of communicative rationality (J. Habermas) and the establishment of the limits of law as a mechanism for the mastery of intersubjective institutions (A. Honnet). Results: considered Honneth's opposition to social contract theories with their immanent model of the atomic individual. Hegel's doctrine of crime is seen as a description of the gradual self-disclosure of the mutual recognition of individuals, in which conflict as a struggle against non-recognition plays a crucial role. Conclusions: hegel's idea of crime as a reaction to the intensification of formal legal recognition allows Honneth to move on to an understanding of the ontological interdependence of individuals that precedes the establishment of legal freedom while grasping its conflictual, dynamic character.

Key-words: *philosophy of law, history of political and legal doctrines, Frankfurt School, A. Honneth, the doctrine of Hegel's crime, intersubjectivism in law; communicative theory of law.*

Один из узловых моментов в социально-правовой теории А. Хоннета, представителя позднейшей Франкфуртской школы, заключается в переосмыслении гегелевского учения о преступлении. Изначально Хоннет обращается к раннему Гегелю (в период его работы в Йене), и только позднее перейдет к анализу Гегелевской «Философии права». В фокусе настоящей статьи — работа Хоннета с гегелевским текстом «Система нравственности». Выбор первоисточника был связан с тем, что именно Гегель первым показал необходимость признания для самосознания, заявив, что самосознание может существовать только тогда, когда его признает другое самосознание [1]. Признание двояко, поскольку содержит в себе акт непосредственной реакции на особенности субъекта, и одновременно акт формирования общего понятия, на основе которого классифицируются и наделяются статусом люди. Поэтому оно объединяет онтологические, гносеологические, социальные, правовые и этические аспекты человеческого бытия, что открывает весьма широкие методологические рамки для анализа взаимосвязи экзистенциальных, социальных и правовых механизмов социального воспроизводства. Задача, которую перед собой поставил Хоннет, задана названием второй главы «Борьбы за признание», в котором роль понятия преступления в работе Гегеля «Система нравственности» прямо описывается как «интерсубъективистская инновация».

Важно отметить, что «Система нравственности» является рукописью Йенского периода (написание датируют 1802–1803 гг., была опубликована в 1913 г.), связанным с тематикой статьи «О научных способах исследования естественно-го права» (Журнал критической философии. 1802. Т. 2. № 2; 1803. Т. 2. № 3). Многие положения этого текста Гегель позднее пересмотрит, они не войдут его «Философию права» (1821) или получат новое звучание, исследователи философско-правовых взглядов Гегеля по этой причине редко обращаются к «Системе нравственности». К ней обращался П.И. Новгородцев в своей докторской диссертации [2] и Н.В. Мотрошилова [3]. Г. Маркузе характеризовал это произведение как «одно из самых трудных в немецкой философии» [4, с. 514]. Во многом это объясняется тем, что рукопись была обнаружена в архивах философа после его смерти, при жизни он ее не готовил к печати и не редактировал (набело она переписана лишь частично), содержание явно отражает влияние сотрудничества с Шеллингом и подчинено критике Фихте, занимавшей тогда Гегеля. Понимание самого термина «нравственность» Гегелем направленно на обычаи и традиции

народа, а не на то, что традиционно относят к этике и морали. Как показывает анализ «Системы нравственности», проведенный Н.А. Татаренко [5], базовые понятия ее текста прямо Гегелем не определены, прямая экстраполяция на них значений позднейших периодов творчества Гегеля невозможна, связи с опорными текстами не устанавливаются, три части еще не знают последовательного деления в триадной логике, четко распределена по нему только первая глава.

Основание хоннетовской интенции при обращении к «Системе нравственности» Дж. Андерсон, переводчик «Борьбы за признание» на английский язык, характеризует следующим образом: «Хоннет заимствует у Гегеля идею о том, что полное процветание человека зависит от существования прочно установленных „этических“ отношений — в частности, отношений любви, закона и „этической жизни“ [Sittlichkeit] — которые могут быть установлены только через конфликтный процесс развития, в частности, через борьбу за признание» [Anderson, 2005, с. XI]. Если брать за ключевой критерий зрелость системы, объективированной автором в тексте, то выбор Хоннета может оказаться под вопросом. Но его цель — вскрыть тот теоретический контекст объяснения социальной борьбы в философско-правовой мысли, что был затемнен господством кантовской этики, основанной на индивидуализме. Отход Гегеля от индивидуализма под влиянием концепций Платона и Аристотеля для Хоннета оказывается благодатной почвой политического мышления вне тисков атомарных стратегий политического мысли Нового времени. И ранний текст с набросками философии права нужен ему для того, чтобы реконструировать принципиальную возможность мышления об обществе, политики и праве вне презумпции существования до социализации (понимаемой предельно широко, и в социально-психологическом контексте онтогенеза, в русле учений о естественном состоянии общества) изолированных субъектов. Если зачатки этой возможности могут быть обнаружены уже в начале XIX века, то Хоннет получает надежную опору для реформативного переформатирования всей последующей истории социальной, политической и философско-правовой мысли.

Атомистическая оптика неизбежно обнаруживает изначальную эгоцентрическую мотивацию субъектов, к которой потом откуда-то извне должна быть привита потребность в этическом единении, интеграции, друг с другом. Этот взгляд делает невозможным объяснение развития «этической тотальности», которую представляет собой человеческое сообщество, и которая, по мнению Хоннета, имеет для Гегеля принципиальное значение со времен «Первой программы системы немецкого идеализма» (1796). Хоннет многократно подчеркивает, что идеал государства Гегеля в тот период однозначно совпадает с моделью греческого полиса, живым единством всеобщей и индивидуальной свободы, где политическое общение строится не на ущемляющем ограничении свободы индивидов, а, напротив, позволяет ей полно разворачиваться.

Здесь он подкрепляет свою позицию обращением к тексту «О научных спорах исследования естественного права», в котором Гегель иллюстрирует свою позицию через интерпретацию известной аристотелевской цитаты («народ по своей природе предшествует отдельному индивидууму; ибо индивидуум, будучи обособленным, есть нечто несамостоятельное и поэтому он должен, подобно всем другим частям, пребывать в единстве с целым. Тот же, кто не может быть общественным или настолько самостоятелен, что ни в чем не нуждается, не составляет часть народа и поэтому — либо животное, либо бог» [7]). Хоннет подчеркивает, что этим пассажем Гегель демонстрирует несостоятельность философской пре-

зумпции о первичности действий изолированных субъектов, и начинает переход к постулированию первичности «рамки этических связей, внутри которых субъекты всегда уже движутся» [8, с. 14].

Однако простой нейтрализации социально-политического атомизма с помощью Гегеля Хоннету недостаточно. Он пытается установить, как Гегель конструирует переход от «естественной этической тотальности» к разворачиванию всех заложенных в ней задатков. Идейная точка опоры определяется как новая отрицательная версия аристотелевской онтологии: телеологическое развитие субстанции в свою максимально зрелую форму (Аристотель) происходит через последовательную серию отрицаний, освобождающие этические структуры общества от односторонности и частных. Обращение к Аристотелю принципиально для Хоннета, поскольку очевидно переводит его мысль в русло коммуникативного подхода к государству и обществу. Естественное начальное состояние нарушается различиями, нарушение приводит к восстановлению равновесия, равновесия обретаются до тех пор, пока всеобщее и частное не достигнуто единства (т.е. субъективное как различное будет обобщено). Таким образом конфликтность оказывается важнейшей чертой развития истории человеческого духа и для Гегеля, и для Хоннета, причем конфликтность, понимаемая как обретение всеобщей значимости теми моментами, которые при возникновении имели частный характер.

Хоннет настаивает на том, что главная проблема для Гегеля йенского периода заключалась в том, чтобы добиться такого описания нормативного процесса исходной социализации, которое одновременно реконструировало бы и рост общественных связей, и рост личной свободы, иначе взаимопроникновение социализации и индивидуации (и для Хоннета оно тождественно интерессубъективному признанию особенности всех индивидов, входящих в общество) окажется за кадром. Решением стало обращение Гегеля к теории признания Фихте. Хоннету приходится обосновывать этот фихтеанский сюжет в йенской гегелиане апелляцией к исследованиям (на тот момент еще свежим) Л. Сипа [9] и А. Вилдта [10], чтобы увести на второй план возможную преемственность между признанием у Гегеля и взаимным признанием у Руссо. Хоннет показывает, что для Фихте признание — это «...взаимное действие между индивидами, лежащее в основе правоотношения: как взаимно требуя друг от друга свободы действий, так и ограничивая свою сферу деятельности в пользу другого, субъекты формируют общее сознание, которое затем приобретает объективную значимость в правоотношениях» [8, с. 20]. Гегель лишает эту модель трансцендентального статуса и прямо переносит ее на все разнообразие человеческого действия. В итоге, этические отношения в обществе оказываются формами практической интерессубъективности, в которой признание соединяет взаимностью противоположных субъектов, и обеспечивает тем самым согласие.

Этот процесс происходит следующим образом: взаимодействуя, субъект осознает, что его «контрагент» (Другой) признал некоторые его, субъекта, особенности. В итоге, пропорционально степени осознания, он:

- а) примиряется с контрагентом;
- б) принимает свои особенности;
- в) снова противопоставляется контрагенту как частному.

Хоннет полагает, что этот вывод является радикальной гегелевской новацией, позволяющей философу выйти за рамки фихтеанской стратегии и создать новую

социальную онтологию. Отношения признания всегда открывают перед субъектом возможности узнавать новое об особенностях своей идентичности, обретение этого нового измерения себя равнозначно все более глубокой индивидуации субъекта, и каждый раз оно требует выхода посредством конфликта из наличной стадии этических отношений. Поэтому система нравственности динамична, она есть непрерывная череда конфликтов и примирений. Здесь Хоннет сближает этот постфихтеанский момент гегелевской логики с гоббсовской концепцией войны всех против всех: для Гегеля субъекты выходят из наличных этических отношений потому, что их индивидуальность недостаточно признана. Поскольку индивидуальность непрерывно углубляется, остановить конфликтный процесс однократным общественным договором, как это предлагает Гоббс, невозможно. Гегель, перераспределив акценты в идеях Аристотеля, Гоббса и Фихте, модернизирует телеологическую природу в панораму социальности, конститутивно включающей конфликт как форму непрерывной социальной борьбы и продвигающейся в направлении роста разнообразия социальной жизни, оттачивающей все новые и новые грани индивидуальности включенных в нее субъектов.

Далее Хоннет переходит к стадиям конфликтной динамики, демонстрируя, как гегелевская исходная «естественная» этическая жизнь приходит к повреждению конфликтами, и через диалектику признания выходит на уровень органической чистой этической жизни. Ключевым понятием здесь становится категория преступления. Первые общественные отношения устанавливаются, когда субъекты начинают освобождаться от своих естественных определений. В сфере семьи исходное объединение чувств требует «смещения», чтобы у ребенка сформировалась «внутренняя отрицательность» (самостоятельность). На второй стадии начинается правовая универсализация, практическое отношение к миру, характерное для семьи, сменяется договорными отношениями по установлению юридических требований. Юридические формы признания концентрируют негативные свободы, их содержание составляет способность отказываться от социальных предложений. Интерсубъективное признание получают формальные аспекты индивидуальности субъекта. Преступление появляется там, где эти аспекты атакуются конфликтами. Хоннет считает, что понятие преступления в «Системе нравственности» определяется более ранними богословскими трудами Гегеля, в которых устанавливалась зависимость между формами закона и преступными действиями, и может быть сведено к следующей дефиниции преступных деяний: «...действия, связанные с социальной предпосылкой правоотношений, в том смысле, что они вытекают непосредственно из неопределенности формы индивидуальной свободы, которая является просто законной» [8, с. 20]. Поскольку, субъект как носитель права интегрирован в социальную жизнь отрицательно, это обстоятельство может деструктивно использоваться другими субъектами. Для Хоннета отдельные пассажи «Системы нравственности», весьма запутанные и сложные для понимания, являются основанием для предположения о том, мотивом преступления является неполное распознавание. Эту гипотезу Хоннет обосновывает тем, что Гегель начинает описание различных видов преступления с бессмысленного акта разрушения. Вероятно (в этом случае приходится идти за Хоннетом, а не за текстом «Системы нравственности») это означает, что изначально преступление есть бесцельная реакция на элементарное неуважение, ставшее возможным там, где появилось формальное признание. В пункте b раздела «Негативное, или свобода, или преступление» Гегель говорит

о том, что «Реальное снятие признания снимает также и это соотношение, такое снятие есть *ограбление*, или, поскольку оно направлено чисто на соотносимый объект, *кража*» [11, с. 316]. Для Хоннета в данном случае речь идет о том, что мотивы деструктивного акта сводятся к «самому опыту абстрактного юридического признания» [8, с. 21].

Активное сопротивление потерпевшего Гегель прямо называет борьбой, причем перед нами борьба «лица» против «лица», в которой потерпевший борется за свою целостность, а преступник — за отдельный интерес, что предполагает победу потерпевшего. Кража переходит в фазу принуждения преступника, а затем начинается отрицание — борьба за честь. Поскольку честь, «...это позиция, которую я занимаю по отношению к себе, когда я позитивно отождествляю себя со всеми своими чертами и особенностями» [8, с. 22], Хоннет получает прямое основание для того, чтобы интерпретировать гегелевскую борьбу за честь как борьбу за признание, борьбу не на жизнь, а на смерть, драматизм которой выходит далеко за формальные юридические рамки, поскольку на карту поставлен весь человек как целостность.

Глава о преступлении в «Системе нравственности» для Хоннета становится учением о постепенном (и поэтапном) расширении притязаний индивидов на собственную идентичность, где каждый этап разрушения становится основанием для более зрелых отношений признания, характерных для общества свободных граждан. Он усиливает интерессубъективистское звучание своей интерпретации, показывая, что гегелевские конфликты обладают обучающим морально-практическим потенциалом, каждая провокация дает новые горизонты в самопонимании особенностей идентичности, в ее признании и в познании взаимозависимости субъектов. Логика межсубъектного конфликта на уровне индивидов легко переносится Хоннетом на отношения сообществ. Главное достижение хоннетовских штудий «Системы нравственности» можно свести к обретению убеждения в том, что «только с разрушением легальных форм признания возникает сознание момента внутри интерессубъективных отношений, которое может служить фундаментом этического сообщества. Ибо, нарушая сначала права, а затем честь лиц, преступник делает зависимость индивидов от общества общеизвестной. В этом смысле социальные конфликты, нарушившие естественную этическую жизнь, подготавливают субъектов к взаимному признанию друг друга как личностей, зависимых друг от друга и в то же время полностью индивидуализированных» [8, с. 24]. Завершая свой анализ «интерсубъективного Гегеля» (не столько вновь открытого, сколько пересобранного и переконструированного), Хоннет вынужден констатировать, что в поздние периоды Гегель теряет интерес к этой теме, переходя от модели признания к тематике сознания. Этот отказ позволяет перейти ему к стройной системе категорий и системной четкости весьма сложного содержания, не достигнутых им в период Йены. В итоге мир узнал и классифицировал совсем другого Гегеля, нежели тот, что вдохновил Хоннета. Конечно, туманность и нестройность «Системы нравственности» открывает весьма широкое поле для интерпретаций. Однако прослеживая аргументацию Хоннета, действительно, сложно утверждать, что мы все еще имеем дело с Гегелем. Скорее Хоннет использует его рассуждения как рабочий материал, поставляющий готовые формы для сложной и не лишенной революционности хоннетовской мысли. В дальнейшем Хоннет обращался к «Философии права» Гегеля, это обращение также предполагало программную реконструкцию в узком ключе, поскольку Хоннет пре-

красно осознавал, что философия права Гегеля не может быть реанимирована сегодня — логическая основа формирования его системы слишком сложна, и убежденность Гегеля в состоятельности консервативного идеала государства противоречит социально-политическим взглядам самого Хоннета.

Библиографический список

1. *Brincat*. Recognition, Conflict and the Problem of Ethical Community // *Global Discourse*. 2014. V. 4. № 4. P. 397–408.
2. *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 355 с.
3. *Мотрошилова Н.В.* Путь Гегеля к «Науке логики»: Формирование принципов системности и историзма. М.: Наука, 1984. 351 с.
4. *Маркузе Г.* Разум и революция: Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000. 540 с.
5. *Татаренко Н.А.* Понятие нравственного и его интерпретация в гегелевской «Системе нравственности» // *Историко-философский ежегодник*. 2019. Т. 34. С. 102–134.
6. *Anderson J.* Translator Introduction's // *The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge. UK: Polity Press, 2005.
7. *Аристотель.* Политика. М.: АСТ Астрель, 2012. 393 с.
8. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge. UK: Polity Press, 2005. 215 с.
9. *Siep L.* *Der Kampf um Anerkennung*. Zu Hegels Auseinandersetzung mit Hobbes in den Jenaer Schriften // *Hegel-Studien*. 1974. V. 9. P. 155–207.
10. *Wildt A.* *Autonomie und Anerkennung: Hegels Moralkritik im Lichte seiner Fichte-Rezeption*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. Aufl. 445 p.
11. *Гегель Г.В.Ф.* Система нравственности // Политические произведения Памятника философской мысли / ред. кол. Б.М. Кедров (пред.) [и др.]. М.: Наука, 1978. С. 276–367.

References

1. *Brincat*. Recognition, Conflict and the Problem of Ethical Community // *Global Discourse*. 2014. V. 4. No. 4. P. 397–408.
2. *Novgorodtsev P.I.* Kant and Hegel in Their Teachings on Law and the State. Saint Petersburg: Aleteya, 2000. 355 p.
3. *Motroshilova N.V.* Hegel's Path to the "Science of Logic": the Formation of the Principles of Consistency and Historicism. Moscow: Nauka, 1984. 351 p.
4. *Marcuse G.* Reason and Revolution: Hegel and the Formation of Social Theory. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2000. 540 p.
5. *Tatarenko N. A.* The Concept of the Moral and Its Interpretation in Hegel's "System of Morality" // *Historical and philosophical yearbook*. 2019. Vol. 34. P. 102–134.
6. *Anderson J.* Translator Introduction's // *The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge. UK: Polity Press, 2005.
7. *Aristotle.* Politics. Moscow: AST Astrel, 2012. 393 p.
8. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: the Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge. UK: Polity Press, 2005. 215 p.
9. *Siep L.* *Der Kampf um Anerkennung*. Zu Hegels Auseinandersetzung mit Hobbes in den Jenaer Schriften // *Hegel-Studien*. 1974. V. 9. P. 155–207.
10. *Wildt A.* *Autonomie und Anerkennung: Hegels Moralkritik im Lichte seiner Fichte-Rezeption*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982. Aufl. 445 p.
11. *Hegel G. V. F.* System of Morality // *Political Works Monuments of Philosophical Thought* / editorial board: B.M. Kedrov (pred.) [et al.]. Moscow: Nauka, 1978. P. 276–367.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-61-68

УДК 34.01

С.Т. Адамянц

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Введение: статья посвящена исследованию правового обеспечения традиционных духовно-нравственных ценностей современного российского общества через призму очевидной тенденции расширения пределов правового регулирования. **Цель:** на примере необходимости правового обеспечения духовно-нравственных ценностей в сложившихся реалиях аргументировать социальную-обусловленность и неизбежность расширения пределов правового регулирования общественных отношений, традиционно находившихся вне границ юридической регламентации и нормирования. **Методологическая основа:** исследование основывается на совокупности как общенаучных, так и частнонаучных методов научного познания: диалектического, системного, структурно-функционального, формально-юридического, сравнительно-правового и т.д. **Результаты:** обоснована точка зрения, согласно которой вызовы и угрозы национальной безопасности России обуславливают необходимость сохранения духовно-нравственных основ российской государственности и их соответствующей правовой охраны и защиты. Проанализирована государственная политика России в данной сфере и сформулирован ряд доводов о необходимости сохранения определенной автономности существования и развития духовно-нравственной нормативно-регулятивной системы. **Выводы:** очевидная необходимость правового обеспечения существования моральных регуляторов не должна нивелировать механизмы самоорганизации и внеправовой эволюции традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Ключевые слова: пределы правового регулирования, юрдификация, духовно-нравственные ценности, национальная безопасность, государственная политика, правовое обеспечение, мораль, право.

S.T. Adamyants

SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF RUSSIAN SOCIETY AS AN OBJECT OF LEGAL SUPPORT: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Background: the article is devoted to the study of the legal support of the traditional spiritual and moral values of modern Russian society through the prism of an obvious tendency to expand the limits of legal regulation. **Objective:** using the example of the need for legal support of spiritual and moral values in the current realities, to argue

© Адамянц Сюзанна Тиграновна, 2023

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 6 (Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации); e-mail: syuzanna.adamyants@bk.ru

© Adamyants Syuzanna Tigranovna, 2023

Candidate of Law, Senior Lecturer of English Language Department No. 6 (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation)

the social conditionality and inevitability of expanding the limits of legal regulation of social relations, which traditionally were outside the boundaries of legal regulation. Methodology: the study is based on a combination of both general scientific and particular scientific methods of scientific research: dialectical, systemic, structural-functional, formal-legal, comparative-legal, etc. Results: the point of view is substantiated, according to which the challenges and threats to the national security of Russia necessitate the preservation of the spiritual and moral foundations of the Russian statehood and their appropriate legal protection. The state policy of Russia in this area is analyzed and a number of arguments are formulated on the need to maintain a certain autonomy of existence and development of the spiritual and moral regulatory system. Conclusions: the obvious need for legal support for the existence of moral regulators should not level the mechanisms of self-organization and extralegal evolution of the traditional spiritual and moral values of Russian society.

Key-words: *limits of legal regulation, juridification, spiritual and moral values, national security, public policy, legal support, morality, law.*

История России, равно как и современный этап ее развития с убедительностью свидетельствуют о том, что духовно-нравственные ценности составляют важнейшую основу жизнедеятельности российского общества, интегрируют его на основе проверенных веками общечеловеческих ценностей и во многом задают вектор дальнейшего развития государственности.

В теории права и государства, равно как и в отраслевых юридических дисциплинах сложилось традиционное понимание того, что наряду с многочисленными социальными нормами, действующими в обществе, а именно правовыми, моральными и религиозными предписаниями обладают наибольшим регулятивным потенциалом.

Тесная взаимосвязь правовых и моральных норм (к которым некоторые специалисты относят и религиозные предписания) также традиционно выступает предметом исследования различных ученых, анализирующих самые разнообразные корреляции обозначенных масштабных нормативно-регулятивных систем [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Исследование взаимодействия права и морали как наиболее действенных нормативно-регулятивных систем российского общества, как правило, осуществляется через призму их взаимовлияния и взаимообусловленности, а также с позиций того, что в отдельных случаях нормы права и моральные требования могут совпадать, иметь ключевые содержательные, онтологические и формальные отличия, и даже противоречить друг другу [8, с. 56].

Значимость и социальная обусловленность обозначенных исследовательских подходов уже на протяжении нескольких десятилетий не теряет своей актуальности. Вместе с тем анализируя тенденции и динамику правового регулирования общественных отношений в современном российском обществе, полагаем, что целесообразно обратить внимание на процесс расширения его пределов, институционализирующийся в весьма масштабной юридикации российского общества [9, с. 194–206], что не может не сказаться и на взаимодействии правовых и моральных предписаний.

Безусловно, тенденция расширения пределов правового регулирования объясняется как динамикой и усложнением системы общественных отношений, так и необходимостью обеспечения эффективного, полноценного осуществления не

только субъективных прав, но и законных интересов участников правоотношений [10; 11] во многих сферах, затронутых масштабной цифровизацией и применением искусственного интеллекта [12; 13], а также связанных с реализацией определенных потребностей в области суррогатного материнства, использования криптовалюты, дистанционного обучения, информационной и продовольственной безопасности и т.д.

Другими словами, расширение пределов правового регулирования может объясняться целым рядом причин, среди которых обосновано можно выделить следующие: усложнение общественных отношений; возникновение новых способов удовлетворения интересов участников правоотношений, равно как и появление у них новых материальных и духовных потребностей; неспособность участников общественных отношений самостоятельно урегулировать возникающие в процессе их взаимодействия конфликты и разногласия; появление вызовов и угроз гармоничному развитию российского общества и государства.

Обозначенная тенденция расширения пределов правового регулирования охватила различные сферы российского общества. Вместе с тем наибольший резонанс, по нашему мнению, вызвала достаточно очевидная тенденция правовой регламентации общественных отношений, связанных как с действием в обществе, так и охраной и защитой традиционных российских духовно-нравственных ценностей, традиционно выступающих основой, важнейшим источником всей системы моральных норм.

Следует отметить, что одной из наиболее очевидных попыток в российском обществе сформулировать понятие традиционных духовно-нравственных ценностей и формализовать, регламентировать целый ряд общественных отношений, с ними связанных, является Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹.

Объективно оценивая актуальные для государства вызовы и угрозы, Стратегия национальной безопасности определяет ключевые национальные интересы и стратегические приоритеты Российской Федерации, а также цели и задачи государственной политики в области устойчивого развития на долгосрочную перспективу. К числу указанных приоритетов и относится охрана и защита традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

В п. 11 Стратегии национальной безопасности подчеркивается, что в российском обществе растет осознание важности защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, в п. 19 говорится о том, что на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, в п. 22 традиционные духовно-нравственные ценности увязываются с дальнейшим демократическим развитием нашей страны и ее открытости миру, в п. 25 укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей провозглашается национальным интересом Российской Федерации, а в п. 33 обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей позиционируется в качестве одного из способов достижения целей государственной политики в сфере сбережения народа.

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021 г. № 27 (ч. I), ст. 5351.

Иными словами, государственная политика Российской Федерации, в основе реализации которой лежат правовые механизмы, осуществляется исходя из того, что именно духовно-нравственных ценностей российского общества, равно как и задачи, связанные с их сохранением, выступают ее важнейшим приоритетом.

В отмеченной связи следует подчеркнуть, что речь идет не просто об особом направлении государственной политики, связанным с культурно-историческим развитием страны и всемерной охраной ее традиционных духовно-нравственных ценностей, но о том, что сама стратегия дальнейшего государственного развития будет осуществляться исходя из приоритетности как правового обеспечения духовно-нравственных ценностей, так и их использования в качестве важнейшего средства осуществления государственного управления.

Сразу следует оговориться, что данная тенденция рассматривается нами через призму весьма обоснованного и единственно возможного пути дальнейшего гармоничного, динамичного и устойчивого развития России в условиях глобального противостояния с т.н. коллективным Западом. Анализируемая тенденция с очевидностью демонстрирует то, что в настоящее время происходит своеобразная ассимиляция морально-этической (духовно-нравственной) нормативно-регулятивной системы, ее «растворение» в правовой системе.

Складывается парадоксальная ситуация: чем больше государство стремится защитить духовно-нравственные ценности ради самосохранения российского общества, путем ретрансляции накопленного богатейшего опыта следующим поколениям, тем более общественные отношения, связанные с данными духовно-нравственными ценностями и их, по сути, составляющие, подвергаются нормативно-правовому регламентированию, формализации, и они институционализируются в предусмотренных для этого не столько обществом, сколько государством.

Спектр же данных отношений, непосредственно связанный с духовно нравственными ценностями, достаточно широк. Так, согласно п. 91 анализируемой Стратегии национальной безопасности РФ, к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России¹.

Изложенное выше позволяет заключить, что такие понятия, как: «ответственность за судьбу Отечества», «крепкая семья», «созидательный труд», «приоритет духовного над материальным», «историческая память и преемственность поколений» — являются не только нравственно-этическими, общечеловеческими категориями, но и непосредственными объектами правового регулирования.

К примеру, защита исторической памяти на фоне беспрецедентной кампании по очернению и умалению отдельными западными странами как подвига российского народа во Второй мировой войне, так и в целом роли России в системе международных отношений, получила свое формальное выражение в п. 3 ст. 67.1 Конституции РФ, представляющим собой формальный запрет на умаление значения подвига народа при защите Отечества.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021 г. № 27 (ч. I), ст. 5351.

Социально-обусловленное и востребованное сложившимися реалиями стимулирование коллективизма, взаимопомощи, созидательного труда особенно среди молодежи, получило формальное отражение, к примеру, в недавней реакции Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (в ред. от 14 июля 2022 г.)¹, а также в федеральных проектах «Социальная активность» и «Патриотическое воспитание» национального проекта «Образование»².

Другими словами, провозглашение традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве важнейшего приоритета государственной политики и их соответствующая охрана и защита не могут пройти бесследно с упованием на помощь лишь механизмов самоорганизации гражданского общества. Если традиционные духовно-нравственные ценности и российская государственность взаимообуславливают гармоничное сосуществование друг друга (духовно-нравственные ценности интегрируют российское общество, а государство, в свою очередь, защищает их от размывания, очернения и иного деструктивного влияния), то пределы правового регулирования естественным образом смещаются в сторону достаточно детальной регламентации и правового обеспечения того, что ранее находилось лишь в сфере правового воздействия, но никак не прямого правового регулирования.

Следующим весьма серьезным шагом по включению традиционных духовно-нравственных ценностей в сферу непосредственного правового регулирования выступил Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³.

В этой связи подчеркнем, что если в Стратегии национальной безопасности РФ государственная политика в сфере национальной безопасности обуславливалась сохранением и защитой традиционных духовно-нравственных ценностей, то в упомянутом выше Указе Президента РФ устанавливается особая разновидность государственной политики, направленная на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В Указе впервые дано определение «традиционным ценностям», под которыми понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»⁴. Перечень данных ценностей также приводится, и он полностью идентичен перечню, изложенному в Стратегии национальной безопасности РФ.

Под государственной политикой Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей понимается совокупность скоординированных мер, осуществляемых как Президентом Российской Федерации, так и иными органами публичной власти при

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3340.

² См.: Паспорт национального проекта «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 15.11.2022).

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.

⁴ Там же.

участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей.

Полагаем важным подчеркнуть, что государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в самых разных областях: обучения и образования, работы с подрастающим поколением, культуры и искусства, науки, межнациональных и межконфессиональных отношений, средств массовой информации, международных отношений, а в реализации такой государственной политики участвуют федеральные органы исполнительной власти и иные органы публичной власти в пределах своих полномочий.

Сказанное позволяет заключить, что необходимость противодействия активному распространению деструктивной идеологии, подрывающей единство российского многонационального народа, основы конституционного строя государства и моральный дух граждан, равно как и чрезвычайная значимость формирования на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей и объясняет не только повышенное внимание к отмеченным традиционным духовно-нравственным ценностям, но и наблюдаемое расширение пределов правового регулирования.

Современное российское общество сталкивается с достаточно непростой дилеммой, заключающейся в необходимости одновременно стимулировать механизмы самоорганизации гражданского общества, обеспечивать невмешательство государственной власти в весьма чувствительные сферы жизни социума, которые должны оставаться предметом внеправового регулирования, а с другой — в противодействии вызовам и угрозам, которые способны уродливо исказить механизмы общественной самоорганизации и поставить под вопрос существование духовно-нравственных ценностей именно в их традиционном, сложившемся веками понимании.

Информационная война, развязанная в настоящее время против России, ведется весьма изощренными методами: от неприкрытой агрессии и необоснованного, демонстративного очернения российской политики, идеологии, науки и образования, товаров и услуг, до тонкого использования манипулятивных технологий, способных заставить участников правоотношений вести себя в ущерб своим истинным интересам и потребностям в угоду субъектов манипулятивного воздействия [14, с. 32; 15, с. 95; 16 с. 16–17].

Сказанное во многом и объясняет актуальность, социальную обусловленность повышенного внимания к традиционным духовно-нравственным ценностям со стороны государства, и это, в свою очередь, выражается в неизбежном расширении пределов правового регулирования.

Полагаем, что анализируемое расширение пределов правового регулирования и сопутствующая ему юридикация российской правовой системы должны быть также контролируемы процессами, т.к. потенциал моральных норм и духовно-нравственных ценностей во многом связан с их определенной самостоятельностью, автономностью эволюционного развития.

Правовое обеспечение существования моральных регуляторов зачастую бывает весьма необходимым, однако, если последние обеспечиваются уже не столько силой общественного мнения и механизмами общественной саморегуляции, но юридическими средствами, используемыми в реализации государственной

политики, то не перестают ли они выступать морально-этическими, духовно-нравственными правилами, трансформируясь в правовые нормы, правовые дозволения и запреты?

Данная грань является весьма тонкой, в связи с чем, безусловно востребованная и социально-обусловленная государственная политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей должна реализовываться с опорой на институты гражданского общества и общественное мнение, что и обеспечит ему защиту и самодостаточность основополагающих моральных регуляторов как непреходящей основы российской государственности.

Библиографический список

1. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008. 550 с.
2. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2004. 219 с.
3. Артемов В.М. Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8 (93). С. 11–15.
4. Трифонова Д.Г. Категория нравственности при построении правовой аргументации органами конституционной юстиции (на примере решений Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 10–15.
5. Ладейнова О.С. Нравственно-философская экспертиза как инструмент эволюции права (на примере программно-стратегических документов) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7. С. 21–26.
6. Чернявский А.Г. Право как минимум нравственности // Образование и право. 2020. № 3. С. 53–57.
7. Енгибарян Р.В. Нравственность и политика: совместимы ли они в России // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 2 (55). С. 3–5.
8. Шульга Р.Ю. Вопросы морали и нравственности в фокусе правового регулирования: российский и зарубежный контекст // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 56–61.
9. Денисенко В.В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование). М.: Проспект, 2022. 240 с.
10. Малько А.В., Субочев В.В. Гарантии осуществления законных интересов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 6 (275). С. 138–148.
11. Малько А.В., Субочев В.В. Правовая политика в сфере реализации законных интересов // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 2. С. 8–14.
12. Нырко В.В. К вопросу о структуре проекта доктринальной концепции развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 3. С. 157–160.
13. Нырко В.В. Двоичность правовой информации как методологический подход в исследовании проблем процессуально-правового регулирования, сопряженных с использованием информационных технологий // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 175–177.
14. Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43.
15. Куликов М.А. Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики // Lex russica. 2022. Т. 75. № 9. С. 94–107.

16. *Куликов М.А.* Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании и злоупотребление правом: соотношение категорий // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 15–30.

References

1. *Maltsev G.V.* Moral Foundations of Law. Moscow: SGU, 2008. 550 p.
2. *Tsybulevskaya O.I.* Moral Foundations of Modern Russian Law. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2004. 219 p.
3. *Artemov V.M.* Morality and Law: Reality and Prospects for Interaction // Actual Problems of Russian Law. 2018. No. 8 (93). P. 11–15.
4. *Trifonova D.G.* The Category of Morality in the Construction of Legal Argumentation by Constitutional Justice Bodies (on the example of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights) // Constitutional and municipal law. 2019. No. 10. P. 10–15.
5. *Ladeinova O.S.* Moral-Philosophical Expertise as a Tool for the Evolution of Law (on the example of program-strategic documents) // Actual problems of Russian law. 2019. No. 7. P. 21–26.
6. *Chernyavsky A.G.* Law as a Minimum of Morality // Education and law. 2020. No. 3. P. 53–57.
7. *Engibaryan R.V.* Morality and Politics: Are They Compatible in Russia // Journal of Law and Administration. XXI Century. 2020. V. 16. No. 2 (55). P. 3–5.
8. *Shulga R.Yu.* Questions of Morality and Morality in the Focus of Legal Regulation: Russian and Foreign Context // State power and local self-government. 2019. No. 12. P. 56–61.
9. *Denisenko V.V.* Legitimacy of Law (Theoretical and Legal Research). M.: Prospekt, 2022. 240 p.
10. *Malko A.V., Subochev V.V.* Guarantees for the Implementation of Legitimate Interests // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2007. No. 6 (275). P. 138–148.
11. *Malko A.V., Subochev V.V.* Legal policy in the Sphere of Realization of Legitimate Interests // Legal Policy and Legal Life. 2007. No. 2. P. 8–14.
12. *Nyrkov V.V.* To the Question of the Structure of the Project of the Doctrinal Concept of Development and Unification of Legislation Regulating the Use of Digital Technologies in the Field of Justice // Legal Policy and Legal Life. 2020. No. 3. P. 157–160.
13. *Nyrkov V.V.* Duality of Legal Information as a Methodological Approach in the Study of Procedural and Legal Regulation Problems Associated with the Use of Information Technologies // Legal Policy and Legal Life. 2019. No. 3. P. 175–177.
14. *Subochev V.V.* Political-Legal Manipulation as the Basis for the Governance of Society in the Era of Post-Truth // Tomsk State University Journal of Law. 2019. No. 34. P. 29–43.
15. *Kulikov M.A.* Goals Manipulation Technologies in Legal Regulation: Topical Issues of Theory and Practice // Lex russica. 2022. V. 75. No. 9. P. 94–107.
16. *Kulikov M.A.* Legal Goals and Means Manipulation and Abuse of Law: Correlation of Categories // Journal of Russian Law. 2022. V. 26. No. 11. P. 15–30.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-69-78

УДК 340.15

Г.Г. Егоров, И.Б. Орешкина

О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение: статья посвящена проблеме юридической безопасности. Отмечается, что соотношение внутреннего и внешнего аспектов юридической безопасности носит диалектически сложный характер. С одной стороны, они преследуют единую цель — обеспечить реализацию социально значимых и юридически закрепленных ценностей. С другой — каждый из двух видов безопасности порождает собственные тенденции в правовом регулировании, склонные к конфликтному взаимодействию. **Цель:** рассмотреть правовые элементы развития стратегии национальной безопасности, с точки зрения общих правовых ценностей и принципов современного права и проанализировать роль правовых предписаний как способа формирования юридической безопасности в обществе. **Методологическая основа:** системный подход, формально-юридический метод, а также логические приемы анализа, представляющие унификацию и специализацию в качестве элемента механизма правового регулирования. **Результаты:** обосновывается мысль, что стремление защитить на нормативно-правовом уровне интересы различных социальных групп неизбежно приводит к юридическим коллизиям по той причине, что сами интересы носят противоречивый характер и хотя основаны на универсальных ценностях дают им совершенно различное преломление. Идея юридической безопасности является продуктивным дополнением к складывающейся в России общей концепции правового развития. **Выводы:** признание безусловной желательности правовых реформ постепенно уступает место более компромиссному подходу, в рамках которого изменения правового регулирования приемлемы лишь при наличии определенных гарантий их успешности. В этом контексте принцип юридической безопасности позволяет укрепить прагматические начала нормативно-правового регулирования через сопоставление двух типов рисков: предшествующих проектируемым новшествам (т.е. имеющих место на момент инициирования изменений); ожидаемых в результате, с учетом их вероятностного характера.

Ключевые слова: юридическая безопасность, защита, риск, правовое развитие, правовые ценности.

© Егоров Геннадий Геннадьевич, 2023
Кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела научной и международной деятельности (Волжский филиал ВолГУ); e-mail: egorov@vgi.volsu.ru

© Орешкина Ирина Бахтыбаевна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент, преподаватель правовых дисциплин (ГБПОУ «Ленинский агропромышленный техникум»); e-mail: orechkina-ib@mail.ru

© Egorov Gennady Gennadievich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Researcher in the Department of Scientific and International Activities (Volga Branch of Volga State University)

© Oreshkina Irina Bakhtybaevna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, teacher of legal disciplines (Leninskiy agroindustrial technical school)

G.G. Egorov, I.B. Oreshkina

ON THE LEGAL DEVELOPMENT STRATEGY
IN THE CONTEXT OF LEGAL SECURITY

Background: the article is devoted to the problem of legal security. It is noted that the ratio of internal and external aspects of legal security is dialectically complex. On the one hand, they pursue a common goal — to ensure the implementation of socially significant and legally enshrined values. On the other hand, each of the two types of security generates its own trends in legal regulation, prone to conflict interaction. **Objective:** to consider the legal elements of the development of a national security strategy, from the point of view of general legal values and principles of modern law, and to analyze the role of legal regulations as a way of forming legal security in society. **Methodology:** a systematic approach, a formal legal method, as well as logical methods of analysis, representing unification and specialization as an element of the mechanism of legal regulation. **Results:** it is substantiated that the desire to protect the interests of various social groups at the legal level inevitably leads to legal conflicts, for the reason that the interests themselves are contradictory and, although based on universal values, give them a completely different refraction. The idea of legal security is a productive addition to the general concept of legal development that is emerging in Russia. **Conclusions:** recognition of the unconditional desirability of legal reforms is gradually giving way to a more compromise approach, in which changes in legal regulation are acceptable only if there are certain guarantees of their success. In this context, the principle of legal security makes it possible to strengthen the pragmatic principles of legal regulation through a comparison of two types of risks: on the one hand, preceding the planned innovations (i.e., taking place at the time of initiation of changes), on the other hand, expected as a result, taking into account their probabilistic nature.

Key-words: legal security, protection, risk, legal development, legal values.

Нелинейный характер развития современного права стал уже практически очевидным и общепризнанным фактом. Он выражается в том, что не существует какой-то единой доминирующей тенденции, а происходит достаточно быстрая ситуативная смена концепций и приоритетов и «незыблемые» постулаты подвергаются внезапному пересмотру.

В этих условиях как никогда необходим поиск ориентиров, которые позволяли бы и законодателю, и юридической практике самоопределяться в отношении тех или иных новых вызовов.

В качестве одного из таких ориентиров можно рассмотреть концепцию юридической безопасности, как относительно гибкий и универсальный принцип правового развития.

Идея юридической безопасности существует в зарубежной правовой доктрине. Как отмечает А.А. Пилипенко: «...во французской доктрине считается общепризнанным, что юридическая безопасность является принципом права, цель которого состоит в защите граждан от его вторичных негативных последствий, в частности, непоследовательности и сложности законов и регламентов (подзаконных актов) и их слишком частых изменений» [1, с. 67–68].

Отметим, что с точки зрения отечественной правовой мысли идея юридической безопасности коррелирует с такой классической категорией уголовного права, как общественная опасность, которая раскрывается через понятие ущерба, на-

пример: «...общественная опасность (опасность, вредоносность) заключается в причинении действием (бездействием) ущерба правоохраняемым интересам личности, общества, государства либо в создании угрозы причинения такого ущерба» [2, с. 70].

Таким образом, можно предположить, что понимание юридической безопасности должно отталкиваться от идеи опасности и представлять собой противоположность вреда в разных ее формах.

Отсюда видно, что будучи в социальном смысле положительным явлением, безопасность, с логической точки зрения, представляет собой отрицательное понятие, поскольку указывает на отсутствие чего-либо (вреда, ущерба, опасности...), а не наличие самостоятельной сущности.

При этом концентрация на отрицании создает предпосылку ускользания сути рассматриваемого понятия, а взамен внимание переносится на те свойства, которых данное явление лишено.

Позитивным аналогом понятия безопасности служит защита (защищенность). Именно такое определение, в частности, содержит Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400): «...национальная безопасность Российской Федерации (далее — национальная безопасность) — состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹.

В свою очередь, идея защиты может притязать на роль одной из сквозных мировоззренческих установок, характерных для современного права, причем не только для публичного, но и для частного. Так, А.Я. Рыженков, исследуя ст. 1 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, обратил внимание на то, что в ней трижды используется понятие защиты, два раза — «безопасность», по одному разу «оборона» и «охрана», а также к этому ряду относится положение о восстановлении нарушенных прав, из чего делается вывод: «Основные начала гражданского законодательства, сформулированные в ст. 1 ГК РФ, имеют охранительную (защитную) направленность. Их концептуальным основанием является представление о различных угрозах и опасностях, существующих в сфере гражданских правоотношений и требующих преодоления при помощи правовых средств» [3, с. 15].

Так или иначе, идеи безопасности как и защиты, по своему смыслу являются вторичными, поскольку сохраняют зависимость от представлений о рисках и угрозах, хотя и с некоторыми отличиями (безопасность — отсутствие угрозы; защита предполагает наличие угрозы и ее преодоление; следовательно, достижение безопасности является целью защиты).

Так, риск в сфере права представляет собой «...возникающую в условиях неопределенности ситуацию, в которой субъекты юридической деятельности принимают решение, результаты которого, в свою очередь, не могут быть однозначно оценены в момент его принятия» [4, с. 245].

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

Риски могут различаться по сферам проявлений, масштабу, времени, продолжительности [5, с. 29]; однако наиболее важным, влияющим на понимание юридической безопасности, следует признать деление правовых рисков на внешние и внутренние.

1. Внешние риски — это потенциально или актуально деструктивные ситуации, имеющие социальное или природное происхождение, но не обладающие собственно правовой природой (по выражению Ю.А. Тихомирова, «риски извне правовой среды» [5, с. 29]).

Механизм влияния внешних рисков на развитие права характеризуется тем, что они возникают независимо от права и лишь впоследствии, при необходимости, приобретают юридически значимый характер.

Соответственно, в таком значении юридическая безопасность представляется как форма обеспечения социальной безопасности, не единственная, а лишь одна из них, наряду с различными мерами политического, экономического, административного и т.п. характера.

Из этого автоматически вытекают некоторые проблемы, вызываемые внешними рисками по отношению к правовому регулированию:

а) проблема адекватной оценки внешнего риска с правовой точки зрения и выбора соответствующего юридического инструментария;

б) проблема запаздывания юридических средств снятия или устранения внешних рисков, обусловленная консерватизмом правовой системы;

в) проблема противоречивости и конфликтности между правовыми и иными средствами преодоления рисков, приводящая к нарушениям законности или к неэффективному обеспечению безопасности.

Типичным примером внешнего риска, повлекшего сообразные меры юридической безопасности, стала пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 году [6].

Первой особенностью юридической безопасности в условиях внешних рисков является то, что речь идет о мерах чрезвычайного характера, то есть о правовых средствах, не являющихся частью ординарного правового регулирования, но актуализируемых именно на период возникновения соответствующих непредвиденных явлений.

Таким образом чрезвычайные меры могут носить как вполне традиционный характер (как, например, уже вполне привычные институты форс-мажора или чрезвычайного положения), так и инновационный, определяемый спецификой вновь возникшего риска [7].

Вторая особенность внешних рисков состоит в том, что меры по их преодолению, будучи направлены на защиту прав и законных интересов граждан, сами по себе являются потенциальным источником их нарушения, вследствие чего происходит своего рода эскалация угроз.

При этом риски собственно правового регулирования могут быть двоякого рода: вызваны несовершенством имеющихся юридических и социальных гарантий, создавая, тем самым, возможность дискриминации; например, как указывает Т.Я. Хабриева, неокказание надлежащей медицинской помощи отдельным группам населения, в том числе тяжело больным, может рассматриваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение [8, с. 7].

Иная ситуация складывается там, где сами санитарно-эпидемиологические меры имеют потенциальные юридические риски. Так, антипандемийные меры повлекли за собой ограничение значительного числа конституционных прав

граждан, включая: право на судебную защиту, свободу передвижения, свободу собраний, право на доступ к культурным благам и т.п. Несомненно, здесь действует принцип «ответственности за нацию», предполагающий, что безопасность всех является условием безопасности каждого [8, с. 6]. Однако, это не отменяет необходимости соблюдения таких принципов ограничения прав человека, как обоснованность и соразмерность.

2. Внутренние (специально-юридические) риски — это вероятность наступления неблагоприятных последствий, относящихся собственно к состоянию правовой системы и правового регулирования.

В отличие от внешних рисков, внутренние являются не временными, а постоянно действующими, и представляют собой вполне прогнозируемый и даже управляемый аспект развития права.

Одним из наиболее распространенных является, в частности, риск коллизии, выражающийся в том, что нарастание внутренних противоречий в правовом регулировании может заблокировать действие не только отдельных норм, но и целых правовых институтов.

Более широкую интегративную категорию для описания этой категории внутренних рисков предлагает С.А. Белоусов, а именно — понятие «законодательный дисбаланс», которое призвано вобрать в себя такие явления, как правовая инфляция, юридические коллизии и пробелы, нарушения системных связей законодательства и т.п. [9, с. 16].

К внутренним правовым рискам следует отнести также опасности делегитимации правового регулирования, то есть утраты доверия к праву со стороны населения; т.е. в ряде европейских государств принцип легитимного доверия считается частным случаем юридической безопасности [1, с. 66].

Примером связи внешних и внутренних рисков может служить столкновение понятий «непреодолимая сила» и «правовое ограничение», имевшее место в период пандемии коронавируса. В п. 7 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.) говорилось, что принимаемые органами государственной власти и местного самоуправления меры по ограничению ее распространения могут быть признаны обстоятельствами непреодолимой силы при условии их соответствия установленным критериям и наличия причинной связи между этими обстоятельствами и неисполнением обязательства.

Вместе с тем данный вывод очевидным образом противоречит общепринятой трактовке понятия «непреодолимая сила», которая применяется обычно к событиям природного характера, удовлетворяющим таким критериям, как чрезвычайность, непредвидимость и непредотвратимость [10 с. 55]. Попытка применить данную конструкцию не только к самой пандемии, но и к правоограничительным мерам государства по ее преодолению, во-первых, разрушает доктринальные представления о непреодолимой силе, в соответствии с которыми это понятие не может быть отнесено к поведению человека, поскольку он несет ответственность за свои поступки [10, с. 64]; во-вторых, она фактически заменяет другой, более логичный способ квалификации рассматриваемых действий — в качестве крайней необходимости, что оставляло бы возможность их правовой оценки с точки зрения законности и обоснованности [11, с. 78–79].

Из этого можно сделать следующие выводы:

появление внешних рисков, будучи с точки зрения права экстраординарным явлением, объективно подталкивает не к тому, чтобы пользоваться традиционными юридическими конструкциями, а к построению новых, для отражения возникающих вызовов скорее *ad hoc*, чем с расчетом на закрепление в качестве постоянных элементов правовой системы;

внедрение в правовую систему таких норм и институтов «чрезвычайного» характера практически неизбежно порождает внутренние юридические конфликты, поскольку подобного рода новеллы не отменяют ранее существовавших правил поведения, но и вступают с ними в противоречие, и тем самым к собственно внешнему риску добавляется опасность нарушения внутренней целостности самого права.

В отношении стратегии противодействия правовым рискам и обеспечения юридической безопасности следует подтвердить правоту А.И. Овчинникова, который отмечает, что само понятие безопасности имеет ценностную природу, но в условиях неопределенности, оно во многом теряет свой смысл [12, с. 36].

Действительно, если идея безопасности понимается как защищенность от угроз, которые, в свою очередь, представляют собой посягательства на те или иные блага, то содержательное наполнение безопасности, как, своего рода, бланкетного понятия, полностью зависит от того, какие именно социальные ценности берутся в данном случае за основу в качестве объектов защиты.

Но если речь идет о безопасности юридической — то необходимо, чтобы соответствующие ценности носили общесоциальный и непререкаемый характер, в связи с чем, предложение А.И. Овчинникова опираться на ценности духовно-нравственного характера, неоспорно. Не случайно то, что комментируемый им документ: «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», разработанный во исполнение Стратегии национальной безопасности, пока остается на стадии проекта. Проблема в том, что фрагментация общества не позволяет достичь консенсуса в отношении статуса и набора нравственных ценностей, вследствие чего возможность их использования, в том числе, как основания для ограничения прав человека угрожает повышением социальной конфликтности.

Поэтому, более надежной отправной точкой для определения юридической безопасности следует считать скорее конституционные ценности, уже подвергшиеся формализации на высшем нормативном уровне (равенство, свобода, достоинство человека и др.), которые, хотя и связаны с нравственными, но не могут быть полностью к ним сведены [13, с. 341].

При этом важно, чтобы достигалась не только фактическая ценностная обоснованность принимаемых решений, но и открытый характер этого обоснования, с тем чтобы социально значимые цели тех или иных мер юридической безопасности были явлены всем, кого они затрагивают (особенно с учетом возможных ограничений прав человека). Это означает, что все ссылки на безопасность, содержащиеся в нормативных или правоприменительных актах, должны интерпретироваться в контексте набора основных ценностей конституционного, а также отраслевого характера; в случае же, если понятию безопасности придается тот или иной специальный смысл, то целесообразно конкретизировать его ценностный аспект при составлении текста или путем его официального разъяснения.

Вслед за выявлением ценностей, подлежащих защите, необходимо построение сценарных прогнозов, призванных найти альтернативные варианты развития событий, с тем чтобы предусмотреть набор возможных рисков и адекватных им мер реагирования.

Вопрос о легитимности правового регулирования с точки зрения юридической безопасности сводится к сопоставлению затрат: какие правоограничения потребуются для того, чтобы противостоять возникающим угрозам, и соблюдается ли принцип соразмерности, или, иначе говоря, не происходит ли чрезмерное ущемление (умаление) чьих-либо прав или законных интересов, излишнее с точки зрения безопасности.

При этом стоит учитывать, что представление о безопасности, как о полном отсутствии рисков и угроз, является утопическим и не может служить основанием правовой политики государства; более рациональным и реалистичным будет стремление к управлению рисками с целью их минимизации, то есть доведения до оптимально допустимого уровня.

Примером может служить такой внутренний риск как правовая неопределенность. В современной российской правовой доктрине и юридической практике определенность практически отождествляется с понятием однозначности. Например, М.А. Беляев указывает, что юридически значимой является такая неопределенность, при которой одно и то же дело может быть решено разными, но законными способами [14, с. 63].

Если рассматривать данную ситуацию с точки зрения юридической безопасности, то многозначность нормативного текста является не просто возможным, но практически неизбежным его состоянием. Таким образом, попытка полного устранения неопределенности (понимаемой в этом значении) была бы неосуществимой и, более того, понижала бы функциональность права, лишая его гибкости и уничтожая творческую свободу интерпретации.

Следовательно, внедрение правовой определенности не должно означать полного отсутствия иных, помимо официально установленного, смыслов той или иной правовой нормы. Поскольку основным риском правовой неопределенности является нарушение принципа равенства, для достижения юридической безопасности достаточной гарантией служит не единственно верный смысл соответствующей нормы, а только избрание легального варианта ее толкования в качестве основания юридически значимых действий, не претендующего на абсолютную истину [15].

Соотношение внутреннего и внешнего аспектов юридической безопасности носит диалектически сложный характер. С одной стороны, они преследуют единую цель — обеспечить реализацию социально значимых и юридически закрепленных ценностей. С другой стороны, каждый из двух видов безопасности порождает собственные тенденции в правовом регулировании, склонные к конфликтному взаимодействию.

Направленность на борьбу с внешними рисками скорее соответствует восприятию права в качестве средства оперативного решения социальных проблем, что требует быстрого изменения правового регулирования, в том числе, на законодательном уровне. Однако именно такой подход наиболее уязвим с точки зрения внутренних юридических рисков, поскольку повышенный динамизм правовой системы сопряжен с ростом коллизииности и понижением легитимности права.

Стремление защитить на нормативно-правовом уровне интересы различных социальных групп неизбежно приводит к юридическим коллизиям по той причине, что сами интересы тоже носят противоречивый характер и хотя основаны они на универсальных ценностях, дают им совершенно различное преломление.

Будучи оценочным понятием, существенно зависящим от контекста по своему содержанию, юридическая безопасность, вероятно, не может выполнять роль высшего ориентирующего начала при построении правовой политики государства. Тяготение к безопасности корректируется иными установками, в частности, необходимым дополнением к идее безопасности должна выступать такая ценность как развитие.

Правовая система, будучи отражением социокультурной реальности не терпит стагнации; она подвержена эволюционным процессам и с необходимостью следует за тенденциями общественной динамики, видоизменяясь в соответствии с ними.

В свою очередь, развитие, как выявление и претворение в жизнь некоторой внутренней сущности права, происходящее под влиянием всей суммы внешних и внутренних факторов, неизбежно носит рискованный характер, сопровождаясь появлением новых угроз, нередко являясь их катализатором.

Развитие во многом представляет собой тот ценностный ориентир, который по своему вектору противоположен безопасности. Если безопасность диктует в большей степени консервативную стратегию правового регулирования, в которой даже новации служат сбережению уже имеющихся благ, то развитие, напротив, означает готовность пожертвовать некоторыми из них для достижения какого-либо качественно нового состояния.

Развитие и безопасность, таким образом, могут интерпретироваться как ключевые ценностные параметры двух противостоящих друг другу парадигм правового регулирования — реформаторской и консервативной. Выбор между ними носит мировоззренческий характер и обусловлен идеологической моделью понимания исторического процесса, который распространяется, в том числе, на правовую жизнь общества.

Вместе с тем независимо от стратегических приоритетов, фактор юридической безопасности, в любом случае, требует учета, да же если во главу угла ставить развитие правовой системы.

Как представляется, идея юридической безопасности является продуктивным дополнением к складывающейся в России общей концепции правового развития. Признание безусловной желательности правовых реформ постепенно уступает место более компромиссному подходу, в рамках которого изменения правового регулирования приемлемы лишь при наличии определенных гарантий их успешности. В этом контексте принцип юридической безопасности позволяет укрепить прагматические начала нормативно-правового регулирования через сопоставление двух типов рисков: с одной стороны, предшествующих проектируемым новшествам (т.е. имеющих место на момент инициирования изменений), с другой стороны, ожидаемых в результате, с учетом их вероятностного характера.

Библиографический список

1. Пилипенко А.Н. Легистика: прикладная наука и практика (зарубежный опыт) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 60–84 .

2. *Кузнецова Н.Ф.* Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации // Государство и право. 2010. № 6. С. 67–75.
3. *Рыженков А.Я.* Основные начала (принципы) гражданского законодательства и смежных отраслей права. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.
4. *Мамчун В.В.* Риск в юридической деятельности: сущность и детерминация // Юридическая техника. 2019. С. 243–248.
5. *Тихомиров Ю.А.* Риски в правовом пространстве // Юридическая техника. 2019. С. 28–35.
6. *Хабриева Т.Я.* Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2.
7. *Гопия Г.О.* Гражданско-правовые аспекты ограничения имущественных прав с целью обеспечения экологической безопасности. Волжский: [б. и.], 2016. 182 с.
8. *Хабриева Т.Я.* «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 5–9.
9. *Белоусов С.А.* Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 501 с.
10. *Павлодский Е.А.* Случай и непреодолимая сила в гражданском праве. Избранное. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. С. 5–86.
11. *Рыженков А.Я.* Юридические факты в гражданском праве. М.: Юрлитинформ, 2022. 192 с.
12. *Овчинников А.И.* Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42.
13. *Дудко И.Г.* О конституционных ценностях // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сборник научных трудов / под ред. О.Ю. Рыбакова. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 336–343.
14. *Беляев М.А.* Неопределенность социального порядка как причина трансформации нормативности // Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 62–68.
15. *Krasilnikova T.K.* The Use of Modern Digital Technologies in the Implementation of the Rights and Legitimate Interests of Citizens // “Smart Technologies” for Society, State and Economy : Conference proceedings ISC 2020 / In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds). Switzerland : Springer Nature Switzerland AG, 2021. (Lecture Notes in Networks and Systems; Volume 155). P. 1118–1125.

References

1. *Pilipenko A.N.* Logistics: applied science and practice (foreign experience) // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 2. P. 60–84.
2. *Kuznetsova N.F.* The importance of public danger of acts for their criminalization and decriminalization // State and Law. 2010. No. 6. P. 67–75.
3. *Ryzenkov A.Ya.* Basic principles of civil legislation and related branches of law. Moscow: Yurlitinform, 2015. 208 p.
4. *Mamchun V.V.* Risk in legal activity: essence and determination // Legal technique. 2019. P. 243–248.
5. *Tikhomirov Yu.A.* Risks in the legal space // Legal technique. 2019. P. 28–35.
6. *Khabrieva T.Ya.* Managing the pandemic crisis on the basis of law: world and Russian experience // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 2.
7. *Gopiya G.O.* Civil-legal aspects of the restriction of property rights in order to ensure environmental safety. Volzhsky: [B. I.], 2016. 182 p.

8. *Khabrieva T.Ya.* "Jurisprudence of the pandemic": territory of emergency // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 5–9.
9. *Belousov S.A.* Legislative imbalance (doctrine, theory, practice): dis. ...Dr. jurid. sciences'. Saratov, 2015. 501 p.
10. *Pavlodsky E.A.* Case and force majeure in civil law. Selected. M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2010. P. 5–86.
11. *Ryzhenkov A.Ya.* Legal facts in civil law. M.: Yurlitinform, 2022. 192 p.
12. *Ovchinnikov A.I.* National security and traditional spiritual and moral values: issues of legislative support // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 35–42.
13. *Dudko.G.* On constitutional values// Human rights and the politics of law in the XXI century: prospects and challenges: a collection of scientific papers / edited by O.Y. Rybakov. Saratov: Saratov Source, 2022. P. 336–343.
14. *Belyaev M.A.* Uncertainty of social order as a reason for transformation of normativity // Legal behavior: classical and modern models: a collection of scientific papers / under the general editorship of D.A. Pashentsev. Saratov: Saratov Source, 2022. pp. 62-68.
15. *Krasilnikova T.K.* The use of modern digital technologies in the realization of the rights and legitimate interests of citizens // "Smart technologies" for society, state and economy : materials of the ISC 2020 conference / Co-authored: Popkova E.G., Sergi B.S. (ed.). Switzerland : Springer Nature Switzerland AG, 2021. (Lecture notes on Networks and Systems; volume 155). P. 1118–1125.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-79-88

УДК 342.5

Е.В. Зазолина

ПОМЕСТНЫЙ ПРИКАЗ КАК ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

***Введение:** отечественная историография насчитывает достаточно большой перечень работ, посвященных исследованию развития приказной системы управления в Московском государстве. При этом многие аспекты деятельности приказов остаются малоизученными. В частности, со стороны исследователей мало внимания уделяется вопросам осуществления полномочий и функций, возложенных на Поместный приказ — как один из ведущих органов госуправления в XVI–XVIII вв. Указанное подтверждает актуальность темы настоящего исследования и обуславливает необходимость более детального изучения организационно-правовых начал и основ функционирования Поместного приказа. **Цель:** проведение историко-правового исследования деятельности Поместного приказа, изучение организационно-правовой структуры приказа и его кадрового состава, и особенностей ведения делопроизводства. **Методологическая основа:** представлена диалектическим, историческим, сравнительно-правовым методами, которые позволяют выявлять основные элементы объекта исследования и происходящие в нем изменения с целью раскрытия их содержания и взаимоотношений, а также направлены на раскрытие сущности исторических фактов при их сопоставлении с другими схожими фактами. **Результаты:** в работе исследованы внутренняя структура приказа, как государственного учреждения, управление приказом и его кадровый состав. Определены и указаны основные направления деятельности и виды документации, которые велись в приказе, также освещен вопрос формирования архива приказа. **Выводы:** Поместный приказ являлся «многопрофильным» учреждением, объединившим в себе функции административного, исполнительного и судебного органов. Функционирование приказа и как результат его деятельности — его архивы (писцовые и переписные книги) заложили основу для дальнейшего развития и совершенствования государственного управления в сфере землепользования.*

***Ключевые слова:** приказная система, приказы, Поместный приказ, поместье, земельный участок, дьяки, подьячие, писцовые книги, переписные книги.*

© Зазолина Елена Викторовна, 2023

Старший преподаватель кафедры юриспруденции факультета социальных и гуманитарных наук ГБОУ ВПО Московской области Университет «Дубна», начальник территориального отдела № 27 филиала ППК «Роскадастр» по Московской области; email: elena_zazolina@mail.ru

© Zazolina Elena Viktorovna, 2023

Senior Lecturer of the Department of Jurisprudence of the Faculty of Social Sciences and Humanities of the Moscow region "Dubna University", Head of the territorial Department No. 27 of the branch of the PPK "Roskadastr" in the Moscow region

E.V. Zazolina

POMESTNY PRIKAZ (LOCAL ORDER) AS ONE OF THE LEADING ORGANS OF STATE ADMINISTRATION IN THE MOSCOW STATE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Background: Russian historiography has a fairly large list of works devoted to the study of the development of the Prikaz system of administration in the Moscow state. However, many aspects of the Prikaz activities remain little-studied. In particular, researchers pay little attention to the execution of powers and functions assigned to the local Prikaz (local order) as one of the leading organs of state administration in the 16th–18th centuries. **Objective:** to conduct a historical and legal study of the activities of the Local Prikaz (local order), to study the organizational and legal structure of the order and its staff, and the peculiarities of record keeping. **Methodology:** using dialectical, historical, comparative legal methods, which allow to identify the main elements of the object of research and changes occurring in it in order to reveal their content and relationships, as well as aimed at revealing the essence of historical facts in their comparison with other similar facts. **Results:** the paper investigated the internal structure of the Order as a state institution, the management of the Order and its staffing. The main directions of activities and types of documentation, which were maintained in the Order, are defined and indicated, the issue of formation of the archive of the order is also highlighted. **Conclusions:** the Prikaz (Local Order) was a “multidisciplinary” institution which combined the functions of administrative, executive and judicial bodies. The functioning of the Prikaz and, as a result of its activity, its archives (scribe and census books) laid the foundation for further development and improvement of state administration in the sphere of land use.

Key-words: ordering system, orders, Local Order, estate, land plot, clerks, scribes books, census books.

В XIII–XV веках на территории Восточно-европейской равнины происходит образование Московского государства из ранее независимых государств княжеств. Активный процесс формирования Русского государства закончился к концу XV – началу XVI вв. в результате которого к Великому княжеству Московскому были присоединены территории Псковской и Новгородской республик, Смоленского и Рязанского княжеств, Вятской республики, Пермской земли, Югорской земли (земли на Северном Урале) и др. Централизация власти, процесс объединения территорий и, как его следствие, подчинение княжеств, вошедших в состав единого Московского государства, усилили значимость Московского князя, а также обусловили необходимость в формировании новых государственных органов управления. Характерной специфической чертой государственного аппарата России на рубеже XVI–XVII веков можно обозначить появление новых органов центрального и местного управления — приказов. Как отмечают в своем исследовании А.А. Расторгуева и А.С. Мартыненко, введение в систему государственного устройства приказной системы управления было прогрессивным шагом, направленным на централизацию и укрепление авторитета государства [1, с. 239]. «Новая приказная» модель в государственном управлении заложила основы формирования государственности Московского княжества и представляла собой прообраз отраслевых министерств и ведомств. Применение терминологии «приказа» в административно-управленческом аппарате государства напрямую

связано с организацией и реализацией управленческой деятельности: «...когда определенная группа вопросов поручалась кому-то из бояр, вокруг которого формировался постоянный штат дьяков и подьячих...» [2, с. 65].

Отправной точкой в новом подходе управления стало развитие системы поместных отношений, на которой в дальнейшем базируется правовое регулирование и решение вопросов в сфере распределения земельных наделов между служивыми людьми. Правовые основы порядка предоставления земли за военную и/или гражданскую службу (служивого землевладения) закреплялись в Судебнике 1497 г. Со второй половины XV в. в Московском государстве начинает постепенно выстраиваться процесс формирования поместного землевладения в сложную и стройную систему. На государственном уровне разрабатываются и утверждаются правила, регламентирующие процесс выделения и раздачи земельных наделов (поместий). Как отмечал В.О. Ключевский, введение указанных норм и правил было связано необходимостью «...когда правительство, создав усиленным набором многочисленную вооруженную массу, начало устроить ее содержанием земельными дачами» [3, с. 240]. Для решения поставленных задач по обеспечению служивого народа земельной собственностью в виде поместий было создано специальное учреждение — Поместный приказ.

В памятниках русского права (конец XV – начало XVI вв.) Поместный приказ изначально имел название Поместной избы. Точная дата организации и начала функционирования приказа неизвестна, так, по данным В.К. Цечоква приказ был учрежден в 1553 г. [4, с. 109], К.В. Барышкова и А.А. Подсумкова указывают 1577 г. [5, с. 37]. Просуществовал приказ вплоть до XVII–XIX в., в последствии вошел в состав Вотчинной коллегии — высшего центрального государственного центрального органа, который возник в результате проведенных Петром I реформ в сфере государственного управления.

Поместный приказ, наряду с другими учрежденными органами — Разрядным, Посольским, Разбойным, Казенным, Ямским приказами, был сформирован как самостоятельный государственный орган исполнительной власти и представлял собой постоянно действующее административное учреждение, при этом его юрисдикция распространялась на всю территорию Московского государства. С целью обеспечения деятельности и выполнения возложенных функций Поместный приказ, как государственная структура, имел сформированный штат работников, утвержденный порядок осуществления деятельности и делопроизводства. Во главе этого ведомства стоял боярин (окольный) — лицо, приближенное к государю, в других должностях состояли — судьи, думные дьяки, дьяки, и подьячие. О количественном и качественном штатном составе Поместного приказа свидетельствуют данные, приведенные С.А. Шумаковым — за период с конца XV в. по 1718 г. в Поместном приказе насчитывалось 124 судей и дьяков [6, с. 45–49].

Основные направления деятельности Поместного приказа сводились к осуществлению работ по учету служивого землевладения, выделению земельных поместий за несение государственной службы и к фиксации информации о произведенных «земельных отводах» служивым людям. В осуществлении возложенных на него функций Поместный приказ взаимодействовал с Разрядным приказом. Предоставление земельных наделов осуществлялось в размерах, которые определялись Разрядным приказом. Пожалование поместий служивым людям проводилось от имени государя или Боярской Думы документально

оформленное в виде специального акта — царской грамоты. Выделенные участки земли подлежали обязательному учету и отражению в книгах, которые носили название «даточные книги» [2, с. 65].

К особой компетенции Поместного приказа можно отнести документирование и хранение поземельной документации — писцовых и переписных книг. Внесение записей в эти книги было основанием для определения правового статуса и принадлежности земель в государстве [7, с. 44]. Соборное Уложение 1649 г. установило необходимость документального отражения в учетных системах Поместного приказа всех составляемых купчих, меновых и закладных на землю (гл. XVII, ст. 5, 6, 12) [8, с. 88–89]. При этом от заинтересованных лиц требовалось обязательное прошение на имя государя в Поместный приказ с целью отражения информации о произведенной сделке и внесении соответствующих записей в регистрационные книги. Многие исследователи в этой области связывают с этим начало «процесса укрепления прав на земельную собственность (вотчину или поместье)» [9, с. 79].

В Поместном приказе сложилась разветвленная структура. Канцелярия приказа, в которой было сосредоточено все делопроизводство, делилась на «столы» во главе с дьяками, а столы в свою очередь делились на «повытья» во главе со старшими (старыми) подьячими. Дошедшие до наших времен исторические данные не позволяют установить время появления «столов» и «повытьев». Как отмечает А.В. Чернов — начало их функционирования «...следует отнести еще к XVI в., так как в первой четверти XVII в. столы были уже вполне сформировавшимися структурными частями Поместного приказа со своим штатом и определенной территорией государства, находившейся в ведении каждого стола» [10, с. 206]. Интересен факт происхождения термина «стол», как самостоятельной структурной единицы учреждения. Некоторые исследователи связывают его применение от названия канцелярского стола, как места, где решались и рассматривались дела уполномоченными лицами Поместного приказа.

На законодательном уровне по царскому указу 1686–1687 гг. была закреплена структура и штат Поместного Приказа. Вся территория государства была разделена на четыре территориальных стола (Московский, Псковский, Владимирский, Рязанский столы), которые, в свою очередь, были разделены на 33 повытья. Каждое повытье также ведало определенной территорией. Наряду с этим, существовало еще два стола (стол Вотчинный записки и Приказной стол), которые обслуживали весь приказ и выполняли административные и управленческие функции [10, с. 214–216].

Отдельного внимания заслуживает вопрос кадрового обеспечения и штатного расписания Поместного приказа. Архивные данные свидетельствуют о том, что среди всех существовавших приказов в Московском государстве — Поместный приказ на протяжении всего времени своего функционирования оставался крупнейшим государственным учреждением. Приведем для наглядности некоторые цифры. Так, в 1677–1678 г. в Поместном приказе состояло на службе 443 подьячих, в других приказных органах число подьячих варьировалось от 1 до 259 служащих [11]. В последующие годы в связи с наращением темпов по описанию и переписью земель штатный состав приказа увеличивался в основном за счет привлечения в штат писцов и переписчиков. По данным приведенным Н.Н. Ардашевым в своем исследовании: количественный состав приказа насчитывал порядка 900 человек [12, с. 1–32].

Кадровый состав служащих Поместного приказа включал в себя отдельные «группы приказных людей»: судьи, дьяки и подьячие. Должность судьи являлась высшей должностью, назначение на которую происходило по царскому указу. При этом на должность судьи выбирались служивые люди из бояр, и как указывает И.А. Устинова в своем исследовании «...служба в приказе не считалась почетной, представители знатных родов пытались уклониться от такого назначения, и нередко царский указ закреплял изъятие приказной службы из местнической сферы. Кроме того, исполнение должности судьи в приказе одним лицом редко было долговременным, и за ним следовал перевод на более престижную военную или дипломатическую службу, являвшуюся для родовитых людей основной...» [13, с. 10–11].

Следующей по иерархии должностей в приказе стояли дьяки. Их делили на думных дьяков — те, кто принимал участие в заседаниях Боярской думы и дьяков приказных — те, которые были непосредственно заняты административной работой и выполняли делопроизводственную функцию в приказе. Надо отметить, что в приказных учреждениях того времени складывалась тенденция к назначению на должность судей приказа думных дьяков. Поместный приказ не стал исключением. Приведем для наглядности данные о длительности нахождения во главе Поместного приказа думных дьяков — Новокщенов (1617–1620), Данилов (1635–1643), Караулов (1665–1670), Дохтуров (1670–1676). Карьера думных дьяков начиналась с самых низших должностей в приказе. Как писал А.В. Чернов: «...думные дьяки сидели в приказах вплоть до своей смерти», исключение думного дьяка и из штата приказа (против его воли) было возможно в случае наличия обстоятельства внешнего характера (политическая обстановка, борьба боярин, смена власти и т.п.) [10, с. 228].

Подьячие в приказе составляли самую многочисленную группу работников в штате Поместного приказа. А.В. Чернов в своем исследовании следующим образом характеризует деятельность подьячих в приказе: «В результате их кропотливой работы, на которую уходили сотни стоп бумаги, ведра чернил и целые воза песка (для присыпки) и образовался тот документальный материал (архив приказа), который насчитывает десятки тысяч единиц хранения, некоторые из них размером в 600–900 листов» [10, с. 233]. Должности подьячих подразделялись на следующие категории — «старые подьячие» были главными помощниками дьяков, «средние» и «молодые» подьячие в функции которых входила организация работы с документами. Кроме того, как отмечают некоторые исследователи существовали еще и «площадные подьячие», «...которые дежурили на площади в Кремле перед зданием приказов... и оказывали услуги населению, составляя челобитные» [14, с. 98].

Наряду с указанными выше должностями Поместного приказа: судьями, дьяками и подьячими в штате приказа также состояли служащие, в чью трудовую функцию входила «техническая» работа — переписчики, картографы и т.п. Отметим, что «группы приказных людей» Поместного приказа различались по своему социальному происхождению. Подьячие в своей основной массе не имели дворянского происхождения, подавляющее большинство дьяков были выходцами из среды мелкопоместного городского дворянства. Судьи приказа, как было отмечено выше, назначались из бояр и по своему статусу были тесно связаны с царским двором. Таким образом, одним из ключевых принципов кадровой политики при формировании и укомплектовании штата Поместного приказа,

как одного из звеньев государственного аппарата, было разделение функционала работников: руководящие должности находились в руках дворянства, а техническая работа выполнялись работниками не дворянского происхождения.

Отдельного внимания и исследования заслуживает архив Поместного приказа, как важнейшая составляющая его деятельности. Формирование архива тесно связано с ведением различной учетной документации (книг) и с правилами осуществления делопроизводства в приказе. Поземельные книги и другая учетная документация, которые велись приказом, «брали свое начало» с подачи заявителем (просителем) в приказ челобитной. Согласно установленному порядку челобитные принимались по столам Поместного приказа, то есть по территориальному принципу расположения стола приказа и территориальной принадлежности земельного надела с обязательной фиксацией в учетно-регистрационных книгах. Как свидетельствуют архивные данные, в случае получения работником приказа челобитной не того стола, к которому территориально был отнесен земельный надел, указанный работник подлежал битью кнутом и ссылке в Сибирь. На этом этапе четко прослеживаются меры государственного воздействия на злоупотребление должностными полномочиями в приказе, что подчеркивает бюрократический характер деятельности Поместного приказа. Принятые челобитные регистрировались в специально предусмотренных для этой цели книгах, которые велись подъячими по каждому столу отдельно [15]. Для каждого определенного вида прошений (челобитных) была предусмотрена своя записная книга. В качестве примера укажем следующие виды книг: «книга челобитенная с прописных и утаенных и выморочных поместях»; «книга челобитенная ставочным, срочным и всяким спорным челобитным»; «книга челобитенная из поместья в вотчину за разные службы и о межевых грамотах и о переделе поместей и вотчин и в неправом межеванье на межевщиков» и т.п. [16].

Подача и регистрация челобитной служила отправной точкой для начала ведения и образования нового земельного дела — «столбца». Столбцовое делопроизводство было одной из распространенных форм ведения делопроизводства в России в конце XVI – середины XVII вв. Как отмечали С.О. Шмидт и С.Е. Князьков: «...в XVII в. все более увеличивается значение в правительственном делопроизводстве книг, особенно в 1660-е гг. Внешний признак столбца — соединение, склейка отдельных документов в единое „дело“ в виде свитка. Документы писали на листах бумаги, разрезанных пополам. ... Эти полосы подклеивались одна к другой. Места склеек, а также составные части такой бумажной ленты называли „составы“ (т. е. составы, связи)» [17, с. 15]. Столбцовое делопроизводство в приказе просуществовало до принятия Петром 1 указа от 12 июля 1700 г. Согласно указу Петра 1 «...всякие дела писать в дестевые тетради по кераксе, а в столбцах не писать». Ключевой причиной изменения правил ведения записей послужил факт, «...что в приказах из столбцов многие дела пропадают подъяческим небрежением, а иные и промыслом челобитчиковым» [18, с. 59]. Предполагалось, что новая форма записей способствует сохранности документации в приказе.

Наряду с указанными выше документами и книгами в результате функционирования Поместного приказа сформировались еще две важные группы документов: приказные дела; писцовые и переписные книги. К «приказным делам» приказа относится документация, которая непосредственно была связана с «внутренней жизнью» приказа — штатное расписание работников (подъячих, дьяков, переписчиков и т.п.), распределение должностей по столам и по вытьям,

административные документы, описи дел приказа и др. Писцовые книги представляют собой «своеобразный реестр» и описание поземельного владения служивого народа, монастырей и государства. Переписные книги являются продолжением описания земель, но уже с фиксацией населения, прикрепленного к земельному наделу (поместью). Поземельные книги (писцовые и переписные книги) составляли главнейший пласт документации Поместного приказа, так как были основой для ведения учета, выдела и регистрации земель. В рамках же всего государства писцовые и переписные книги были «базой» для решения вопросов в области финансовых, оборонных мероприятий правительства. Обратим внимание, что в дальнейшем архивные поземельные книги Поместного приказа будут использованы и взяты за основу Екатериной II при проведении Генерального размежевания земель и при реализации реформы секуляризации церковных земель [19, с. 189–195].

В результате функционирования Поместного приказа был создан большой архив документации. По причине пожара в 1626 г., который уничтожил собранные материалы приказа за более ранний период, до нашего времени документальная часть архива сохранилась только со второй четверти XVII в. По сведениям 1705 г. в приказе хранилось 20 746 единиц, в том числе 18 660 столбцов и 2 086 книг [10, с. 248]. Таким образом, в Поместном приказе, за весь период его существования, сложилась достаточно разветвленная типология документации, были установлены правила обработки документов, дифференциация рассмотрения поступающих обращений, правила оформления, ведения и хранения учетно-регистрационных книг. Все это свидетельствует о развитии управленческого аппарата в Московском государстве.

Исходя из представленного историко-правового анализа организационно-правовых основ деятельности Поместного приказа, как одного из звеньев в государственном аппарате управления единого Русского государства, отметим следующее. В своей деятельности Поместный приказ выполнял множество различных функций: административную, управленческую, кадастровую, межевую, судебную. Таким образом, можно говорить о «многофункциональной» направленности приказа. При этом нельзя недооценивать важность задач, возложенных на приказ. Обеспечение служивых людей земельными поместьями было одним из приоритетных направлений государственной политики XVI–XVII вв., направленных, прежде всего, на укрепление и централизацию государственной власти. Для реализации указанных задач был сформирован Поместный приказ. На протяжении всего времени функционирования полномочия приказа расширялись, также пополнялся и формировался архив Поместного приказа, как основной источник описания земельных наделов и информационный реестр о количественном и качественном состоянии земель русского государства. Как и другие приказные учреждения того времени Поместный приказ представляет собой прообраз отраслевых министерств и ведомств, и имел «бюрократическую окраску». Современными исследователями существовавшая приказная система оценивается громоздкой и неэффективной. Несмотря на возможные недостатки в работе приказов (в том числе и Поместного приказа), как «ячеек» в государственном аппарате управления (наличие волокиты, лихоимства, затянутости в решении вопросов), отметим, что на рассматриваемом историческом этапе появление нового формата государственных «учреждений, образованных по отраслевому принципу, способствовало становлению государственности и укреп-

плению правовых начал и основ в русском государстве. В отечественной историографии наблюдается малая изученность в исследовании историко-правовых аспектов организации деятельности приказов. Многие исследователи связывают это с тем, что система приказов была первым шагом для проведения реформ государственного управления Петром I. Как было отмечено выше, в 1719 г. Поместный приказ был расформирован и поглощен Вотчиной коллегией, которая в своей деятельности черпала основы из документации, архива приказа. Таким образом, изучение организационно-правового статуса, механизма выработки управленческих решений в Поместном приказе, способов и приемов выделения земельных наделов, механизма проведения регистрационных действий по учету поместий представляет собой практический интерес не только с точки зрения исторического процесса развития, но и с позиции правовой науки. Поместный приказ заложил первоосновы в правовом регулировании предоставления, учета и регистрации земель. В последствии результаты деятельности приказа были использованы для дальнейшего совершенствования и развития поземельных отношений в русском государстве.

Библиографический список

1. *Расторгуев А.А., Мартыненко А.С.* Приказы как органы централизованного государственного управления в административной и уголовной сферах (на примере Разрядного, Поместного и Разбойного приказов) // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 238–241.
2. *Байкеева С.Е.* Эволюция приказной модели государственного управления и правовые основы формирования бюрократического аппарата в России XVII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 2 (38). С. 64–72.
3. *Ключевский В.О.* Русская история. М.: Эксмо, 2005. 912 с.
4. *Цечоев В.К.* История органов и учреждений юстиции России: учебник. М.: Юрайт, 2016. 456 с.
5. *Барышкова К.В., Подсумкова А.А.* История государственного управления и муниципального самоуправления России: учебное пособие. М.: Омега-Л, 2008. 244 с.
6. *Шумаков С.А.* Экскурсы по истории Поместного приказа. М.: Синод. тип., 1910. 79 с.
7. *Зазолина Е.В.* Правовое регулирование оценки земель в дореволюционной России: историко-правовой анализ // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 4. С. 41–51.
8. *Томсинов В.А.* Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год). М.: Зерцало-М, 2003. 381 с.
9. *Новицкая Т.Е.* Регистрация вещных прав на землю // Ученые труды Российской Академии наук и нотариата. 2011. Т. 21. № 1 (2). С. 78–88.
10. *Чернов А.В.* К истории поместного приказа (Внутренне устройство приказа в XVIII в.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1957. № 9. С. 194–250.
11. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 5086. Л. 401–429.
12. *Ардашев Н.Н.* Древнейший столбец Поместного Приказа о заготовке приправочных книг для писцов 7135 г.: с приложением 100 современных автографов. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. 32 с.
13. *Устинова И.А.* Приказная бюрократия допетровской Руси // Преподавание истории в школе. 2010. Т. 4. С. 10–14.

14. *Безев Д.А.* Приказы в XVII веке: штаты и особенности делопроизводства. Некоторые перспективы дальнейшего изучения приказной системы // *Clio-science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза.* 2012. Вып. 3. С. 96–117.
15. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 5094. Л. 76.
16. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 5196. Л. 187–188.
17. *Шмидт С.О.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. М.: Московский государственный историко-архивный ин-т, 1985. 102 с.
18. Описании великих дел в Поместном приказе в тетрадах. Именной указ от 12 июля 1700 г. // *ПСЗРИ.* Т. 4. № 1797. С. 59.
19. *Михайлова Н.В., Зазолина Е.В.* Государственная политика в сфере земельных отношений в Российской империи во второй половине XVIII века: историко-правовой аспект // *Вестник Московского университета МВД России.* 2022. № 1. С. 189–195.

References

1. *Rastorguev A.A., Martynenko A.S.* Orders as Organs of Centralized State Administration in the Administrative and Criminal Spheres (on the example of Discharge, Local and Robbery orders) // *Intellectual Potential of the XXI Century: Stages of Cognition.* 2014. No. 25. P. 238–241.
2. *Baykeeva S.E.* The Evolution of the Command Model of Public Administration and the Legal Basis for the Formation of the Bureaucratic Apparatus in Russia in the XVII Century // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2008. No. 2 (38). P.64–72.
3. *Klyuchevsky V.O.* Russian History. Moscow: Eksmo, 2005. 912 p.
4. *Tsechoev V.K.* History of Bodies and Institutions of Justice of Russia: textbook. M.: Yurayt, 2016. 456 p.
5. *Baryshkova K.V., Podsumkova A.A.* History of State Administration and Municipal Self-government of Russia: textbook M.: Omega-L, 2008. 244 p.
6. *Shumakov S.A.* Excursions on the History of the Local Order. M.: Synod. type., 1910. 79 p.
7. *Zazolina E.V.* Legal Regulation of Land Valuation in Pre-revolutionary Russia: Historical and Legal Analysis // *Bulletin of the Volga Institute of Management.* 2021. Vol. 21. No. 4. P. 41–51.
8. *Tomsinov V.A.* Textbook on the History of the National State and Law (X century – 1917). M.: Zertsalo-M, 2003. 381 p.
9. *Novitskaya T.E.* Registration of Real Rights to Land // *Scientific works of the Russian Academy of Sciences and the Notary.* 2011. Vol. 21. No. 1(2). P. 78–88.
10. *Chernov A.V.* To the History of the Local Order (The Internal Structure of the Order in the XVIII Century) // *Proceedings of the Moscow State Historical and Archival Institute.* 1957. No. 9. P. 194–250.
11. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 5086. Л. 401–429.
12. *Ardashev N.N.* The Oldest Column of the Local Order on the Procurement of Seasoning Books for Scribes 7135: With the Appendix of 100 Modern Autographs . M.: Printing House of A. I. Snegireva, 1909. 32 p.
13. *Ustinova I.A.* Prikaznaya Bureaucracy of Pre-Petrine Russia // *Teaching history at school.* 2010. Vol. 4. P.10–14.
14. *Bezev D.A.* Orders in the XVII Century: States and Peculiarities of Office Work. Some Prospects for Further Study of the Writ System // *Clio-science: Problems of History and Interdisciplinary Synthesis.* 2012. Issue 3, P. 96–117.
15. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 5094. Л. 76.
16. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 5196. Л. 187–188.

17. *Schmidt S.O.* Documents of Office Work of Government Institutions of Russia of the XVI–XVII Centuries. Moscow: Moscow State Historical and Archival Institute. 1985. 102 p.

18. The Description of Great Deeds in the Local Order in Notebooks. Nominal decree of July 12, 1700 // PSZRI. Vol. 4. No. 1797. P. 59.

19. *Mikhailova N.V., Zazolina E.V.* State Policy in the Field of Land Relations in the Russian Empire in the Second Half of the XVIII Century: Historical and Legal Aspect // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 189–195.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-89-95

УДК 34.096

А.Е. Степанова

ПРОГРЕССИВНЫЕ ИДЕИ ИСКУССТВЕННОГО РАЗУМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА РОССИИ

Введение: смелое стремление стать государством, ориентированным на технологии, является одним из стратегических национальных приоритетов России. Правительству следует активно взаимодействовать с лидерами в области ИТ, полагаться на результаты передовых исследований, чтобы воплотить это видение в реальность, создать высокотехнологичную предпринимательскую среду, стимулировать распространение инноваций, добиться потрясающих результатов в построении устойчивого будущего, формировать принципиально новое качество жизни россиян. **Цель:** выяснить, насколько хорошо развертывание систем искусственного интеллекта и связанных с ними технологий соответствует установившимся положениям гражданского права, создать основу для размышлений о некоторых правовых и этических вопросах, возникающих в высокотехнологичной сфере. **Методологическая основа:** методы анализа, синтеза, сравнения, аналогии, использован системный подход. **Результаты:** обоснована необходимость создания инструментов для более глубокого понимания идеи искусственного интеллекта с тем, чтобы она воспринималась людьми с меньшей враждебностью: не как угроза, но как общественная потребность. Высказано мнение о том, что развивать и усиливать искусственный интеллект следует с учетом безусловного приоритета обеспечения общественной безопасности и нравственности. **Выводы:** создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта и робототехники, потребует нормативного закрепления профильной терминологии, отличающейся уникальным сочетанием строго юридического содержания и технического опыта, разработки эффективного механизма правового регулирования поведения искусственного интеллекта, позволяющего оценить возможность влияния человека на формирование модели такого поведения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робототехника, этика инноваций, концепция справедливости, теория сингулярности, глубокое обучение, большие данные, автономное вождение, юридическая ответственность, технологическое лидерство.

А.Е. Stepanova

PROGRESSIVE IDEAS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY RUSSIAN LAW

Background: the bold ambition to become a technology-driven nation is one of Russia's strategic national priorities. The government should actively engage with IT

© Степанова Анастасия Егоровна, 2023
Стажер Юридического департамента (общество с ограниченной ответственностью «САП СНГ»);
anastasija17q@gmail.com

© Stepanova Anastasiya Egorovna, 2023
Trainee of the Legal Department (Limited Liability Company «SAP CIS»)

leaders, rely on cutting-edge research to translate this vision into reality, create a high-tech entrepreneurial environment, encourage the spread of innovation, achieve amazing results in building a sustainable future, and shape a fundamentally new quality of life for Russians. Objective: to find out how well the deployment of artificial intelligence systems and related technologies conforms to established provisions of civil law, to provide a basis for reflection on some of the legal and ethical issues that arise in the high-tech field. Methodology: analysis, synthesis, comparison, analogy, system approach. Results: the need to create tools for a deeper understanding of the idea of artificial intelligence, so that it is perceived by people with less hostility: not as a threat, but as a social need. It is argued that the development and strengthening of artificial intelligence should take into account the unconditional priority of ensuring public safety and morality. Conclusions: creation of complex system of regulation of social relations arising in connection with the development and use of artificial intelligence and robotics technologies will require normative consolidation of profile terminology, distinguished by a unique combination of strictly legal content and technical expertise, development of an effective mechanism of legal regulation of behavior of artificial intelligence, allowing to assess the possibility of human influence on the formation of the model of such behavior.

Key-words: *artificial intelligence, robotics, ethics of innovation, the concept of equity singularity theory, deep learning, big data, autonomous driving, legal responsibility, technological leadership.*

Широкое применение цифровых инноваций в повседневной жизни становится новой нормой современного человека. Ведущие экономики мира, в том числе и российская, едины в стремлении обеспечить глобальное технологическое лидерство¹, создать благоприятные условия для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан². Вместе с тем следует подчеркнуть, что развитие высоких технологий — это не только новые возможности, но и новые вызовы. Переход к четвертой промышленной революции диктует необходимость целенаправленного формирования, совершенствования и гармонизации законодательных механизмов. Признавая очевидные преимущества инноваций, те перспективы, которые они открывают для государства, бизнеса и общества в целом, необходимо начать размышлять и о рисках, связанных с научно-технологическим прогрессом.

Стивен Уильям Хокинг, в частности, с опасением отмечал: «Развитие полного искусственного интеллекта может означать конец человеческой расы»³. Размышляя в заданном ученым направлении, возникает побуждение отвергнуть дальнейшее развертывание технологической революции, в большей степени сфокусировавшись на негативных последствиях использования инновационных решений, обойдя вниманием их положительные эффекты. Заслуженно ли? Поиск ответа на поставленный вопрос видится крайне непростой задачей и требует не только глубокого и всестороннего анализа правовых аспектов использования

¹ См.: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 27, ст. 3953.

² См. ст. 75.1 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

³ См.: BBC: официальный сайт. URL: <https://www.bbc.com> (дата обращения: 20.02.2022).

робототехники и искусственного интеллекта (далее — ИИ), но и дополнительной этической оценки.

Дискуссии вокруг обозначенной нами темы, с точки зрения морали и нравственности, вызваны всеобщей обеспокоенностью тем, что в будущем машина сможет одержать уверенную победу в споре с человеком. Нет никаких сомнений, что такие доводы пока безосновательны, близки к научной фантастике. Считаем, системы ИИ, пусть и вдохновлены разумом человека, способны лишь подражать людям или, как справедливо заметил Джим Стерн, притворяться ими [1, р. 21]. Науке предстоит сделать еще очень и очень многое для того, чтобы ИИ действительно смог стать неотличимым от интеллекта, которым обладает каждый из нас. Точно так размышлял и Алан Тьюринг, когда обстоятельно доказал, что проводя параллель между машинами и людьми, можно обнаружить лишь «поверхностное, а не глубинное сходство между ними» [2, р. 438] (таб.).

	восприятие		компьютерное зрение, датчики, помогающие воспринимать окружающую обстановку
	внимание		способность распознавать объекты, адаптироваться к меняющимся условиям
	интеллект		способность к самообучению, интеллектуальная поддержка принятия решений (в том числе поиск решений без заранее заданного алгоритма), перспективные методы искусственного интеллекта
	память		высокопроизводительные накопители для хранения данных
	речь		обработка естественного языка, распознавание и синтез речи

Появлением любой технологии мы обязаны мечтам человека о более функциональном решении, способном упростить быт. Интеллектуальная система, как зеркало, отражает представления инженеров-механиков о том, какие уникальные особенности человека, животного или растения могут быть переданы роботу, чтобы служить интересам и потребностям людей. Но то, что умеют делать машины, лишь отдаленно напоминает сложную организацию человеческого мозга. Некоторые видят в таком бурном развитии технологий угрозу для человечества. Эта мысль прослеживается даже в мифах и легендах Древней Греции, там технологии, представляя собой нечто противоположное природе, ведут к беде.

Существует крайне любопытное, на наш взгляд, исследование, в котором Адриенна Майор обосновывает мнение о том, что прообразами первых робототехнических устройств можно считать Талоса и Пандору [3, р. 296]. С такой точкой зрения, пожалуй, можно согласиться, ведь они, как известно, созданы Гефестом, что свидетельствует об их искусственном происхождении. Миф о прекрасной девушке, открывшей крышку сундука, и, таким образом, выпустившей на свободу тысячи тяжелых болезней, бедствий и страданий, предостерегает людей о возможной опасности, а легенда о Талосе учит тому, что условия эксплуатации инновационных решений должны быть ожидаемы для человека, он всегда должен иметь чувство контроля над технологией, что само по себе

затруднительно, поскольку машины, подобно нам, тоже не отличаются «непогрешимой точностью» [4, р. 448].

Отметим, что, предлагая собственное видение, мы исходили из основных концептуальных положений теории «слабого» ИИ, будучи абсолютно убеждены в том, что возможности технологий ИИ, какими бы притягательными они ни казались, преувеличены, а идеи о «сильном» ИИ, способны сбить толку, еще больше запутывая разговор о том, что такое ИИ на самом деле. В то же время именно последняя из указанных нами теорий нашла отражение в правовом ландшафте. Так, российский законодатель отмечает, ИИ представляет собой «...комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹.

Несложно заметить, что категория «искусственный интеллект» не обладает собственно юридическим содержанием и дать ей правовую оценку сложно. Впрочем, опираясь на нее, мы действительно можем утверждать, что потенциальные возможности технологий ИИ не ограничиваются выполнением широкого спектра вспомогательных задач (*minimum*), но нацелены на создание более совершенного алгоритма, демонстрирующего показатели, которые были бы лучше во всех отношениях (*maximum*). Иначе говоря, из толкования нормы-дефиниции следует, что достижение точки технологической сингулярности² возможно. Надо уточнить, термином «сингулярность» называют предположение о том, что ИИ, ничем не уступающий по своим свойствам человеческому, будет способен самостоятельно, без направляющей руки человека, создавать результаты, которые, по мнению отечественных исследователей, «следует признать охраноспособными результатами интеллектуальной деятельности» [5, р. 13].

В справедливости данной точки зрения трудно усомниться. Достаточно вспомнить некоторые частные рассуждения Ады Байрон Лавлейс о том, что «Аналитическая машина не претендует на то, чтобы создавать что-то действительно новое. Машина может выполнить все то, что мы умеем ей предписать» [3, р. 711]. Читая эти строки сегодня скажет, что в контексте методов глубокого обучения и аналитики больших данных предположения Лавлейс не точны, и будет прав. Однако для нас важна эта мысль. Она позволяет объяснить, что результаты, созданные системой ИИ, должны быть приравнены законодателем к объектам интеллектуальной собственности именно потому, что напрямую зависят от личного творческого вклада его создателей. Приведем пример: перед тем, как робот

¹ См. п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 17, ст. 2701; подп. «а» п. 5 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41; ст. 5700, п. 2 Постановления Правительства РФ от 23 августа 2021 г. № 1380 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на финансовое обеспечение части затрат на разработку конкурентоспособных нишевых аппаратно-программных комплексов для целей искусственного интеллекта» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 35, ст. 6293.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 50 (ч. IV), ст. 8613.

Simone¹ смог создавать музыкальные произведения, его разработчики несколько лет формировали вкус ИИ к музыке, обучая его на популярных композициях и различных музыкальных фрагментах. Приобретенного опыта робототехническому устройству оказалось не достаточно, потребовался дополнительный толчок, побуждающий искусственного композитора к действию. Сочинять мелодию ему помогает человек, проигрывая несколько первых тактов.

Изучение сфер развития и использования систем ИИ и робототехники позволяет полагать, что внедрение таких систем во всем мире осуществляется в областях, требующих особой последовательности, аккуратности, тщательности, внимания, на которые люди подчас не способны. В этой связи необходимость сохранять и развивать когнитивные способности человека представляется очевидной, как никогда прежде. Сказанное, однако, вовсе не означает, что прорывные инновации стоит всерьез воспринимать враждебно. Например, мы не склонны считать, что появление хирургического робота способно породить проблему роста безработицы среди врачей-хирургов, не разделяем и мнения Джошуа Ленона, уверенного, что робот-судья будет «угрожать карьере судей»², не думаем, что дальнейшее развитие систем ИИ приведет к утрате автономии воли человека, но тревоги по поводу дискриминационных предубеждений, которые могут быть «навязаны» роботу на этапе создания, вполне обоснованы и требуют продуманного, комплексного решения.

Как научить робота инклюзии и разнообразию? Размышления над поставленным вопросом породили в науке самостоятельную концепцию справедливого ИИ, проявляющего нетерпимость к дискриминации, в чем бы она ни заключалась. Основная сложность состоит в том, что иногда обстоятельства, способствующие нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, не очевидны. Другими словами, не всегда связаны с хорошо известными признаками пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам. Так, попытки участников торгов задавать роботам команды, выполнение которых приводит к получению ими преимущественного положения на рынке, являются типичным примером недобросовестного использования технологий ИИ³.

По мере того, как технологии будут совершенствоваться, привычные представления о праве подвергнутся трансформации, усложняя задачи стоящие перед законодателем и правоприменителями. Тем не менее реакция важна, чтобы установить единые правила ответственного, безопасного, этичного использования ИИ, а также урегулировать правовые последствия, вытекающие из недобросовестного поведения роботов. Еще Лон Фуллер, обращаясь к трудам Аристотеля, абсолютно справедливо заметил, что патология более информативна, чем здоровое состояние. Возможно, именно поэтому развитие ИИ часто рассматривают через призму угроз и опасностей. Учитывая данное обстоятельство, мы, вслед

¹ См.: Georgia Tech. URL: <https://news.gatech.edu> (дата обращения: 10.04.2022).

² См.: Leland Stanford Junior University: официальный сайт. URL: <https://law.stanford.edu> (дата обращения: 20.04.2022).

³ См.: Информационное сообщение Банка России от 15 октября 2021 г. «Использование роботов на бирже в период повышенного спроса на нефтепродукты может привести к дискриминации участников рынка: позиция ФАС и Банка России» // Вестник Банка России. 2021. № 71.

за другими исследователями, примем за основу риск-ориентированный подход и будем рассматривать правовое поле на предмет жизнеспособности в условиях цифрового мира.

Предположим, полностью автономное вождение станет возможным. Риск гибели людей в автоавариях не станет больше, однако, в таком случае совершенно иным видится вопрос о гражданско-правовой ответственности за причинение вреда с использованием систем ИИ и робототехники, учитывая, что, например, управление автомобилем пятого уровня автономности не требует вмешательства со стороны человека. На данный момент не существует каких бы то ни было нормативно закрепленных правил, которые в полной мере учитывали специфику ИИ и связанных с ним технологий. Потому иски, относящиеся к вредным событиям с участием робота или системы ИИ, будут основаны на положениях Закона РФ «О защите прав потребителей»¹, а вопросы, не урегулированные данным нормативным правовым актом, будут предметом отдельного рассмотрения в суде.

Указанная законодательная база относит ИИ и робототехнику к категории «товар», который должен отвечать требованиям безопасности и качества. Используя подход, предусмотренный законодателем, мы можем сказать, что ущерб, причиненный роботом или ИИ, должен компенсировать человек, который управляет обозначенными технологиями, или производитель, который создал товар с недостатками. Нетрудно заметить, что стройная логика закона рушится, если попытаться применить те же принципы ответственности к ущербу, который причинен самоуправляемым автомобилем, роль человека в управлении которым сведена к активации автомобиля и заданию координат назначения².

Принимая во внимание также то обстоятельство, что в процессе создания (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий ИИ и робототехники участвуют несколько субъектов, помимо производителя, логично было бы предположить, что аспект ответственности за неправомерные действия (бездействие) ИИ следует понимать как ответственность конкретных участников жизненного цикла систем ИИ, учитывая при этом их роли и специфику каждого этапа. Несомненным плюсом такого подхода будет то, что он позволит считать человека ответственным лицом в отношениях с участием ИИ.

В условиях проблемы алгоритмической прозрачности, установить причинно-следственную связь между поведением пользователя системы ИИ или программиста, создавшего программу управления на основе ИИ, и наступлением неблагоприятных последствий в некоторых случаях бывает невозможно, поскольку алгоритмы, участвующие в принятии решений, по меткому выражению Дэвида Фримана Энгстрема, «...по своей структуре не полностью объяснимы»³. Считаем, гарантия компенсации ущерба способна препятствовать инвестициям в высокотехнологичную сферу, сдерживая развитие этого быстро развивающегося сектора, и в значительной степени повлиять на желание потребителя приобретать и использовать технологии ИИ.

¹ См.: Закон РФ от 7 февраля 1992 года №2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 140.

² Концепция проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» также заставляет пересмотреть подход к обязательному участию человека в принятии решений и контролю с его стороны в сфере развития автономного транспорта и сопровождающей его инфраструктуры.

³ См.: Стэнфордский университет. Официальный сайт. URL: <https://law.stanford.edu> (дата обращения: 10.04.2022).

Как мы старались показать, концепция «робот-товар» безнадежно устарела, на смену ей должна прийти совершенно новая, позволяющая рассматривать системы ИИ в качестве квазисубъектов права. Шаги в этом направлении уже давно предпринимаются. В юридической науке появились аналогии, на которые можно опираться («робот-раб», «робот-животное», «робот-юридическое лицо» и др.), они удобны, пусть и не всегда удачны. Из всех предлагаемых сегодня учеными концепций, самой убедительной, хорошо обоснованной и научно выверенной видится юридическая фикция «электронного лица», применяемая не ко всем роботам в целом, но к так называемым «разумным» роботам, способным самообучаться на основе собственного опыта, взаимодействуя с окружающим миром. Существующие фикции только подчеркивают, насколько новыми на самом деле являются проблемы, создаваемые ИИ, и как мало нынешняя система регулирования готова к новым технологиям.

Библиографический список

1. *Sterne J.* Artificial Intelligence for Marketing: Practical Applications // Wiley. October 2017. 368 p.
2. *Turing A.M.* Computing machinery and intelligence // Mind. October 1950. No 236. Vol. LIX. P. 433–460.
3. *Lovelace A.* Notes to a Sketch of the Analytical Engine Invented by Charles Babbage, by L.F. Menabrea // Scientific Memoirs. London 1843. Vol. 3. P. 666–731.
4. *Mayor A.* Gods and Robots: Myths, Machines, and Ancient Dreams of Technology // Princeton University Press. April 2020. 296 p.
5. *Козлова Н.В., Суханова Н.В., Ворожевич А.С., Алешковский И.А.* Цифровая трансформация в контексте приоритетов государственной научно-технической политики и вопросы совершенствования правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 3–16.

References

1. *Sterne J.* Artificial Intelligence for Marketing: Practical Applications // Wiley. October 2017. 368 p.
2. *Turing A.M.* Computing machinery and intelligence // Mind. October 1950. No 236. Vol. LIX. P. 433–460.
3. *Lovelace A.* Notes to a Sketch of the Analytical Engine Invented by Charles Babbage, by L.F. Menabrea // Scientific Memoirs. London 1843. Vol. 3. P. 666–731.
4. *Mayor A.* Gods and Robots: Myths, Machines, and Ancient Dreams of Technology // Princeton University Press. April 2020. 296 p.
5. *Kozlova N.V., Sukhanova N.V., Vorozhevich A.S., Aleshkovskiy I.A.* Digital Transformation Against the Background of State Scientific and Technical Policy Priorities and Issues of Improvement of Legal Regulation of the Digital Economy in the Russian Federation // Entrepreneurial Law. 2020. No. 4. P. 3–16.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-96-103

УДК 340.1

С.А. Чиркаев

ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРИОРИТЕТА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Введение: в статье проведен теоретический анализ общих и специфических функций юридического приоритета. Автор отмечает, что в функциональной характеристике находят свое отражение особые свойства юридического приоритета. **Цель:** исследовать роль и назначение юридического приоритета как средства правового регулирования. **Методологическая основа:** диалектический метод, функциональный подход, формально-юридический метод. **Результаты:** доказано, что функциям юридического приоритета присущи все те функции, которые свойственны праву в целом. Между тем, несмотря на разнохарактерность, многоплановость юридического приоритета, последний придает узконаправленный импульс функциям права, наполняет их специфическим содержанием. Юридический приоритет выполняет такие общие функции права, как регулятивную, охранительную, информационную, культурно-воспитательную и гарантирующую функции. **Выводы:** значимость юридического приоритета очевидна и заключается в том, что он выполняет стимулирующую функцию, оказывающую правовое воздействие на развитие общественных связей, побуждая определенных субъектов права к совершению правомерных действий в целях удовлетворения публичных и частных интересов. Юридический приоритет выполняет интегративную функцию благодаря тому, что в нем отражаются культурные особенности народа, нации, универсальные ценности.

Ключевые слова: юридический приоритет, регулятивная функция, охранительная функция, информационная функция, культурно-воспитательная функция, гарантирующая функция, стимулирующая функция, интегративная функция.

S.A. Chirkaev

FUNCTIONS OF LEGAL PRIORITY: THEORY AND PRACTICE

Background: the article provides a theoretical analysis of the general and specific functions of legal priority. The author notes that the functional characteristics reflect the special properties of legal priority. **Objective:** to investigate the role and purpose of legal priority as a means of legal regulation. **Methodology:** dialectical method, functional approach, formal legal method. **Results:** it is proved that the functions of legal priority are inherent in all those functions that are characteristic of law in general. Meanwhile, in spite of the multidimensionality and diversity of legal priority, the latter gives a narrowly focused impulse to the functions of law, fills them with specific content. Legal priority performs such general functions of law as regulatory, protective, informational, cultural-educational and guaranteeing functions. **Conclusions:** the significance of legal priority is obvious and lies in the fact that it performs a stimulating function, which

© Чиркаев Сергей Александрович, 2023

Соискатель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: schirkaeeff@yandex.ru

© Chirkaev Sergey Aleksandrovich, 2023

Applicant degree of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

has a legal impact on the development of public relations, encouraging certain subjects of law to perform lawful actions in order to meet public and private interests. Legal priority performs an integrative function due to the fact that it reflects the cultural characteristics of the people, the nation, universal values.

Key-words: *legal priority, regulatory function, protective function, informational function, cultural and educational function, guaranteeing function, stimulating function, integrative function.*

Любой феномен объективной реальности может реализовать свое непосредственное назначение лишь тогда, когда будет функционировать. Одним из элементов правовой системы выступает юридический приоритет, под которым следует понимать первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первостепенном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов [1, с. 79–82].

Юридический приоритет, будучи средством правового регулирования, выполняет определенные функции. Зачастую в функциональной характеристике находят свое отражение специфические свойства юридического приоритета. Благодаря исследованию функционального назначения юридического приоритета можно глубже понять роль и назначение данного средства правового регулирования.

В теории права существуют разные подходы к пониманию функции права. Одни ученые рассматривают функцию права как направление правового воздействия на общественные отношения [2, с. 91]. Вместе с тем такая точка зрения не подчеркивает «сущностный элемент функции права — направленность на изменение других явлений и процессов» [3, с. 23]. Другие теоретики акцентируют внимание на роль функции права в обществе [4, с. 34]. Однако роль права — это более широкая дефиниция, охватывающая понятия функция права и его дисфункции. Наиболее универсальной представляется позиция Т.Н. Радько, который синтезирует эти взгляды в единое целое [5, с. 108]. В этой связи под функцией права понимается явление, определяемое ролью права в обществе, представляющее собой основное направление правового регулирования на социальную действительность, выражающее связь права с иными феноменами объективной реальности [6, с. 82]. Следовательно, функции юридического приоритета можно представить, как относительно обособленные направления воздействия на сознание и поведение участников общественных отношений и особо значимые, важные сферы социальной действительности, в которых проявляется его назначение.

Безусловно, функциям юридического приоритета присущи все те функции, которые свойственны праву в целом. Между тем, несмотря на разнохарактерность, многоплановость юридического приоритета, последний придает узконаправленный импульс функциям права, наполняет их специфическим содержанием.

Одной из основных функций права является регулятивная функция. Регулятивное воздействие юридического приоритета предопределено тем, что он выступает средством правового регулирования общественных отношений. Данная функция выражается в непосредственном установлении приоритетных прав и обязанностей для участников правовых отношений, организации и координации существующих и вновь возникающих значимых, особо важных социальных связей. При этом регулирующее воздействие юридического приоритета про-

исходит для обеспечения баланса публичных и частных интересов различных субъектов, а также поддержания и развития отдельных сфер общества. Одним из примеров реализации регулятивной функции юридического приоритета являются положения, устанавливающие, что основным принципом валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации является приоритет экономических мер в реализации государственной политики в области валютного регулирования¹.

Вместе с тем не всегда представляется возможным посредством регулятивной функции юридического приоритета упорядочить особо важные правоотношения в отдельных сферах жизнедеятельности социума, поскольку не всегда удается согласовать интересы участников правоотношений, придать отдельным социальным связям характер стабильности. На эффективность реализации регулятивной функции юридического приоритета влияют разнообразие общественных отношений, которое не позволяет, в процессе правотворческой деятельности, учитывать необходимый объем приоритетных прав и обязанностей.

В современных условиях, когда не снижается уровень преступности и коррупции, особое внимание уделяется охранительной функции права. Данное направление правового воздействия направлено на обеспечение общественного и правового порядка, безопасности личности, общества и государства, борьбу с противоправными деяниями. Кроме того, охранительная функция права призвана обеспечивать сохранение и развитие положительных общественных отношений. Охранительная функция юридического приоритета, имея в целом ту же функциональную нагрузку, обладает определенной спецификой. Во-первых, юридический приоритет информирует социум какие именно социальные связи, какая сфера общественной жизни находится под особой охраной государства. Во-вторых, благодаря юридическому приоритету, который подчеркивает значимость, важность и первостепенность тех или иных общественных отношений, общество ставится в известность об установлении более серьезных жестких санкций в случае несоблюдения общественного и правового порядка в той или иной сфере общественной жизни. Либо наоборот устанавливает «ослабления» для отдельных субъектов, на которых распространяется действие юридического приоритета.

Так, в марте 2022 г. для субъектов малого и среднего предпринимательства были внесены поправки в КоАП РФ. Если ранее уменьшить размер административного штрафа можно было при условии, что организация осуществляет деятельность в отрасли, попавшей в перечень пострадавших из-за распространения коронавирусной инфекции, то с апреля 2022 г. при назначении административного наказания социально ориентированным некоммерческим организациям, а также субъектам малого и среднего предпринимательства в виде административного штрафа будет назначаться как для индивидуального предпринимателя (ч. 1 ст. 4.1.2 КоАП РФ). Такие послабления вызваны тем, что в последнее время одним из приоритетов является проблема импортозамещения, создания продукции отечественного производства, развития малого бизнеса, различных видов предоставления и создания благоприятных условий для его развития.

¹См. ст. 3 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 4859.

Как уже отмечалось, охранительная функция права направлена на сохранение и развитие определенных социальных связей. Следовательно, специфика охранительной функции юридического приоритета состоит в том, что участники общественных отношений информируются о том, какие первоочередные цели и задачи стоят перед государством и обществом в настоящий момент, какие сферы общественной жизни, объекты ценности взяты под особое внимание со стороны государственной власти. И в этом уже просматривается информационная функция.

В юридической литературе имеется позиция неприятия информационной функции как самостоятельной функции права [7, с. 154]. Однако многие ученые-теоретики придерживаются обратного мнения. Так, Ф.Н. Фаткуллин выделяет модально-информационную функцию права [8, с. 204–210], В.Н. Синюков — информационно-ориентационную [9, с. 157], В.В. Лазарев — информационно-воспитательную [10, с. 34].

В теории права существует несколько определений информационной функции права. Так, по мнению С.В. Бутузова под таковой следует понимать направление правового воздействия на общественные отношения, которое, с одной стороны, обеспечивает правовое информирование субъектов права и, соответственно, формирует социально-полезное поведение, а, с другой, — регулирует отношения, связанные с перераспределением и сохранением значимых информационных ресурсов [11, с. 18–19].

Информационная функция юридического приоритета представляет собой особое информационное направление, оказывающее воздействие на значимые, важные общественные отношения, а также волю и сознание субъектов права. При этом информационная функция юридического приоритета находится в тесной взаимосвязи с регулятивной и охранительной функциями юридического приоритета, поскольку последние не могут воздействовать на сознание и волю участников общественных отношений без предварительного правового информирования субъектов права о содержании юридического приоритета [12, с. 167–171].

Благодаря информационной функции юридического приоритета участники социальных связей начинают ориентироваться в правовом поле, моделировать свое поведение в соответствии с первоочередными потребностями государства и общества. Посредством информационной функции юридического приоритета органы публичной власти знакомят общество с вновь установленными юридическими приоритетами, закрепленными в нормативных правовых актах, формируют общественное мнение о важности и значимости определенных видов деятельности, целенаправленно регулируют информационные потоки. Значимость информационной функции данной дефиниции велика, поскольку без информационного влияния не происходит развитие тех или иных сфер общественной жизни, социальных процессов.

Юридический приоритет отражает важные, первостепенные тенденции общественного и государственного развития. Тем самым его можно рассматривать в качестве фактора моральной ориентации различных субъектов права. В этой связи он способствует формированию социально полезной, положительной направленности поведения участников правоотношений. Через юридический приоритет субъекты получают информацию о первоочередных задачах, приоритетных правах и обязанностях, что помогает им достигать поставленных целей в приоритетных сферах общественной жизни. Юридический приоритет

выступает важным средством социальной информации, которую государство и общество используют для того, чтобы донести определенные сведения до участников правоотношений. Юридический приоритет обладает информационными качествами, влияя на волю и сознание субъектов права.

Таким образом, информационная функция играет не последнюю роль в развитии современного общества. Благодаря информационной функции юридического приоритета его содержание становится понятным участникам правоотношений, которые используют его для эффективной реализации первоочередных задач, стоящих перед обществом и государством.

В настоящее время к приоритетным направлениям государственной политики Российской Федерации относят культурную деятельность, образование, международные отношения, развитие детского, молодежного движения и воспитание граждан. В этой связи немало важное значение имеет культурно-воспитательная функция права в целом и юридического приоритета в частности. Целью любого государства является сохранение культурных ценностей и традиций социума. Поэтому культурно-воспитательная функция юридического приоритета заключается в государственной поддержке развития литературы, искусства, театра, кино, науки и новых технологий. Так, в последние годы в приоритетном порядке уделялось много внимания созданию и реализации государственных программ по сохранению и развитию культуры, созданию условий для реализации талантов среди молодежи и детей. В качестве примера можно назвать государственную программу РФ «Развитие культуры»¹, государственную программу РФ «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»² и др.

Специфика культурно-воспитательной функции юридического приоритета состоит в том, что она оказывает непосредственное воздействие на правовую социализацию различных субъектов права, на приобщение участников правоотношений к нравственным ценностям общества, формирование высокой правовой культуры, навыков социально-активного правового поведения.

Гарантирующая функция юридического приоритета — особенное направление правового воздействия на поведение участников правоотношений. Гарантирующая функция состоит в том, что юридический приоритет, уравнивая интересы личности и государства, способствует установлению правовых предписаний с целью преодоления конфликтов и противоречий, обеспечивает права, свободы и законные интересы различных субъектов. Так, Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2020 г. № 550-О³ предусматривается, что «...государство должно в приоритетном порядке гарантировать несовершеннолетним защиту достоинства личности, права на жизнь, право на свободу и личную

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие культуры”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18 (ч. II), ст. 2163.

² См.: Постановление Правительства от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Научно-технологическое развитие Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 15 (ч. III), ст. 1750.

³ См.: Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2020 г. № 550-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фокина Артема Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Кодекса административного судопроизводства, а также положениями федеральных законов „Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”, „О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” и „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”». Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

неприкосновенность с тем, чтобы обеспечить безопасность каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях».

Юридический приоритет выступает гарантом сохранения внутрисоциальной стабильности и устойчивого функционирования всех органов публичной власти, обеспечивает гражданский мир и национальное согласие общества.

Вместе с тем юридический приоритет выполняет ряд специфических функций. Это интегративная и стимулирующая функции.

В современных условиях, когда право постоянно преобразуется в связи с меняющимися жизненными обстоятельствами, важную роль играет стимулирующая функция. В юридической литературе в последнее время данное правовое направление выделяется в качестве самостоятельного концептуального направления информационно-психологического юридического воздействия на социальные связи с помощью различных стимулирующих средств [13, с. 35].

Стимулирующая функция, по мнению Е.Н. Лебедевой, выступает механизмом разрешения общественных проблем через гармонизацию интересов участников правоотношений [14, с. 140]. Стимулирующая функция юридического приоритета в системе правового регулирования заключается в предоставлении стимулов с учетом потребностей общества и государства. Так, Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия¹ содержит правила, которыми устанавливаются цели, условия, порядок предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на стимулирование развития приоритетных подотраслей агропромышленного комплекса и развитие малых форм хозяйствования (субсидии). Таким образом, стимулирующая функция юридического приоритета оказывает правовое воздействие на развитие общественных связей, побуждая определенных субъектов права к совершению правомерных действий в целях удовлетворения публичных и частных интересов.

Юридический приоритет обладает интегрирующими качествами, поскольку он не просто информирует субъектов права о первостепенности и первоочередности тех или иных целей, задач и направлений, но и способствует формированию общественного сознания и мнения. Следовательно, юридическому приоритету свойственна интегративная функция: выполняет он ее благодаря тому, что в нем отражаются культурные особенности народа, универсальные ценности. Юридический приоритет имеет огромный потенциал в обеспечении национального согласия, которое позволяет определять перспективы консолидации общества, достигать консенсуса при решении первоочередных задач.

Интегративная функция дает возможность юридическому приоритету обозначать магистральные пути развития государства и общества, первостепенные направления их влияния на общественные отношения. Интегративная функция юридического приоритета направлена на сплочение членов общества вокруг решения первоочередных задач. Именно интегративная функция юридиче-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 32, ст. 4549.

ского приоритета обеспечивает баланс разновекторных интересов различных субъектов права.

Делая выводы, нужно подчеркнуть, что функции юридического приоритета представляют собой определенные правовые направления точно-ориентировочного воздействия на сознание и поведение участников общественных отношений и особо значимые, важные сферы социальной действительности, в которых проявляется назначение юридического приоритета. Непосредственными функциями юридического приоритета являются: регулятивная, охранительная, информационная, культурно-воспитательная, гарантирующая, стимулирующая и интегративная.

Библиографический список

1. *Чиркаев С.А.* Приоритет как особое средство правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4. С. 79–82.
2. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.
3. *Баринов П.С., Катомина В.А.* Коммуникативная функция права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4. С. 22–29.
4. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юридическая литература, 1980. 176 с.
5. *Радько Т.Н.* Понятие и виды функций социалистического права // Вопросы теории государства и права: сборник статей / под ред. М.И. Байтина и В.В. Борисова. Саратов: Изд-во Саратовского юридического ин-та, 1971. Вып. 2. С. 106–122.
6. *Абрамов А.И.* Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 71–83.
7. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2001. 755 с.
8. *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987. 334 с.
9. *Синюков В.Н.* Российская правовая система: введение в общую теорию права. Саратов: Полиграфист, 1994. 495 с.
10. *Лазарев В.В.* Правомерное поведение как объект юридического исследования // Советское государство и право. 1976. № 10. С. 29–37.
11. *Бутузов С.В.* Информационная функция права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 23 с.
12. *Суменков С.Ю., Осипов Р.А.* Правосознание как компонент правовой действительности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7. С. 167–171.
13. *Малько А.В., Лебедева Е.Н.* Место и роль стимулирующей функции в системе функций российского права // Вестник Южно-уральского государственного университета. Сер.: Право. 2016. Т. 16. № 3. С. 33–39.
14. *Лебедева Е.Н.* Взаимовлияние юридических дозволений и стимулирующей функции права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3. С. 135–141.

References

1. *Chirkaev S.A.* Priority as a Special Means of Legal Regulation // Eurasian Law Journal. 2022. No. 4. P. 79–82.
2. *Alekseev S.S.* Problems of the Theory of Law. A course of lectures in two volumes. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1. 396 p.

3. *Barinov P.S., Katomina V.A.* The Communicative Function of Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 4. P. 22–29.
4. *Tkachenko Yu.G.* Methodological Issues of the Theory of Legal Relations. Moscow: Legal literature, 1980. 176 p.
5. *Radko T.N.* The Concept and Types of Functions of Socialist Law // Questions of the Theory of State and Law. Collection of articles / edited by M.I. Baytin and V.V. Borisov. Saratov: Publishing House of the Law Institute, 1971. Issue 2. P. 106–122.
6. *Abramov A.I.* The Concept of the Function of Law // Journal of Russian Law. 2006. No. 2. P. 71–83.
7. *Marchenko M.N.* Problems of the Theory of State and Law: Textbook. Moscow: Prospect, 2001. 755 p.
8. *Fatkullin F.N.* Problems of the Theory of State and Law: A course of lectures. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1987. 334 p.
9. *Sinyukov V.N.* The Russian Legal System: an Introduction to the General Theory of Law. Saratov: Polygraphist, 1994. 495 p.
10. *Lazarev V.V.* Lawful Behavior as an Object of Legal Research // The Soviet State and Law. 1976. No. 10. P. 29–37.
11. *Butuzov S.V.* Information Function of Law: extended abstract of dis. ... cand. of law. St. Petersburg, 2004. 23 p.
12. *Sumenkov S.Yu., Osipov R.A.* Legal Consciousness as a Component of Legal Reality // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2022. No. 7. P. 167–171.
13. *Malko A.V., Lebedeva E.N.* The Place and Role of the Stimulating Function in the System of Functions of Russian Law // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2016. Volume 16. No. 3. P. 33–39.
14. *Lebedeva E.N.* Mutual Influence of Legal Permissions and the Stimulating Function of Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. No. 3. P. 135–141.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-104-109
УДК 342

Т.А. Еременко

ОБЕЗЛИЧИВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Введение: современный социум уделяет большое внимание глобальному обмену информацией, который, вероятно, становится одним из важнейших и востребованным ресурсом на сегодняшний день. **Цель:** выявление наиболее адекватного подхода к пониманию правового механизма обезличивания персональных данных, изучение механизма по защите конституционных прав граждан с целью предотвращения их утечек третьим лицам, способным использовать данные не по назначению, а порой и в противоправных действиях. **Методологическая основа:** диалектический, логический и формально-юридический методы познания. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно понятия правового механизма обезличивания персональных данных, особенностей реализации данного механизма, законодательства в области защиты персональных данных и способов защиты персональных данных в условиях применения современных информационных технологий. **Выводы:** персональные данные важная и неотъемлемая часть современного мира, без которых невозможно эффективное функционирование какой-либо системы на основе современных информационных технологий. Постоянное совершенствование законодательства, регулирующего их использование, способствует расширению способов защиты данных. Автором сформулированы возможные пути совершенствования законодательства в этом направлении.

Ключевые слова: права и свободы, государство, законодательство, персональные данные, обезличивание персональных данных, информационные технологии.

Т.А. Eremenko

DE-IDENTIFICATION OF PERSONAL DATA AS A MECHANISM FOR THE PROTECTION OF CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS

Background: modern society pays great attention to the global exchange of information, which is probably becoming one of the most important and sought-after resources today. **Objective:** to identify the most adequate approach to understanding the legal mechanism of depersonalization of personal data, to study the mechanism to

---

© Еременко Татьяна Александровна, 2023
Аспирант кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tan_presly69@mail.ru
© Eremenko Tatiana Aleksandrovna, 2023
Postgraduate student of the Department of Constitutional Law named after Professor Isaac Efimovich Farber (Saratov State Law Academy)

protect the constitutional rights of citizens in order to prevent their leakage to third parties who can use the data for purposes other than intended, and sometimes in unlawful acts. Methodology: methods of synthesis, analysis, dialectical and formal legal research methods. Results: the author's position on the concept of legal mechanism of depersonalization of personal data, the specific implementation of this mechanism, the legislation on the protection of personal data and methods of protection of personal data in the application of modern information technology is argued. Conclusions: personal data is an important and integral part of the modern world, without which the effective functioning of any system based on modern information technology is impossible. The constant improvement of legislation governing their use contributes to the expansion of ways to protect data. The author has formulated possible ways of improving the legislation in this direction.

Key-words: *rights and freedoms, state, legislation, personal data, depersonalization of personal data, information technology.*

Права и свободы каждого человека и гражданина даны ему от рождения, это та ценность, которая должна сохраняться с нами на протяжении всей жизни. Ее гарантируют и защищают государства всего мира. Именно реализуя свои права и свободы, люди ощущают свою значимость, ведь каждый отдельный гражданин является составляющей единицей целого народа, который способен осуществлять власть.

Важность и непоколебимость данных положений основного закона страны реализуется посредством четко выработанных механизмов, эффективность которых оценивается посредством сопоставления законодательно закрепленных норм и фактически реализуемых в действительности.

Как справедливо отмечал В.Т. Кабышев: «Конституция, с точки зрения ее реального применения, практически никогда не соответствует в полном объеме юридической конституции, ибо жизнь богаче любых правовых форм», и поэтому «конституционализация всех сфер есть объективная потребность нашего бытия» [1, с. 26].

Согласно суждению Б.С. Эбзеева, конституционное закрепление и регулирование прав и свобод человека и гражданина, установление целей и критериев их ограничения — главная гарантия от произвольных решений со стороны власти [2, с. 325].

Права и свободы человека являются высшей ценностью по Конституции Российской Федерации и при реализации направлены, в том числе, на сохранение персональных данных каждого человека и гражданина, которые представляют собой неотъемлемые и важные сведения, принадлежащие гражданам наравне с их правами и нуждающиеся в тщательной охране и защите, особенно со стороны государства [3, с. 218].

Реализация положений Конституции возможна только при наличии эффективного конституционно-правового механизма. Можно согласиться с К.К. Гасановой в том, что «...конституционно-правовой механизм обеспечения основных прав человека — это взятая в единстве система взаимных конституционно-правовых средств, при помощи которых государство осуществляет юридическое воздействие на правоотношения между субъектами права в условиях признания, соблюдения и реализации прав человека» [4, с. 197]. Данный механизм права

включает в себя комплекс юридических форм и средств, направленных на защиту и восстановление нарушенных прав человека.

В современных условиях, когда цифровизация затрагивает все больше сфер общественной жизни важным для развития научных знаний по вопросам защиты прав и свобод человека становится создание научного определения конституционно-правового механизма регулирования обезличивания персональных данных, что оставляет правовые проблемы в обеспечении прав граждан на информацию, защиты персональных данных.

На наш взгляд, его можно сформулировать следующим образом: «...правовой механизм обезличивания персональных данных» — это совокупность юридических форм и средств, обеспечивающих невозможность определения принадлежности персональных данных конкретному субъекту без дополнительной информации для защиты конституционных прав личности в цифровой среде.

Содержание данного определения обладает рядом особенностей. Во-первых, термин «обезличивание» предполагает доведение информации к тому состоянию, которое характеризует возможность косвенной идентификации лица посредством привлечения дополнительной информации.

Во-вторых, в ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» показывает особенность обезличенных данных в случаях обработки персональных данных без соглашения субъекта персональных данных. Данная особенность заключается в том, что «обработка персональных данных осуществляется в статистических или иных исследовательских целях, за исключением целей, указанных в ст. 15 настоящего Федерального закона, при условии обязательного обезличивания персональных данных». При этом законодатель использует формулировку «хранение персональных данных должно осуществляться в форме, позволяющей определить субъекта персональных данных», тем самым показывая возможность существования этих данных в форме, не позволяющей определить субъекта персональных данных.

В-третьих, если обезличенные данные могут быть возвращены к исходному состоянию, то они относятся к категории информации, которая может косвенно определить лицо, а следовательно, являются персональными данными.

В юридической литературе есть обоснованное мнение о необходимости создания механизма с целью обеспечения комплексной защиты персональных данных граждан для предотвращения каких-либо противоправных действий в отношении последних, а также о необходимости обеспечения приоритета защиты прав гражданина как «основополагающего принципа отношений в сфере сбора, обработки и использования персональных данных» [5, с. 30].

В настоящее время основным законом, регламентирующим вопросы защиты персональных данных и, связанных с этим конституционных прав человека является Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», который подвергается постоянным изменениям¹.

Именно в тексте данного Закона дано четкое определение персональных данных: «...любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу» и целью настоящего Федерального закона является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при

¹ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну»¹.

Данный закон регулирует общественные отношения в сфере предоставления, обработки, защиты персональных данных и если раньше нормы говорили о запрете бесконтрольного использования персональных данных третьими лицами без согласия субъекта и требовали соответствия характера использования цели обработки, то с 1 сентября 2021 г. появились четко прописанные механизмы реализации данных требований Закона, которые закреплены в Приказе Роскомнадзора от 24 февраля 2021 г. № 18 «Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения»².

Понятие «общедоступные данные» было заменено на «персональные данные, разрешенные субъектом для распространения», таким образом теперь для обработки персональных данных всегда требуется согласие субъектом, и молчание или бездействие не является таковым.

Установлены требования к согласию, а также обязанности об информировании запрета на обработку и передачу персональных данных, условия обработки и передачи их неограниченному кругу лиц.

Одним из действующих механизмов реализации и защиты прав человека и гражданина считается обезличивание персональных данных, а именно: «...действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных»³.

Президент Ассоциации участников рынка больших данных Анна Серебряникова отмечает, что обезличивание персональных данных это, в первую очередь, именно механизм защиты, а уже потом стимулирование развития бизнес-сектора⁴.

К сожалению, в настоящий момент нельзя сказать про абсолютную безопасность обезличенных данных, так как взаимодействуя с ними при помощи различных математических алгоритмов, последние могут вновь сделать данные персонализированными.

Вся процедура по обезличиванию персональных данных строго регламентирована Приказом Роскомнадзора от 5 сентября 2013 г. № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных»⁵, так как, несмотря на имеющиеся риски по утечке информации, персональные данные являются важнейшим элементов на пути развития информационных технологий.

В настоящее время существуют множество методов обезличивания, такие как перемешивание, изменение состава или семантики, декомпозиция, введение идентификаторов и другие. Список постоянно совершенствуется и дополняется, идет непрерывная работа по минимизированию рисков, так как отказ от использования персональных данных в современном мире просто невозможен.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104210039/> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

⁴ См.: Сазонова М. Обезличивание данных: сохранение баланса между правами граждан и развитием инноваций. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁵ См.: Российская газета. 2013. 17 сент.

Помимо обезличивания данных, существует еще понятие анонимизированные данные, которые представляют собой статистику и находятся в открытом доступе.

К примеру, Росстат в своей работе использует, в том числе, и анонимизированные данные, которые не несут такой ценности, как обезличенные данные.

Однако, говоря о них, необходимо помнить и о другой стороне, а именно, что данные могут быть либо полезными, либо анонимными, но никогда и теми, и другими одновременно. Следовательно, такие данные не могут быть использованы при обучении искусственного интеллекта, или же для ведения бизнеса.

Следует отметить, что обезличивание персональных данных — это способ, позволяющий обрабатывать персональные данные субъекта, а также обезличивать уже полученные ранее оператором персональные данные. Федеральный закон «О персональных данных» определяет их в отдельную категорию, которая не требует обеспечения конфиденциальности и применения, установленных законодательством о персональных данных, обязательных мер и способов защиты. Сложность заключается в том, что предоставляя операторам персональных данных возможность самостоятельного выбора методов и способов защиты обезличенной информации, законодатель отказался от закрепления возможности ее обезличивания. Таким образом, необходимо внести изменения в нормативно-правовой акт, закрепить механизм защиты обезличенной информации, разработать Методику его применения данного механизма субъектами обезличивания персональных данных (операторами). Надо установить запрет на проведение обезличивания информации гражданами, организациями, не являющимися операторами персональных данных.

Как отмечено в литературе, в новых технологических реалиях обезличивание данных уже не может быть эффективным средством защиты персональных данных или в более глобальном смысле — частной жизни.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что персональные данные, взаимодействуя с защитой конституционных прав граждан, образуют в совокупности важную и неотъемлемую часть современного мира, без которых просто невозможно эффективное функционирование какой-либо системы на основе современных (информационных) технологий.

К сожалению, персональные данные в настоящее время часто являются объектом незаконных сделок, их передают как мошенникам, преследующих цель по осуществлению нелегальных денежных манипуляций, так и частным компаниям, которые используют персональные данные для маркетинга, продвижения своих товаров и услуг. Совершенствование законодательной базы позволяет минимизировать риски утечки персональных данных. Однако пользователям необходимо обращаться только в проверенные организации и как можно меньше разглашать информацию о себе. Эксперты уверены, что при утечке персональных данных важно не оставлять этот факт без внимания Роскомнадзора и правоохранительных органов.

Согласно действующему законодательству, Роскомнадзор призван контролировать исполнение требований закона, а также может обращаться в интересах конкретного гражданина в защиту его прав с иском в суд, о чем сказано и в Определении Верховного Суда РФ¹.

¹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2020 г. № 58-КГ20-2 по делу № М-1862/2019. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

Кроме того, постоянное совершенствования законодательства с сфере использования персональных данных свидетельствует о расширении способов их защиты.

Так, следует отметить процесс ужесточения мер наказания: нарушения требований закона в сфере персональных данных караются сразу денежными взысканиями, а не начинаются с предупреждений. Размер штрафа в настоящее время варьируется от одной тысячи до ста тысяч рублей в зависимости от субъекта и обстоятельств правонарушения.

Предлагаем следующие пути совершенствования законодательства в исследуемой сфере:

1. Переосмысление правовых определений «персональные данные» и «оператор персональных данных», поскольку информация о пользователях в современных условиях имеет масштабный характер распространения;

2. Закрепление в законе о персональных данных положения о том, что деперсонализированные данные являются видом персональных данных, поскольку после обезличивания они обладают некоторыми свойствами, конкретный набор которых зависит от технологии обезличивания.

Выработанные и нормативно-закрепленные механизмы по защите прав граждан в данной сфере способствуют эффективному процессу реализации норм.

Предполагается, что внутренний контроль в самих организациях, являющихся субъектами обработки персональных данных, послужит дополнительным способом защиты персональных данных, в том числе и обезличенных, а разработка отраслевых стандартов способна повысить цифровую культуру компаний. Все это, несомненно, приведет и к повышению уровня доверия со стороны граждан и облегчит совершенствование сферы применения информационных технологий.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* Саратовская научная школа конституционного права // Государство и право. 2021. № 5. С. 26–32.
2. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.
3. *Стребкова Е.Г.* Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 217–225.
4. *Гасанов К.К.* Конституционный механизм основных прав человека: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. 431 с.
5. *Солдатова В. И.* Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex russica. 2020. № 2. С. 33–43.

References

1. *Kabyshchev V.T.* Saratov Scientific School of Constitutional Law // State and Law. 2021. No. 5. P. 26–32.
2. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia: Textbook. Moscow: Prospect, 2019. 768 p.
3. *Strebkova E.G.* Digitalization of Constitutional Rights and Freedoms: the Essence and Problems of Implementation // Legal Policy and Legal Life. 2021. No. 1. P. 217–225.
4. *Gasanov K.K.* Constitutional Mechanism of Basic Human Rights: textbook. Moscow: UNITI-DANA: Law and Right, 2004. 431 p.
5. *Soldatova V.I.* Protection of Personal Data in Conditions of Application of Digital Technologies // Lex russica. 2020. No. 2. P. 33–43

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-110-117
УДК 342.76

А.А. Смирных

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД КАК КАТЕГОРИЯ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Введение: в статье рассматриваются различные подходы к пониманию категории «ограничение прав и свобод» в современной науке конституционного права. Исследуется соотношение «ограничения прав и свобод с такими правовыми явлениями» как «пределы прав и свобод», «умаление прав и свобод», «изъятие прав и свобод», «уничтожение прав и свобод». **Цель:** изучить конституционную категорию ограничения прав и свобод как самостоятельную категорию науки конституционного права, а также провести сравнительный анализ данного термина со схожими дефинициями. **Методологическая основа:** в статье используются диалектический метод, методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** проанализировано соотношение категории «ограничение прав и свобод» в сравнении со схожими дефинициями; установлены их общие и специфичные черты. **Выводы:** категория «ограничение прав человека и гражданина» является самостоятельной категорией науки конституционного права. Утверждение ее тождественности с некоторыми иными правовыми явлениями является возможным лишь отчасти.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, ограничение прав и свобод, умаление прав и свобод, изъятие прав и свобод, уничтожение прав и свобод, пределы прав и свобод.

A.A. Smirnykh

LIMITATION OF RIGHTS AND FREEDOMS AS A CATEGORY OF THE SCIENCE OF CONSTITUTIONAL LAW

Background: the article considers different approaches to the understanding of the category “limitation of rights and freedoms” in the modern science of constitutional law. The correlation of “limitation of rights and freedoms with such legal phenomena” as “limits of rights and freedoms”, “derogation of rights and freedoms”, “exclusion of rights and freedoms”, “destruction of rights and freedoms” is investigated. **Objective:** to study the constitutional category of restrictions on rights and freedoms as an independent category of the science of constitutional law, as well as to conduct a comparative analysis of this term with similar definitions. **Methodology:** dialectical method, methods of analysis and synthesis, comparative legal method are used in the article. **Results:** the ratio of the category “limitation of rights and freedoms” in comparison with similar definitions is analyzed; their common and specific features are established. **Conclusions:** the category “limitation of human and civil rights” is an independent category of the science of constitutional law. The assertion of its identity with some other legal phenomena is possible only in part.

Key-words: constitutional rights and freedoms, restriction of rights and freedoms, diminution of rights and freedoms, withdrawal of rights and freedoms, destruction of rights and freedoms, limits of rights and freedoms.

© Смирных Александр Александрович, 2023

Аспирант кафедры государственно-правовые дисциплины (Пензенский государственный университет);
e-mail: s54703@yandex.ru

© Smirnykh Aleksandr Aleksandrovich, 2023

Postgraduate student at the Department of State and Legal Disciplines (Penza State University)

В правовой науке сегодня существует множество подходов к определению «ограничение прав и свобод».

Анализ научной литературы позволяет выделить как минимум три варианта подхода к определению содержания и сущности категории «ограничения прав и свобод гражданина»: 1) ограничения прав и свобод — это сужение объема права (В.И. Гойман, А.А. Смирнов [1, с. 26–27; 2, с. 8]); 2) ограничения прав и свобод — это установление их границ, пределов (А.В. Малько, А.А. Подмарев, В.Н. Агеев [3, с. 91; 4, с. 13; 5, с. 10]); 3) ограничения прав и свобод — это изъятия из правового статуса человека и гражданина (Б.С. Эбзеев) [6, с. 322]. Интересной интегративной точки зрения придерживается А.В. Ашихмина, которая считает, что ограничения прав могут проявляться в двух вариантах: «...либо как полный запрет определенного права (свободы) ... либо как уменьшение вариантов возможного, дозволенного поведения (в рамках конкретного права или свободы) путем установления властеносителем, прежде всего субъектами законотворчества, различного рода пределов (пространственных, временных рамок, субъектных и т.д.) такого поведения» [7, с. 14].

Вторая точка зрения на природу ограничений прав и свобод устанавливает тождество исследуемой категории с еще одной дефиницией, используемой в науке конституционного права — пределами прав и свобод гражданина. Следует отметить, что пределы прав и свобод не единственная научно-правовая категория схожая, на первый взгляд синонимичная, ограничениям прав и свобод гражданина. Так, в конституционном праве встречаются следующие термины: «умаление прав», «лишение прав», «отчуждение прав», «изъятие прав». Для более полного и глубокого понимания природы категории ограничения прав человека и гражданина проведем их сравнительно-правовое исследование с указанными научными терминами, выявить их соотношение. Первым рассмотрим соотношение понятий «ограничениям прав и свобод гражданина» и «пределы прав и свобод гражданина».

Из ученых, чьи работы были исследованы, относительное большинство (А.В. Малько, А.А. Подмарев, В.Н. Агеев) отождествляет данные правовые категории. Кроме данных ученых косвенно отождествляет понятия «ограничения прав» и «пределы прав» А.А. Умарова: «...ограничение прав — специфический комплекс правовых норм, принципов и конструкций, образующих определенную систему, обособленный единым правовым режимом, регулирующим общественные отношения, связанные с установлением границ (пределов) разрешенного поведения субъектов права» [8, с. 11], а также, в качестве одного из возможных вариантов проявления ограничений прав, пределы рассматривает А.В. Ашихмина [7, с. 13].

Следует обратить внимание на определение ограничений прав и свобод Е.Е. Грецова, понимающая под ними: «...допустимое международным и/или внутригосударственным правом вмешательство в права и свободы человека, отвечающие требованиям законности, необходимости, целесообразности и соразмерности преследуемой цели» [9, с. 7–8]. Несмотря на то, что ученый максимально пространно определяет ограничения прав и свобод, раскрывая его через термин «вмешательство», по итогу сравнительного анализа ограничений и пределов им формулируется следующий вывод: «Пределы представляют собой некие границы (или рамки) осуществления прав и свобод; ...Ограничение прав и свобод представляет собой как раз установление пределов, т.е. границ осуществления и пользования правами и свободами, превышение которых и будет считаться злоупотреблением или нарушением установленных прав и свобод. В этом состоит

сходство рассматриваемых понятий. Но если пределы осуществления права определяют условия реализации права и не направлены на сужение его объема, то ограничение права представляет собой вмешательство в право, а значит, сужает его объем» [9, с. 8]. То есть, Е.Е. Грецова, по основному вопросу соотношения ограничений с пределами, устанавливает связь предмета и способа его установления. Пределы, в таком понимании, являются рациональным зерном ограничений, а последние не являются самостоятельной категорией и полностью, по существу, определяются первыми. На наш взгляд, данный подход не соответствует Конституции России, а значит, и объективной правовой действительности. Так, ч. 1 ст. 56 Конституции России закрепляет, что в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Из данной нормы следует, что Конституция России определяет ограничения не как процесс установления пределов, а как сам результат деятельности, которая имеет строго установленную процедурную форму.

Также представляется невозможным соглашение с утверждением о тождественности ограничений и пределов прав гражданина. С точки зрения лингвистического анализа можно выделить два варианта значения данного термина: 1) ограничение как производное от слова «ограничить», применяемое в первую очередь к физическим процессам (например, ограничение скорости), 2) правило, установление, норма, определяющие какие-то границы, рамки, условия¹.

В рамках исследуемых вопросов наиболее подходящим представляется второй вариант понимания ограничения. В свою очередь, термин «предел» имеет значительно больше вариантов понимания, однако наиболее подходящим представляется следующий, применимый обычно к множественной форме данного понятия: граница, рамки чего-либо принятого, установленного, дозволенного². Как видно из вариантов понимания терминов, с точки зрения русского языка, возможен подход схожий с тем, который предлагает Е.Е. Грецова. Однако данный вариант не соответствует нормам Конституции России, а также догмам теории конституционного права. В то же время отождествление данных категорий представляется невозможным с точки зрения семантики.

Следует подчеркнуть, что в науке конституционного права существует немало критических позиций к данному подходу. Так, по мнению Б.С. Эбзеева следует отличать от ограничений основных прав имманентные пределы основных прав, которые зафиксированы в Конституции и отличаются от них по своей социальной и юридической природе [6, с. 321; 10, с. 506]. Рассуждая об имманентных пределах, Б.С. Эбзеев дает им следующую характеристику: «Речь идет о границах признаваемой и защищаемой Конституцией свобод индивидов и их ассоциаций, по существу, о нормативном содержании того или иного конституционного права, составе его правомочий и системе гарантий» [10, с. 506].

Определение ограничений прав данное А.А. Смирновым подводит к необходимости сравнительного анализа ограничений прав с еще некоторыми правовыми

¹ См.: Проверка слова: ограничение // Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 03.07.2022).

² См.: Проверка слова: предел // Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB> (дата обращения: 03.07.2022).

категориями, близкими к ним по смыслу. Так, определяя по существу ограничения прав как сужение их объема, А.А. Смирнов выделяет в качестве возможных способов такого сужения: «...уничтожение, изъятие либо умаление блага, лежащего в основе конституционного права или свободы» [2, с. 8]. Несмотря на то, что ученый указывает на синонимичность терминов, их использование в данном им определении подводит нас к их анализу. Если рассматривать с тактической точки зрения: возможно ли использование дефиниций «уничтожение», «изъятие» либо «умаление блага» для раскрытия сути ограничения прав; и стратегической — возможно ли провозгласить тождество между ограничениями прав, с одной стороны, и уничтожением, изъятием либо умалением, с другой.

Представляется, что для дачи верных ответов на поставленные вопросы необходимо осуществить семантический анализ исследуемых дефиниций. Так, категория «уничтожение» является производным от глагола «уничтожить», имеющего несколько значений, из которых к правам человека может быть применено только одно: «ликвидировать что-либо»¹. Следовательно, уничтожение права гражданина представляет абсолютную его ликвидацию и исключение из правового статуса. Думается, что столь радикальное действие не может быть синонимичным понятию «ограничение прав», которые лишь устанавливают определенные границы их использования.

Можно прийти к выводу, что «уничтожение» прав человека, либо «лежащих в его основе благ», противоречит ст. 2 Конституции России, согласно которой, человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью государства. Таким образом, на наш взгляд, невозможно использовать категорию «уничтожение прав человека», как синоним «ограничения прав человека», так и в понимании инструмента осуществления данных ограничений, не нарушив постулат концепции естественных прав, норм Конституции России, и самое важное — бесповоротно не навредив правовому статусу человека.

Несколько сложнее обстоят дела с дефиницией «изъятие». Так, с точки зрения русского языка, глагол «изъять», производным которого является представляющий в рамках данного исследования интерес термин «изъятие», имеет следующее значение: «устранить (из употребления, из обращения)/удалить, вынуть/отобрать, конфисковать»². Из приведенных вариантов смысловой нагрузки термина «изъять», относительно прав человека применить можно «устранить (из употребления, из обращения)», поскольку остальные применимы лишь к объектам физического мира. Таким образом, в отличие от «уничтожения» «изъятие» не предусматривает абсолютную ликвидацию права человека, либо правомочия. Изъятые права, правомочия продолжают оставаться неотъемлемой частью конституционно-правового статуса человека и гражданина. Однако использование их становится невозможным. Можно отметить, что фактически в таком виде и реализуются ограничения прав человека, например, в качестве наказаний, предусмотренных статьями Уголовного кодекса Российской Федерации или Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Следовательно, использование термина «изъятие прав человека» не противоречит

¹ См.: Проверка слова: уничтожить // Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%83%D0%BD%D0%B8%D1%87%D1%82%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 20.06.2022).

² См.: Проверка слова: уничтожить // Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%B8%D0%B7%D1%8A%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 20.06.2022).

сложившейся естественно правовой концепции, а также нормам Конституции Российской Федерации. Соответственно, использование данного термина возможно как для раскрытия сути категории ограничений прав человека, так и в качестве синонима ограничениям прав человека.

Последним дискуссионным вариантом сужения прав, как их ограничений, А.А. Смирнов выделяет «умаление прав». В отличие от рассмотренных ранее терминов («уничтожение прав» и «изъятие прав») умаление прав напрямую используется в тексте Конституции России. Так, ч. 1 ст. 55 Конституции России закрепляет, что перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, а ч. 2: «...в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Следовательно, Конституция Российской Федерации изначально запрещает умаление прав человека, а значит категории «умаление прав» и «ограничение прав» не могут использоваться как взаимозаменяемые и синонимичные. Тем не менее, в науке конституционного права отмечают их близость, о чем свидетельствует авторское определение ограничений прав, даваемое А.А. Смирновым. О близости данных категорий говорит и Б.С. Эбзеев, особенно относительно ограничений прав, как изъятия из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод [10, с. 506].

Под термином «умалить» толковый словарь русского языка предлагает понимать: «Снизить, приуменьшить роль, значение чего-либо»¹. Следовательно, проводя сравнительный анализ умаления прав человека с уничтожением и изъятием прав, можно сделать следующий вывод, что относительно первого оно не предусматривает ликвидацию права или правомочия, а относительно второго — не исключает право (правомочие) из использования, а снижает его значение.

Б.С. Эбзеев, не давая определения умалению прав человека, перечисляет следующие вариации его выражения: сужение пределов прав и свобод, как они зафиксированы в Конституции, если для этого нет установленных в Конституции оснований; уменьшение материального содержания прав и свобод, объема социальных и иных благ, причитающихся их обладателю; минимизация гарантий прав и свобод, в том числе в результате государственного предпочтения одной группы прав в ущерб другой группе прав, тогда как все права и свободы человека и гражданина в силу Конституции должны находиться под равной защитой; создание таких процедур реализации прав и свобод, которые могут свести на нет сами права или свободы человека и граждан, и т.п. [10, с. 505].

Представляется, что приведенные профессором Б.С. Эбзеевым варианты умаления прав человека полностью соответствуют его смыслу с точки зрения его лингвистики. При этом следует обратить внимание на открытый характер данного перечня, что означает существование иных, гипотетических вариантов умаления прав человека. Так, к умалению можно отнести варианты нарушения правил введения ограничений прав, описанные в некоторых постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, например, в Постановлении от 20 декабря 1995 г. № 17-П (ограничения должны быть юридически оправданны и адекватны) или в Постановлении от 27 апреля 1998 г. № 12-П (введение ограничений прав субъектами Российской Федерации возможно в рамках определенных

¹ См.: Проверка слова: умалить // Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 21.06.2022).

соответствующими федеральными законами). Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П консолидирует все правила введения ограничений прав, определенные в рамках толкования конституционных норм и относит к ним следующие: ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения¹. Следовательно, нарушение данных правил при введении ограничений прав, будут являть собой умаление соответствующих прав.

Таким образом, определения умаления прав человека, приведенные выше, на наш взгляд, не раскрывают полностью природу данной категории, поскольку необоснованно игнорируют варианты такого умаления, либо являются расплывчатыми.

Ограничения и умаления прав человека имеют несколько отличных друг от друга характеристик. Во-первых, цели. Ограничение может вводиться строго в целях, обозначенных в Конституции РФ. Умаление не имеет законного основания и, соответственно, является разновидностью правонарушения. Во-вторых, умаление значительно более широкая категория в сравнении с ограничениями. Ограничения не затрагивают содержания материального права по сути и касаются установления границ реализации прав во времени, пространстве, по кругу лиц. В то время как умаление может проявляться в сужении пределов прав и свобод, в уменьшении их материального содержания.

Таким образом, использование термина «умаление прав человека» представляется недопустимым как в варианте синонима категории «ограничение прав человека», так и для раскрытия содержания последнего.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаяна и К.С. Рожкова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 44, ст. 4358.

Стоит отметить, что пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 и вызванная ей реакция государства вызвала новый виток спора о соотношении ограничения и умаления конституционных прав и свобод в плоскости правоприменительной деятельности. Важнейшим прецедентом в данном споре стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П. В указанном постановлении Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области», пришел к выводу, что введенные данным нормативным правовым актом ограничения соответствуют требованиям соразмерности и адекватности, обеспечивают справедливый баланс между необходимостью защиты жизни и здоровья населения в условиях сложной эпидемической ситуации, с одной стороны, и обеспечением возможности передвижения — с другой, не носят характера абсолютного запрета, а возможность их установления получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве¹. Таким образом, установленные губернатором Московской области правила являлись примером ограничения, а не умаления конституционных прав, что подтверждается соответствием требованиям Конституции России и постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, обозначенным ранее. Таким образом, и в плоскости правоприменительной деятельности проведена четкая разделительная черта между ограничением и умалением конституционных прав.

Подводя итог исследованию вопроса о возможности отождествления категории «ограничение прав человека и гражданина» с рядом иных категорий, следует указать, что это отчасти возможно лишь с термином «изъятия прав человека и гражданина». Так, ограничение прав человека можно рассматривать как изъятие из правового статуса человека и гражданина, в том числе изъятие прав и полномочий, влекущее недопустимость их реализации.

О невозможности отождествления ограничения прав с обозначенными категориями свидетельствует противопоставление их правового регулирования на практике (восприятие умаления и уничтожения прав как правонарушения против допущения ограничения прав при соблюдении требований Конституции России), на примере ограничений, введенных в период пандемии COVID-19. Более того, нарушение предписанных Конституцией правил ограничения прав человека влечет за собой их умаление.

В то же время из сложившихся в теории конституционного права концепций по пониманию природы ограничений прав человека, наиболее верным представляется понимание их как сужения прав и свобод человека и гражданина, которое может проявляться и в виде изъятия прав и полномочий, не влекущее их отмену, но проявляющееся в недопустимости их реализации соответственно целому ряду критериев (времени, месту, правовому статусу лиц и так далее).

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области „О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Российская газета. 2020. № 6 (8357).

Библиографический список

1. *Гойман В.И.* Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 20–43.
2. *Смирнов А.А.* Ограничение прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации при обеспечении обороны страны и безопасности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
3. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. 250 с.
4. *Подмарев А.А.* Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2014. № 9. С. 9–17.
5. *Агеев В.Н.* Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: теория, история, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 32 с.
6. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.
7. *Ашихмина А.В.* Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 36 с.
8. *Умарова А.А.* Институт правовых ограничений: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2018. 26 с.
9. *Грецова Е.Е.* Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

References

1. *Goyman V.I.* Principles, Limits, Grounds for Restricting Human Rights and Freedoms Under Russian Legislation and international Law // State and Law. 1998. No. 7. P. 20–43.
2. *Smirnov A.A.* Restriction of the Rights and Freedoms of Man and Citizen of the Russian Federation in Ensuring the Defense of the Country and the Security of the state: extended abstract dis. ... cand. of law. Moscow, 2007. 25 p.
3. *Malko A.V.* Incentives and Restrictions in Law. 2nd ed. reprint. and additional. M.: Lawyer, 2003. 250 p.
4. *Podmarev A.A.* Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms: Definition of the Constitutional Concept // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal sciences. 2014. No. 9. P. 9–17.
5. *Ageev V.N.* Constitutional Restrictions of Fundamental Rights and Freedoms of the Individual in the Russian Federation: Theory, History, Practice: extended abstract. dis. ... cand. of law. Kazan, 2006. 32 p.
6. *Ebzeev B.S.* Constitutional Law of Russia: textbook. M.: Prospect, 2019. 768 p.
7. *Ashikhmina A.V.* Constitutional and Legal Mechanism of Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation: extended abstract. dis. ... cand. of law. Moscow, 2008. 36 p.
8. *Umarova A.A.* Institute of Legal Restrictions: General Theoretical Research: extended abstract. dis. ... cand. of law. Terrible, 2018. 26 p.
9. *Gretsova E.E.* Lawful Restrictions of Human Rights and Freedoms in International Law: extended abstract. dis. ... cand. of law. Moscow, 2009. 26 p.
10. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / edited by V.D. Zorkin. 3rd ed., revision. M.: Norm: INFRA-M, 2013. 1040 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-118-124

УДК 342.94

А.Ю. Соколов

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Введение: актуальность статьи обусловлена значительной ролью цифровых технологий в обеспечении скорости и эффективности производства по делам об административных правонарушениях. Однако процессы цифровой трансформации лишь отчасти затронули действующий КоАП РФ. Совершенствование производства по делам об административных правонарушениях в аспекте углубления его цифровизации требует обращения к опыту отдельных стран СНГ в данной сфере. **Цель:** разработка предложений по внесению изменений в КоАП РФ, направленных на расширение применения цифровых технологий, что будет способствовать упрощению совершения процессуальных действий, а также минимизации временных и материальных расходов участников производства. **Методологическая основа:** общенаучные методы познания (анализ, синтез), а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** определены направления совершенствования положений КоАП РФ в целях его дальнейшей цифровизации. **Выводы:** необходимо правовое закрепление определения электронных материалов как особого вида доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях; установление возможности подачи жалоб и заявления ходатайств не только в письменном (бумажном), но и в электронном виде; расширение практики подачи жалоб в форме электронного документа на постановление по делу об административном правонарушении; ведение дела в электронном виде; закрепление возможности оформления протокола об административном правонарушении в электронно-цифровой форме.

Ключевые слова: административное правонарушение, цифровые технологии, электронный документ, электронная подпись, видео-конференц-связь.

A.Yu. Sokolov

LEGAL POLICY IN THE FIELD OF THE USE
OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PROCEEDINGS
ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Background: the relevance of the article is due to the significant role of digital technologies in ensuring the speed and efficiency of proceedings in cases of administrative offenses. However, the processes of digital transformation only partially affected the current Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Improving the proceedings in cases of administrative offenses in the aspect of deepening its digitalization requires referring to the experience of individual CIS countries in this area. **Objective:** development of proposals for amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, aimed at expanding the use of digital technology, which will contribute to the simplification of procedural actions, as well as minimizing the time and material costs of participants in the proceedings. **Methodology:** general scientific methods of knowledge (analysis, synthesis), as well as formal-legal and comparative legal methods. **Results:** directions for improving the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for the purpose of its further digitalization are identified. **Conclusions:** it is necessary to legally enshrine the definition of electronic materials as a special type of evidence in proceedings on cases of administrative offenses; establishing the possibility of filing complaints and petitions not only in writing (paper), but also in electronic form; expanding the practice of filing complaints in the form of an electronic document on the decision on a case of an administrative offense; maintaining the case in electronic form; fixing the possibility of registration of a protocol of an administrative offense in electronic-digital form.

Key-words: administrative offense, digital technologies, electronic document, electronic signature, video conferencing.

На современном этапе развития общества цифровые технологии находят все большее применение в государственном управлении. Использование достижений науки и техники позволяет повысить оперативность принятия управленческих решений и качество оказываемых услуг. Как следует из Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ¹, необходимо развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций и органов государственной власти. В связи с этим цифровая трансформация должна затронуть все административные производства, в том числе производство по делам об административных правонарушениях.

Однако производство по делам об административных правонарушениях отстает в данном отношении от иных административно-процессуальных производств. Так, административное судопроизводство характеризуется широким применением способов обмена документами в электронно-цифровой форме; возможностью не только дистанционного рассмотрения дел, но и подачи документов, заявлений в цифровом формате.

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2901.

В производстве по делам об административных правонарушениях применение цифровых технологий не столь значительно, что не способствует упрощению совершения процессуальных действий, а также минимизации временных и материальных расходов его участников.

Первые изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)¹, направленные на внедрение цифровых технологий, были внесены в 2007 г., и связаны с закреплением возможности электронной фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами.

В 2018 г. в КоАП РФ была внесена ст. 29.14, регламентирующая порядок участия в судебном заседании путем использования видео-конференц-связи. Данная возможность нашла широкое применение в период пандемии COVID-19.

Кроме того, имеется практика рассмотрения дел посредством мессенджеров, предусматривающих возможность видеосвязи. Первое заседание по делу об административном правонарушении в данном формате состоялось в Свердловской области 30 марта 2020 г. посредством видеозвонка². Однако необходимо отметить, что ст. 29.14 КоАП РФ в настоящее время не предусматривает дистанционного рассмотрения дел об административных правонарушениях во внесудебном порядке при наличии соответствующей технической возможности. Данное законодательное ограничение следует признать необоснованным и требующим устранения.

Положения множества нормативных правовых актов в 2020 г. были приведены в соответствие с новой действительностью, которая характеризовалась необходимостью реализации так называемых «особых административно-правовых режимов» [1, с. 298], направленных на воспрепятствование распространению заболеваемости. Не явился исключением и КоАП РФ, в который были внесены изменения, состоящие в закреплении возможности направления определения для исполнения в электронной форме; подачи жалобы в электронной форме через Единый портал государственных и муниципальных услуг на постановление по делу в случае автоматической фиксации административного правонарушения; вынесения постановления в форме электронного документа.

Одним из наиболее значимых изменений отечественного законодательства может стать принятие Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — ПрКоАП РФ)³. Проект данного акта размещен Минюстом России для публичных обсуждений. ПрКоАП РФ предполагает расширение практики использования электронного документооборота.

Так, может появиться возможность подачи заявления, ходатайства, жалобы, протеста, представления в электронном виде, в том числе посредством заполнения форм документов, размещенных на официальном сайте государственного органа в сети Интернет, либо на Едином портале государственных и муниципальных услуг (ст. 1.15 ПрКоАП РФ). Кроме того, предполагается определить порядок

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2023. № 1 (ч. 1), ст. 72.

² См.: Постановление Невьянского городского суда свердловской области от 30 марта 2020 г. по делу № 5-40/2020 // URL: <https://судебныерешения.рф/49304102> (дата обращения: 25.01.2023).

³ См.: Проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#StartDate=15.6.2020&EndDate=16.6.2020&npr=102945> (дата обращения: 25.01.2023).

использования электронных документов, направления и доставки извещений (уведомлений) с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг.

Однако ни действующий КоАП РФ, ни проект ПрКоАП РФ, не закрепляют четких определений электронных документов и электронных материалов. КоАП РФ рассматривает их в качестве разновидности письменных доказательств. Так, в соответствии со ст. 26.7 КоАП РФ, документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме

В отечественном законодательстве нормативно закреплены пределы допустимости лишь электронных документов как разновидности электронных материалов. Как следует из содержания Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»¹, электронный документ — это информация в электронной форме, подписанная электронной подписью. В свою очередь, статус документов в электронном формате, не содержащих электронную подпись, а также иных материалов в электронно-цифровой форме, является неопределенным.

При разграничении электронных материалов и иных доказательств, в том числе электронных документов, в толковании, приведенном в Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», необходимо обратить внимание на то, что критериями идентификации цифровой информации могут выступать не только электронная подпись, но и реквизиты, отражающие передачу сообщения по каналам информационно-телекоммуникационных сетей.

Следует поддержать мнение, что «...необходимость рассматривать электронные материалы как самостоятельную разновидность доказательств обусловлена тем, что форма таких доказательств отличается от бумажного носителя информации» [2, с. 134]. Электронные материалы отличаются от письменных доказательств тем, что сами по себе они не могут быть доступными человеческому восприятию. Отдельные виды электронных материалов, например, специальные базы данных, Интернет-ресурсы, могут быть представлены только в электронной форме. Отсутствие стабильной материальной основы выводит их за рамки письменных доказательств.

Таким образом, электронные материалы необходимо рассматривать как сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела об административном правонарушении, представленные в электронно-цифровой форме и пригодные для хранения, передачи и воспроизведения посредством электронно-вычислительной техники. В связи с расширением практики использования электронных документов и материалов в качестве доказательств по делу об административных правонарушениях, представляется необходимым правовое закрепление их определения.

Следующим актуальным вопросом является перевод документооборота в электронно-цифровую форму. Опыт отдельных стран СНГ свидетельствует об активном применении цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях.

¹ См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 28 декабря 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19 (ч. 1), ст. 3448; 2023. № 1 (ч. 1), ст. 16.

Так, в Кодексе Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г.¹ закреплены две формы производства по делам о нарушениях: бумажная и электронная. Электронное производство осуществляется с использованием автоматизированной информационной системы (АИС). Протокол по делу о правонарушении, а также постановление, могут быть вынесены в электронном формате.

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-У² также предусматривает две формы производства по делам об административных правонарушениях: бумажную и электронную. При этом имеется возможность направления участникам производства электронных процессуальных документов, удостоверенных цифровой подписью; заявления ходатайств в форме электронного документа; размещения протокола на веб-портале «электронного правительства» или в информационном сервисе уполномоченного органа в области правовой статистики и специальных учетов.

Важность интеграции цифровых технологий и государственного управления на базе государственных информационных ресурсов подчеркивалась в юридической литературе [3, с. 27]. Примером такой интеграции в производстве по делам об административных правонарушениях в Республике является использование мобильного приложения единого реестра административных производств (ЕРАП) при составлении электронного протокола. Данная практика является интересной и для внедрения в нашей стране методики выявления административного правонарушения на месте его совершения.

В свою очередь, как отмечается исследователями, отечественное производство по делам об административных правонарушениях «...до сих пор не получило надлежащей сквозной цифровизации всех стадий производства в части электронной коммуникации и электронного документооборота» [4, с. 771]. В частности, это касается правовой регламентации подачи ходатайств, жалоб в электронной форме на постановление по делу об административном правонарушении. Рассмотрение ходатайств, пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме, имеют определенные преимущества, поскольку это позволяет снизить временные и финансовые затраты органов власти и участников производства. При этом КоАП РФ не предусматривает возможность подачи документов, обращений, жалоб в электронном виде. Допустимость подачи жалобы на состоявшееся по делу об административном правонарушении постановление исключительно на бумажном носителе подтверждена и Верховным Судом РФ³. Исключение составляет лишь жалоба на постановление по делу об административном правонарушении в случае фиксации этого административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

В отдельных субъектах Российской Федерации предпринимались попытки восполнения законодательных пробелов КоАП РФ посредством организации цифровых сервисов. Примером такого ресурса может служить официальный

¹ См.: Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112306> (дата обращения: 25.01.2023).

² См.: Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-У. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=3157_7399 (дата обращения: 25.01.2023).

³ См.: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. № 53-ААД18-10. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

портал мэра и Правительства Москвы, на котором представлены различные информационные сервисы, позволяющие подать жалобу на постановления сотрудников Московской административной дорожной инспекции, а также сотрудников ГКУ «Администратор московского парковочного пространства». Жалоба может быть подана через раздел «Услуги» на официальном портале мэра и Правительства Москвы, портале «Автокод», а также посредством электронной приемной Правительства Москвы.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ, к ведению субъектов Российской Федерации относится организация производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами соответствующих субъектов. В свою очередь, согласно положениям ст. 1.3 КоАП РФ, к ведению Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях относится установление порядка производства по делам об административных правонарушениях. Обжалование постановления является отдельной стадией производства. Следовательно, порядок подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении должен быть регламентирован не региональными правовыми актами, а КоАП РФ.

Таким образом, необходимо внесение в ст. 30.2 КоАП РФ изменений, направленных на расширение практики подачи жалоб в форме электронного документа на постановление по делу об административном правонарушении. Ограничение такой возможности лишь случаями вынесения постановления по делу об административном правонарушении при его фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, представляется необоснованным.

Аналогично, требуется дополнение ст. 24.4 КоАП РФ ч. 3, которая должна закрепить возможность заявления ходатайств в порядке и сроки, установленные КоАП РФ, не только в письменном (бумажном), но и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью. Подача в электронном виде должна быть предусмотрена не только для ходатайств, но и для приложенных к ним материалов.

При этом участники производства по делу должны иметь право получать копии вынесенных по делу актов, выполненных в форме электронных документов, а также извещения, вызовы и иные документы, в электронном виде. Для направления таких документов следует использовать Единый портал государственных и муниципальных услуг.

Интересным в аспекте углубления цифровизации производства по делам об административных правонарушениях является положение ст. 8.2 Проекта ПрКоАП РФ, в соответствии с которым дела об административных правонарушениях, за исключением дел, рассматриваемых в закрытом судебном заседании, ведутся в электронном виде, без дополнительного формирования материалов на бумажном носителе. Правовое закрепление обязательности ведения дела в электронном виде позволит обеспечить гарантии прав участников производства на ознакомление с материалами дела на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Еще одним пробелом законодательства является отсутствие правового закрепления возможности оформления протокола об административном право-

нарушении в электронном виде. В настоящее время протокол составляется исключительно на бумажном носителе.

Ведение дела в электронном виде подразумевает и составление протокола в форме электронного документа. Таким образом, целесообразно дополнение ст. 28.2 КоАП РФ ч. 7, в соответствии с которой протокол об административном правонарушении может быть составлен в электронной форме с согласия лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. В целях удостоверения протокола должна быть использована электронная подпись.

При этом следует учитывать, что в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи», существует два вида электронных подписей: простая и усиленная. Простая электронная подпись путем использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт ее формирования конкретным лицом. Статья 6 указанного закона закрепляет, что информация в электронной форме, подписанная простой электронной подписью или неквалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью. Так как протокол об административном правонарушении не требует заверения печатью, для его удостоверения представляется достаточным использовать простую электронную подпись.

Предложенные законодательные изменения позволят повысить оперативность и эффективность производства по делам об административных правонарушениях.

Библиографический список

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 352 с.
2. Дехтярь И.Н. Производство по делам о нарушениях антимонопольного законодательства. Саратов, 2018. 192 с.
3. Полякова Т.А., Бойченко И.С., Троян Н.А. Информационно-правовые механизмы электронного взаимодействия в сфере правовой информации в условиях цифровизации // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1 (38). С. 24–27.
4. Крамер У., Мицкевич Л.А., Васильева А.Ф. Электронные формы в административном процессе России и Германии // Вестник СПбГУ. Сер.: Право. 2019. Т. 10. Вып. 4. С. 756–780.

References

1. Administrative Law of the Russian Federation: textbook for bachelors / ed. A.Yu. Sokolov. M.: Norma: Infra-M, 2018. 352 p.
2. Dekhtyar I.N. Proceedings on Cases of Violations of the Antimonopoly Law. Saratov, 2018. 192 p.
3. Polyakova T.A., Boychenko I.S., Troyan N.A. Information and Legal Mechanisms of Electronic Interaction in the Field of Legal Information in the Context of Digitalization // Law Enforcement Monitoring. 2021. No. 1 (38). P. 24–27.
4. Kramer U., Mitskevich L.A., Vasileva A.F. Electronic Forms in the Administrative Process in Russia and Germany // Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2019. Vol. 10. Issue. 4. P. 756–780.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-125-129
УДК 342.9

Н.А. Синельникова

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение: редкий руководитель не допускает ошибок в сфере труда, однако одной из обязанностей работодателей является соблюдение трудового законодательства и других нормативных актов, касающихся норм трудового права. За нарушение норм трудового права может наступить не только дисциплинарная ответственность, но и административная. Административная ответственность работодателей и их представителей наступает за различные правонарушения, таким образом, КоАП РФ закрепляет немалое количество статей, в которых предусмотрена ответственность за нарушение трудового законодательства. Актуальность темы обусловлена необходимостью изменения мер административной ответственности за нарушение трудового законодательства. **Цель:** выработка предложений по совершенствованию применения мер административной ответственности за нарушение трудового законодательства. **Методологическая основа:** при исследовании применялись такие методы, как общенаучные, формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** сделаны предложения по изменению норм КоАП РФ, предусматривающих ответственность за нарушение трудового законодательства. **Выводы:** видится целесообразным для совершенствования применения мер административной ответственности внесение изменений в ст. 5.27 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение трудового законодательства.

Ключевые слова: правонарушение, административная ответственность, административные наказания, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, работник, работодатель.

N.A. Sinelnikova

ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF LABOR LEGISLATION

Background: a rare manager does not make mistakes in the field of labor, but one of the duties of employers is to comply with labor laws and other normative acts concerning the norms of labor law. Not only disciplinary responsibility, but also administrative responsibility can be incurred for violating the norms of labor law. Administrative liability of employers and their representatives arises for various offenses, thus the CAO RF enshrines a considerable number of articles that provide for liability for violation of labor legislation. The relevance of the topic is due to the need to change the measures of administrative responsibility for violations of labor legislation. **Objective:** development of proposals for improving the application of administrative responsibility for violations of labor laws. **Methodology:** the research used such methods as general scientific, formal

---

© Синельникова Наталья Александровна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: n_sinelnikova@list.ru
© Sinelnikova Natalia Aleksandrovna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

legal, comparative legal. Results: proposals have been made to amend the norms of the CAO RF providing for liability for violations of labor legislation. Conclusions: it seems expedient to improve the application of administrative liability measures by amending Article 5.27 of the Administrative Code of the Russian Federation, which provides for liability for violation of labor legislation.

Key-words: *offense, administrative responsibility, administrative penalties, Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, employee, employer.*

Среди мер государственного принуждения административная ответственность занимает особое место, так как играет одну из главных ролей в обеспечении общественного порядка.

Вопросами административной ответственности занимались и занимаются на сегодняшний день многие ученые административисты.

Так, доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов под административной ответственностью понимает «...вид юридической ответственности, установленный КоАП РФ и законами субъектов РФ, заключающийся в применении компетентными органами административной юрисдикции и должностными лицами к лицам, виновным в совершении административного правонарушения специфических мер административного принуждения — административных наказаний, влекущих для лиц совершивших правонарушения наступление негативных последствий морального, имущественного, личного или организационного характера» [1, с. 9].

Доктор юридических наук, профессор Н.М. Конин писал, что «...административная ответственность — это предусмотренная законодательством правовая ответственность за совершенное административное правонарушение, связанная с применением административных наказаний (санкций)» [2, с. 150].

Д.Н. Бахрах характеризует административную ответственность как «...официальное признание деяния административным правонарушением, осуждение виновного и применение к нему уполномоченными субъектами административной власти административных наказаний в урегулированном КоАП РФ порядке» [3, с. 2–10].

Таким образом, административная ответственность выступает в роли наказания за совершение административных правонарушений.

Административная ответственность применяется за нарушение норм различных отраслей права, в том числе и трудового.

Сложившиеся обстоятельства в стране ставят работодателей перед необходимостью пересматривать условия работы большинства работников организаций. Банкротство организаций, приостановление их работы, сокращение числа работников, простои, переводы на дистанционную работу, сокращение заработной платы и т.д. могут увеличить нарушения норм трудового законодательства со стороны работодателей.

Выполнение трудовых обязанностей работодателем в соответствии с Трудовым кодексом РФ (далее — ТК РФ) необходимо, так как это является правовой основой трудовых отношений между субъектами трудового права. Соблюдая обязанности, повышается социальная защита работников.

«Административное правонарушение в сфере трудовых отношений — это противоправное, виновное деяние, посягающее на трудовые права и свободы граждан, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административ-

ных правонарушениях установлена административная ответственность» [4, с. 127–130].

Работодатель за нарушение трудового законодательства может быть привлечен к различным видам ответственности. Однако на сегодняшний момент из всех видов ответственности, административная ответственность имеет более широкое распространение. Она может наступать за различные нарушения трудового законодательства.

Основным видом наказания за нарушение трудового законодательства является административный штраф, а его размер зависит от состава административного правонарушения и субъектов его совершивших.

Административная ответственность работодателя за нарушение норм трудового законодательства, в большинстве случаев, определена ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), так как наибольшее распространение получили правонарушения, предусмотренные данной статьей.

Согласно ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ работодателю грозит привлечение к административной ответственности за уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем.

Уклонение от заключения трудового договора — уже само по себе является нарушением закона, но работающие без договора сотрудники, с одной стороны, выгодны работодателю. Таким сотрудникам не нужно оплачивать больничный, предоставлять отпуск, платить за них взносы. Им можно не доплачивать заработок, заставлять работать сверхурочно, изменять без предупреждения режим труда и отдыха и т.д. А при наступлении несчастного случая работодатель не обязан возмещать работнику затраты на лечение и причиненный ему вред. В отсутствие договора с конкретными положениями условия работы могут постоянно меняться и ухудшаться.

Таким образом, уклонение работодателя от заключения трудового договора является одним из существенных нарушений прав граждан, поскольку влечет за собой невозможность реализации ими гарантий, предусмотренных законом.

При составлении трудового договора необходимо учитывать, что в нем должны быть отражены сведения и условия, перечисленные в ч. 1, 2 ст. 57 ТК РФ¹. Отсутствие же каких-либо пунктов в договоре считается нарушением, а договор признается оформленным ненадлежащим образом.

Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» дает разъяснения относительно того, что же понимается под ненадлежащим оформлением трудового договора².

¹ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3; 2022. № 9 (ч. 1), ст. 1259.

² См. п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» «Под ненадлежащим оформлением трудового договора для целей применения части 4 статьи 5.27 КоАП РФ следует понимать отсутствие в данном договоре тех сведений и (или) условий, которые пред-

Однако при оформлении договора в письменном варианте могут быть ситуации, когда в тексте обнаруживаются технические ошибки, опечатки. Так, например, отсутствует подпись работника о получении второго экземпляра договора на экземпляре, который должен храниться у работодателя. Хотя данное правонарушение не наносит существенного ущерба сложившимся отношениям, но за его совершение работодателю грозит привлечение к административной ответственности, предусмотренной ст. 5.27 КоАП РФ¹.

Даже если в трудовом договоре недостаточно обязательной информации, это не делает его недействительным. В трудовой договор можно внести недостающие сведения даже тогда, когда он уже подписан обеими сторонами, зарегистрирован и вступил в законную силу. Что же касается обязанностей работника, то они могут быть прописаны не только в трудовом договоре, но и в должностной инструкции.

По последним данным статистики по административным правонарушениям, предусмотренных ст. 5.27 КоАП РФ можно увидеть следующие показатели: за 2020 год рассмотрено дел — 3468; подвергнуто наказанию — 2663; оправдано — 140; наказание штрафом — 2301; размер штрафов (тыс. руб.) — 80672; за 2021 год рассмотрено дел — 2708; подвергнуто наказанию — 2039; оправдано — 102; наказание штрафом — 1699; размер штрафов (тыс. руб.) — 56929².

Такие статистические показатели свидетельствуют о снижении ответственности за нарушение трудового законодательства, но несмотря на это административная ответственность на сегодня остается одной из самых распространенных и востребованных видов юридической ответственности.

Продолжительный период времени наблюдалась тенденция по усилению мер ответственности работодателей за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Президент России В.В. Путин 14 июля 2022 г. подписал закон, смягчающий административную ответственность для предпринимателей за некоторые правонарушения³. Таким образом, происходит послабления при назначении наказания за правонарушения, выявленные по результатам госконтроля.

Закон вносит изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Если правонарушение зафиксировано впервые, штраф заменяет предупреждением (ст. 3.4 КоАП РФ). То есть, если в ходе контрольных мероприятий было выявлено нарушение и оно совершено впервые, то штраф будет заменен на предупреждение. Правило о вынесении предупреждения также теперь может применяться ко всем нарушителям даже в случае, если такое наказание не предусмотрено конкретной статьей.

Таким образом, работодателю, который впервые совершил административное правонарушение по ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ вынесут предупреждение, поскольку

усмотрены частями первой и второй статьи 57 ТК РФ, а также включение в трудовой договор условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права (часть вторая статьи 9 ТК РФ)».

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

² См.: Судебная статистика РФ. URL <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения 20.01.2023).

³ См.: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 290-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5257.

нарушение совершено впервые, статья не предусматривает такого вида наказания как предупреждение и нарушение не связано с причинением вреда жизни и здоровью.

Надеемся, что смягчение административной ответственности для работодателей не нанесет значительного ущерба работнику, так как работодатели должны понимать, что совершая противоправные действия, они тем самым наносят ущерб обществу в целом.

Несмотря на то, что государством уже смягчена ответственность, можно согласиться с мнением Терентьева Р.В. и «...разделить ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ на две части, предусматривающие разные санкции за не заключение трудового договора и несоблюдение требований к условиям трудового договора, как несоизмерным по общественной опасности деяния» [5, с. 149–153].

Первая часть — это уклонение от оформления или заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем; вторая часть — ненадлежащее оформление трудового договора.

Также во вторую часть добавить такую санкцию, как предупреждение. Ведь предупреждение не будет нести явных негативных последствий для работодателя. Данное изменение позволит устанавливать административное наказание соразмерное совершенному правонарушению.

Таким образом, данные меры будут способствовать совершенствованию практики применению мер административной ответственности за нарушение трудового законодательства, а также повышению добросовестности со стороны работодателей в процессе применения норм законодательства о труде.

Библиографический список

1. Соколов А.Ю. Административная ответственность в Российской Федерации: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2014. 148 с.
2. Конин Н.М. Административное право России. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 447 с.
3. Бахрах Д.Н. Юридическая ответственность по административному праву // Административное право и процесс. 2010. № 1.
4. Репетева О.Е. К вопросу об административной ответственности за правонарушения в сфере труда // Вектор науки ТГУ. 2009. № 2(5). С. 127–130.
5. Терентьев Р.В. Совершенствование норм, устанавливающих административную ответственность за нарушение трудового законодательства // Образование и право. 2020. № 8. С. 149–153.

References

1. Sokolov A.Y. Administrative Responsibility in the Russian Federation: studies. manual. 2nd ed., reprint. and add. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2014. 148 p.
2. Konin N.M. Administrative Law of Russia: Moscow: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2006. 447 p.
3. Bakhrakh D.N. Legal Responsibility Under Administrative Law // Administrative Law and Process. 2010. No. 1.
4. Repeteva O.E. On the Issue of Administrative Responsibility for Labor Offenses // Vector of Science TSU. 2009. No. 2(5). P. 127–130.
5. Terentyev R.V. Improvement of the Norms Establishing Administrative Responsibility for Violation of Labor Legislation // Education and Law. 2020. No. 8. P. 149–153.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-130-138

УДК 342.9

Р.С. Тихий, Е.Э. Черемушкина

**К ВОПРОСАМ О ПОНЯТИИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

***Введение:** таможенный контроль является одной из функций органов таможенной службы. В настоящее время в Российской Федерации законодательство в сфере таможенного контроля находится в постоянном изменении и дополнении, поскольку состоит из норм международного и внутринационального права. Немаловажная роль в регулировании порядка проведения контроля таможенной сфере принадлежит административным процедурам, которые призваны обеспечить реализацию функции таможенных органов, осуществляющих таможенный контроль при перемещении через таможенную границу Российской Федерации товаров, грузов и автомобильного транспорта различными субъектами предпринимательства. В данной научной статье проводится анализ теоретических основ административных процедур осуществления таможенного контроля в сфере предпринимательской деятельности Российской Федерации. **Цель:** исследование административных процедур осуществления таможенного контроля предпринимательской деятельности. **Методологическая основа:** в качестве методологической основы исследования использован аналитический метод познания, метод структурного анализа и сравнительно-правового анализа. **Результаты:** могут быть использованы в науке административного права, административного процесса, таможенного права, а также предпринимательского права. Сформулированные в настоящей статье выводы и научные подходы, могут быть использованы в теории и практики деятельности таможенных органов. **Выводы:** предложенные выводы необходимы для совершенствования научной теории административных процедур осуществления таможенного контроля.*

***Ключевые слова:** административные процедуры, стадии административных процедур, таможенный контроль, внешнеэкономическая деятельность.*

© Тихий Роман Сергеевич, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса (Краснодарский университет МВД России); e-mail: roman_tihiy@bk.ru

© Черемушкина Елена Эдемовна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса (Краснодарский университет МВД России); e-mail: arkowen@mail.ru

© Tikhiiy Roman Sergeevich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure (Krasnodar State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

© Cheremushkina Elena Edemovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure (Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

R.S. Tikhyy, E.E. Cheremushkina

**ON THE CONCEPT OF ADMINISTRATIVE PROCEDURES
FOR CUSTOMS CONTROL IN THE FIELD
OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY**

Background: *customs control is one of the functions of customs service bodies. Currently in the Russian Federation legislation in the field of customs control is in constant change and addition, as it consists of the norms of international and domestic law. An important role in regulating the procedure for control of the customs sphere belongs to administrative procedures that are designed to ensure the implementation of the function of customs authorities exercising customs control in the movement across the customs border of the Russian Federation of goods, cargo and road transport by various business entities. In this connection, this scientific article analyzes the theoretical foundations of administrative procedures of customs control in the sphere of entrepreneurial activity of the Russian Federation. Objective: to study of administrative procedures for customs control of entrepreneurial activity. Methodology: as the methodological basis of the study used the analytical method of knowledge, the method of structural analysis and comparative legal analysis were used. Results: the results of the study can be used in the science of administrative law, administrative process, customs law, as well as business law. The conclusions and scientific approaches formulated in this article can be used in the theory and practice of customs authorities. Conclusions: the proposed conclusions are necessary to improve the scientific theory of administrative procedures for customs control.*

Key-words: *administrative procedures, stages of administrative procedures, customs control, foreign economic activity.*

Таможенный контроль направлен на охрану здоровья граждан, обеспечение экономической безопасности государства и соблюдение порядка перемещения физическими и юридическими лицами товаров и грузов через таможенную границу.

Таможенное регулирование является одним из ключевых методов государственного воздействия на экономику России и заключается в регулировании порядка проведения таможенного контроля¹. Качество осуществления таможенного контроля зависит от уровня подготовки кадров Федеральной таможенной службы и ее территориальных подразделений.

Наличие в науке достаточно и закрепленных в законодательстве административных процедур проведения таможенного оформления товаров позволит обеспечить эффективность реализации таможенного контроля в сфере деятельности субъектов предпринимательства.

Для осуществления таможенного контроля требуется четкая нормативная регламентация деятельности таможенных органов. В этом немаловажная роль принадлежит административным процедурам, которые призваны упорядочить управленческую деятельность таможенных органов, связанную с принятием

¹См.: Ярулин Р.Р., Давлеткирева А.Р. Особенности таможенного контроля на современном этапе: проблемы и перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tamozhennogo-kontrolya-na-sovremennom-etape-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.04.2022).

управленческих решений, реализацией управленческой функции при осуществлении таможенного контроля.

В российской научной литературе различными специалистами теории административного права и процесса были разработаны различные научные подходы к понятию административных процедур управленческой деятельности [1; 2].

В теоретической интерпретации административные процедуры являются частью управленческого административного процесса, связанной с реализацией управленческих функций органов исполнительной власти.

В зависимости от управленческих функций органов исполнительной власти в научной литературе были выделены регулятивные (позитивные) и охранительные (юрисдикционные) административные процедуры, по юридической природе — нормотворческие и правоприменительные процедуры, по направлению деятельности — внешнеуправленческие и внутриаппаратные процедуры и др. [3, с. 116].

Административные процедуры являются результатом осуществления юридически значимых действий при реализации управленческих функций. Российским исследователем И.М. Лазаревым были названы виды административных процедур: правопредоставительные, которые связаны с обеспечением исполнения обязанностей гражданами и их организациями; лицензионно-разрешительные; регистрационные; контрольно-надзорные; государственно-поощрительные [4, с. 53].

В современной российской теории понятие «административных процедур» получило применение также в разрешительной системе органов исполнительной власти (регистрация, лицензирование, аттестация, аккредитация, квотирование, выдача специальных разрешений) в системе разрешительных производств административного процесса [5, с. 14].

Так, в Российской Федерации, с учетом международного законодательного опыта, возникла необходимость в разработке и принятии отдельного Федерального закона «Об административных процедурах», который в настоящее время не принят.

В сфере таможенного контроля перемещения через границу Российской Федерации товаров, грузов и транспортных средств различными субъектами предпринимательской деятельности, применимы административные процедуры юрисдикционной контрольно-надзорной деятельности должностных лиц таможенных органов.

Для анализа теоретических проблем административных процедур осуществления таможенного контроля в сфере предпринимательской деятельности, необходимо рассмотреть понятие и систему таможенного контроля.

Таможенный контроль является частью системы таможенного регулирования внешнеторговых операций и таможенного дела¹.

Таможенный контроль — средство реализации таможенной политики Российской Федерации, совокупность мер, осуществляемых органами таможенной службы в целях обеспечения соблюдения всеми участниками внешнеэкономической деятельности таможенного законодательства [6, с. 169].

¹ См.: Федоткин В.В. Таможенный контроль: принципы его проведения и классификация видов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhennyy-kontrol-printsipy-ego-provedeniya-i-klassifikatsiya-vidov/viewer> (дата обращения 30.04.2022).

Российская юридическая наука понятие таможенного контроля исследует как разновидность государственного контроля административно-юрисдикционного характера, осуществляемого таможенными органами в сфере внешнеэкономической деятельности. Примером служит точка зрения Д.А. Янчукова, который указывает на роль государственного таможенного контроля в развитии товарного рынка при осуществлении внешнеэкономической деятельности [7, с. 24].

По мнению других ученых, например, Г.В. Матвиенко, таможенный контроль является разновидностью таможенного производства в системе таможенного процесса, наряду с другими видами таможенных производств и процедур [8, с. 151].

Другие российские исследователи, например О.В. Гречкина, относят сферу таможенного контроля к административно-юрисдикционной деятельности таможенной службы [9, с. 47].

Понятие таможенного контроля имеет узкое и широкое смысловое толкование.

Таможенный контроль в узком смысле — это совокупность проверочных мероприятий, совершаемых в определенных формах, в целях выявления нарушений норм таможенного законодательства.

Широкая трактовка понятия таможенного контроля содержится в таможенном законодательстве. Данное понятие было закреплено в Таможенном кодексе Таможенного союза. Согласно п. 1, подп. 31, ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза (в ред. от 8 мая 2015 г.) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17), таможенный контроль — совокупность мер, осуществляемых таможенными органами, в том числе с использованием системы управления рисками, в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств-членов таможенного союза¹.

Таможенный Кодекс Таможенного союза утратил силу с 1 января 2018 г. в настоящее время действует Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.

Согласно п. 1, подп. 1, ст. 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (в ред. от 29 мая 2019 г.) (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза), таможенный контроль — это совокупность совершаемых таможенными органами действий, направленных на проверку и (или) обеспечение соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании².

Таможенный контроль как вид государственного контроля закреплен в п. 3.1. ст. 1 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении

¹См.: Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17) (в ред. от 8 мая 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50, ст. 6615.

²См.: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (в ред. от 29 мая 2019 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 09.05.2022).

государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в перечне видов контроля, на который не применяются положения Федерального закона¹.

Таможенный контроль является отдельной функцией таможенных органов, которая связана с предупреждением и пресечением нарушений норм международного, союзного и национального таможенного законодательства.

Целью проведения таможенного контроля является защита национальных экономических интересов; обеспечение экономического роста России и ее союзников; защита интересов товаропроизводителей и др. В качестве таковых производителей могут выступать предприниматели и юридические лица².

Таможенный контроль направлен на контроль: при перемещении товаров через таможенную границу; проверки достоверности сведений таможенной декларации; соблюдения ограничений выпуска товаров и др.

К органам исполнительной власти (таможенным органам) по осуществлению функции таможенного контроля относится Федеральная таможенная служба Российской Федерации и ее структурные подразделения: таможенные посты, таможни, региональные таможенные управления, управления Центрального аппарата Федеральной таможенной службы РФ.

Зоной таможенного контроля являются места перемещения товаров через таможенную границу, территории складов временного хранения, таможенных складов и т.д.

Таможенный контроль проводится в соответствии с законодательством таможенного союза и законодательством государств-участников.

Формами проведения таможенного контроля являются: проверка документов и сведений; устный опрос; получение объяснений; таможенное наблюдение; Таможенный осмотр; Таможенный досмотр и другие формы.

Технологии (инструкции) применения форм проведения таможенного контроля и мер, устанавливаются в соответствии с законодательством государств-членов о таможенном регулировании.

Результаты таможенного контроля оформляются нормативными документами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что таможенный контроль выступает как самостоятельный вид административно-юрисдикционной процедуры контрольной (надзорной) деятельности таможенных органов в сфере таможенного регулирования и является отдельным видом государственного контроля.

Исходя из этого, следует выделить в отдельный вид таможенной процедуры, т.е. совокупности норм, определяющих порядок использования товаров на таможенной территории Союза или за ее пределами.

На наш взгляд, таможенный контроль является самостоятельной административной процедурой юрисдикционной деятельности таможенных органов, связанной с реализацией функций государственного таможенного контроля (надзора) в рамках административного регламента, технологии (инструкции).

Таможенный контроль охватывает сферу таможенного регулирования и таможенного дела.

¹ См.: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Российская газета. 2008. 30 дек.

² См.: Таможенный контроль. URL: <https://ucsol.ru/tamozhennoe-oformlenie/tamozhenyj-kontrol> (дата обращения: 09.05.2022).

При этом таможенный контроль имеет определенную последовательность проведения, которая может быть уточнена в отдельном административном регламенте.

Административный регламент проведения таможенного контроля необходим для обеспечения повышения качества осуществления таможенного контроля (надзора) в целях защиты национальных экономических интересов и защиты экономической безопасности при перемещении товаров, грузов и транспортных средств через границу РФ.

В сфере предпринимательства таможенный контроль является способом государственного регулирования внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности.

Субъектами, на которые направлена административная процедура таможенного контроля, являются: физические лица, юридические лица и также индивидуальные предприниматели.

Сторонами осуществления административной процедуры таможенного контроля является с одной стороны должностное лицо таможенного органа, с другой стороны физические и юридические лица, а также предприниматели.

По нашему мнению, стадиями осуществления административной процедуры таможенного контроля (надзора) являются: 1) возбуждение таможенного дела (прием и регистрация документов, таможенных деклараций); 2) рассмотрение таможенного дела и осуществление таможенного контроля; 3) оформление результатов проведения таможенного контроля; 4) исполнение решения, выполнение предписаний должностных лиц таможенных органов; 5) пересмотр, обжалование решений таможенных органов по результатам проведения таможенного контроля.

В целом таможенный контроль является средством обеспечения экономической безопасности при реализации фискальной, контрольно-надзорной и регулирующей функций.

Из этого следует, что при осуществлении таможенного контроля должностные лица обеспечивают регулирование внешнеэкономической деятельности субъектов предпринимательства.

В заключение добавим, что для обеспечения эффективности таможенного контроля считаем необходимым на уровне правового регулирования совершенствовать систему принятых Федеральной таможенной службой административных регламентов проведения таможенного контроля в различных сферах предпринимательства. Это позволит более четко конкретизировать административную процедуру и обеспечить целесообразность ее проведения. Что приведет к уменьшению числа допущенных нарушений таможенного законодательства.

Библиографический список

1. *Старилов Ю.Н.* Управленческая и «судебная» концепция административного процесса: развитие, современное значение и взаимодействие // Вестник Воронежского государственного университета. 2006. №1. С. 110–141.
2. *Тихомиров Ю.А.* Административные процедуры и право // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 3–13.
3. *Давыдов К.В.* Административные процедуры: проблемы классификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 125–143.

4. *Лазарев И.М.* Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 199 с.

5. *Стариков Ю.Н.* Административные процедуры — неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении: проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2019. № 4. С. 8–26.

6. *Серёмина Р.Н.* Таможенный контроль: понятие, виды, формы и методы // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы V Международной научной конференции (г. Москва, июнь 2017 г.). М.: Буки-Веди, 2017. С. 166–169.

7. *Янчуков Д.А.* Государственный контроль в таможенной сфере: административно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 31 с.

8. *Матвиенко Г.В.* Правовые основы таможенного процесса / под ред. С.В. Запольского. М.: Юрлитинформ, 2011. 350 с.

9. *Гречкина О.В.* Таможенный контроль как административно-юрисдикционная деятельность // Право и практика. 2010. № 1. С. 104–109.

References

1. *Starilov Yu.N.* Managerial and “Judicial” Concept of Administrative Process: Development, Modern Significance and Interaction // Bulletin of Voronezh State University. 2006. No. 1. P. 110–141.

2. *Tikhomirov Yu.A.* Administrative Procedures and Law // Journal of Russian Law. 2002. No. 4. P. 3–13.

3. *Davydov K.V.* Administrative Procedures: Classification Problems // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2017. No. 2. P. 125–143.

4. *Lazarev I.M.* Administrative Procedures in the Sphere of Relations Between Citizens and Their Organizations with Executive Authorities in the Russian Federation: diss... cand. of law. M., 2002. 199 p.

5. *Starilov Yu.N.* Administrative Procedures Are an Integral Part of Legislation on State and Municipal Administration: Problems of Theory, Practice and Lawmaking // Bulletin of the Voronezh State University, Series: Law. 2019. No. 4. P. 8–26.

6. *Seremina R.N.* Customs control: concept, types, forms and methods // Actual issues of economics and management: materials of the V International Scientific Conference (Moscow, June 2017). Moscow: Buki-Vedi, 2017. P. 166–169.

7. *Yanchukov D.A.* State Control in the Customs Sphere: Administrative and Legal Aspects: extended abstract of dis. ... cand. of law. Moscow, 2011. 31 p.

8. *Matvienko G.V.* Legal Bases of the Customs Process / Ed. by S.V. Zapolsky. M.: Yurlitinform, 2011. 350 p.

9. *Grechkina O.V.* Customs Control as an Administrative and Jurisdictional Activity // Theory and Practice of Administrative Law and Process: Materials of the Fourth All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, 2016. P. 45–49.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-137-142

УДК 342.95

С.С. Терещук

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТУПКА И ДИСЦИПЛИНАРНОГО КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Введение: действующее законодательство Российской Федерации устанавливает различный порядок привлечения государственных служащих к ответственности за совершение дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения. Однако нормативное определение дисциплинарного коррупционного правонарушения отсутствует. Возникает вопрос — имеются ли достаточные основания для рассмотрения дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений в качестве отдельного вида юридической ответственности. **Цель:** сформулировать определение понятия дисциплинарного коррупционного правонарушения. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания, а именно, анализ, синтез, абстрагирование, системный и сравнительно-правовой. **Результаты:** рассмотрены существующие в юридической науке позиции по вопросу о соотношении дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения, выявлены их общие и особенные черты. **Вывод:** для рассмотрения дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений в качестве отдельного вида юридической ответственности нет оснований. Дисциплинарное коррупционное правонарушение — это неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, ограничений и запретов, установленных в целях противодействия коррупции, за совершение которого представитель нанимателя вправе применить к нему дисциплинарное взыскание.

Ключевые слова: государственная служба, дисциплинарная ответственность, коррупция, правонарушение, вина.

S.S. Tereshchuk

ON THE QUESTION OF THE DISTINCTION BETWEEN DISCIPLINARY MISCONDUCT AND DISCIPLINARY CORRUPTION OFFENSES

Background: current legislation of the Russian Federation establishes different procedures for holding public servants liable for committing a disciplinary offense and a disciplinary corruption offense. However, there is no normative definition of a disciplinary corruption offense. This raises the question of whether there are sufficient grounds for considering disciplinary responsibility for the commission of corruption offenses as a separate type of legal responsibility. **Objective:** formulate a definition of the concept of a disciplinary corruption offense. **Methodology:** general and particular scientific methods

© Терещук Сергей Сергеевич, 2023
Соискатель кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yusticiya1506@gmail.com

© Tereshchuk Sergey Sergeevich, 2023

Applicant of the Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

of cognition of objective reality, which include analysis, synthesis, abstraction, systemic and comparative legal methods. Results: the existing positions in the legal science on the issue of correlation of disciplinary misconduct and disciplinary corruption offenses were considered, their common and special features were revealed. Conclusion: there are no sufficient grounds for considering the disciplinary liability of civil servants for committing corruption offenses as an independent type of legal liability, and the liability of civil servants for committing corruption offenses can be considered as disciplinary liability established by law as a legal means of preventing and overcoming corruption. A disciplinary corruption offense is a non-fulfillment or improper non-fulfillment by a civil servant through his fault of the duties assigned to him, restrictions and prohibitions established in order to combat corruption, for which the representative of the employer has the right to apply a disciplinary sanction to him.

Key-words: public service, disciplinary liability, corruption, offense, guilt.

В настоящее время за совершение дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения государственные служащие несут ответственность на основании различных механизмов. Однако, несмотря на различие порядка реализации мер ответственности за совершение данных деяний, отечественное законодательство характеризуется отсутствием четкого нормативного разграничения понятий дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения.

Так, в соответствии со ст. 57 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 7 октября 2022 г.) (далее — Закон № 79-ФЗ)¹, дисциплинарный проступок — это неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей.

Что касается дисциплинарного коррупционного правонарушения, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 31 июля 2020 г.) (далее — Закон № 273-ФЗ)² только устанавливает, что граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

По мнению Ю.Н. Туганова и С.И. Журавлева, ответственность за коррупционные правонарушения не является дисциплинарной. Данный вывод обоснован тем, что такая ответственность урегулирована отдельными нормами права. Кроме того, поскольку законодательство о государственной службе прямо не называет коррупционные правонарушения дисциплинарными, их совершение влечет применение не дисциплинарных взысканий, а особого вида наказаний [1].

Однако вряд ли можно согласиться с данной позицией. Отнесение ответственности за совершение коррупционных правонарушений к отдельному виду лишь на основании того, что в нормативных правовых актах отсутствуют нормы, которые свидетельствуют о ее нормативно установленной принадлежности к дисциплинарной, представляется недостаточно обоснованным.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215; 2022. № 41, ст. 6941.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228; 2020. № 31 (ч. 1), ст. 5018.

Н.А. Кандрина выделяет так называемую «служебную ответственность». Юридическим основанием ее наступления выступают противоправные действия или бездействия, связанные, как с неисполнением или ненадлежащим исполнением гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, так и с несоблюдением ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнением обязанностей, установленных законодательством в целях противодействия коррупции (коррупционные правонарушения) [2].

Анализируя позицию автора, необходимо отметить, что для выделения служебной ответственности в качестве отдельного вида юридической ответственности гражданских служащих отсутствуют основания, поскольку в данном случае недопустимо смешивать различные виды юридической ответственности, которые отличаются между собой целью их применения.

М.Б. Добробаба считает, что за совершение служебно-дисциплинарного деликта гражданские служащие несут служебно-дисциплинарную ответственность. По мнению автора, такие деликты представляют собой дисциплинарные проступки, в числе которых коррупционные правонарушения [3]. Однако выделяемая автором так называемая «служебно-дисциплинарная ответственность» по своей сущности является дисциплинарной ответственностью, поскольку применяется в рамках служебных правоотношений. Следуя логике автора, ответственность за коррупционные правонарушения следует относить к разновидности дисциплинарной.

Иные авторы, например, И.В. Григорьев, М.В. Крипак, придерживаются подхода к пониманию сущности ответственности за коррупционные правонарушения как разновидности дисциплинарной [4]. В.И. Кузнецова, Ю.В. Трунцевский, Л.А. Ломакина также констатируют, что процедура применения взысканий должна быть единой для всех видов дисциплинарных проступков [5].

К выводу о наличии или об отсутствии оснований для разграничения дисциплинарных проступков и дисциплинарных коррупционных правонарушений можно прийти в результате анализа состава дисциплинарного коррупционного правонарушения, поскольку основанием привлечения к ответственности выступает факт наличия признаков такого правонарушения.

Основная сложность при определении объекта дисциплинарного коррупционного правонарушения состоит в неформализованном характере дисциплинарной ответственности государственных служащих. Справедливо отмечается, что составы дисциплинарных проступков можно выделять лишь условно, руководствуясь положениями нормативных актов и исходя из дисциплинарной ответственности за их нарушение [6, с. 147].

Представляется, что при решении вопроса об объекте дисциплинарного коррупционного правонарушения необходимо обратить внимание на то, что государственные служащие обязаны выполнять требования служебного распорядка и должностного регламента. В число обязанностей государственных служащих входит соблюдение антикоррупционных требований. Нарушение антикоррупционных требований посягает на нормальное развитие правоотношений, складывающихся в рамках внутриорганизационной служебной деятельности. Таким образом, объект дисциплинарного коррупционного правонарушения — это общественные отношения, которые связаны с обеспечением исполнения обязанностей, а также соблюдением ограничений и запретов, установленных в целях противодействия коррупции.

В свою очередь, объект дисциплинарного проступка — это общественные отношения, которые связаны с необходимостью соблюдения требований служебной дисциплины. Под ней, как следует из содержания Закона № 79-ФЗ, понимается обязательное для гражданских служащих соблюдение служебного распорядка государственного органа и должностного регламента, установленных в соответствии с Федеральным законом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами, нормативными актами государственного органа и со служебным контрактом. В соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2022 г.)¹, служебная дисциплина — это соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Из этого следует, что объект дисциплинарного проступка шире, чем объект дисциплинарного коррупционного правонарушения, что подтверждает тезис о том, что последний является видом первого.

Объективная сторона дисциплинарного проступка представляет собой выраженное в форме действия или бездействия противоправное деяние. Дисциплинарное коррупционное правонарушение также может быть выражено в форме действия или бездействия. Однако стоит согласиться с мнением Ю.Б. Носовой, согласно которому в случае дисциплинарного коррупционного правонарушения объективная сторона деяния связана с неисполнением или ненадлежащим неисполнением не всех служебных обязанностей государственного служащего, а исключительно обязанностей по противодействию коррупции [7].

При определении соотношения дисциплинарного коррупционного правонарушения и дисциплинарного проступка следует принимать во внимание тот факт, что правоприменитель перед возбуждением производства по делу обязан установить цели введения определенных обязанностей и запретов: были ли они введены для пресечения коррупционных правонарушений или нет, и на основании сделанных выводов начинать соответствующее дисциплинарное производство по «общим» основаниям либо в связи коррупционным правонарушением. Часть запретов и обязанностей прямо обусловлена необходимостью пресечения правонарушений коррупционного характера, например, запрет на выступление в качестве представителя либо поверенного по делам, которые рассматриваются в отношении третьих лиц в государственном органе, в котором он замещает должность гражданской службы; обязанность принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Субъект дисциплинарного проступка — это государственный служащий, гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. I), ст. 7020; Российская газета. 2022. 9 дек.

должности федеральной государственной службы или на должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации и получает денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств государственного бюджета.

Аналогичен субъект дисциплинарного коррупционного правонарушения. В качестве такового следует рассматривать физическое лицо, у которого отсутствуют дисциплинарные юрисдикционные полномочия в определенных дисциплинарно-деликтных взаимоотношениях, которое состоит в стабильных в служебных отношениях, имеющих четкое правовое оформление и которое имеют соответствующие должностные обязанности и права [8]. Необходимо иметь в виду, что субъектом отдельных дисциплинарных коррупционных правонарушений может выступать не любое лицо. Так, обязанность представления гражданским служащим сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей имеет отношение лишь к гражданским служащим, замещающим отдельные должности¹.

Субъективная сторона состава дисциплинарного проступка должна проявляться в наличии вины его субъекта. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», дисциплинарный проступок — это неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей. Статья 58 указанного акта, закрепляющая порядок применения и снятия дисциплинарного взыскания, устанавливает, что при применении дисциплинарного взыскания учитываются тяжесть совершенного гражданским служащим дисциплинарного проступка и степень его вины.

В свою очередь, требование установления вины субъекта за совершение дисциплинарного коррупционного правонарушения в настоящее время нормативно не закреплено. Однако представляется, что при привлечении к ответственности должен быть решен вопрос о наличии или отсутствии его вины. В частности, на это указывают положения Закона № 79-ФЗ. Так, в соответствии со ст. 59.2 данного акта, увольнение гражданского служащего в связи с утратой доверия возможно в случае представления им заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Кроме того, несоблюдение гражданским служащим требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов возможно только при установлении умысла.

Изучение элементов составов дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения позволяет сделать вывод о том, что между данными деяниями имеются некоторые различия. Однако такие отличия не носят существенного характера, а состоят в отдельных вопросах, не затрагивающих сущность дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного

¹ См.: Указ Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 557 «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» (в ред. от 21 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 21, ст. 2542; 2020. № 52 (ч. I), ст. 8795.

правонарушения как деяний, вступающих в противоречие со служебными обязанностями государственного служащего и нарушающих интересы государственной службы. Как за совершение дисциплинарного проступка, так и за совершение дисциплинарного коррупционного правонарушения применяются дисциплинарные взыскания. Соответственно, определение дисциплинарного коррупционного правонарушения может быть сформулировано следующим образом: дисциплинарное коррупционное правонарушение — это неисполнение или ненадлежащее неисполнение государственным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, ограничений и запретов, установленных в целях противодействия коррупции, за совершение которого представитель нанимателя вправе применить к нему дисциплинарное взыскание.

Библиографический список

1. *Туганов Ю.Н., Журавлев С.И.* К вопросу о привлечении к дисциплинарной ответственности государственных служащих за правонарушения коррупционной направленности // *Российская юстиция.* 2014. № 4. С. 57–60.
2. *Кандрина Н.А.* К вопросу о служебной ответственности государственных гражданских служащих // *Российская юстиция.* 2015. № 3. С. 50–53.
3. *Добробаба М.Б.* Концептуальные основы служебно-деликтного права // *Lex Russica.* 2014. № 2. С. 199–210.
4. *Григорьев И.В., Крипак М.В.* Особенности дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения // *Административное и муниципальное право.* 2018. № 5. С. 1–10.
5. *Кузнецов В.И., Трунцевский Ю.В., Ломакина Л.А.* Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // *Журнал российского права.* 2020. № 1. С. 159–169.
6. *Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
7. *Носова Ю.Б.* Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации. Воронеж, 2011. С. 133.
8. *Общее административное право: учебник / под ред. Ю.Н. Старилова.* Воронеж, 2007. 848 с.

References

1. *Tuganov Yu.N., Zhuravlev S.I.* On the Issue of Bringing Civil Servants to Disciplinary Responsibility for Corruption Offenses // *Russian Justice.* 2014. No. 4. P. 57–60.
2. *Kandrina N.A.* To the Question of Official Responsibility of State civil Servants // *Russian justice.* 2015. No. 3. P. 50–53.
3. *Dobrobaba M.B.* Conceptual Foundations of Service-Tort Law // *Lex Russica.* 2014. No. 2. P. 199–210.
4. *Grigoriev I.V., Kripak M.V.* Peculiarities of Disciplinary Liability of Civil Servants for Corruption Offenses // *Administrative and municipal law.* 2018. No. 5. P. 1–10.
5. *Kuznetsov V.I., Truntsevskii Yu.V., Lomakina L.A.* Dismissal of State Civil Servants due to Loss of Trust: Problems of Theory and Practice // *Journal of Russian law.* 2020. No. 1. P. 159–169.
6. *Administrative Law of the Russian Federation: a textbook for bachelors / ed. A.Yu. Sokolov.* 352 p.
7. *Nosova Yu.B.* Disciplinary Responsibility of State Civil Servants of the Russian Federation. Voronezh, 2011. P. 133.
8. *General Administrative Law: textbook / ed. Yu.N. Starilova.* Voronezh, 2007. 848 с.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-143-149

УДК 342.92

С.В. Фомиченко

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕРАЗМЕЩЕНИЕ САМОРЕГУЛИРУЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ДОКУМЕНТОВ И ИНФОРМАЦИИ О СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОФИЦИАЛЬНОМ САЙТЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Введение: актуальность статьи обусловлена необходимостью упрочения начал открытости и гласности в деятельности саморегулируемых организаций в сочетании с учетом их интересов при реализации административно-наказательной политики государства. **Цель:** на основе исследования материалов правоприменительной практики определить ключевые проблемы реализации норм об административной ответственности в сфере раскрытия информации саморегулируемыми организациями и сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства о саморегулировании. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, в том числе, анализ, синтез, абстрагирование, формально-юридический и др. **Результаты:** выявлены и охарактеризованы основные недостатки правового регулирования раскрытия информации саморегулируемыми организациями, определяющие проблемы применения административной ответственности, и на этой основе сформулированы предложения об оптимизации законодательства о саморегулировании. **Вывод:** необходимо ввести срок размещения отдельных видов документов и информации на официальном сайте саморегулируемой организации, поскольку его отсутствие на фоне наличия подобного срока для размещения иной информации разобщает подходы к применению административной ответственности за однотипные административные правонарушения. Не каждое несоблюдение обязательных требований в сфере размещения информации на сайте саморегулируемой организации нуждается в задействовании механизма административной ответственности, в связи с чем целесообразно введение правила об административно устранимых нарушениях обязательных требований.

Ключевые слова: административная ответственность, саморегулируемые организации, раскрытие информации, административное правонарушение, законодательство.

S.V. Fomichenko

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR FAILURE
OF A SELF-REGULATORY ORGANIZATION TO POST
DOCUMENTS AND INFORMATION ABOUT ITS ACTIVITIES
ON THE OFFICIAL INTERNET SITE

Background: the relevance of the article is due to the need to strengthen the principles of openness and transparency in the activities of self-regulatory organizations in combination with taking into account their interests in the implementation of the administrative and punitive policy of the state. **Objective:** on the basis of a study of law enforcement practice to identify key problems in the implementation of norms of administrative responsibility in the disclosure of information by self-regulatory organizations and to formulate proposals to improve the current legislation on self-regulation. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality, including analysis, synthesis, abstraction, formal legal and other methods of scientific cognition. **Results:** identified and characterized the main drawbacks of the legal regulation of information disclosure by self-regulatory organizations, determining the problems of application of administrative responsibility, and on this basis formulated proposals to optimize the legislation on self-regulation. **Conclusion:** it is necessary to introduce a deadline for posting certain types of documents and information on the official website of a self-regulating organization, since its absence against the background of the presence of such a deadline for posting other information separates approaches to the application of administrative responsibility for the same type of administrative offenses. Not every non-compliance with mandatory requirements in the field of posting information on the website of a self-regulatory organization needs to use the mechanism of administrative responsibility, and therefore it is advisable to introduce a rule on administratively avoidable violations of mandatory requirements.

Key-words: administrative responsibility, self-regulating organizations, disclosure of information, administrative offense, legislation.

Принцип открытости и гласности является одним из наиболее важных для организации функционирования саморегулируемых организаций, поскольку они наделены государством рядом полномочий, характерных для юридического лица публичного права и связанных с возможностью оказания публично-властного воздействия на их членов. Поэтому неслучайно в 2012 г. повышение информационной открытости деятельности саморегулируемых организаций было объявлено Президентом РФ одним из основных направлений совершенствования системы государственного управления¹. Осуществление данного принципа обеспечивается за счет указания в законодательстве на необходимость создания соответствующего ресурса в сети Интернет и определения перечня информации и документов, подлежащих размещению на нем [1, с. 92]. При этом отклонение саморегулируемой организации от установленного режима открытости чревато для нее и ее должностных лиц применением мер административного принуждения, в том числе наиболее строгих из них — мер административной ответственности. Проблемы административной ответственности за правонарушения в сфере

¹ См. подп. «б» п. 2 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 19, ст. 2338.

деятельности саморегулируемых организаций нашли отражение на страницах научной печати [2, с. 69–73; 3, с. 41–45], но данные работы ориентированы на поиск путей расширения перечня составов административных правонарушений без обращения к вопросу о совершенствовании административной ответственности за нарушения требований по раскрытию ими информации.

Установление и применение административной ответственности за нарушение саморегулируемой организацией обязанностей по раскрытию информации в настоящее время характеризуются рядом недостатков, обусловленных несовершенством отраслевого законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих порядок опубликования документов и информации о ее деятельности.

Во-первых, не все правила раскрытия информации, содержащиеся в Федеральном законе от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (в ред. от 2 июля 2021 г.)¹, позволяют четко определить момент начала течения срока давности привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.52 КоАП РФ. Законодатель устанавливает сроки опубликования на официальном сайте саморегулируемой организации документов и информации, подлежащих обязательному размещению. Соответствующие сроки сформулированы в отношении большинства таких сведений, что позволяет отнести нарушение обязанности по их раскрытию к недлящимся административным правонарушениям. Позиция Верховного Суда РФ в данном случае сводится к тому, что предусмотренность в нормативном правовом акте срока исполнения той или иной обязанности не характеризует административное правонарушение как длящееся², а значит срок давности привлечения к административной ответственности должен течь с момента совершения деяния. Следовательно, при наличии срока исполнения обязанности срок давности начинает отсчитываться со дня, следующего за последним днем, когда должна была быть исполнена обязанность.

На этом фоне необъяснимым выглядит отсутствие в Законе сроков для размещения на сайте саморегулируемой организации информации о направленных ей в суд заявлениях и исках, о принятых постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации и общим собранием ее членов решениях, о заключенных со специализированным депозитарием и управляющей организацией договорах. Имеющиеся правила ориентируют правоприменителя устанавливать факт внесения изменений в указанные информацию и документы в срок, не превышающий пяти рабочих дней со дня, следующего за днем наступления события, обусловившего данные изменения. Если руководствоваться правилами формальной логики, то названные изменения имеют вторичный характер, поскольку могут быть внесены только тогда, когда имеется первоначальный документ или информация. Таким образом, данный пятидневный срок не должен применяться при опубликовании информации о заявлениях, исках, решениях органов управления саморегулируемой организации и договорах со специализированным депозитарием и управляющей организацией в их изначальном виде. Отсутствие в законодательстве соответствующего срока

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6076; 2021. № 27 (ч. I), ст. 5187.

² См. п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. от 23 декабря 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6; 2022. № 3.

делает административное правонарушение длящимся, выражающемся в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении возложенных на лицо обязанностей. Срок давности привлечения к административной ответственности исчисляется с момента выявления административного правонарушения, то есть со дня, когда лицом, уполномоченным составлять протокол об административном правонарушении, установлен факт его совершения.

Если обратиться к материалам правоприменительной практики, то в случаях с неисполнением обязанности по размещению сведений о специализированных депозитариях и управляющих организациях, с которыми заключен договор, дата его заключения даже не определяется, что закономерно, поскольку данное обстоятельство не является подлежащим установлению ввиду отсутствия в Законе срока для размещения такой информации. Например, решением судьи Московского городского суда от 16 марта 2020 г. по делу № 7-1934/2020¹ подтверждена законность актов нижестоящих инстанций, которыми установлен факт неисполнения должностным лицом саморегулируемой организации в области букмекерской деятельности указанной обязанности. В данном случае точкой отсчета для исчисления срока давности привлечения к административной ответственности стала дата проведения должностным лицом ФНС России мониторинга сайта этой организации, в результате которого выявлен факт неразмещения информации и составлен протокол об административном правонарушении. Когда были заключены договоры со специализированным депозитарием и управляющей организацией, не выяснялось.

Такое состояние законодательства ставит саморегулируемую организацию в довольно неудобное положение, ведь фактически, дабы избежать административной ответственности, необходимо размещать информацию немедленно, после ее возникновения (хотя в Законе это прямо не предусмотрено). Если мониторинг сайта будет проведен на следующий день и не будет выявлено наличие данной информации, то ответственное за ее размещение должностное лицо и сама саморегулируемая организация должны быть привлечены к административной ответственности. Однако данная ситуация явно не соответствует интересам саморегулируемых организаций, поскольку для совершения любых действий в рамках внутриорганизационной деятельности юридического лица требуются временные затраты для доведения информации до исполнителей, которые должны произвести ее обработку и разместить на сайте в том виде, в каком это предусмотрено нормативными правовыми актами. Кроме того, отсутствуют объективные причины деления перечня информации и документов, предусмотренных ч. 2 ст. 7 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», на размещаемые в определенный срок и без установления срока. Это способствует формированию разнородной правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных бланкетной нормой ч. 1 ст. 14.52 КоАП РФ, в условиях, когда соответствующие виды бездействия являются однотипными.

Представляется, что для преодоления возникшей ситуации необходимо ввести срок для размещения данной информации, который должен совпадать с общим правилом для размещения всей остальной информации и быть равным 10 рабочим дням со дня совершения предусмотренных Законом действий. Со-

¹ См.: Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/4a4e5d9d-5677-4963-bcd3-9035c2c35340> (дата обращения: 28.11.2022).

держась в ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» правило в связи с этим может быть дополнено установлением следующего содержания: «Документы и информация, предусмотренные пунктами 4, 5, 7 части 2 настоящей статьи, размещаются саморегулируемой организацией на официальном сайте не позднее чем в течение десяти рабочих дней с даты соответственно принятия общим собранием членов саморегулируемой организации и постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации решения, подачи саморегулируемой организацией в суды исков и заявлений, заключения договоров с управляющей компанией и специализированным депозитарием».

Во-вторых, не каждый факт несоблюдения обязательных требований в сфере размещения информации на сайте саморегулируемой организации требует карательного воздействия со стороны государства. В правоприменительной практике встречаются примеры привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.52 КоАП РФ за неразмещение информации, когда был установлен факт опубликования некоего файла, попытка открытия которого должностным лицом контрольно-надзорного органа не увенчалась успехом. В данном случае не представляется возможным установить: имело ли место намеренное сокрытие информации подобным способом или произошел технический сбой при размещении файла.

Законодательство и подзаконные правила опубликования информации о деятельности саморегулируемой организации не предусматривают способов урегулирования таких ситуаций. При этом судебные инстанции подтверждают правомерность применения должностным лицом контрольно-надзорного органа административной ответственности именно по ч. 1 ст. 14.52 КоАП РФ, а не по ч. 3 указанной статьи, в которой предусмотрена административная ответственность за размещение информации с нарушением установленных требований. Аргумент привлекаемого к административной ответственности лица об отсутствии вины, поскольку были приняты меры по опубликованию информации, судебные инстанции опровергают указанием на неправильное толкование этим лицом норм права, а именно ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», которая обязывает саморегулируемую организацию обеспечить доступ к информации¹. Таким образом, уполномоченное должностное лицо данной организации обязано не только обеспечить размещение информации, но и проверить доступность содержимого файла после загрузки. С одной стороны, формально им соблюдаются правила размещения информации, которая должна быть опубликована в общераспространенных форматах (doc, docx, rtf, pdf, txt)², но с другой — если соответствующий файл после загрузки не открывается, тем самым нарушается принцип гласности в функционировании саморегулируемых организаций и вносится элемент дезорганизации в систему государственного регулирования их деятельности.

¹ См., например: решение судьи Пресненского районного суда г. Москвы от 14 января 2020 г. по делу № 12-0027/2020 // Официальный сайт Пресненского районного суда г. Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/appeal-admin/details/f6fd9cf6-d3f0-4214-8d72-262431f30ec1> (дата обращения: 29.11.2022).

² См. п. 5 Требований к обеспечению саморегулируемыми организациями доступа к документам и информации, подлежащим обязательному размещению на официальных сайтах саморегулируемых организаций, а также требований к технологическим, программным, лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами таких саморегулируемых организаций, утв. Приказом Минэкономразвития России от 14 октября 2020 г. № 678 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.11.2020).

В данном случае представляется очевидной нехватка последовательной, взвешенной правовой политики в сфере контрольно-надзорной деятельности [4, с. 27]. Указанный случай вряд ли требует обязательной административно-карательной реакции государства. В этом отношении интересна идея А.И. Стахова об административно устранимых и административно наказуемых нарушениях обязательных требований. Однако, в конечном счете, она сводится к разграничению реакции правоприменителя на нарушения контрольно-надзорного и административно-деликтного законодательства. В первом случае задействуется производство по делам об административно устранимых нарушениях, а во втором — административно наказуемых [5, с. 130]. При таком подходе приоритет остается за контрольно-надзорным законодательством, без учета степени общественной вредности допущенных нарушений обязательных требований, что ставит под сомнение достижение необходимого уровня правопорядка в государстве.

Тем не менее выделение административно устранимых нарушений допустимо, но здесь нужен несколько иной подход. В настоящее время законодатель исходит из комплексного применения мер административного принуждения: пресекательных мер (вынесение предписания об устранении допущенных нарушений обязательных требований) и мер административной ответственности, если нарушение образует состав административного деликта. На этом принципе основаны и контрольно-надзорное законодательство, и специальные нормы, содержащие правила осуществления контрольно-надзорной деятельности, в том числе ч. 2 ст. 23 Федерального закона «О саморегулируемых организациях». Об административно устранимых нарушениях обязательных требований, не предполагающих применение административной ответственности, можно вести речь только в том случае, если отсутствует явное пренебрежение требованиями нормативных правовых актов и лицом предприняты меры по исполнению возложенных на него обязанностей, но по причинам неполноты таких мер имеются отклонения от нормативно установленной модели функционирования той или иной системы. В таком случае целесообразно взаимодействие должностных лиц контрольно-надзорного органа и поднадзорного объекта, направленное на оперативную коррекцию выявленных отклонений.

Какие-либо универсальные правила в данном случае вряд ли возможны ввиду вероятного разнообразия ситуаций. Применительно к размещению информации и документов на сайте саморегулируемой организации могут быть дополнены правила контрольно-надзорной деятельности, изложенные в ст. 23 Федерального закона «О саморегулируемых организациях». При этом достаточным представляется вариант с вынесением предписания об устранении допущенных нарушений, которые подлежат устранению в срок, аналогичный сроку размещения соответствующей информации на сайте, и установлением запрета на привлечение саморегулируемой организации и ее должностных лиц к административной ответственности. С точки зрения технико-юридического выражения это правило может быть сформулировано в виде дополнения к ч. 2 указанной статьи в следующем виде: «Орган государственного надзора в случае выявления нарушений требований по обеспечению саморегулируемой организацией доступа к информации, выразившихся в размещении на официальном сайте технически недоступной для ознакомления информации и непринятии мер по проверке доступности размещенной информации, направляет в саморегулируемую организацию предписание об устранении выявленных нарушений

с указанием срока их устранения, который не может превышать десять рабочих дней, без принятия мер по привлечению саморегулируемой организации и (или) ее должностных лиц к административной ответственности».

Таким образом, применение административной ответственности за нарушение требований по размещению информации о деятельности саморегулируемой организации показывает ряд недостатков, которые требуют коррекции федерального законодательства. Бланкетность нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 14.52 КоАП РФ, обуславливает целесообразность внесения поправок не в сам КоАП РФ, а в законодательство о саморегулируемых организациях, что, в свою очередь, должно привести к упорядочению применения административной ответственности за соответствующие правонарушения. Ключевой вопрос касается необходимости введения срока размещения отдельных видов документов и информации на официальном сайте саморегулируемой организации; его отсутствие на фоне существования подобного срока для размещения иной информации разобщает подходы к применению административной ответственности за однотипные административные правонарушения. Кроме того, несоблюдение обязательных требований в сфере размещения информации на сайте саморегулируемой организации нуждается в задействовании института административной ответственности, в связи с чем целесообразно введение правила об административно устранимых нарушениях обязательных требований, не характеризующихся явным пренебрежением к установленным правилам размещения информации.

Библиографический список

1. Петров Д.А. Принцип гласности ведения дел и принцип публичной достоверности реестра в саморегулировании // Правоведение. 2014. № 3 (314). С. 89–97.
2. Глазунова И.В., Алгазина А.Ф. К вопросу об административной ответственности в сфере саморегулирования в РФ // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2016. № 3 (48). С. 69–73.
3. Глазунова И.В. Некоторые проблемы административной ответственности в сфере саморегулирования в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2016. № 3 (11). С. 41–45.
4. Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Правовая политика в сфере государственного контроля и надзора // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 24–35.
5. Стахов А.И. Административно устранимые и административно наказуемые нарушения обязательных требований в структуре современного административного процесса // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 120–131.

References

1. Petrov D.A. The Principle of Publicity of Case Management and the Principle of Public Reliability of the Register in Self-Regulation // Jurisprudence. 2014. No. 3 (314). P. 89–97.
2. Glazunova I.V., Algazina A.F. To the Question of Administrative Responsibility in the Sphere of Self-Regulation in the Russian Federation // Bulletin of Omsk University. Series “Law”. 2016. No. 3 (48). P. 69–73.
3. Glazunova I.V. Some Problems of Administrative Responsibility in the Sphere of Self-Regulation in the Russian Federation // Prolog: Journal on Law. 2016. No. 3 (11). P. 41–45.
4. Sokolov A.Y., Lakaev O.A. Legal Policy in the Sphere of State Control and Supervision // Legal Policy and Legal Life. 2020. No. 2. P. 24–35.
5. Stakhov A.I. Administratively Removable and Administratively Punishable Violations of Mandatory Requirements in the Structure of the Modern Administrative Process // Legal Policy and Legal Life. 2021. No. 3. P. 120–131.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-150-155

УДК 347.77

О.Г. Григорьева

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Введение: международным сообществом выработаны механизмы признания и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, которые помогают преодолеть их территориальный характер. В условиях введенных западными странами санкций Россия вынуждена была отменить действие отдельных правовых норм ГК РФ, посвященных признанию прав иностранных правообладателей. **Цель:** анализ правового регулирования признания прав на объекты интеллектуальной собственности зарубежных правообладателей в условиях введенного в России параллельного импорта. **Методологическая основа:** исследование основано на научной общеправовой методологии в познании окружающей действительности; в числе использованных частнонаучных методов, используются: системный подход, комплексный анализ, метод сравнительного правоведения, метод социологических исследований, метод формально-логического толкования, исторический метод. **Результаты:** существующее ныне в России правовое регулирование признания прав зарубежных правообладателей на объекты интеллектуальной собственности имеет особенности, обусловленные введением западными государствами запретами на поставку значительного ассортимента товаров, что определенным образом ущемляет интересы правообладателей из недружелюбных стран. **Выводы:** прекращение действия п. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ и, как следствие, легализация в России параллельного импорта стали адекватным ответом на уход с российского рынка зарубежных компаний-правообладателей и средством защиты российских национальных интересов. В результате они не могут сами определять дистрибьютеров-импортеров своей продукции в Россию, доминировать на рынке соответствующей продукции, практически потеряли возможность для защиты своих прав от действий российских властей в условиях ввоза их продукции в рамках параллельного импорта.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правообладатель, исчерпание права, параллельный импорт, санкции, международные системы регистрации, базы данных.

© Григорьева Ольга Геннадьевна, 2023

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного регулирования (Московский государственный институт международных отношений МИД России); e-mail: 5618861@mail.ru

© Grigorieva Olga Gennadievna, 2023

Doctor of Law, Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Regulation (Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia)

O.G. Grigorieva

LEGALIZATION OF PARALLEL IMPORT AS A LEGAL MEANS
OF SECURING RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS UNDER
SANCTIONS RESTRICTIONS

Background: the international community has developed mechanisms for the recognition and protection of intellectual property rights, which help to overcome their territorial nature. Under the sanctions imposed by Western countries Russia had to cancel the effect of certain legal norms of the Civil Code of the Russian Federation, dedicated to the recognition of the rights of foreign right holders. **Objective:** analysis of the legal regulation of the recognition of intellectual property rights of foreign rights holders in the conditions of parallel importation introduced in Russia. **Methodology:** the study is based on the scientific general philosophical methodology in the knowledge of the reality; among the used particular scientific methods are the systematic approach, comprehensive analysis, the method of comparative law, the method of sociological research, the method of formal-logical interpretation, the historical method. **Results:** the legal regulation currently existing in Russia for the recognition of the rights of foreign rights holders to intellectual property objects has features due to the introduction of bans by Western states on the supply of a significant range of goods, which in a certain way infringes on the interests of rights holders from unfriendly countries. **Conclusions:** the termination of clause 6 of article 1359 and article 1487 of the Civil Code of the Russian Federation and, as a consequence, the legalization of "parallel import" in Russia became an adequate response to the withdrawal of foreign companies-right holders from the Russian market and a means of protecting Russian national interests. As a result, they cannot themselves determine distributors-importers of their products in Russia, dominate the market of the corresponding products, have practically lost the opportunity to protect their rights from the actions of the Russian authorities in the conditions of importation of their products within the framework of parallel imports.

Key-words: intellectual property, right holder, exhaustion of rights, parallel imports, sanctions, international registration systems, databases.

Исторически права на объекты интеллектуальной собственности носят сугубо территориальный характер [1; 2]. Эта особенность такого рода собственности зафиксирована в целом ряде международных конвенций. Многие исследователи задаются вопросом — почему же международное сообщество не пошло по пути закрепления некоего универсального, всеобъемлющего механизма признания и охраны интеллектуальной собственности независимо от того, на территории какого государства объект авторского, смежного или промышленного права был впервые зарегистрирован, опубликован или иным законным образом введен в оборот? Ответ на данный вопрос, как представляется, кроется в специфическом характере национального права государств, их систем законодательства, основанных на исторических традициях, идеологии, этике, морали, присущих каждому конкретному обществу. Нельзя заставить государства однозначно принять единый подход к регулированию того или иного общественного отношения. Здесь и возникает коллизия *collisio* (лат.) — столкновение норм права различных государств.

Участие государств в перечисленных международных конвенциях позволяет преодолеть территориальный характер признания интеллектуальной собственности.

Российская Федерация, как участник международных конвенций, приняла на себя обязательства по признанию исключительных прав на изобретения, полезные модели и промышленные образцы на своей территории в случаях, «предусмотренных международными договорами Российской Федерации» (ст. 1346 ГК РФ).

В интересах правообладателей создан ряд международных систем регистрации тех или иных объектов интеллектуальной собственности, учрежденных на основании международных договоров (Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г.¹ и Протокол к Мадридскому соглашению от 28 июня 1989 г.², Договор о патентной кооперации от 19 июня 1970 г. (Договор РСТ)³, Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных рисунков и моделей от 6 ноября 1925 г.⁴, а также Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации от 31 октября 1958 г.⁵ На сегодняшний день Российская Федерация продолжает участвовать в перечисленных международных договорах.

Международные системы регистрации обеспечивают возможность правообладателям получить правовую охрану объектов интеллектуальной собственности в государствах-участниках на основании одной заявки. Так, для регистрации российскими правообладателями объектов интеллектуальной собственности (изобретений) в международной системе РСТ следует подать одну заявку в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент), в Евразийскую патентную организацию ((Eurasian patent organization (EAPO), URL: <https://www.eapo.org/ru>) или в Международное бюро ВОИС (World Intellectual Property Organization (WIPO), URL: <https://www.wipo.int/portal>). Для регистрации товарных знаков в Мадридской системе подается одна заявка в ведомство страны происхождения (для российских правообладателей — в Роспатент). Для регистрации промышленных образцов в Гаагской системе подается заявка в Роспатент или в Международное бюро ВОИС.

Патентные ведомства отдельных зарубежных стран предоставляют правообладателям возможность поиска информации в своих базах данных.

Так, на сайте Ведомства Китая по товарным знакам (China National Intellectual Property Administration (CNIPA) предоставлен доступ к базам зарегистрированных в этой стране товарных знаков на сайте URL: <http://english.cnipa.gov>.

¹ См.: Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г. URL: <https://base.garant.ru/2540253/?ysclid=le70lq0f4o505240430> (дата обращения: 11.11.2022).

² См.: Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков от 28 июня 1989 г. URL: <https://base.garant.ru/2561878/?ysclid=le70nzc7vz105512090> (дата обращения: 11.11.2022).

³ Договор о патентной кооперации (Вашингтон, 19 июня 1970 г.) (пересмотрен 28 сентября 1979 г., изменен 3 февраля 1984 г. и 3 октября 2001 г.). URL: <https://base.garant.ru/2540241/?ysclid=le70qорqey436277184> (дата обращения: 11.11.2022).

⁴ См.: Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных рисунков и моделей от 6 ноября 1925 г. (пересмотрено в Лондоне 2 июня 1934 г. и в Гааге 28 ноября 1960 г., с доп. от 14 июля 1967 г.). URL: <https://base.garant.ru/2560077/?ysclid=le70tojezg950814411> (дата обращения: 11.11.2022).

⁵ См.: Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации от 31 октября 1958 г. (пересмотрено в Стокгольме 14 июля 1967 г. и изменено 28 сентября 1979 г.). URL: <https://base.garant.ru/2560081/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/?ysclid=le71179cub493996044> (дата обращения: 11.11.2022).

Патентное ведомство Южной Кореи (Korean Intellectual Property Office) после регистрации предоставляет доступ к базам изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и товарных знаков Южной Кореи на сайте URL: <http://eng.kipris.or.kr/enghome/main.jsp>.

Патентное ведомство Японии (Japan Patent Office) открыло доступ к базам зарегистрированных на своей территории изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и товарных знаков на сайте URL: <https://www.j-platpat.inpit.go.jp>.

В Соединенных штатах Америки доступ к патентной базе национальных товарных знаков предоставлен Патентным ведомством США (United States Patent and Trademark Office (USPTO)) на сайте URL: <https://ppubs.uspto.gov>.

В Европейском союзе Европейское патентное ведомство (European Union Intellectual Property) также предоставляет возможность поиска международных товарных знаков, товарных знаков ЕС, товарных знаков десятков стран мира, а также промышленных образцов ЕС и других стран мира URL: <https://www.tmdn.org/tmview>.

Россия уже достаточно длительный период времени находится под действием западных санкций, которые, как снежный ком посыпались на нашу страну с началом Специальной военной операции. Под действием санкций целый ряд зарубежных компаний-правообладателей покинул российский рынок. Мы не ставим целью дать их полный перечень, отметим лишь, что это коснулось многих отраслей экономики (промышленность и энергетика, банковская и финансовая сфера, сервисы связи, софт, сфера питания, транспорт, перевозка, индустрия развлечения и др.). Некоторые из них осторожно высказывали сожаление и обещали вернуться на российский рынок после отмены антироссийских санкций.

При этом остро стал вопрос о защите национальных интересов России в данных непростых условиях и изменениях в правовом регулировании признания и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности зарубежных правообладателей.

Адекватным ответом на недружественные действия иностранных компаний стало Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»¹. Правительство РФ поручило Министерству промышленности и торговли РФ по предложениям федеральных органов исполнительной власти утвердить перечень товаров и групп товаров, в отношении которых не должны применяться положения п. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия.

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/?ysclid=le73fuff2h561995581 (дата обращения: 11.11.2022).

Так, согласно п. 6 ст. 1359 ГК РФ «Действия, не являющиеся нарушением исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец» к такого рода действиям относит ввоз на территорию России, применение, предложение о продаже, продажу, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован промышленный образец, если этот продукт или это изделие ранее были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации патентообладателем или иным лицом с разрешения патентообладателя либо без его разрешения, но при условии, что такое введение в гражданский оборот было осуществлено правомерно.

С положением п. 6 ст. 1359 ГК РФ согласуется норма ст. 1487 ГК РФ «Исчерпание исключительного права на товарный знак». Так, не является нарушением исключительного права на товарный знак использование его другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия.

Таким образом, с отменой действия указанных выше норм ГК РФ в России отменена защита прав иностранных правообладателей, изменен режим исчерпания исключительного права на принадлежащие им товарные знаки. При этом ввод в оборот их продукции за пределами Российской Федерации достаточен для того, чтобы ввезти эту продукцию на российскую территорию без согласия правообладателей. Это и есть так называемый «параллельный импорт». Данный термин очень точно отражает сложившуюся ситуацию: «импорт» — поскольку товар ввозится на территорию России из-за рубежа, «параллельный» — поскольку осуществляется одновременно с традиционным ввозом товаров (импортом) с согласия правообладателей. Вопросам правового регулирования параллельного импорта в условиях санкций на сегодняшний день посвящено уже немало исследований [3; 4].

Надо понимать, что узаконенный, легализованный параллельный импорт не охватывает абсолютно все товары, поставляемые на территорию России. Он распространяется, согласно Постановлению Правительства РФ № 506, только на те товары и группы товаров, которые включены в специальный Перечень.

Для исполнения данного Постановления Правительства РФ Минпромторг России 19 апреля 2022 г. утвердил подпадающие под параллельный импорт товары¹.

Введение в России параллельного импорта несмотря на определенный ущерб интересам иностранных правообладателей и дистрибьютерам-импортерам имеет важное значение для стабильного развития российской экономики в условиях западных санкций. На российский рынок продолжают поступать востребованные товары, которые быстро или в принципе невозможно заменить российскими аналогами, устранен их дефицит и, соответственно, стремительный рост цен на них.

Зарубежные правообладатели уже не могут сами определять дистрибьютеров-импортеров своей продукции в Россию, практически потеряли возможность для защиты своих прав от действий российских властей в условиях ввоза их

¹ См.: Приказ Минпромторга России от 19 апреля 2022 г. № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (в ред. от 21 октября 2022 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416496 (дата обращения: 11.11.2022).

продукции в рамках параллельного импорта. Кроме того, устраняются факты недобросовестной конкуренции со стороны правообладателей. Вместе с тем на зарубежные компании-правообладатели, попавшие в список групп товаров параллельного импорта, распространяется международный режим исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, согласно которому такое право признается исчерпанным, если продукт, содержащий охраняемый результат интеллектуальной деятельности, введен в оборот законным образом на территориях стран, которые обеспечивают их правовую охрану. В дальнейшем любое перемещение таких продуктов (товаров) осуществляется уже без контроля правообладателя.

Библиографический список

1. *Гетьман-Павлова В.* Коллизионное регулирование в праве интеллектуальной собственности // Вестник Московского городского педагогического университета. 2008. № 2. С. 95–101.
2. *Эриашвили Н.Д.* и др. Право интеллектуальной собственности. М.: Юнити-Дана, 2022. 328 с.
3. *Машитлов Э.Х.* Правовые аспекты параллельного импорта в условиях экономических санкций // Российское право онлайн. Московский государственный юридический университет им. ОЕ Кутафина (МГЮА). 2022. № 3. С. 102–106.
4. *Цемержинская А.В., Свистунова М.А., Вишняков И.А.* Параллельный импорт в современных условиях // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 12–2. С. 236–238.

References

1. *Getman-Pavlova V.* Conflict Regulation in Intellectual Property Law // Universal Declaration of Human Rights, 15th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. 2008. P. 95–101.
2. *Eriashvili N.D.* and others. Intellectual Property Right. Literes, 2022. 328 p.
3. *Mashitlov E.Kh.* Legal Aspects of Parallel Imports under Economic Sanctions // Russian law online. Founders: Moscow State Law University. OE Kutafin. 2022. No. 3. P. 102–106.
4. *Tsemerzhinskaya A. V., Svistunova M. A., Vishnyakov I. A.* Parallel Import in Modern Conditions // Economics and Business: Theory and Practice. 2022. No. 12-2. P. 236–238.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-156-161

УДК 340.12

А.Б. Стёпин

ЗАЩИТНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Введение: преемственность гражданских прав обладает комплексным характером, направленным на развитие экономических (имущественных) правоотношений. **Цель:** выступая в гражданском обороте в форме правового наследования, объективированного правового опыта и процессуального преемства, преемственность выражает защитные функции по сохранению и (или) восстановлению существующего и (или) утраченного правового положения (состояния) субъектов права на защиту. **Методологическая основа:** формально-юридический, сравнительный, системный методы исследования. **Результаты:** перманентность правоотношения в условиях частноправового и (или) публично-правового регулирования направлена на прекращение конфликта сторон. Замена выбывшей стороны в спорном или установленном судебным актом правоотношении (реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга, смерть гражданина и другие случаи перемены лиц в обязательствах) не всегда связаны с возможностью использования ранее выбранного способа защиты (спор о подсудности), но является условием межотраслевого урегулирования спора (переход к рассмотрению дела по правилам другого вида судопроизводства). **Выводы:** выступая в таком правозащитном качестве преемственность гражданских прав, направлена на снижение и нивелирование риска негативных последствий для участников экономических отношений.

Ключевые слова: преемственность гражданских прав, функции защиты, виды функций защиты, защита гражданских прав, субъект права на защиту, конфликтное правоотношение, виды конфликтного правоотношения, средство защиты, форма защиты, способ защиты, механизм защиты гражданских прав.

А.В. Stepin

PROTECTIVE FUNCTIONS OF SUCCESSION CIVIL RIGHTS

Background: succession of civil rights has a complex character aimed at the development of economic (property) legal relations. **Objective:** acting in civil turnover in the form of legal inheritance, objectified legal experience and procedural succession, succession expresses a protective function to preserve and (or) restore the existing and (or) lost legal position (state) of the subjects of the right to protection. **Methodology:** systematic, formal legal, comparative research methods. **Results:** permanence of legal relations in conditions of private-law and (or) public-law regulation is aimed at ending a conflict of parties. Replacement of the retired party in a disputed or established by a judicial act legal relation (reorganization of a legal entity, assignment of claim, transfer of debt, death of a citizen and other cases of change of persons in obligations) is not always associated with the possibility of using the previously selected method of protection

© Стёпин Александр Борисович, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин (Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии); e-mail: aleksandrstepin@rambler.ru

© Stepin Alexander Borisovich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines (Saratov State Law Academy, Astrakhan Branch)

(jurisdiction dispute), but is a condition for inter-branch settlement of a dispute (transition to consideration of a case under the rules of another type of proceedings). Conclusions: acting in this human rights capacity, the succession of civil rights is aimed at reducing and leveling the risk of negative consequences for participants in economic relations.

Key-words: *continuity (succession) of civil rights, protection functions, types of protection functions, protection of civil rights, the subject of the right to protection, conflictual legal relations, types of conflictual legal relations, means of protection, form of protection, method of protection, mechanism of protection of civil rights.*

В механизмах защиты гражданских прав преемственность неотделима от правового положения участников экономических отношений. Сохраняя причинно-следственные связи обращения по существу нарушенного права (положения) и результатов судебного и (или) административного разбирательства в виде отдельных индивидуальных (правоприменительных) актов, преемственность направлена на устранение нарушения права и урегулирование конфликта. Защита гражданских прав нуждается не только в средствах регулирования (нормах) и системообразования (принципах) и их новизны [1, с. 3], но и в средствах сохранения содержания и ценности обычного права и их преемственности, которые в случае нарушения восстанавливаются в прежних (исходных) пределах. Преемственность затрагивает различные сферы осуществления субъективного права и развития правоотношения, выступая как фактор индивидуализации и урегулирования.

Защитные (социальные) функции преемственности гражданских прав различаются в зависимости от правовых притязаний субъектов права и их правового и (или) экономического положения, вида и характера правоотношения, правового поведения, мотива и правовых последствий. Выполняя защитные функции, преемственность рассматривается как метод правового регулирования. Например, в вопросах соотношения понятий защиты и охраны. Преемственность позволяет рассматривать данные понятия с позиции развития объекта (охраны отношения) и субъекта (защиты права) конфликтного правоотношения. Объект конфликтного правоотношения — это сфера имущественных и (или) неимущественных отношений, подвергающаяся противоправному воздействию со стороны нарушителя. Субъекты — это лица (стороны, участники) чьи права нарушены, заявившие о таком нарушении и осуществившие свое субъективное право на защиту. Если охрана связана с видом и характером конфликтного правоотношения, то защита развернута к субъектам права на защиту. В общеправовом смысле объем понятия охраны шире объема защиты, но в аспекте отраслевого и межотраслевого соотношения наоборот защита представляется шире охраны. Если содержанием охраны выступает охранительное правоотношение, то защита связана с динамикой субъективного права, изменением положения субъекта права на защиту в экономическом и правовом (социальном) выражении, а также средствами и способами, подлежащими использованию в определенном порядке (последовательно, одновременно, совместно, альтернативно [2, с. 70–102]). Объект правового регулирования развивается на этапах истории, создавая преемственную основу новых правовых отношений, тогда как субъект индивидуален и нуждается в защите субъективного права с помощью доступных средств и способов.

Как отмечает В.А. Рыбаков, функциональная характеристика преемственности в праве состоит в существовании функций передачи правового наследства, прогрессивного развития права, а так же информационной, и познавательной функций [3, с. 8]. С точки зрения И.И. Андриановской, функции преемственности выражаются в функциях отрасли права, как основные направления воздействия права на общественные отношения, на поведение людей, как основные направления действия и функционирования отрасли [1, с. 9, 15]. Отмечается необходимость обеспечения преемственности при формировании правовой политики, которая должна обеспечивать согласованность и системность в деятельности органов государственной власти [4, с. 4]. Уделяется внимание преемственности конституционно-правового регулирования, которая определяется стабильностью выполняемых конституцией функций, неизменностью объектов конституционно-правового регулирования, а также используемой юридической техникой [5, с. 9]. Преемственность рассматривается как пространственно-временная непрерывность в действиях закона во времени и территориальной подсудности [6, с. 8] и др.

Выполняя защитные функции в механизмах гражданско-правового регулирования, преемственность гражданских прав направлена на сохранение первичности нравственного и позитивного (положительного) правового регулирования имущественных и личных неимущественных правоотношений. Закон первичен по отношению к иным средствам нормативного и индивидуального правового регулирования. Без учета нравственных оснований защиты невозможен сам порядок приведения сторон в первоначальное положение — саморегулирования. Опираясь на идеи добра и справедливости¹ преемственность гражданских прав дополняет нормативное правовое регулирование. Сохраняя первичность правоотношения, преемственность не дает возможности произвольного толкования (раскрытия) способа, средства, формы и порядка защиты нарушенного права участников экономических отношений. Официально установленный порядок не может быть изменен по воле участника правоотношения, несмотря на то, что лицо самостоятельно выбирает судебную и (или) несудебную форму урегулирования спора в рамках заявленного способа и средства защиты.

Защитные функции преемственности выражаются в нормативно правовых документах при регулировании отдельных видов экономической деятельности, которые не могут быть разобщены и (или) разделены на отдельные не связанные между собой правила, элементы, части, периоды, стадии, этапы. Каждое из них является продолжением предыдущего с учетом положительного опыта правового регулирования и экономической деятельности, поскольку нет преемственности недобросовестности и противоправности. Например, на практике рассматривается вопрос о необходимости проведения экспертизы (экологической, строительной, проектной документации и результатов инженерных изысканий) безопасности в отношении объектов осуществляемой, а не только предполагаемой и (или) планируемой хозяйственной и иной деятельности. Несмотря на то, что закон не имеет обратной силы, развитие законодательства тесно связано с ранее действующими нормативными правовыми актами в сфере защиты гражданских прав, предусматривающими право предприятия, учреждения, организации и

¹ См.: Преамбула к Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения:

граждан предъявлять иски в суд или арбитражный суд, а граждан в суд о прекращении экологически вредной деятельности, причиняющей вред здоровью и имуществу граждан¹. В этой связи толкование норм права, в части необходимости проведения экспертизы безопасности, применительно только к намечаемой хозяйственной и иной деятельности (строительству), в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности², а не к осуществляемой деятельности и (или) ее продолжению (реконструкции объектов капитального строительства³) представляется спорным. Выражением защиты гражданских прав участников экономических отношений является весь цикл экономической деятельности, а не отдельные ее периоды, взятые в отрыве от целей и задач правового регулирования. Контрольные (превентивные) функции преемственности гражданских прав неотделимы от безопасности экономической деятельности.

В системе правового регулирования преемственность сближает отрасли и институты частного и публичного права, выполняя функции правового сопровождения конфликтного правоотношения до стадии саморегулирования. Например, в ст. 33.1 ГПК РФ и ст. 16.1 КАС РФ предусмотрены переходы к рассмотрению дела по правилам другого вида судопроизводства, если неправильно определен вид и характер конфликтного правоотношения и заявление содержит несколько связанных между собой требований, разделение которых невозможно. В таком случае защитные функции преемственности гражданских прав выражаются в другом судопроизводстве с соблюдением процессуальных требований (подсудности). Защитные функции преемственности гражданских прав не утрачивают свои возможности при неверном выборе средства и способа защиты или истечении процессуальных сроков обращения (обжалования), поскольку допускают возможность продолжения защиты с помощью иных судебных и несудебных, материальных и нематериальных, внутригосударственных и международных средств и способов.

В механизмах защиты гражданских прав преемственность восполняет недостатки нормативного правового акта на этапе его вступления в силу, задействует по аналогии возможности других нормативных правовых актов системы права, смежных не только по отраслевой принадлежности. Например, применение правил ГПК РФ при введении в действие КАС РФ или применение правил ГПК РФ при рассмотрении замечаний на протокол по КоАП РФ. Аналогия права, как средство защиты нарушенного права [7, с. 16–19], сохраняет позитивное правовое регулирование с целью его реализации в иных условиях правовой защиты. На данном примере проявляются функции защиты в преемственности гражданских прав.

Объединенные судебными и несудебными, публичными и частноправовыми механизмами защиты гражданских прав средства и способы выполняют защитные, информационные и инструментальные (регулятивные) функции, свойственные стадиям защиты (обращению, обеспечению, восстановлению), обеспечивая стабильность законодательства и правопорядка [8, с. 3–8]. В реализации данных

¹ См.: например: п. 1 ст. 91 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10, ст. 457.

² См.: Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4556.

³ См. ст. 49 Градостроительного кодекса РФ от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. 1), ст. 16.

функций преемственность сопоставима с такими сходными по содержанию, но различными по назначению в механизме защиты гражданских прав понятиями, как «правовое наследие», «правовое заимствование», «рецепция права» [9, с. 14].

В гражданском обороте преемственность обеспечивает сохранность имущественных прав через утверждение принадлежности материальных благ их обладателям, а переход права в соответствии с условиями соглашений и требований закона. В этой связи возможно рассмотрение перехода вещных прав в условиях процессуального правопреемства¹ (правового наследования) и в условиях индивидуального правового (договорного, правоприменительного) регулирования гражданских правоотношений. В условиях судебного (гражданского, арбитражного, административного, уголовного, конституционного) и несудебного официально установленного порядка (процедуры) преемственность реализуется в процессуальной форме, как универсальной и (или) сингулярной.

Подводя итоги, можем заключить, что преемственность является фактором развития системы частного и публичного права. Основываясь на объективированном опыте правового регулирования и сохранении (охраны), а в случае нарушения восстановления правового положения участников экономических отношений, преемственность выполняет защитные функции.

Библиографический список

1. Андриановская И.И. Преемственность в трудовом праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 53 с.
2. Стёпин А.Б. Защита гражданских прав предпринимателей. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. 288 с.
3. Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 37 с.
4. Сурнин М.Ю. Обеспечение преемственности правовой политики Российской Федерации на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.
5. Чувилкин К.В. Преемственность конституционного развития российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.
6. Исева Э.Р. Системная преемственность в развитии общества: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Уфа, 2017. 19 с.
7. Степин А.Б. Аналогия закона как нормативное средство защиты частного права // Современное право. 2014. № 3. С. 16–19.
8. Степин А.Б. Основные элементы и стадии механизмов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Российский судья. 2020. № 7. С. 3–8.
9. Губайдуллин А.Р. Преемственность в правореализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 28 с.

References

1. Andrianovskaya I.I. Continuity in the Labor Law of Russia: extended abstract ... diss. doc. of law. M., 2015. 53 p.
2. Stepin A.B. Protection of Civil Rights of Entrepreneurs. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2021. 288 p.

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19 февраля 2016 г. № Ф08-9726/2015 по делу № А32-34779/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Rybakov V.A.* Continuity in Domestic Law in the Transition Period: General Theoretical Issues: extended abstract ... diss. doc. of law. Omsk, 2009. 37 p.
4. *Surnin M.Y.* Ensuring the Continuity of Legal Policy of the Russian Federation at the Present Stage: extended abstract ...dis. cand. of law. M., 2008. 24 p.
5. *Chuvilkin K.V.* The Continuity of the Constitutional Development of the Russian State: extended abstract ...dis. cand. of law. M., 2013. 25 p.
6. *Iseeva E.R.* Systemic Continuity in the Development of Society: Socio-Philosophical Analysis: extended abstract ...dis. of cand. of philosophical sciences. Ufa, 2017. 19 p.
7. *Stepin A.B.* Analogy of Law as a Normative Means of Protection of Private Law // Modern law. 2014. No. 3. P. 16–19.
8. *Stepin A.B.* Basic Elements and Stages of Mechanisms for the Protection of Civil Rights: Issues of Theory and Practice // Russian Judge. 2020. No. 7. P. 3–8.
9. *Gubaidullin A.R.* Continuity in the Implementation of Law: extended abstract ...dis. cand. of law. Kazan, 2006. 28 c.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-162-166
УДК 347.441

И.К. Буракова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Введение: в настоящее время в цивилистике ведется немало споров о применение принципа свободы договора в регулировании контрактных правоотношений, однозначного ответа на который в настоящее время не имеется. **Цель:** на основе правового анализа государственных и муниципальных закупок выявить ключевые особенности реализации принципа свободы договора на этапе объявления конкурентной закупки и на этапе исполнения контракта. **Методологическая основа:** комплекс общенаучных и специальных методов, в том числе диалектического, аналитического, сравнительно-правового и др. **Результаты:** проведенный анализ нововведений в законодательстве о контрактной системе показал, что новые правила расширяют договорную свободу сторон государственных (муниципальных) закупок. **Выводы:** реализация принципа свободы договора в изменении существенных условий контракта позволяет достичь баланса договорной свободы между заказчиками и участниками закупок.

Ключевые слова: законодательство о контрактной системе, свобода договора, государственные и муниципальные закупки, заказчик, участник закупки, государственный контракт, муниципальный контракт, существенные условия контракта.

I.K. Burakova

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT IN PUBLIC AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Background: at the present time in civilistics there are many disputes about the application of the principle of freedom of contract in the regulation of contractual legal relations, the unequivocal answer to which currently does not exist. **Objective:** on the basis of legal analysis of public and municipal procurement to identify the key features of the principle of freedom of contract at the stage of announcement of a competitive procurement and at the stage of contract performance. **Methodology:** a set of general scientific and special methods, including dialectical, analytical, comparative legal, etc. **Results:** the analysis of innovations in the legislation on the contractual system has shown that the new rules expand the contractual freedom of the parties of state (municipal) procurement. **Conclusions:** the implementation of the principle of freedom of contract in changing the essential terms of the contract allows achieving a balance of contractual freedom between customers and procurement participants.

Key-words: legislation on the contractual system, freedom of contract, public and municipal procurement, customer, bidder, state contract, municipal contract, essential terms of the contract.

© Буракова Ирина Кирилловна, 2023

Аспирант кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: i.kirillovna@mail.ru

© Burakova Irina Kirillovna, 2023

Postgraduate student of the Civil Law Department (Saratov State Law Academy)

Фундаментом для любой отрасли права являются основные идеи, положения изложенные в принципах права. Как справедливо было отмечено в специальной литературе: «...правовые принципы обеспечивают внутреннее единство и целостность права; ожидаемость, предсказуемость, непротиворечивость и последовательность правотворческого и правореализационного процесса» [1, с. 13–18].

Одной из основ гражданского законодательства является договорная свобода участников гражданско-правовых отношений, вытекающая из принципа свободы договора.

Стоит отметить, что вопрос применения принципа свободы договора в регулировании контрактных правоотношений, является дискуссионным.

Если придерживаться гражданско-правовой концепции природы государственных (муниципальных) закупок, то государственный (муниципальный) контракт является разновидностью гражданского договора.

В рамках данной концепции высказана точка зрения, о том, что контракты можно квалифицировать в качестве «предпринимательских договоров, которые представляют собой разновидность гражданско-правовых договоров и находятся в поле правового регулирования гражданского законодательства с некоторыми особенностями» [2, с. 22–26].

Кроме того, подтверждает гражданско-правовой характер государственного контракта сам законодатель, который в п. 8 ч. 1 ст. 3 Закона о контрактной системе¹ указал, что контракт — это гражданско-правовой договор.

Поскольку договорная свобода характерна для всех гражданско-правовых договоров, а согласно рассматриваемой концепции, контракт — разновидность гражданско-правового договора, то и заключение контракта должно исходить из принципа свободы договора.

Одним из аспектов договорной свободы является возможность сторон самостоятельно определять, содержание гражданско-правового договора (иными словами, его существенные условия) [3, с. 400]. Так, существенные условия контракта определяются в соответствии с требованиями гражданского законодательства и нормами закона о контрактной системе.

Согласно положениям гражданского законодательства, контракт должен включать такие обязательные условия, которые характерны для любого гражданско-правового договора: о предмете; условия необходимые в силу закона или иного нормативного правового акта (обычные условия); условия, по которым стороны контракта достигли соглашения (случайные условия).

Законодательство о контрактной системе не раскрывает понятие «Существенные условия контракта», вместе с тем в ст. 34² определены обязательные условия исполнения контракта, которые можно отнести к существенным.

Стоит отметить, что условия контракта детализированы в зависимости от вида контракта, но обязательными являются условия о цене, сроках, об ответственности сторон по контракту и др.

Анализ норм законодательства о контрактной системе свидетельствует о наделении заказчика властными полномочиями в определении условий будущих

¹ См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652.

² См.: Там же.

контрактов, что создает преимущества перед контрагентами и не коррелирует с принципом свободы договора.

Так, условия будущего контракта определяются заказчиком в момент размещения извещения о проведении закупки, в котором проект контракта является обязательным приложением к извещению.

У контрагента имеется возможность повлиять на положения контракта только тремя способами: подача разъяснений положений проекта контракта; размещение протокола разногласий на этапе подписания контракта; подача жалобы в антимонопольную службу.

На примере Саратовской области, в 2021 г. Саратовским УФАС России было рассмотрено 54 жалобы на предмет соблюдения заказчиком законодательства о контрактной системе при формировании положений проекта контракта, в частности, доводы сводились к неправомерному определению размера ответственности сторон по контракту, к невыполнимым срокам осуществления работ, оказания услуг, поставки товара. В 12 случаях доводы подателей жалобы были признаны обоснованными, а заказчику выданы предписания об устранении допущенных нарушений¹.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что разработанные положения государственного (муниципального) контракта одной стороной — заказчиком не всегда удовлетворяют участников государственных (муниципальных) закупок, что влияет не только на установление незаконных или невыполнимых условий контракта, но еще и создают ограничения для участия в конкурентных закупках.

Еще одним обстоятельством, подрывающим реализацию принципа свободы договора в государственных (муниципальных) закупках, является ограниченная возможность изменения условий контракта в период его исполнения.

До 1 января 2022 г. изменять условия контракта было возможно, если действует такое право, прямо предусмотренное законом, а также, если такая возможность установлена заказчиком в документации о закупке и контракте, то есть выиграв торги и заключив контракт, участник закупки уже не может пересмотреть его условия.

В настоящее время ситуация поменялась, в законодательство о контрактной системе были внесены поправки в части порядка изменения существенных условий контракта.

С 8 марта 2022 г. ст. 112 44-ФЗ дополнена ч. 65.1², согласно нововведению, стало возможным по соглашению сторон изменить любые условия контракта, относящиеся к существенным, в том числе, цену контракта, сроки, в связи с невозможностью исполнения контракта из-за непредвиденных обстоятельств³. Данное правило действует до конца текущего года.

¹ См.: ЕИС Закупки. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/search/> (дата обращения: 31.08.2022).

² См.: Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Российская газета. 2022. № 51.

³ См.: Информационное письмо Минфина России от 12 апреля 2022 г. № 24-01-07/31697 «О направлении информации о применении Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” и некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. 2022. № 5.

Для реализации данного права необходимо соответствующее решение Правительства РФ, высшего исполнительного органа региона или местной администрации, а также соблюдение положений ч. 1.3–1.6 ст. 95 44-ФЗ.

Так, согласно порядку подготовки и согласования проектов решений Правительства Саратовской области об изменении существенных условий контрактов, основанием для подготовки проекта является, прежде всего, достижение сторонами контракта предварительного согласия об изменении существенных условий контракта. При этом необходимо документально подтвердить факт невозможности исполнения обязательств на условиях, предусмотренных действующим контрактом¹.

Стоит отметить, что в законодательстве о контрактной системе отсутствуют разъяснения о том, что будет относиться к непредвиденным обстоятельствам, какие документы необходимо представить сторонам для подтверждения факта невозможности исполнения контракта.

Минфин России в своем информационном письме о порядке применения положений, регулирующих изменение существенных условий контракта, отметил, что к непредвиденным обстоятельствам будут относиться, в том числе «обстоятельства непреодолимой силы»².

Однако в правовой доктрине высказана точка зрения на то, что «...существенный характер изменения обстоятельств не равнозначен обстоятельствам непреодолимой силы, поскольку форс-мажор исключает возможность исполнения договорного обязательства, а при существенном изменении обстоятельств такая возможность остается» [4, с. 5–6].

Поскольку перечень непредвиденных обстоятельств законодательством не определен, при принятии решения об изменении существенных условий в контракте будут учитываться любые обстоятельства не зависящие от сторон, с наступлением которых исполнить контракт на ранее согласованных условиях делается невозможным. К таким обстоятельствам можно отнести: повышение цен на товары, требуемые к поставке; нарушение логистических цепочек поставок импортного товара.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что новые правила расширяют договорную свободу сторон в изменении любых существенных условий контракта, однако, реализовать свое право стороны смогут не «свободным волеизъявлением», а в зависимости от наступления непредвиденных обстоятельств и только с соблюдением правил, установленных законом.

Видится, что законодатель допускает применение гражданско-правового принципа свободы договора в договорных отношениях между заказчиком и подрядчиком (исполнителем, поставщиком), но реализация данного принципа возможна только с соблюдением императивных норм законодательства о контрактной системе.

Между тем, по нашему мнению, устойчивость принципа свободы договора в контрактной системе сможет не только сбалансировать интересы сторон контракта, а также позволит реализовать основные начала гражданского законодательства в регулировании контрактных правоотношений. Однако достичь

¹ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 19 апреля 2022 г. № 290-П. Опубликовано на сайте сетевого издания «Новости Саратовской губернии».

² См.: Информационное письмо Минфина России от 12 апреля 2022 г. № 24-01-07/31697 // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. 2022. № 5.

такого результата станет возможно, только в случае систематизации норм, регулирующих порядок исполнения контракта в рамках единой гражданско-правовой направленности.

Библиографический список

1. *Ершов В.В.* Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты // Российский судья. 2009. № 5. С. 13–18.
2. *Кирпичев А.В.* Развитие правового регулирования муниципальных контрактов в законе о контрактной системе // Российское правосудие. 2013. № 11. С. 22–26.
3. *Подшивалова Т.П., Кваниной В.В., Сагандыкова М.С.* Принципы частного права. М.: Проспект, 2018. 400 с.
4. *Петрищев В.С.* Существенное изменение обстоятельств: правоприменение статьи 451 ГК РФ и опыт стран общего и континентального права. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 5–6.

References

1. *Ershov V.V.* The Legal Nature of the Principles of Russian Law: Theoretical and Practical Aspects // Russian judge. 2009. No. 5. P. 13–18.
2. *Kirpichev A.V.* Development of Legal Regulation of Municipal Contracts in the Law on the Contract System // Russian Justice. 2013. No. 11. P. 22–26.
3. *Podshivalova T.P., Kvanina V.V., Sagandykova M.S.* Principles of Private Law: monograph. M.: Prospect, 2018. 400 p.
4. *Petrishchev V.S.* A Significant Change in Circumstances: the Enforcement of Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation and the Experience of Countries of Common and Continental Law. M.: Higher School of Economics, 2007. P. 5–6.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-167-172
УДК 347.9

Е.И. Лощинина

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: приказное производство в гражданском процессе рассматривается как способ упрощения процессуальных форм, выгодный для суда, нагрузка на который значительно снижается, и для взыскателя, чьи права и законные интересы своевременно защищаются. Данный вид производства отличается значительной спецификой, отчего некоторые ученые утверждают, что это больше административная форма защиты права, нежели судебная. В настоящей статье обосновано, что такого рода утверждения являются безосновательными. **Цель:** обосновать факт того, что приказное производство является судебной формой защиты, а не административной. **Методологическая основа:** совокупность диалектического и системного методов, формально-юридического и сравнительно-правового. **Результаты:** выявлены характерные черты приказного производства как института гражданского процессуального права, а не административно-процессуального. **Выводы:** представляется важным понимать природу приказного производства как оптимальный способ обеспечения права на судебную защиту по ряду требований, в связи с сокращением материальных и процессуальных затрат в процессе рассмотрения гражданских дел и повышением эффективности гражданского судопроизводства в отношении наиболее простых, бесспорных, по своей сути дел.

Ключевые слова: гражданский процесс, приказное производство, судебный приказ, административная форма защиты права.

E.I. Loshchinina

ON THE LEGAL NATURE OF THE WRIT PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEEDINGS

Background: writ proceedings in civil proceedings is seen as a way to simplify procedural forms, beneficial for the court, the burden on which is significantly reduced, and for the claimant, whose rights and legitimate interests are protected in a timely manner. This type of proceedings is characterized by significant specificity, why some scholars argue that it is more an administrative form of legal protection than a judicial one. This article substantiates that such claims are groundless. **Objective:** to substantiate the necessity to recognize that the writ proceeding is a judicial form of protection, and

© Лощинина Елена Ивановна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия)

© Loshchinina Elena Ivanovna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

not an administrative one. Methodology: the totality of dialectical and systemic methods, formal-legal and comparative-legal methods. Results: identified the characteristic features of court proceedings as an institute of civil procedural law, rather than administrative procedural law are identified. Conclusions: it seems important to understand the nature of mandative proceedings as the optimal way to ensure the right to judicial protection on a number of requirements in connection with the reduction of material and procedural costs in the process of consideration of civil cases and increasing the efficiency of civil proceedings in respect of the simplest, indisputable in nature cases.

Key-words: *civil procedure, writ proceedings, court order, administrative form of protection of the right.*

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ¹, суды рассматривают и разрешают в порядке приказного производства дела по требованиям, указанным в ст. 122 ГПК РФ. Приказному производству посвящен подразд. II разд. I ГПК РФ, совокупность норм которого отражает всю специфику вынесения и применения судебного приказа.

В том числе из содержания ст. 122, ч. 2 ст. 124 ГПК РФ следует, что особенностью приказного производства выступает бесспорный характер требований (основанных на нотариально удостоверенной сделке, или на сделке, совершенной в простой письменной форме, направленных на взыскании задолженности по оплате коммунальных услуг и т.п.) при достаточности формальных (документарных) доказательств. При выявлении спора о праве судья отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа (ч. 3 ст. 125 ГПК РФ). В приказном производстве нет стадии судебного разбирательства, что является его главным отличием от иных видов производств в гражданском процессе, в том числе от упрощенного производства. Вместо понятий «истец» и «ответчик» используются понятия «взыскатель» и «должник». Заявление о выдаче судебного приказа рассматривается в сжатые сроки, в отсутствие взыскателя и должника. В завершение приказного производства выносится судебный приказ — судебное постановление, согласно ч. 2 ст. 121 ГПК РФ, одновременно являющееся исполнительным документом.

Следует признать ограниченность процессуальной формы в приказном производстве. При этом по мнению Ю.В. Кайзер и В.А. Колбина: «...приказное производство в целом обладает признаками правосудия, неполное проявление которых ... обусловлено его спецификой и назначением, заключающимся в ускорении рассмотрения и разрешения дела в случаях, когда дело не представляет большой сложности и решение по нему может быть принято на основании представленных взыскателем документов» [1, с. 122–133].

Вместе с тем Ю.В. Галичкина отмечает, что учеными-процессуалистами высказывается позиция, согласно которой приказное производство, де-юре является самостоятельным производством, а де-факто «...не имеет четкой процессуальной формы, со стороны субъектного состава процесс односторонен, должник выступает в качестве формальной фигуры, приказное производство не имеет под собой материально-правовой подоплеки, так как одни и те же материальные требования могут быть предметом рассмотрения как в рамках приказного производства, так и в рамках искового» [2, с. 160–162].

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

В данном случае можно возразить — пассивность должника в рамках приказного производства подразумевает его согласие с заявленными взыскателем требованиями, признанием необходимости исполнения определенных обязательств в условиях, когда инициирование спора невозможно, либо доводы должника, которые он мог бы привести в качестве возражений, заведомо не оказываются значимыми. Вынесение и исполнение судебного приказа при этом будет означать лишь то, что должник не посчитал нужным проявить активность и не воспользовался предоставленными ему процессуальными гарантиями. Сказанное не касается встречающихся на практике случаев злоупотреблений со стороны взыскателя, когда должник длительное время не подозревает о вынесении в отношении его судебного приказа по спорным требованиям, поскольку он не получил соответствующее почтовое отправление и т.п., речь идет об «идеальном» процессуальном положении должника, в рамках которого он в качестве формальной фигуры рассматриваться не может.

Представляется, что нет причин сомневаться в наличии материально-правовой подоплеки в приказном производстве, в связи с тем, что заявленные в его рамках материальные требования могут быть предметом рассмотрения и в исковом производстве. В отсутствие таких требований вынесение судебного приказа, осуществляемое на случай, если не возникнет необходимости в судебном разбирательстве с вынесением судебного решения, не могло бы состояться. В обоих случаях материально-правовые требования взыскателя (истца) сохраняют свою правовую природу и не могут видоизменяться независимо от того, предметом какого производства они являются.

В свою очередь, М.К. Мамедова, Н.С. Даххаева полагают, что имеются основания ставить под сомнение судебную сущность института судебного приказа, а именно, склоняются к тому, что это все же административная форма защиты права, нежели судебная (что видно из самого его названия). С процессуальной точки зрения приказное производство не соответствует основным идеям, принципам, а также самому порядку гражданского судостройства [3, с. 96–99].

Представляется, что отрицание изначальной судебной природы приказного производства, его отождествление с административной формой защиты права являются некорректными. Для обоснования этого обратимся к науке административно-процессуального права (административного процесса) как самостоятельной отрасли права. Во избежание произвольного применения терминологии при характеристике приказного производства рассмотрим содержание основных дефиниций административного процесса.

Предметом административно-процессуального права, как указывают Ю.Н. Соосновская, Э.В. Маркина, являются «...общественные отношения, возникающие на основе и в соответствии с законом, в ходе организации органов исполнительной власти, реализации установленных административно-властных полномочий» [4, с. 311–315]. Целью административно-процессуального регулирования, по мнению М.А. Шатиной, выступает «...обеспечение надлежащего порядка действий лиц по реализации их прав и обязанностей, возникших из материальных административных и иных публичных отношений» [5].

Исполнительный административный процесс (направление, выделяемое наряду с судебным административным процессом), как отмечают А.Б. Зеленцова, П.Т. Кононов, А.И. Стахов, представляет собой «...внешнюю правоприменительную деятельность административно-публичных органов и их должностных лиц

по урегулированию (разрешению) в пределах их компетенции подведомственных им индивидуальных юридических (административных) дел» [6, с. 501–521].

Под административным производством (производством, совершаемым в рамках административного процесса) С.И. Керимова, И.А. Хасанов предлагают понимать «...совокупность последовательных, сменяющих друг друга, связанных между собой этапов совершения процессуальных действий, обеспечивающих законное разрешение индивидуальных, однородных по предмету административных дел» [7, с. 49–52]. К числу административных производств относятся, в частности, регистрационное производство, лицензионное производство, исполнительное производство, производство по предложениям и заявлениям граждан и др.

Как видно из сказанного, ключевым здесь является понятие «административный» в значении «связанный с управлением, относящийся к компетенции исполнительной власти». Потому становится возможным привести следующие доводы:

1) ст. 10 Конституция РФ¹ выделяет три ветви государственной власти: законодательную, исполнительную и судебную. Органы, представляющие эти ветви власти, самостоятельны.

К сфере судебной власти относится деятельность по рассмотрению гражданских дел судьями, к числу которых относятся осуществляющие приказное производство мировые судьи, к сфере исполнительной власти — ее назначением является организация практического исполнения Конституции РФ и законов в процессе управленческой деятельности. Смешение областей деятельности судебной и исполнительной власти оказывается недопустимым, несмотря на известное сходство административного и судебного, в том числе гражданского процессов как разновидностей юридического процесса. Исполнительный административный процесс характеризуется именно своей «несудебностью»;

2) поскольку судебный приказ одновременно выступает исполнительным документом, это способствует восприятию его как приказа, вынесенного в рамках административной деятельности, который традиционно рассматривается в качестве самостоятельного «руководства к действию». Однако важной особенностью приказного производства в гражданском процессе является предусмотренная ст. 128 ГПК РФ возможность безусловной отмены судебного приказа в случае предоставления должником возражений относительно его исполнения в десятидневный срок со дня получения направленной судом копии приказа.

В ч. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62² разъясняется, что возражения могут содержать только указание на несогласие должника с вынесенным судебным приказом. В случае поступления в установленный срок возражений должника относительно исполнения судебного приказа судья отменяет судебный приказ (ст. 129 ГПК РФ). В Определении Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2008 г. № 1035-О-О³ подчеркивалось, что при отмене судебного приказа в силу ст. 129 ГПК РФ заявленные требования могут быть предъявлены заинтересованными лицами в порядке искового произ-

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» (в ред. от 5 апреля 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2008 г. № 1035-О-О. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.11.2022).

водства, таким образом, указанные положения закона не могут рассматриваться как нарушающие право заявителей на судебную защиту и доступ к суду.

Таким образом, одностороннее возражение должника должно само по себе привести к отмене судебного приказа. Логика законодателя в данном случае понятна: судебный приказ выносится в отсутствие должника и повторяет требования взыскателя. Не исключено, что требования оказываются необоснованными, и должник способен это доказать. В таких ситуациях встает вопрос о необходимости проведения полноценного судебного разбирательства с исследованием позиций обеих сторон, либо, при отсутствии дальнейшей инициативы взыскателя, о прекращении предъявления им требований. В ином случае права должника могут оказаться нарушенными, о чем он и заявляет, выражая несогласие с судебным приказом. Именно мнение должника в данном случае признается решающим.

Что касается исполнительного административного процесса, то его рамках реализуются властные полномочия определенных органов (должностных лиц) и определяется обязанность подчинения им со стороны иных субъектов. При этом властные предписания не могут быть изменены исключительно по желанию частных лиц, их свобода оказывается минимальной. Как следствие, в рамках исполнительного административного процесса голословное возражение субъекта относительно вынесенного уполномоченным органом акта не оказывается способным его аннулировать. Равным образом в сфере управленческой деятельности невозможным было бы составление органом исполнительной власти (его должностным лицом) документа, содержащего какое-либо требование, в полном соответствии с пожеланиями заинтересованного стороннего субъекта, как это происходит при вынесении судебного приказа.

Поэтому используемое законодателем понятие «судебный приказ» не следует рассматривать как автоматически переносящее его в сферу административного процесса. Это всего лишь условное обозначение формы защиты прав и законных интересов взыскателя в гражданском процессе в случаях, предусмотренных законом, максимально упрощенной относительно искового производства. Возможно такой термин был специально избран законодателем для подчеркивания доступности, быстроты и ясности процедуры получения «приказа» для лиц, заинтересованных в разрешении в суде несложного правового конфликта. Тем не менее, правовая природа судебного постановления и приказа, вынесенного в ходе управленческой деятельности, не может отождествляться;

З) в то время как административный процесс связан с материальными административными и иными публичными отношениями, из ст. 2 ГПК РФ следует, что задачами гражданского судопроизводства (в том числе, применительно к приказному производству) являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение в суде гражданских дел, относящихся, главным образом, к сфере частного права. Это также свидетельствует о невозможности отнесения приказного производства в гражданском процессе к сфере административного процесса в связи с несовпадением «обслуживаемых» ими отношений.

Вместе с тем не следует считать, что приказное производство является институтом гражданского (арбитражного) процесса, связанным только с частноправовой сферой. Так, гл. 11.1 КАС РФ¹ предусмотрено производство о вынесении судебного приказа по административным делам при взыскании обязательных платежей и санкций. В данном случае идет речь не об исполнительном, но о су-

¹См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 11 июня 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391.

дебном административном процессе, который напрямую связан с публичными правоотношениями. Разумеется в этом случае судебный процесс не преобразуется в исполнительный административный процесс. Сказанное лишь подчеркивает их обособленность и невозможность взаимозаменяемости.

Таким образом, процедура вынесения судебного приказа оказывается максимально «облегченной», что нехарактерно для гражданского судопроизводства в целом. Тем не менее, приказное производство представляет собой институт гражданского процессуального, но не административно-процессуального права, рассматриваясь в качестве оптимального способа обеспечения права на судебную защиту в отношении наиболее простых, бесспорных по своей сути дел.

Библиографический список

1. *Кайзер Ю.В., Колбина В.А.* К вопросу о возврате государственной пошлины при отмене судебного приказа в гражданском судопроизводстве // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2017. № 2. С. 122–133.
2. *Галичкина Ю.В.* Судебный приказ: стадия или самостоятельный процесс? // Символ науки. 2016. № 3. С. 160–162.
3. *Мамедова М.К., Даххаева Н.С.* Проблемы приказного производства в российском гражданском процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2. С. 96–99.
4. *Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В.* К вопросу о некоторых актуальных проблемах административного права и административно-процессуального права в условиях многоуровневого юридического образования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 311–315.
5. Административный процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. М.А. Штатиной. М.: Юрайт, 2015. 364 с.
6. *Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И.* Административный процесс как вид юридического процесса: современные проблемы понимания и нормативно-правовой регламентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Право. 2018. № 4. С. 501–521.
7. *Керамова С.И., Хасанов И.А.* Административное производство: понятие и виды // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 49–52.

References

1. *Kaiser Y.V., Kolbina V.A.* To the Question of the Return of the State Fee for the Cancellation of a Court Order in Civil Proceedings // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2017. No. 2. P. 122–133.
2. *Galichkina Y.V.* Judicial Order: Stage or Independent Process? // Symbol of Science. 2016. No. 3. P. 160–162.
3. *Mamedova M.K., Dakhhaeva N.S.* Problems of Court-Ordered Production in the Russian Civil Process // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2019. No. 2. P. 96–99.
4. *Sosnovskaya Y.N., Markina E.V.* To the Question of Some Actual Problems of Administrative Law and Administrative-Procedural Law in the Conditions of Multilevel Legal Education // Bulletin of economic security. 2019. No. 3. P. 311–315.
5. Administrative Process: textbook for bachelor's and master's degree / ed. by M.A. Shtatina. M.: Yurite, 2015. 364 p.
6. *Zelentsov A.B., Kononov P.I., Stakhov A.I.* Administrative Process as a Type of Legal Process: Modern Problems of Understanding and Normative-Legal Regulation // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2018. No. 4. P. 501–521.
7. *Keramova S.I., Khasanov I.A.* Administrative Proceedings: the Concept and Types // State Service and Personnel. 2021. No. 4. P. 49–52.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-173-179

УДК 347.97

Н.Н. Ткачева

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО
ИММУНИТЕТА В ОТНОШЕНИИ
ЕДИНСТВЕННОГО ПРИГОДНОГО ЖИЛЬЯ
ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА
КАК ГАРАНТИЯ СОХРАНЕНИЯ БАЛАНСА
ИНТЕРЕСОВ ВЗЫСКАТЕЛЯ И ДОЛЖНИКА
В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: вопрос о пределах применения исполнительского иммунитета в отношении единственного пригодного жилья гражданина-должника в процессе принудительного исполнения исполнительного документа, выданного на основании вступившего в законную силу судебного акта не теряет своей актуальности, поскольку конечной целью реализации конституционного права на судебную защиту является не только получение судебного решения, а еще и его реальное исполнение.

Цель: проанализировать актуальную позицию Конституционного Суда РФ по данному вопросу и выводы, сделанные около 10 лет назад. Определить, что изменилось и какие перспективы ожидаются в отношении имущественного иммунитета в ближайшем будущем в правоприменительной практике. **Методологическая основа:** в статье используются диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. **Результаты:** отмечена положительная тенденция изменения позиции к имущественному иммунитету должника, пределов его применения, в тех случаях, когда такое имущество относится к «роскошному». **Выводы:** позиция Верховного Суда Российской Федерации к исполнительскому иммунитету вносит определенную ясность по отдельным аспектам его применения, вместе с тем остается немало вопросов, требующих более детальной проработки. Ключевым моментом является то, что ситуация в вопросе невозможности исполнения исполнительных документов, в случае если у должника-гражданина отсутствует иное имущество на которое можно обратить взыскание, кроме единственного пригодного для проживания жилья. Допустим, что такое имущество в несколько раз превышает необходимые нормативы, установленные законодателем на одного человека, а также членов его семьи, это, в свою очередь, окажет положительное влияние на реальное восстановление нарушенных прав и полноценную защиту прав взыскателя.

Ключевые слова: гарантии защиты, исковое производство, исполнительский иммунитет, единственное жилье.

© Ткачева Наталья Николаевна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса, докторант (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nntkachewa@yandex.ru

© Tkacheva Natalia Nikolaevna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Procedure, Doctoral candidate (Saratov State Law Academy)

N.N. Tkacheva

OVERCOMING EXECUTIVE IMMUNITY IN RESPECT OF THE ONLY SUITABLE HOUSING OF A CITIZEN-DEBTOR AS A GUARANTEE OF PRESERVING THE BALANCE OF INTERESTS OF THE CLAIMANT AND THE DEBTOR IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS

Background: the question of the limits of executive immunity application in respect of the only suitable housing of a citizen-debtor in the process of a writ execution enforcement issued on the basis of an enforceable judicial act does not lose its relevance, since the ultimate goal of the constitutional right to judicial protection is not only to obtain a court decision, but also its actual execution. **Objective:** to analyze the current position of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue and the conclusions made about 10 years ago, to determine what has changed and what prospects are expected with regard to property immunity in the near future in law enforcement practice. **Methodology:** dialectical, formal-legal, comparative-legal methods are used in the study. **Results:** there is a positive trend of changing the position on the debtor's property immunity, the limits of its application, in cases where such property is classified as "luxury". **Conclusions:** the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the immunity of execution brings some clarity on certain aspects of its application, but at the same time there are many issues that require more detailed elaboration. The key point is that the situation in the issue of inability to enforce enforcement documents when the debtor-citizen does not have other property on which it is possible to enforce, except for the only habitable housing, especially when such property exceeds several times the required norms established by the legislator for one person and his family members, changes, which in turn will have a positive impact on the real restoration of violated rights and full protection of the rights of the claimant.

Key-words: guarantees of protection, action proceedings, executive immunity, sole housing.

Глобализация российского общества, развитие современных технологий, экономический кризис, все это в последние годы способствуют интенсивному реформированию различных областей общественных отношений, традиционных институтов, законодательной базы, а также поиску новых инструментов для решения как новых, так и давно существующих проблем правоприменения. В современных условиях особое внимание и актуальность для исследования приобретает неоднозначная позиция правоприменителей по вопросу одной из имущественных гарантий гражданина-должника в исполнительном производстве — исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника-гражданина и членов его семьи.

В ст. 446 ГПК РФ закреплен перечень имущества должника-гражданина, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, выступающий в свою очередь гарантией неприкосновенности определенного минимума имущества должника при принудительном обращении на него взыскания. Особый интерес и непрекращающуюся многолетнюю дискуссию [1, с. 31] вызывает абз. 1 ч. 1. ст. 446 ГПК РФ, который закрепляет право собственности на жилое помещение, являющееся для гражданина и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, выполняющего социально

значимую функцию и обеспечивающего гражданину реализацию ряда основных прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Вместе с тем закрепленный иммунитет в отношении единственного пригодного жилья гражданина-должника (дом или квартира) вне зависимости от стоимости такого имущества, нередко рассматривается как дискриминация прав взыскателя (особенно когда жилье можно отнести к категории «роскошного»), нарушение его конституционных прав и несоразмерность судебной защиты с нарушением баланса конституционных ценностей взыскателя.

Закрепление на законодательном уровне в 1990 г. права частной собственности граждан¹ представляется возможным отнести к одному из знаковых событий в развитии российского общества, поскольку оно является естественным и неотъемлемым правом человека. Общеизвестные принципы неприкосновенности собственности нашли позже свое место в Конституции РФ и предполагают равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданских правоотношений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, обуславливают свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, включая возможность отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником. Право собственности, а также тот иммунитет, который установлен законодателем в отношении единственного жилья должника-гражданина не должны рассматриваться как препятствие на пути к исполнению судебного акта и достижения конечной цели правосудия — реального восстановления нарушенного права или охраняемого законом интереса, но, при этом, и произвольного нарушения прав должника-гражданина также не должно быть.

Исторически сложилось, что ни первый ГПК РСФСР 1923 г.², ни ГПК РСФСР 1964 г.³ не включали в перечень имущества, на которое нельзя было обратить взыскание по исполнительным листам и приравненным к ним документам — единственное пригодное для проживания должника и членов его семьи жилое помещение (его часть). Однако позже, с учетом изменений законодательства РФ и появления новых институтов, законодателем был закреплен иммунитет на единственное пригодное жилье должника-гражданина в ст. 446 ГПК РФ 2003 г.⁴

Иммунитет, по мнению А.А. Исаенкова, это «совокупность правоотношений, возникающих между судом, с одной стороны, и лицом, участвующим в деле, либо лицом, содействующим осуществлению правосудия, с другой стороны, регулирование которых осуществляется особым, по сравнению с обычным правовым регулированием, образом, выражающимся в предоставлении определенной исключительной привилегии применительно ко второй стороне процессуального правоотношения» [2, с. 15].

Институт исполнительского иммунитета получил законодательное закрепление не в интересах должника, а в ущерб законным имущественным интересам кредиторов, рассчитывающих на надлежащее исполнение обязательств, и в

¹ См.: Закон СССР от 6 марта 1990 № 1305-1 «О собственности в СССР» (с изм. от 24 декабря 1990 г.) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 11, ст. 164.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (принят на 2 сессии ВЦИК X созыва 7 июля 1923г.). М., 1938.

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утвержден ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

⁴ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

целях обеспечения со стороны государства минимальных имущественных гарантий должника-гражданина, без существования которых ставится под угрозу право этого лица на защиту. Как справедливо отмечает Д.Б. Савельев: именно институт имущественного иммунитета защищает должника-гражданина от взыскания единственного жилого помещения и от бездомности его и членов его семьи [3, с. 35].

Положение абз. 1 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ не может толковаться и применяться без учета конституционно-правовой природы имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилых помещений, предназначенного не для того, чтобы сохранить за гражданином-должником принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение, а для того, чтобы не допуская нарушения самого существа конституционного права на жилище и умаления человеческого достоинства, гарантировать гражданину-должнику и членам его семьи уровень обеспеченности жильем, необходимый для нормального существования. Запрет на взыскание единственного пригодного для постоянного проживания указанных лиц жилое помещение (его части) — исходя из понимания того, что жилое помещение является достаточным для удовлетворения разумной потребности человека в жилище, право на которое должно быть гарантировано гражданину-должнику и членам его семьи в любом случае (даже в ущерб конституционно значимой цели исполнения судебных решений), — конституционно оправдан, поскольку он направлен на сохранение для этих лиц жилищных условий, которые признаются приемлемыми в конкретной социально-экономической ситуации на том или ином этапе развития общества и государства.

Буквальное толкование ст. 446 ГПК РФ не позволяло на протяжении многих лет даже предположить, что указанная норма может быть преобразована или ее смысл может быть изменен. Но, 26 апреля 2021 г. было принято постановление Конституционного Суда РФ¹, которое напомнило правоприменителям о пределах исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника.

Стоит отметить, что данное постановление является не единственным, которое затрагивало бы вопросы о пределах действия исполнительского иммунитета в отношении объектов собственности должника.

В мае 2012 г. Конституционный Суд РФ уже пытался урегулировать проблемы, возникающие при исполнении исполнительных документов, когда у должника не оставалось иного имущества, на которое можно было бы обратить взыскание помимо единственного пригодного для проживания жилья², однако, рекомендации, изложенные в указанном постановлении остались неисполненными, несмотря на попытку Министерства Юстиции Российской Федерации, которое в 2016 г. подготовило проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 21325 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // Российская газета. 2021. 6 мая.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 21, ст. 2697.

Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве»¹. Данный законопроект был разработан в целях реализации Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова»² и направлен на выстраивание баланса интересов между кредитором и должником в целях защиты конституционных прав и свобод граждан при обращении взыскания на единственное пригодное жилье гражданина-должника³. Законопроект получил широкий резонанс и был негативно охарактеризован в средствах массовой информации, как «закон об изъятии единственного жилья», кроме этого, некоторые ученые высказали свои опасения, что положения данного законопроекта могут иметь провокационное действие на практике [4, с. 45], в связи с чем изменения предложенные законодателем не получили дальнейшего одобрения.

Прошедший 12 октября 2021 г. Юридический форум также не обошел вниманием вопрос о свидетельском иммунитете на единственное жилье гражданина-должника [5]. П.В. Хлюстов анализируя позиции КС РФ и ВС РФ по рассматриваемому вопросу, с одной стороны, отметил положительную тенденцию о возможности несоблюдения исполнительского иммунитета в целях соблюдения баланса интересов как должника, так и взыскателя, но, с другой стороны, были отмечены и некоторые негативные моменты. В частности, отмечено, что в постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 не достаточно четко сформулированы критерии выбора альтернативного места жительства гражданина-должника, что, в свою очередь, может повлечь злоупотребление со стороны заинтересованных лиц и нарушению прав лица, на чье имущество хотят обратить взыскание. Верховный Суд Российской Федерации выразил свою позицию следующим образом: «...ухудшение жилищных условий не может вынуждать должника помимо его воли к изменению поселения, то есть предоставление замещающего жилья должно происходить, как правило, в пределах того же населенного пункта (иное может быть обусловлено особенностями административно территориального деления, например, существованием крупных городских агломераций (компактно расположенных населенных пунктов, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе, трудовыми, и социальными связями)»,⁴ однако, не понятно каким образом будет выбираться жилье

¹ См.: Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „Об исполнительном производстве“ (подготовлен Минюстом России). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Информация Министерства юстиции РФ «В связи с большим количеством обращений граждан, поступающих в рамках общественного обсуждения проекта федерального закона „О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „Об исполнительном производстве“», а также большим резонансом в средствах массовой информации Минюст России отвечает на наиболее распространенные вопросы, возникающие в связи с данным законопроектом». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ См.: Доработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // Министерство Юстиции Российской Федерации. Новости. 15 мая 2017 г. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/42431/> (дата обращения: ...)

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/68a6165c-b3bc-4752-8b86-f82e632070b7/f59a1ec9-7988-4c8b-95aa-3ca3c936553c/A73-12816-2019__20210726.pdf (дата обращения: ...)

в рамках одного населенного пункта? Исходя из каких критериев? Общеизвестным является факт, что стоимость жилья зависит от многих факторов: близость к центру населенного пункта, историческому центру или экологически чистому району, наличие развитой инфраструктуры и т.д. Все это влияет на стоимость. От кого будет зависеть, где должен проживать должник-гражданин и члены его семьи, в благополучном районе или нет? Также, отдельный вопрос, требующий особого изучения и детальной законодательной регламентации — это обращение взыскание на единственное имущество должника-гражданина, находящегося за пределами территории Российской Федерации.

Безусловно, решение проблемы сохранения баланса прав и интересов взыскателя и должника в процессе исполнительного производства может иметь положительный аспект при условии изменения пределов применения исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника-гражданина. При этом, как отмечает М.Л. Гальперин, такой подход является своего рода вызовом современной российской правовой системе, ее способности генерировать качественные юридические решения актуальных проблем общественного развития [6, с. 111].

Позиция Верховного Суда Российской Федерации к исполнительскому иммунитету не лишена изъяна, но, вместе с тем, она позволяет внести правовую определенность в вопросе невозможности исполнения исполнительных документов, а также невозможности удовлетворения требований кредиторов по делам о банкротстве, в тех случаях, когда у должника-гражданина отсутствует иное имущество на которое можно обратить взыскание, кроме единственного пригодного для проживания жилья. Следует выразить надежду, что в ближайшее время законодатель, используя системный подход [7, с. 173], предложит адекватный механизм обращения взыскания на единственное жилье гражданина-должника, одновременно гарантируя неприкосновенность жилого минимума, необходимого должнику и членам его семьи, а также полноценную защиту прав взыскателя, поскольку именно правовое урегулирование конкретной ситуации представляет собой социальное явление, показатель развития общества, трансформации его внутренних и внешних связей [8, с. 16]. До соответствующих законодательных изменений, как полагает С.Л. Будылин, решать вопрос об обоснованности применения иммунитета единственного жилья должника будет решать суд, в частности, и по делам о банкротстве должника¹. При этом должнику и его семье должны быть предоставлены гарантии по предоставлению жилища в том же городе (поселении), с соблюдением необходимых нормативов. Конституционный Суд Российской Федерации полностью одобрил судебную практику по делам о банкротстве в виде замещения жилья должника на другое силами кредиторов.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на то, что проблема преодоления имущественного иммунитета должника в целях сохранения баланса интересов взыскателя и должника в исполнительном производстве является актуальной, к сожалению, ни Конституционный Суд РФ, ни Верховный Суд РФ в своих постановлениях, посвященных вопросам обращения взыскания на единственное жилье должника-гражданина, окончательно не разрешили существующие проблемы правоприменения. Соблюдение исключительно иму-

¹ См.: Будылин С.Л. Единственный дворец должника. Постановление КС РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П // Закон.ру. 2021. 27 апр.

публичных интересов должника в ущерб интересам взыскателя недопустимо и противоречит задачам и целям судебной защиты, гарантированной Конституцией РФ, в связи с чем представляется, что затронутая в данной статье проблема нуждается в дальнейшем изучении для создания на законодательном уровне гарантий, обеспечивающих баланс интересов взыскателя и должника в исполнительном производстве.

Библиографический список

1. *Стадник А.* Имущественный иммунитет должника // *Жилищное право.* 2012. № 8. С. 31–38.
2. *Исаенков А.А.* Иммунитеты в гражданском процессуальном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 15.
3. *Савельев Д.Б.* Практика обращения взыскания на часть единственного жилого помещения должника-гражданина в свете парадигмы института общей собственности // *Право и общество.* 2020. № 1 (1). С. 35–39.
4. *Сидоров И.С.* Обращение взыскания на единственное жилье должника: проблемы и перспективы правоприменения // *Современное право.* 2019. № 9. С. 45.
5. *Хлюстов П.В.* Новые подходы Верховного Суда в делах о банкротстве // *X Юридический форум для практиков «Главные правовые позиции года».* 2021. 12 окт.
6. *Гальперин М.Л.* Обращение взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина: существует ли нормативное решение? // *Закон.* 2013. № 10. С. 111–124.
7. *Нахова Е.А., Волков Д.В.* Проблемы имущественных (исполнительских) иммунитетов в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения и земельного участка // *Ленинградский юридический журнал.* 2020. № 2 (60). С. 173.
8. *Репьев А.Г.* Доверие как основа культуры правовой коммуникации // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2022. № 2 (145). С. 16.

References

1. *Stadnik A.* Property Immunity of the Debtor // *Housing law.* 2012. No. 8. P. 31–38.
2. *Isaenkov A.A.* Immunities in the Civil Procedural Law of Russia. Dis.... cand. of law?. Saratov, 2016. P. 15.
3. *Saveliev D.B.* The Practice of Foreclosure on a Part of the Sole Residential Premises of a Debtor-Citizen in the Light of the Paradigm of the Institute of Common Property // *Law and society.* 2020. No. 1 (1). P. 35–39.
4. *Sidorov I.S.* Foreclosure on the Debtor's only Housing: Problems and Prospects of Law Enforcement // *Modern law.* 2019. No. 9. P. 45.
5. *Khlyustov P.V.* New Approaches of the Supreme Court in Bankruptcy Cases // *X Legal Forum for practitioners "The Main Legal Positions of the Year".* 2021. October 12.
6. *Galperin M.L.* Foreclosure on the Only Living Space of the Debtor-Citizen: Is There a Regulatory Solution? // *Law.* 2013. No. 10. P. 111–124.
7. *Nakhova E.A., Volkov D.V.* Problems of Property (Executive) Immunities in Respect of a Residential Premises and a land Plot Belonging to a Debtor Citizen on the Right of Ownership // *Leningrad Law Journal.* 2020. No. 2 (60). P. 173.
8. *Repiyev A.G.* Trust as the Basis of the Culture of Legal Communication // *Bulletin of the Saratov State Law Academy.* 2022. No. 2 (145). P. 16.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-180-187

УДК 347.9

А.А. Горябин

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО СТОРОН В УПРОЩЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: принцип процессуального равенства выступает одним из ключевых условий справедливого судебного разбирательства, его нарушение может привести к неблагоприятным последствиям. В упрощенном производстве принцип процессуального равенства должен быть обеспечен, несмотря на особенности его реализации. **Цель:** выявление и анализ особенностей реализации и обеспечения принципа процессуального равенства в упрощенном производстве в арбитражном процессе. **Методологическая основа:** диалектический метод, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод анализа судебной практики. **Результаты:** реализация принципа процессуального равенства в упрощенном производстве имеет особенности в зависимости от стадии. Данный принцип действует на стадии подготовки дела к судебному разбирательству посредством предоставления сторонам равных процессуальных прав на предъявление суду требований и возражений, а также подтверждающих их документов. В стадии судебного разбирательства и при пересмотре судебного постановления принцип процессуального равноправия фактически не реализуется, но судья выступает гарантом его обеспечения, исследуя и оценивая представленные обеими сторонами доказательства. **Выводы:** одним из условий обеспечения принципа процессуального равенства при рассмотрении требований и возражений в упрощенном порядке в рамках арбитражного судопроизводства выступает надлежащее извещение сторон, в связи с чем судья перед началом рассмотрения требований и возражений, а также представленных доказательств, должен установить действительность извещения сторон.

Ключевые слова: арбитражный процесс, упрощенное производство, процессуальное равенство, стороны, стадии арбитражного судопроизводства, гарантия.

А.А. Goryabin

PROCEDURAL EQUALITY OF THE PARTIES IN SUMMARY PROCEEDINGS

Background: the principle of procedural equality is one of the key conditions for a fair trial, its violation may lead to adverse consequences. In summary proceedings, the principle of procedural equality must be ensured, despite the peculiarities of its implementation. **Objective:** to identify and analyze the features of the implementation and maintenance of the principle of procedural equality in summary proceedings in the arbitration process. **Methodology:** dialectical method, formal legal and comparative legal methods, method of analysis of judicial practice. **Results:** the implementation of the principle of procedural equality in simplified proceedings has features depending on

---

© Горябин Алексей Анатольевич, 2023

Преподаватель кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: 2902642@mail.ru

© Goryabin Aleksey Anatolyevich, 2023

Lecturer, Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

the stage. This principle applies at the stage of preparing a case for trial by providing the parties with equal procedural rights to present claims and objections to the court, as well as supporting documents. The principle of procedural equality is not actually implemented at the stage of the trial and during the revision of the court decision, but the judge acts as a guarantor of its provision, examining and evaluating the evidence presented by both parties. Conclusions: one of the conditions for ensuring the principle of procedural equality when considering claims and objections in a simplified manner within the framework of arbitration proceedings is the proper notification of the parties, in this connection, the judge must establish the validity of the notification of the parties before considering the claims and objections, as well as the evidence presented.

Key-words: *arbitration process, summary proceedings, procedural equality, parties, stages of arbitration proceedings, guarantee.*

Упрощенное производство в арбитражном судопроизводстве представляет собой усеченную цивилистическую процессуальную форму рассмотрения и разрешения исковых требований судами. Несмотря на это, в рамках упрощенного производства должно быть обеспечено действие и гарантировано соблюдение основных принципов арбитражного процессуального права, связанных с осуществлением сторонами своих процессуальных прав и выполнением процессуальных обязанностей, в частности, принципов диспозитивности, состязательности и процессуального равенства. Суть состязательного процесса видится в предоставлении участвующим в нем лицам фактической возможности повлиять на исход дела путем реализации своих диспозитивных процессуальных прав [1, с. 105]. Суд при выполнении своих функций не должен подменять процессуальные функции сторон по делу, поскольку нарушение принципа процессуального равенства ведет к нарушению другого основополагающего принципа законности, что является причиной для отмены судебного акта [2, с. 14].

Принцип процессуального равенства является конституционным и закреплен в ст. 123 Конституции РФ, где установлено, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Аналогичная формулировка содержится и в ст. 12 ГПК РФ. Иными словами, законодатель в указанных нормативных актах лишь закрепил принцип процессуального равенства, не определяя его содержание.

При обращении к АПК РФ можно заключить, что принцип процессуального равенства получил более детальное определение. Так, ст. 8 АПК РФ устанавливает, что равноправие сторон включает в свое содержание возможность пользоваться равными процессуальными правами, связанными с заявлением отводов, ходатайств, представлением и исследованием доказательств и др. Кроме того, АПК РФ по сравнению с ГПК РФ в ч. 3 ст. 8 устанавливает гарантии обеспечения процессуального равенства сторон в арбитражном судопроизводстве, а именно, запрещает арбитражному суду каким-либо образом отдавать предпочтение одной из сторон и ставить в заведомо невыгодное положение другую сторону судебного разбирательства. Указанное выше позволяет констатировать, что АПК РФ содержит наиболее полное и развернутое определение содержания принципа процессуального равенства.

Учитывая, что принцип процессуального равенства выступает одним из ключевых условий справедливого судебного разбирательства, то его нарушение может привести к неблагоприятным последствиям как для сторон в виде при-

нятия незаконного и (или) необоснованного судебного постановления, так и для суда в виде последующей отмены такого судебного постановления вышестоящей судебной инстанцией. На возможность отмены судебного постановления указывает Верховный суд РФ. Так, в абз. 4 п. 33 Постановления от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции»¹ Пленум Верховного Суда РФ отметил, что нарушение судами первой и апелляционной инстанций принципов равноправия и состязательности сторон (ст. 8 и 9 АПК РФ) может являться основанием для отмены судебных актов, если допущенные нарушения привели к тому, что при рассмотрении дела не были установлены обстоятельства, имеющие значение для правильного применения законов и иных нормативных правовых актов.

В свою очередь, Конституционный суд РФ указал, что ст. 12 ГПК РФ, закрепляющая принципы состязательности и процессуального равноправия фактически воспроизводит положения ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, а следовательно, не может толковаться ограничительно или с целью ущемления конституционных прав субъектов права². В продолжении приведем справедливую позицию А.В. Ильина, который указывает, что вследствие нарушения принципов равноправия сторон и состязательности не могут быть установлены обстоятельства, имеющие значение для дела, и, учитывая, что данные принципы закреплены в Конституции РФ, то их нарушения являются фундаментальными [3, с. 70–80], т.е. такими, без устранения которых невозможно обеспечить действительное право на судебную защиту нарушенных прав и интересов.

В науке гражданского процессуального права существуют дифференцированные подходы к определению принципа процессуального равенства. Так, Т.В. Сахнова указывает, что принцип процессуального равенства существует во взаимосвязи с принципом состязательности [4, с. 127–128]. В свою очередь, А.Ф. Воронов отрицает равноправие сторон в гражданском судопроизводстве, указывая, что «...стороны вовсе не так равноправны, как представляется с первого взгляда. Это неравноправие предопределено уже „правилом первого хода“: „истец нападает“, ответчик „обороняется“» [5, с. 397]. Ю.Л. Матюшенкова принцип процессуального равенства раскрывает через равные возможности для доказывания требований и возражений, исходя из заявленных позиций в спорном правоотношении³.

В любом случае, по общему правилу процессуальное равенство сторон предполагает, что стороны имеют равный объем прав для защиты, и несмотря на то, что процессуальные права истца и ответчика могут несколько отличаться (например, отказ от иска и признание иска), но процессуальным правам одной стороны всегда должны соответствовать процессуальные права другой. Например, праву истца на предъявление иска корреспондирует право ответчика на подачу возражений относительно заявленных требований истца и право на предъявление встречного иска.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2014 г. № 616-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кукушкиной Аиды Александровны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Матюшенкова Ю.Л. Некоторые аспекты арбитражной практики по налоговым спорам. URL: <https://wiselawyer.ru/> (дата обращения: 23.11.2022).

В упрощенном производстве действие принципа равенства имеет некоторые ограничения, которые обусловлены процессуальными особенностями рассмотрения и разрешения дел в упрощенном порядке, основой которых выступает отсутствие судебного заседания.

Отметим, что принцип процессуального равенства действует на всех стадиях и во всех видах арбитражного производства, в том числе и при рассмотрении заявленных требований в упрощенном порядке. Учитывая, что упрощенное производство осуществляется в усеченной процессуальной форме, необходимо выделить некоторые особенности его проявления на стадиях возбуждения, подготовки дела, судебного разбирательства и обжалования судебного постановления.

На стадии возбуждения арбитражного судопроизводства особое внимание необходимо обратить на надлежащее извещение сторон спора, т.к. надлежащее извещение выступает не только составляющей принципа процессуального равенства, но и одним из первоначальных условий, определяющих дальнейшую возможность рассмотрения и разрешения заявленного требования в упрощенном порядке. Согласно ч. 2 ст. 123 АПК РФ надлежащим извещением будет считаться такое извещение, когда субъект получил судебное извещение лично. Кроме того, ч. 4 ст. 123 АПК РФ устанавливает и иные способы надлежащего извещения, к которым, например, относится подтверждение доставки извещения посредством портала Госуслуги.

Институт судебных извещений, которым посвящена гл. 12 АПК РФ, в арбитражном судопроизводстве выступает условием и гарантией реализации принципов состязательности и процессуального равенства сторон. Надлежащее извещение предполагает равные возможности для сторон участия в судебном заседании, осуществления права быть выслушанным, доказывания обстоятельств, положенных в основу требований или возражений, а также для дачи объяснений [6, с. 138].

По мнению Г.А. Кушнира, извещение сторон о назначенном судебном заседании в контексте реализации основополагающих принципов гражданского процесса таких, как состязательность, равноправие и диспозитивность имеет важное значение. И в случае, если стороны не извещены или извещены ненадлежащим образом, то они лишаются возможности реализовать свои общие и специальные права, отстоять свою позицию по делу и в целом нарушается конституционное право на судебную защиту [7, с. 73]. В связи с чем неизвещение или ненадлежащее извещение лиц, участвующих в деле, являются безусловным основанием для отмены судебного постановления в суде апелляционной инстанции (ч. 4 ст. 270 АПК РФ).

В упрощенном производстве существует проблема надлежащего извещения сторон, т.к. в гл. 29 АПК РФ отсутствует норма, закрепляющая порядок извещения сторон о судебном разбирательстве. В ч. 2 ст. 228 АПК РФ установлено правило, согласно которому суд направляет сторонам определение, указав на рассмотрение дела в упрощенном порядке и на сроки предоставления доказательств. По мнению Д.Д. Куреновой: «Решение этой проблемы в рамках упрощенного производства возможно путем введения нормы права, которая закрепляла бы, что в определении о порядке рассмотрения дела помимо сроков представления доказательств сторонами суд должен указывать дату рассмотрения иска» [8, с. 57–62]. Данное предложение представляется не вполне целесообразным, т.к. дата рассмотрения заявленных требований и возражений должна устанавли-

ваться в каждом конкретном деле судьей с учетом обстоятельств и объема представленных доказательств после их поступления в суд.

В этой связи законодательную конструкцию, устанавливающую обязанность судьи направить сторонам определение о возбуждении судопроизводства и разместить его в сети Интернет, необходимо оценивать положительно. И только в случае, если сторона(-ы) не предоставили суду в определенный им первичный срок документы и доказательства, судья должен устанавливать действительное извещение сторон.

Относительно стадии подготовки отметим, что законодатель четко не установил ее границы в упрощенном производстве. При этом условно можно определить, что стадия подготовки дела будет ограничиваться двумя сроками (15 и 30 дней), установленными для представления требований, возражений и доказательств. Следовательно, говорить о процессуальном равноправии возможно только применительно к праву предоставления доказательств, т.е. доказательственной деятельности сторон на стадии подготовки дела к рассмотрению в упрощенном производстве. Именно в процессе предоставления доказательств они находятся в равном положении, т.е. имеют процессуальные права в одинаковом объеме. Так, ч. 3 ст. 228 АПК РФ устанавливает, что истец вправе предоставить суду и направить ответчику доказательства в обоснование своих требований, а ответчик предоставляет суду и направляет истцу доказательства, подтверждающие его возражения.

В стадии судебного разбирательства в упрощенном производстве также необходимо выделить особенности реализации принципа процессуального равенства. Несмотря на то, что в упрощенном производстве судебное заседание не проводится, разбирательство дела осуществляется судьей единолично. Иными словами: «...в упрощенном производстве проводится судебное разбирательство без судебных заседаний. Судебное разбирательство как стадия процесса должно иметь место в силу необходимости изучения и исследования, а также оценки судом двух позиций сторон» [9, с. 181–184].

Интересной, именно с позиции упрощенного производства, представляется точка зрения М.А. Фокиной о том, что «...предоставление сторонам равных возможностей для отстаивания своей позиции есть не что иное, как право быть выслушанным, принципиальное существование которого поддерживается большинством известных ученых и практиков» [10, с. 72–83]. Иными словами, автор принцип процессуального равенства раскрывает через право быть выслушанным, т.е. право давать свои объяснения суду устно. Несколько иной позиции придерживается Е.А. Губин, отмечая, что действие процессуального равноправия выражается не только на доказательственную деятельность, но и на весь процесс, включающий, в том числе и обсуждение иных вопросов, которые возникают в ходе рассмотрения и разрешения дела [11, с. 11–18]. Действительно, право быть выслушанным выступает одной из составляющих принципа процессуального равноправия, при этом в упрощенном производстве оно реализуется в письменном виде, а возможность участвовать в обсуждении вопросов, возникающих в ходе рассмотрения дела, исключена вовсе. Но, предусмотренная законодателем возможность перехода от упрощенного порядка рассмотрения дела к обычному исковому при наличии определенных оснований (ч. 5 ст. 227 АПК РФ), выступает гарантией соблюдения принципа процессуального равенства в полном объеме.

В качестве положительного момента упрощенного производства необходимо отметить, что при единоличном рассмотрении заявленных требований и возражений, а также обосновывающих их доказательств без вызова сторон исключается влияние на судью субъективных факторов, связанных с личностью истца или ответчика, что в целом способствует принятию законного и обоснованного судебного решения.

Далее рассмотрим особенности проявления принципа процессуального равенства при обжаловании решения, принятого в упрощенном порядке. Право на обжалование судебного решения выступает гарантией реализации права на судебную защиту, предусмотренного ст. 46 Конституции РФ. Такое право в равном объеме предоставлено всем лицам, участвующим в деле, не зависимо от занимаемого процессуального положения в деле. При этом в упрощенном производстве его реализация имеет некоторые особенности.

В качестве особенности упрощенного производства выступает также возможность немедленного исполнения судебного решения (ч. 3 ст. 229 АПК РФ). Возможность немедленного исполнения судебного решения в некоторой степени является нарушением принципа процессуального равенства сторон в рамках упрощенного производства. «Немедленное исполнение решения суда до реализации сторонами права на его обжалование и вступления в законную силу предоставляет выигравшей спор стороне преимущество и противоречит принципу равноправия сторон, тем более что характер споров, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, не требует такой однозначной оперативности» [12, с. 20–24]. Иными словами, возможность немедленного исполнения решения, принятого в упрощенном порядке, может ограничить ответчика в реализации права на апелляционное обжалование.

По общему правилу судебное постановление может быть исполнено по истечении срока, предусмотренного для обжалования, если не были поданы апелляционные жалоба или представление (ч. 1 ст. 259 АПК РФ), и такой срок составляет один месяц. Срок для апелляционного обжалования решения, принятого в упрощенном порядке составляет всего пятнадцать дней (ч. 4 ст. 229 АПК РФ). Установление сокращенного срока также выступает определенным ограничением принципа процессуального равенства в упрощенном производстве.

Кроме того, на стадии обжалования решения суда, принятого в упрощенном порядке, действие принципа процессуального равенства ограничивается, ввиду того, что апелляционная жалоба рассматривается судьей единолично без проведения судебного заседания и без извещения сторон (ч. 1 ст. 272.1 АПК РФ), т.е. лица, участвующие в деле, лишены возможности повлиять на результаты апелляционного пересмотра непосредственно.

Указанные ограничения принципа процессуального равенства обусловлены спецификой упрощенного производства, представляющего усеченную процессуальную форму рассмотрения исковых требований, и их существование целесообразно и обусловлено сущностью упрощенного производства.

Таким образом, действие принципа процессуального равенства в рамках упрощенного производства имеет свои особенности. В упрощенном производстве принцип процессуального равенства действует на стадии подготовки дела к судебному разбирательству только в отношении реализации права на предоставление доказательств. В самом судебном разбирательстве принцип процессуального равенства обеспечивается судьей путем исследования и оценки

представленных обеими сторонами доказательств, и это не свидетельствует о его нарушении или несоблюдении, т.к. обусловлено отсутствием судебного заседания и, как следствие, непосредственного состязания сторон по отстаиванию своей позиции. Особенности действия принципа процессуального равенства в стадии обжалования судебного постановления обусловлены теми же причинами, что и на стадии судебного разбирательства.

Учитывая, что одним из условий обеспечения принципа процессуального равенства при рассмотрении требований и возражений в упрощенном порядке в рамках арбитражного судопроизводства выступает надлежащее извещение сторон, то судья перед началом рассмотрения требований и возражений, а также представленных доказательств, должен установить действительность извещения сторон. В этой связи целесообразно дополнить содержание ч. 5 ст. 228 АПК РФ указанием на то, что в случае, «...если в установленный судом срок доказательства и документы от сторон(-ы) не поступили, судья обязан удостовериться в их надлежащем извещении». Данное нормативное предписание выступит гарантией действительного обеспечения последующей реализации принципа процессуального равенства в рамках упрощенного производства.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного законодательства / М.А. Рожкова, М.Е. Глазкова, М.А. Савина; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Изд-во ИЗИСП; ИНФРА-М, 2015. 299 с.
2. *Воронов А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Городец, 2009. С. 397.
3. *Губин Е.А.* Принцип состязательности и равноправия сторон в подготовительной части судебного заседания // Судья. 2017. № 11. С. 11–18.
4. *Ефимова Ю.В.* Сущность упрощенного производства в гражданском процессе // Правовое развитие России XXI века: актуальные задачи юридической науки и практики: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию юбилею Института права Челябинского государственного университета. (Челябинск, 24–26 мая 2016 г.). Челябинск: Полиграф-мастер, 2016. С. 181–184.
5. *Ильин А.В.* Нарушение принципов равноправия и состязательности как основание для отмены судебных актов арбитражных судов в кассационном порядке // Закон. 2021. № 7. С. 70–80.
6. *Куренова Д.Д.* Актуальные проблемы упрощенного производства в гражданском процессе // Юстиция. 2018. № 4. С. 57–62.
7. *Кушнир Г.А.* Ошибки суда первой инстанции, связанные с нарушением или неправильным применением норм процессуального права // Законодательство. 2008. № 3. С. 71–83.
8. *Макеева Е.Б.* Плюсы и минусы упрощенного производства в арбитражном процессе: взгляд практика // Российский судья. 2020. № 12. С. 20–24.
9. *Мукаеева С.А.* Принцип состязательности в юридической практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 21 с.
10. *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 127–128.
11. *Фокина М.А.* Развитие Конституционным судом РФ принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессе, административном судопроизводстве (к 25-летию Конституции РФ) // Современное право. 2019. № 4. С. 72–83.
12. *Шерстюк В.М.* Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сборник статей. М.: Статут, 2015. 272 с.

References

1. Actual Problems of Unification of Civil Procedural and Arbitration Legislation / M.A. Rozhkova, M.E. Glazkova, M.A. Savina; ed. by M.A. Rozhkova. M.: Izvestia IZiSP; INFRA-M, 2015. 299 p.
2. *Voronov A.F.* Principles of Civil Procedure: Past, Present, Future. M.: Gorodets, 2009. P. 397.
3. *Gubin E.A.* Adversarial Principle and Equality of Parties in the Preparatory Stage of the Court Session // Judge. 2017. No. 11. P. 11–18.
4. *Efimova Yu.V.* Essence of Summary Proceedings in the Civil Process // Legal Development of Russia XXI Century: Pressing Tasks of Legal Science and Practice. Collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference devoted to 25-year anniversary of Institute of law of the Chelyabinsk state university (Chelyabinsk, May 24–26, 2016). Chelyabinsk: Polygraph-master, 2016. P. 181–184.
5. *Ilyin A.V.* Violation of the Adversarial Principles and Principles of Equality as a Basis for Cancellation of Judicial Acts of Arbitration Courts in Cassation // Law. 2021. No. 7. P. 70–80.
6. *Kurenova D.D.* Actual Problems of Simplified Proceedings in the civil Process // Justice. 2018. No. 4. P. 57–62.
7. *Kushnir G.A.* Errors of the Court of the First Instance Connected with Violation or Incorrect Application of Norms of Procedural Law // Legislation. 2008. No. 3. P. 71–83.
8. *Makeeva E.B.* Pluses and Minuses of Simplified Proceedings in Arbitration Process: the View of the Practice // Russian judge. 2020. No. 12. P. 20–24.
9. *Mukaseeva S.A.* The Adversarial Principle in Legal Practice: extended abstract of diss. ... cand. of law. Nizhniy Novgorod, 2006. 21 p.
10. *Sakhnova T.V.* Course of Civil Procedure: Theoretical Beginnings and Basic Institutes. M.: Wolters Kluver, 2008. P. 127–128.
11. *Fokina M.A.* Development by the Constitutional Court of the Russian Federation of the Adversarial Principle in Civil and Arbitration Process, Administrative Legal Proceedings (to the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation) // Modern Law. 2019. No. 4. P. 72–83.
12. *Sherstyuk V.M.* Modern Problems of Civil and Arbitration Legal Proceedings: Collection of articles. M.: Statut, 2015. 272 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-188-197

УДК 347.9

М.С. Береговский

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ УПРОЩЕННЫХ (УСКОРЕННЫХ) ПРОЦЕДУР РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

Введение: основная доля проводимых мероприятий в рамках реформы российской судебной системы и судебного разбирательства основана на принципе процессуальной экономии. При этом в отечественной юридической науке отсутствует единое понимание указанного принципа, его легальное закрепление и толкование, отмечается трансформация его сущности под влиянием различных факторов. За принципом процессуальной экономии сохраняется основополагающее значение при определении перспективных направлений совершенствования упрощенных (ускоренных) процедур рассмотрения гражданских дел. **Цель:** характеристика принципа процессуальной экономии в системе институтов цивилистических процессуальных отраслей права, его адаптации к современным потребностям и запросам российского государства и общества. **Методологическая основа:** общенаучные, формально-юридический, сравнительно-правовой, логические методы. **Результаты:** в ходе исследования дана оценка отдельным научным концепциям, характеризующим сущность и значение принципа процессуальной экономии, определены пути его возможной трансформации в условиях цифровизации общественных отношений. **Выводы:** принцип процессуальной экономии следует рассматривать в широком и узком смыслах. В первом случае понимание указанного принципа охватывает практически все отступления от общего порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел. Узкий смысл понимания изучаемого принципа отражает современный подход российского законодателя к раскрытию через систему упрощенных (ускоренных) процедур рассмотрения гражданских дел. Внесено предложение о законодательном закреплении принципа процессуальной экономии в действующих цивилистических процессуальных отраслях права.

Ключевые слова: процессуальная экономия, упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения гражданских дел, цивилистические процессуальные отрасли права, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, цифровизация.

© Береговский Михаил Сергеевич, 2023

Аспирант кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: beregovskiyms1@mai.ru

© Beregovsky Mikhail Sergeevich, 2023

Postgraduate student of the Arbitration Process Department (Saratov State Law Academy)

M.S. Beregovsky

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF PROCEDURAL ECONOMY IN VARIOUS TYPES OF SIMPLIFIED (ACCELERATED) PROCEDURES FOR CONSIDERATION OF CIVIL CASES

Background: most of the ongoing activities in the framework of reform of the Russian judicial system and judicial proceedings is based on the principle of procedural economy. At the same time in the domestic legal science there is no unified understanding of this principle, its legal enshrining and interpretation, there is a transformation of its essence under the influence of various factors. The principle of procedural economy remains of fundamental importance in determining the promising directions of improving the simplified (expedited) procedures for consideration of civil cases. **Objective:** to characterize the principle of procedural economy in the system of institutions of civil procedural branches of law, its adaptation to the modern needs and demands of the Russian state and society. **Methodology:** general scientific, formal legal, comparative legal, logical methods. **Results:** in the course of the study, an assessment of individual scientific concepts characterizing the essence and significance of the principle of procedural economy is given, ways of its possible transformation in the conditions of digitalization of public relations are determined. **Conclusions:** the principle of procedural economy should be considered in a broad and narrow sense. In the first case, the understanding of this principle covers almost all deviations from the general order of consideration and resolution of civil cases. The narrow sense of the understanding of the principle under study reflects the modern approach of the Russian legislator to disclosure through a system of simplified (accelerated) procedures for consideration of civil cases. A proposal was made to legislate the principle of procedural economy in the current civil procedural branches of law.

Key-words: procedural economy, simplified (accelerated) procedures for the consideration of civil cases, civil procedural branches of law, civil proceedings, arbitration proceedings, digitalization.

Принцип процессуальной экономии как предмет научных исследований интересов представителей всех эпох становления отечественной юридической науки: дореволюционного, советского и современного периодов. В частности, его сущность и значение изучали В.А. Рязановский [1], Е.В. Васьковский [2], М.А. Гурвич [3], В.В. Тихонович [4] и др. На современном этапе развития правовой науки следует выделить труды таких ученых, как С.Ф. Афанасьева [5], А.И. Артизанова [6], Е.В. Крыловой [7], А.В. Лошкарева [8], Г.Л. Осокиной [9], В.В. Яркова [10] и др.

На уровне правотворческой деятельности законодатель обратил внимание на указанный принцип в середине XX века, охарактеризовав его как одну из приоритетных задач в решении проблем «медлительности рассмотрения гражданских дел» [11, с. 58]. Первоначальное назначение рассматриваемого принципа не утратило актуальность и в настоящее время. Задача оптимизации, быстроты и своевременности урегулирования правовых конфликтов составляют основу для дальнейшего реформирования процессуальных отраслей отечественного законодательства.

Современная трансформация российской судебной системы и форм судебного разбирательства ориентированы на ускорение процесса рассмотрения и разрешения гражданских дел в целях восстановления социальной справедливости, нарушенных прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Достижению поставленной цели способствует внедрение цифровизации в российское правосудие, перехода его на уровень «электронного» [5, с. 41], а также дальнейшее продвижение рассматриваемого принципа в качестве базового для процессуальных отраслей права как частного, так и публичного характера. Следует отметить, что рассматриваемый принцип не ограничивается только исследованиями и действием норм процессуальных цивилистических отраслей права и наук. Процессуальная экономия на современном этапе является предметом научных трудов уголовно-процессуальной науки [12; 13]. В то же время лучшие методики, технологии, формы и способы реализации указанного принципа, как подчеркивает С.Ф. Афанасьев, созданы в теории арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации и реализованы на практике арбитражными судами [5, с. 42]. Представители уголовно-процессуальной науки признают, что формирование и становление принципа процессуальной экономии в отечественном праве связано именно с гражданским судопроизводством [13, с. 76].

Актуальность выбранной темы определяется множеством факторов. Во-первых, российское государство продолжает реализовать национальную политику, направленную на быстрое и качественное рассмотрение гражданских дел, снижение нагрузки на судей, в том числе за счет сокращения процессуальных сроков, отказа от совершения определенных процессуальных действий. Во-вторых, в современных научных концепциях отсутствует единый подход к пониманию процессуальной экономии. Так, отдельные авторы характеризуют его как самостоятельный межотраслевой принцип (например, А.И. Артизанов [6], Г.Л. Осокина [9]); другие предлагают рассматривать его как форму проявления принципа разрешения гражданского дела в разумные сроки (например, В.В. Ярков [10], А.В. Белякова [14]); третьи — как реализацию задачи гражданского судопроизводства по своевременному урегулированию правового конфликта (например, Е.В. Крылова [7]).

В качестве фактора, подчеркивающего актуальность настоящей темы исследования, следует назвать отсутствие законодательно закрепленного правового режима принципа процессуальной экономии, в том числе базового начала гражданского и арбитражного судопроизводства. Например, в рамках научно-публицистического исследования Е. Яковлева связывает легальное закрепление принципа процессуальной экономии с принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ¹, утвердившего требование государства осуществлять правосудие в разумные сроки². Но в то же время ни одна процессуальная отрасль частного характера не включила на официальном уровне указанный принцип в систему отраслевых начал.

¹ См.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» (в ред. от 8 марта 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2145.

² См.: Яковлева Е. Реализация принципа процессуальной экономии. Гражданский и арбитражный процесс. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/15/realizaciya_principa_processualnoj_ekonomii (дата обращения: 12.07.2022).

Вместе с тем поддерживая принцип процессуальной экономии, Пленум Верховного Суда РФ в 2021 г. указал на необходимость соблюдения судами следующего соотношения: качество рассматриваемых гражданских дел не должно быть принижено в результате реализации упрощенных (ускоренных) процедур¹. Указанное положение высшей судебной инстанции корреспондирует пониманию цели процессуальной экономии, определенной Конституционным Судом Российской Федерации еще в 2011 г. В своем постановлении федеральный орган конституционного контроля указал, что сокращение временных и трудовых ресурсов, затраченных на разрешение правовых конфликтов, возможно только при сохранении уровня процессуальных гарантий и вынесения судом качественного стабильного решения².

Признание процессуальной экономии самостоятельным принципом гражданских отраслей российского права является дискуссионным вопросом, особенно при соотношении с принципом соблюдения разумных сроков при рассмотрении дела и исполнении судебных решений. В действующем арбитражном и гражданском процессуальном законодательстве закреплено положение о том, что «судопроизводство в судах и исполнение судебного постановления осуществляются в разумные сроки» (п. 3 ст. 2 АПК РФ³, п. 1 ст. 6.1. ГПК РФ⁴).

Следует различать принципы процессуальной экономии и рассмотрение гражданского дела в разумные сроки. С одной стороны, они взаимосвязаны и направлены на достижение единой глобальной цели, а именно — быстрого рассмотрения и разрешения гражданских дел при соблюдении всех процессуальных гарантий. С другой стороны, при применении упрощенных процедур необходимо соблюдать требование об урегулировании гражданско-правового конфликта в разумные сроки. Так, Е. Яковлева⁵, Е.В. Лошкарёв, М.А. Спиридонова, анализируя сущность процессуальной экономии перечисляют различные способы ее проявления, например, разъединение и объединение гражданских дел, встречное предъявление иска, свобода доказывания и т.д. [8, с. 60]. Действующее российское законодательство не запрещает их использование при реализации упрощенных (ускоренных) процедур. На необходимость разграничения указанных принципов обращает внимание в своих научных исследованиях А.И. Артизанов, рассматривая проблемность вопроса «о соответствии действующих правил перехода из упрощенного производства в общий порядок требованиям принципа процессуальной экономии и рассмотрения дела в разумный срок» [15, с. 28]. Как видим, автор не отождествляет указанные принципы, не соотносит их как общее

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. 2022. № 7.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какужева» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30, ст. 4699.

³ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 11 июня 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

⁴ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

⁵ См.: Яковлева Е. Реализация принципа процессуальной экономии. Гражданский и арбитражный процесс. URL: https://zakon.ru/blog/2018/7/15/realizaciya_principa_processualnoj_ekonomii (дата обращения: 12.07.2022).

и частное, а делает акцент на их самостоятельном характере, правовом значении в регулировании общих и ускоренных процедур разрешения гражданских дел.

Требование государства о рассмотрении дела в разумные сроки не прекращает своего действия только в связи с переходом суда к разрешению возникшего спора в рамках упрощенного, заочного или приказного производств. Необоснованное и незаконное затягивание рассмотрения дела, злоупотребление правами сторонами гражданского и арбитражного судопроизводства возможно и в рамках ускоренных процедур. Таким образом, принцип процессуальной экономии не является способом или формой реализации принципа разрешения гражданских дел в разумные сроки.

Так, в современной научной литературе можно встретить мнение ведущих и молодых ученых о том, что принцип процессуальной экономии косвенно закреплен в положениях ст. 2 ГПК РФ, а именно в одной из основных задач гражданского судопроизводства — «правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судом гражданских дел» [16, с. 311]. Сторонники данной теории необоснованно отождествляют понятия: «быстрое», «своевременное» и «ускоренное». На первоначальном этапе становления гражданского и арбитражного судопроизводства принцип процессуальной экономии связывали именно с рассмотрением дела в строго установленные процессуальные сроки. Но своевременность — это еще не быстрота в урегулировании юридического конфликта. Сокращение процессуальных сроков, возможно, прежде всего, за счет упрощения процессуальных процедур и оптимальной минимизации сроков разрешения гражданско-правового конфликта. Следовательно, в настоящее время принцип процессуальной экономии рассматривается как система упрощенных (ускоренных) процедур рассмотрения гражданских дел.

Основная сущность анализируемого начала заключается в ускорении урегулирования гражданско-правовых конфликтов путем имплементации упрощенных процедур разрешения юридических дел и обязательном их применении российскими судами за счет сокращения процессуальных сроков, оптимизации, минимизации проведения отдельных процессуальных действий, характерных для разрешения правового спора в общем порядке. Как указывает Конституционный Суд РФ в своем определении от 17 июля 2012 г. № 1389-О¹: процессуальная экономия достигается за счет процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты при строгом соблюдении норм материального и процессуального законодательства РФ при вынесении решения по делу, недопущении какого-либо снижения качества вынесенного решения в условиях реализации ускоренных процедур. Независимо от формы реализации принципа процессуальной экономии, суд должен обеспечить вынесение законного, справедливого и стабильного решения.

Сокращение процессуальных сроков при рассмотрении и разрешении гражданских дел рассматривался представителями дореволюционного и советского периода развития отечественной правовой науки как базовый показатель (критерий) реализации процессуальной экономии. Например, В.А. Рязановский

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2012 г. № 1389-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кафтаревой Оксаны Викторовны, Романченко Нелли Николаевны и Юрковой Екатерины Николаевны на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 4 статьи 201.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)». URL: <https://base.garant.ru/70230708/> (дата обращения: 21.07.2022).

[1, с. 48] и Е.В. Васьковский [2, с. 95] характеризуют указанный принцип как «универсальный», позволяющий суду быстро достичь стабильного правового решения за счет минимизации материальных, временных и человеческих затрат на урегулирование гражданско-правового спора. Процессуальная экономия способствует сокращению процессуальных сроков в получении юридической защиты. По мнению М.А. Гурвич, реализация указанного принципа также способствует «борьбе с бумажной волокитой в суде» [3, с. 22].

Таким образом, на современном этапе развития юридической науки сложились два подхода в понимании принципа процессуальной экономии: в широком и узком смысле. В первом случае процессуальная экономия охватывает все способы, формы и правовые возможности оптимизации рассмотрения и разрешения гражданских дел. Такой подход нашел свое отражение в толковании указанного принципа, предложенном В.В. Тихонович. По его мнению, рассматриваемый термин следует характеризовать как «...начало, которым обеспечивается движение процесса в направлении наиболее полного и рационального использования процессуальных средств в целях правильного и быстрого разрешения гражданских дел с минимальными затратами сил, средств и времени суда и участвующих в деле лиц» [4, с. 10].

В узком смысле реализацию процессуальной экономии на современном этапе связывают с развитием упрощенных (ускоренных) процедур гражданского и арбитражного судопроизводства. Второй подход отвечает задачам и целям судебной реформы, ориентированной на продвижение эффективного, быстрого, но в то же время качественного урегулирования спора гражданско-правовой направленности.

Научно-прикладные проблемы в определении сущности и значения процессуальной экономии также связаны с отсутствием прямого закрепления рассматриваемого принципа в нормах действующего законодательства Российской Федерации. Ряд ученых-процессуалистов еще в советский период выдвинули идею о возможности признания правового положения принципом права только при условии его законодательного закрепления. Например, Н.А. Чечина настаивала на том, что «...принципы права — это конкретизация руководящих и основных начал. Они отличаются от философских и научных тем, что требуют обязательного закрепления нормами права, нуждаются в специальной защите, обеспечиваются силой государственного принуждения» [17, с. 78]. Хотя имеются и противники такого утверждения, опровергающие обязательность закрепления правового принципа в нормах процессуального законодательства. При этом идея процессуальной экономии, не подтвержденная конкретной правовой нормой, оценена Д.А. Фурсовым и И.В. Харламовой как отраслевое понятие и «псевдопринцип» [18, с. 154]. Отдельные ученые в силу отсутствия нормативного закрепления принципа процессуальной экономии позволяют оценивать его как «неполноценный», «вторичный» [13, с. 77]. Такие высказывания подрывают значимость рассматриваемого принципа в формировании правового государства в современной России.

Инициативу узаконивания принципа процессуальной экономии поддерживают не только ведущие ученые-представители цивилистических процессуальных отраслей права, но и публичного характера, например, науки уголовного процесса. Так, М.П. Поляков и А.Ю. Смолин в своем совместном исследовании

обосновывают утверждение, что процессуальная экономия уже давно преодолела границы правового режимам «кандидата в принципы» [12, с. 260].

Система принципов гражданского и арбитражного процессуальных отраслей права не является статичной, она динамична и должна отвечать современным потребностям, запросам государства и общества. Процессуальная экономия доказала свою действенность и значимость в восстановлении нарушенных прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Следовательно, рассматриваемый принцип должен быть включен в систему базовых начал путем прямой имплементации его в нормы гражданского и арбитражного процессуальных отраслей российского законодательства. По своему характеру указанный принцип имеет целеполагающий характер. Он не только отражает реальный уровень правового регулирования процесса рассмотрения и разрешения гражданских дел, но и стимулирует российского законодателя к поиску новых или совершенствованию имеющихся форм и способов быстрого, но качественного урегулирования гражданско-правового спора. Нормативное регулирование принципа процессуальной экономии необходимо осуществить одновременно во всех отраслях российского права как частного, так и публичного характера.

В рамках определения перспективных направлений развития принципа процессуальной экономии следует отметить, что его сущность также динамична и в настоящее время на его содержание непосредственное влияние оказывает цифровизация общественных отношений, в том числе и российского правосудия. В течение ближайших лет принцип процессуальной экономии будет выражен в совершенствовании общих, упрощенных процедур рассмотрения и разрешения гражданских дел в условиях электронного правосудия, например, «...роботизации приказного производства, перехода к монолитному электронному документообороту» [5, с. 44]. Активное внедрение последних инициатив способствует еще большему ускорению процесса урегулирования правовых конфликтов¹.

Новый уровень понимания процессуальной экономии отразит в указанном принципе методологические и технологические начала. Новейший подход к толкованию рассматриваемого принципа является предпосылкой к научно-прикладному анализу нового качества данного правового явления, а именно его дуалистического характера. В ближайшие два десятилетия основу гражданского и арбитражного судопроизводства составит электронное правосудие. Ускорение процедуры рассмотрения и разрешения гражданских дел будет осуществляться как минимум по двум направлениям: первое связано с расширением сфер применения упрощенных процедур; второе направлено на активное использование информационных технологий при отправлении правосудия по гражданским делам. Результатом совместного развития представленных направлений станет ускорение не только общего порядка разрешения юридических споров, но и упрощенных процедур (упрощенного, приказного, заочного разбирательства).

В результате такой технологической трансформации понимания принципа процессуальной экономии изменится и толкование рассматриваемого правового явления в широком и узком смыслах. В первом случае оно расширится за счет включения в него новых институтов гражданского и арбитражного процесса, а именно, упрощенных процедур. Во втором (узком смысле) принцип процессу-

¹ См.: Беспалов М. Арбитражные суды становятся технологичнее. URL: https://pravo.ru/news/218621/?desc_search= (дата обращения: 28.07.2022).

альной экономии отразит влияние информационных технологий на ускорение процесса урегулирования гражданско-правового конфликта.

Таким образом, принцип процессуальной экономии выражается не столько в своевременности и разумных сроках рассмотрения и разрешения гражданских дел, сколько в упрощении и ускорении процессуальных процедур за счет минимизации процессуальных сроков и действий в отношении отдельных категорий дел, а также информационно-коммуникационных технологических возможностей убыстрения процесса. Именно в таком аспекте используют принцип процессуальной экономии арбитражные суды и суды общей юрисдикции при вынесении решения по гражданскому делу.

Важно отметить, что современное понимание рассматриваемого принципа никак не связано с экономией бюджетных средств, хотя в юридической науке имеются фрагментарные исследования по вопросу сокращения государственных расходов как следствие внедрения упрощенных процедур в процесс урегулирования юридического спора. Экономия выражается в сокращении, прежде всего, временных затрат на разрешение правового конфликта и оптимизации деятельности судьи путем уменьшения стадий судебного разбирательства и действия, производимых им в их рамках. В результате гражданский и арбитражный процесс становятся оперативными в реагировании на нарушение прав и законных интересов участников гражданских правоотношений и их восстановлении.

При всем многообразии подходов к пониманию принципа процессуальной экономии можно назвать как минимум четыре его базовых признака, не оспариваемых ведущими представителями отечественной юридической науки:

1. Сокращение процессуальных сроков урегулирования гражданско-правового конфликта.
2. Снижение судейской нагрузки за счет минимизации осуществления обязательных процессуальных действий.
3. Запрет на снижение качества принимаемых решений в рамках упрощения процедуры разрешения гражданского дела. Судебный акт должен быть законным, обоснованным, справедливым и стабильным, то есть должна осуществляться невозможность его отмены по причине «нехватки времени для его качественного рассмотрения и разрешения судьей».
4. Продвижение идей электронного правосудия как информационно-коммуникационной технологии, ускоряющей и облегчающей процесс урегулирования гражданско-правового конфликта.

Наиболее полно принцип процессуальной экономии раскрывается в такой ускоренной процедуре как упрощенное производство. Именно в рамках данного подвида искового производства реализуются все вышеперечисленные признаки рассматриваемого принципа. Нормы действующего российского законодательства позволяют, при рассмотрении и разрешении гражданского дела, с применением указанной ускоренной процедуры, активно задействовать достижения электронного правосудия, не осуществлять ряд базовых процессуальных действий (например, не проводить предварительное заседание, судебное заседание), принимать решение по делу в усеченной форме. За счет такой оптимизации работы судьи сокращаются сроки урегулирования гражданско-правового конфликта, а, следовательно, быстрее достигается цель восстановления нарушенных прав и законных интересов участников конкретных гражданских правоотношений.

Генеральная линия принципа процессуальной экономии выражается в закреплении на законодательном уровне как уже имеющихся возможностей оптимизации судебного процесса, так и в определении перспективных направлений судебной реформы.

Библиографический список

1. *Рязановский В.А.* Единство процесса. М.: Городец, 1996. 75 с.
2. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса / под ред., с предисл.: В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 464 с.
3. *Гурвич М.А.* Принципы советского гражданского процессуального права. М.: Наука, 1974. 27 с.
4. *Тихонович В.В.* Процессуальная экономия в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1975. 27 с.
5. *Афанасьев С.Ф.* Правосудие и судебное решение по WhatsApp: допустимая цивилистическая процессуальная реальность? // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 41–44.
6. *Артизанов А.И.* Процессуальная экономия в системе принципов гражданского процесса // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 96–104.
7. *Крылова Е.В.* Гражданский процессуальный срок в контексте осмысления принципа процессуальной экономии // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 10–1. С. 250–255.
8. *Лошкарев А.В., Спиридонова М.А.* Действие принципа российской экономии в гражданском судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–4 (56). С. 59–62.
9. *Осокина Г.Л.* Курс гражданского судопроизводства в России. Общая часть. Томск, 2002. 616 с.
10. *Ярков В.В.* Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.
11. *Артизанов А.И.* Отдельные аспекты становления и развития идеи процессуальной экономии в источниках права России на различных исторических этапах // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 10. С. 56–60.
12. *Поляков М.П., Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в контексте «третьего уголовно-процессуального технологического уклада» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 257–262.
13. *Агеев А.Н., Пишина С.Г.* Процессуальная экономия: подходы к определению уголовно-процессуального принципа // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 75–77.
14. *Белякова А.В.* Проблемы защиты права на судопроизводства в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 227 с.
15. *Артизанов А.И.* Совершенствование порядка упрощенного производства в гражданском процессе России в целях реализации принципов процессуальной экономии // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 28–30.
16. *Малиновская А.А.* Реализация принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 310–311.
17. *Чечина Н.А.* Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. № 3. 1960. 78–83 с.
18. *Фурсов Д.А.* Теория правосудия: в 3-х т. М.: Статут, 2009. Т. 1. 524 с.

References

1. *Ryazanovsky V.A.* Unity of the process. M.: Gorodets, 1996. 75 p.

2. *Vaskovsky E.V.* Textbook of Civil Procedure / Ed., with a preface: V.A. Tomsinov. М.: Zertsalo, 2003. 464 p.
3. *Gurvich M.A.* Principles of Soviet Civil Procedural Law. М.: Nauka, 1974. 27 p.
4. *Tikhonovich V.V.* Procedural Economy in the Soviet Civil Procedural Law: extended abstract of dis. ... cand. of law. Minsk, 1975. 27 p.
5. *Afanasyev S.F.* Justice and Judicial Decision on WhatsApp: Permissible Civil Procedural Reality? // Arbitration and civil procedure. 2021. No. 2. P. 41–44.
6. *Artizanov A.I.* Procedural Economy in the System of Principles of Civil Procedure // Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2021. Vol. 7. No. 1 (25). P. 96–104.
7. *Krylova E.V.* Civil Procedural Term in the Context of Understanding the Principle of Procedural Economy // Issues of Russian and international law. 2021. Vol. 11. No. 10–1. P. 250–255.
8. *Loshkarev A.V., Spiridonova M.A.* The Effect of the Principle of Russian Economy in Civil Proceedings // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 5–4 (56). P. 59–62.
9. *Osokina G.L.* Course of Civil Proceedings in Russia. The general part. Tomsk, 2002. 616 p.
10. *Yarkov V.V.* Legal Facts in the Civil Process. М.: Infotropik Media, 2012. 608 p.
11. *Artizanov A.I.* Some Aspects of the Formation and Development of the Idea of Procedural Economy in the Sources of Russian Law at Various Historical Stages // Arbitration and civil procedure. 2020. No. 10. P. 56–60.
12. *Polyakov M.P., Smolin A.Yu.* The principle of Procedural Economy in the Context of the “Third Criminal Procedural Technological Order” // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (44). P. 257–262.
13. *Ageev A.N., Pishina S.G.* Procedural Economy: Approaches to the Definition of the Criminal Procedural Principle // Legal technique. 2020. No. 14. P. 75–77.
14. *Belyakova A.V.* Problems of Protecting the Right to Legal Proceedings Within a Reasonable Time in Civil and Arbitration Proceedings in the Russian Federation: dis. ... cand. of law. Moscow, 2018. 227 p.
15. *Artizanov A.I.* Improving the Procedure of Simplified Production in the Civil Process of Russia in Order to Implement the Principles of Procedural Economy // Arbitration and civil process. 2021. No. 2. P. 28–30.
16. *Malinovskaya A.A.* Implementation of the Principle of Procedural Economy in Civil Proceedings // A young scientist. 2019. No. 4 (242). P. 310–311.
17. *Chechina N.A.* Principles of Soviet Civil Procedural Law and Their Normative Consolidation. Leningrad: Leningrad, 1960. 83 p.
18. *Fursov A.D.* Theory of Justice: a Brief Three-Volume Exposition of the Civil Affairs. М.: Izd-vo Statut, 2009. Vol. 1. 524 c.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-198-209

УДК 343.8

С.И. Бякина

О ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОСТОЯЩИМИ НА УЧЕТЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Введение: наркомания как общемировая, комплексная, прогрессирующая проблема актуализирует разработку и внедрение новых подходов к борьбе с ней. Преступления, такие как незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, в структуре общеуголовной преступности, направляют усилия сотрудников правоохранительных органов, ученых-юристов на осмысление, исследование указанной проблемы. **Цель:** рассмотрение отдельных теоретических и прикладных аспектов проведения профилактической и воспитательной работы уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, состоящих на их учете по ст. 228–234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, выработка научно обоснованных предложений и рекомендаций в данной сфере. **Методологическая основа:** формально-юридический, абстрактно-аналитический, сравнительный, толкования норм права, структурно-функциональный методы, системный подход. **Результаты:** обоснована важность качественного преобразования профилактической и воспитательной работы с рассматриваемой категорией осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, необходимым условием которого является совершенствование действующего уголовно-исполнительного законодательства. **Выводы:** в ходе проведенного исследования выявлено, что целесообразно, в рамках работы с лицами, осужденными за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с учреждениями здравоохранения в части выявления лиц, состоящих, либо ранее состоявших, на учете в наркологических диспансерах; расширение правовых средств воздействия на осужденных к штрафу, имеющих обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию в

порядке ст. 72.1 УК РФ; осуществление межведомственного взаимодействия по обследованию условий жизни осужденных по анализируемым статьям, проживающих совместно с несовершеннолетними детьми; правовая регламентация порядка воспитательной работы с осужденными без изоляции от общества.

Ключевые слова: наркомания, осужденные, уголовно-исполнительная инспекция, профилактика преступлений, воспитательная работа.

S.I. Byakina

ON PREVENTIVE AND EDUCATIONAL WORK WITH
CONVICTED PERSONS FOR ILLICIT TRAFFICKING
OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
REGISTERED WITH THE PENAL INSPECTORATE

Background: drug addiction as a global, complex, progressive problem actualizes the development and implementation of new approaches to combat it. The large proportion of crimes for illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in the structure of common crime, directs the efforts of law enforcement officers and legal scholars to comprehension, research of this problem. **Objective:** consideration of certain theoretical and applied aspects of conducting preventive and educational work by criminal-executive inspections in relation to persons on their books under Articles 228-234.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the development of science-based proposals and recommendations in this area. **Methodology:** formal-legal, abstract-analytical, comparative, interpretation of legal norms, structural-functional methods, systematic approach. **Results:** the importance of qualitative transformation of preventive and educational work with the considered category of prisoners, registered in the criminal-executive inspections, the necessary condition of which is the improvement of the current criminal-executive legislation, was substantiated. **Conclusions:** the study reveals that it is advisable, as part of the work with persons convicted of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, interaction between criminal-executive inspections and health care institutions in terms of identifying persons who are or were previously registered in drug dispensaries; expansion of legal means of influence on convicted to a fine, having the obligation to undergo treatment for drug abuse and medical and (or) social rehabilitation under Article 72.1 of the Criminal Code; implementation of inter-agency cooperation in inspecting the living conditions of convicted persons under the analyzed articles living together with underage children; legal regulation of the procedure of educational work with convicted persons without isolation from society.

Key-words: drug addiction, convicts, criminal enforcement inspection, crime prevention, educational work.

Одной из наиболее важных комплексных проблем, представляющих угрозу национальной безопасности, является наркомания. В Российской Федерации, как и в других странах мира, существует ряд направлений борьбы с указанным явлением, которые закрепляются в документах стратегического планирования, обобщается судебная практика в сфере привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ,

изучаются проблемы правоприменения норм действующего законодательства¹. Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. в качестве одной из целей выдвигается формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте².

В свою очередь наличие уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, предусмотренной ст. 228–234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), подтверждает высокий уровень общественной опасности указанных деяний.

По данным МВД России за 2021 г., уровень преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, в общем количестве зарегистрированных преступлений составляет 8,9% или 179,7 преступлений (всего совершено преступлений — 2004,4 тыс.), большинство из которых тяжкие и особо тяжкие.

Вместе с тем достаточно большое количество граждан, осужденных по анализируемым статьям УК РФ, находятся на учете сотрудников уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний России (далее — УИИ). Так, статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 г., показывают, что общее количество осужденных за преступные деяния, предусмотренные ст. 228–243.1 УК РФ составило 75 647 чел., при этом 28 272 чел. (37,3%) осуждены к реальному лишению свободы, а 35 505 (47%) к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, которые исполняют УИИ³. В связи с этим в данной статье анализируются проблемы профилактической и воспитательной работы с осужденными за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, состоящими на учете в данном учреждении.

Распределение осужденных по ст. 228–234.1 УК РФ, состоящих на учете УИИ, по видам наказаний и мер уголовно-правового характера выглядит следующим образом⁴:

¹ См.: Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/14055/> (дата обращения: 09.11.2022).

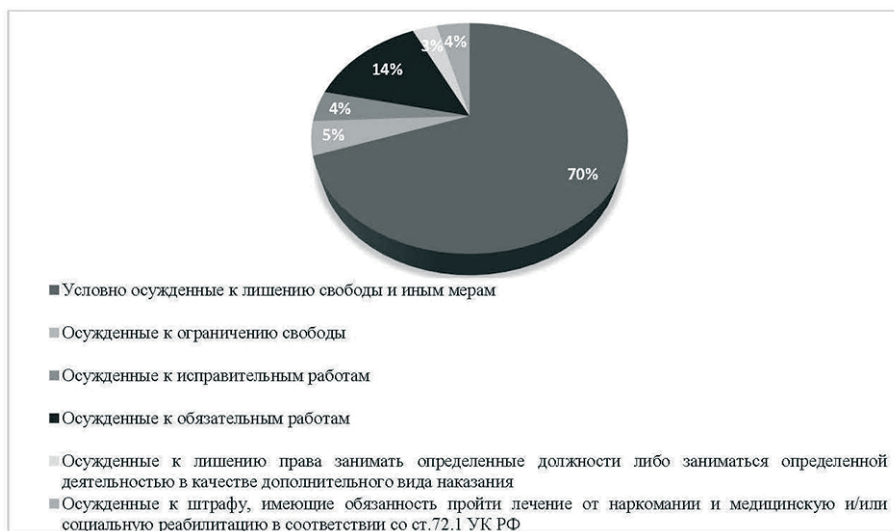
² См.: Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 48, ст. 7710.

³ См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2021 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 12.11.2022).

⁴ См.: Форма ФСИН-1 (квартальная). Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий УИС за четвертый квартал 2021 г. Раздел 15 «Сведения о деятельности уголовно-исполнительных инспекций». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Распределение осужденных (по ст. 228–234.1 УК РФ), состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций по видам уголовных наказаний

Как видно из представленной диаграммы, подавляющее большинство составляют условно осужденные — 70% (12 569 чел. условно осуждены к лишению свободы, 173 чел. к иным мерам). Осужденные к обязательным работам составляют 14% (2620 чел.), осужденные к ограничению свободы — 5% (864 чел.). Практически равнозначны по численности группы осужденных к исправительным работам (4% или 795 чел.) и к штрафу, имеющих обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или социальную реабилитацию) в соответствии со ст. 72.1 УК РФ (4% или 746 чел.). На последнем по численности месте расположились осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания — 3% или 552 чел.

Исходя из представленных данных, можно говорить, что осужденные условно за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, как наиболее многочисленная группа, нуждаются в определенных профилактических и воспитательных мероприятиях.

Прежде чем перейти к проблемным аспектам профилактической и воспитательной работы с рассматриваемыми лицами, состоящими на учете в УИИ, необходимо отразить общую тенденцию, характеризующую состояние их повторной преступности. Небезынтересным в данном контексте представляются статистические сведения ФСИН России, отражающие распределение массы осужденных, состоящих на учете УИИ, по ст. 228–234.1 УК РФ, а также количество возбужденных в отношении них уголовных дел после постановки на учет, которые выглядят следующим образом (табл.)¹.

¹ См.: Форма ФСИН-1 (квартальная). Деятельность уголовно-исполнительных инспекций за 4 квартал 2020 г. Раздел 1 «Сведения о криминогенном составе лиц, состоящих на учете УИИ (филиалов УИИ) и совершивших преступления после постановки на учет». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**Распределение осужденных, состоящих на учете УИИ,
по статьям 228–234.1 УК РФ**

Ст. УК РФ	Всего	В том числе несовершеннолетних	Возбуждены уголовные дела после постановки на учет УИИ (всего)
228	107409	634	2862
228.1	22136	340	320
228.2	532	3	7
228.3	48	0	1
228.4	44	0	0
229	86	1	0
229.1	173	0	0
230	76	2	5
230.1	3	0	0
230.2	4	0	0
231	748	0	11
232	1597	1	43
233	17	0	0
234	604	0	8
234.1	5	0	0

Таким образом, по сведениям за 2020 год, прошли по учетам всего 941961 осужденных, подозреваемых и обвиняемых, из них численность лиц, имеющих судимость по ст. 228–243.1 УК РФ составила 133482 чел. (в том числе 981 несовершеннолетний). Наиболее многочисленными группами осужденных за незаконный оборот наркотиков являются лица, привлеченные к уголовной ответственности по ст. 228, 228.1, 232 УК РФ. Примечательно, что несовершеннолетние (исходя из проанализированной нами статистики), чаще всего проходят по учетам по ст. 228 УК РФ за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств без цели сбыта. Наибольшее количество уголовных дел, в период нахождения лиц на учете УИИ, возбуждается в отношении подозреваемых, обвиняемых, осужденных по ст. 228, 228.1 УК РФ.

На основании проанализированных нами данных, можно отметить, что в целом наиболее криминогенными являются условно осужденные по ст. 228, 228.1 УК РФ.

Личность осужденных-наркоманов и особенности профилактической и иной работы с ними ранее исследовалась учеными с позиций медицинских, социологических, психологических, юридических наук [1; 2; 3; 4; 5]. Вместе с тем комплексного исследования применительно к осужденным без изоляции от общества в сфере наук уголовно-правового цикла, в последние годы не проводилось.

Считаем важным подчеркнуть, что нахождение осужденных, без изоляции от общества за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, фактически в свободных условиях (в отличие от исправительных колоний) повышает риск рецидивной преступности с их стороны. И если в пенитенциарных учреждениях посредством изоляции человека из привычной среды, а также с помощью ре-

жимных требований возможно повлиять на их последующую криминогенную активность, то сотрудники уголовно-исполнительных инспекций не имеют такого арсенала средств воздействия.

Отдельными учеными в качестве типичных криминогенных факторов, создающих предпосылки для совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ, выделяются такие, как: безработица, низкий уровень благосостояния населения, духовное и культурное опустошение общества, ослабление роли семьи в воспитании подрастающего поколения [6, с. 57], дефицит правосознания, условия воспитания [7, с. 777].

На наш взгляд, воздействовать на все виды указанных факторов в условиях проживания подучетных лиц среди правопослушных граждан практически невозможно, потому что применительно к рассматриваемой категории лиц преобладающими, способствующими совершению ими преступлений как до постановки на учет в УИИ, так и во время нахождения на учете, выступают детерминанты личностного плана — микросреда, то привычное окружение, в котором преимущественно находятся такие лица. А проживание в социуме, которое ранее, еще до осуждения, в той или иной степени катализировало употребление осужденными наркотических либо психотропных веществ, остается неизменным. Таким образом, человек фактически не изменяет свой привычный образ жизни, круг общения, что негативно сказывается на профилактике их дальнейшей рецидивной преступности и воспитательной работе с ними.

Профилактика, являясь самостоятельной стадией предупреждения преступлений, предполагает меры по выявлению причин и условий их совершения, а также по воздействию на лиц, с отклоняющимся поведением [8, с. 333–335], имеет большое значение в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Анализ подзаконных актов, регламентирующих деятельность УИИ, позволяет выделить основные профилактические меры, среди которых возможно назвать контроль осужденных по месту жительства, работы, учебы, в том числе, с участием сотрудников органов внутренних дел; информационный обмен с заинтересованными органами (органами внутренних дел, учреждениями здравоохранения); использование предусмотренных законом технических средств контроля и надзора в отношении осужденных к ограничению свободы; проведения первоначальных розыскных мероприятий в отношении лиц, скрывшихся от контроля УИИ. Вместе с тем имеются законодательные пробелы и несовершенства, которые, по нашему мнению, препятствуют эффективной работе с лицами, осужденными за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Рассмотрим наиболее актуальные из них.

Многими авторами меры ответственности, применяемые к осужденным за нарушения порядка и условий отбывания наказания, в том числе их замена более строгим видом, рассматриваются в качестве стимула к добросовестному исполнению наказаний [9, с. 57], а также фактора, влияющего на рост преступности [10, 11]. Действительно, в большинстве случаев они предупреждают, дисциплинируют человека, в то время, как отсутствие таких мер способствует формированию чувства безнаказанности.

В этой связи следует отметить, что *меры воздействия, которые возможно применить к осужденным, например штраф, или обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию в по-*

рядке ст. 72.1 УК РФ весьма ограничены. В случае, если лицо не приступило к лечению, отказалось от него, не выполняет предписания врачей, не посещает или самовольно покидает медицинскую организацию, осуществляющую реабилитацию, употребляет наркотические средства или психотропные вещества, злоупотребляет спиртными напитками, сотрудник инспекции обязан вызвать гражданина либо посетить его по месту жительства (по месту прохождения им лечения от наркомании) и провести профилактическую беседу¹. Полагаем, что таких мер явно недостаточно, и ограничиваться проведением лишь профилактических бесед, ввиду того, что для некоторых категорий граждан они могут быть вовсе неэффективны, не вполне правильно.

По сути, в ст. 72.1 УК РФ речь идет о принудительном лечении (реабилитации), за уклонение от которого осужденные к штрафу фактически остаются безнаказанными. Вместе с тем отдельные авторы рассматривают лечение как средство исправления осужденных [12, с. 85], а, следовательно, возможно предположить, что его реализация должна подкрепляться установленными в законе рычагами воздействия. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2016 г. подчеркивается, что уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации лицом, на которое судом возложены такие обязанности в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Так, должностные лица УИИ не правомочны составлять протокол по данным нарушениям и могут лишь направлять сведения о таких фактах уполномоченному должностному лицу². Проведение такой процедуры ввиду загруженности сотрудников УИИ достаточно осложнено, а межведомственное взаимодействие с заинтересованными органами полиции отлажено далеко не во всех субъектах РФ.

На практике нередки случаи, когда осужденные к штрафу, имеющие обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию в порядке ст. 72.1 УК РФ, не являются для постановки на учет в УИИ, скрываются от контроля инспекции. Нормативно закрепленный порядок контроля за данной категорией лиц предписывает, что при отсутствии сведений о месте нахождения осужденного УИИ информирует о данном факте подразделение розыска территориального органа ФСИН России с целью получения сведений о месте нахождения осужденного или объявления его в розыск. Но не уточнен срок отсутствия осужденного, по истечении которого следует направлять информацию в розыск, а также необходимость проведения первоначальных розыскных мероприятий. Если такая обязанность контролируется наряду с исполнением таких наказаний, как лишение права занимать определенные должности или

¹ См.: Приказ Министерства юстиции РФ и Министерства здравоохранения РФ от 3 февраля 2020 г. № 7/59 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за исполнением осужденными, признанными больными наркоманией, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию» (с изм. от 4 февраля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения:

² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11 (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 12 (окончание).

заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы или ограничение свободы, то первоначальные розыскные мероприятия будут проводиться на основании инструкций, регламентирующих их исполнение. А что касается осужденных к штрафу, который на момент сокрытия осужденного уже может быть погашен, то данный вопрос остается неясным.

Не менее важной проблемой в контексте профилактической и воспитательной работы с осужденными в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является *осуществление информационного обмена с учреждениями здравоохранения*. Отдельными исследователями указывается, что сотрудники УИИ не всегда нацелены на выявление заболеваний, в том числе наркотической зависимости у осужденных посредством активного взаимодействия с учреждениями здравоохранения [13, с. 91], а значительное количество документов, приобщаемых в личное дело, составляется без выяснения индивидуальных особенностей подучетных лиц [13, с. 96]. По сути дела, ни в одном нормативном акте, описывающим алгоритм контроля за различными категориями осужденных, не указывается о наличии направлений запросов в наркологические, психоневрологические диспансеры в качестве профилактической меры.

Как нам представляется, в профилактических целях в обязательном порядке как в ходе первоначальной беседы, так и при последующих, целесообразно уточнять у осужденных, состоят либо состояли ранее на учете в наркологических диспансерах. А в случае подозрения склонности к употреблению лицом наркотических средств, возможно направлять запросы в учреждения здравоохранения с целью подтверждения наркотической зависимости, что необходимо закрепить в ведомственных инструкциях.

Обязанность УИИ контролировать прохождение осужденными лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию, назначенную приговором суда, предполагает систематическое направление запросов в медицинские и иные организации на предмет подтверждения либо опровержения факта прохождения назначенных судом мероприятий (п. 13 Приказа Министерства юстиции РФ и Министерства здравоохранения РФ от 3 февраля 2020 г. № 7/59 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за исполнением осужденными, признанными больными наркоманией, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию»). Срок направления запросов уголовно-исполнительной инспекцией предусмотрен — например, «14 дней», «не реже 1 раза в месяц» и т.д. Однако не уточнено в течение какого времени должна ответить медицинская организация, несмотря на то, что данный приказ является совместным и быстрый ответ медицинской организации на запрос повысил бы эффективность взаимодействия. Данное обстоятельство, на наш взгляд, отрицательно влияет на качество контроля данной обязанности, ведь в практике встречаются случаи, когда ответ на запрос медицинские организации направляют с нарушением всех возможных разумных сроков. В связи с изложенным представляется целесообразным в рассматриваемом нормативном акте предусмотреть срок ответа медицинских учреждений — «не позднее 10 рабочих дней с момента получения запроса».

Воспитательная работа, являясь самостоятельным средством исправления осужденных (ст. 9 УИК РФ), реализуется посредством определенных психолого-педагогических мер, которые продолжают весь период отбывания наказания или меры уголовно-правового характера с момента постановки на учет и до сня-

тия с него, по различным основаниям. Основная цель воспитательной работы с осужденными за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ — формирование устойчивой мотивации к отказу от их употребления, а также к прохождению лечения и (или) медицинской либо социальной реабилитации. К сожалению, имеется немало проблем, учитывая, что в рамках формализованного общения при посещениях по месту жительства, работы или учебы, практически невозможно изменить негативные антиобщественные установки без комплексного взаимодействия заинтересованных служб и организаций. Данная проблема в целом осложняется отсутствием нормативного правового регулирования воспитательной работы с осужденными применительно к уголовно-исполнительным инспекциям, что уже отмечалось нами неоднократно [14].

Еще одним важным аспектом этой актуальной проблемы является и то, что немедицинское потребление наркотических веществ осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, проживающими среди правопослушных граждан, приносит вред не только им самим, но и их ближайшему окружению. Именно поэтому, на наш взгляд, сотрудникам правоохранительных органов достаточно важно оказывать пристальное внимание правонарушителям в сфере незаконного оборота наркотиков, проживающим совместно с несовершеннолетними детьми.

Семья является фактором профилактики наркотизма [15, с. 365], а, следовательно, если такой осужденный употребляет или распространяет запрещенные вещества, то дети, проживающие совместно с ним, в силу их социально-психологических особенностей, могут с легкостью перенять негативный опыт, либо находясь в более младшем возрасте отравиться находящимися дома средствами. Случаи, когда наркотики хранились осужденными дома, в доступных для детей местах, после чего происходили острые отравления несовершеннолетних, нередки для общества¹. Кроме изложенного, лица употребляющие наркотики, в силу очевидных причин, не могут обеспечить полноценное развитие и воспитание своих детей, что и способствует развитию подростковой преступности.

Воспитательная работа среди рассматриваемой нами группы правонарушителей имеет цель формирование устойчивой мотивации к исправлению.

К обозначенной цели можно стремиться за счет реализации основных направлений воспитательной работы — нравственного, правового, трудового, а также духовного просвещения осужденных.

В числе основных форм проведения воспитательной работы с осужденными за незаконный оборот наркотиков, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, могут быть проведение индивидуальных и групповых бесед, индивидуальное правовое консультирование, организация посещения правонарушителями и их несовершеннолетними детьми храмов, музеев, выставок, и иных объектов культуры.

Кроме этого, воспитательная работа с такими осужденными является предметом постоянной заботы руководства системы исполнения наказаний. В практической деятельности сотрудников УИИ осужденным по рассматриваемым составам преступлений уделяется пристальное внимание, о чем свидетельствует опыт работы сотрудников в определенных субъектах Российской Федерации. В частности, филиалами ФКУ УИИ УФСИН России по Саратовской области

¹ См., например: «Папина „радость“: дети наркоманов живут в постоянной опасности» // Известия. 2021. 26 октяб.

регулярно составляются и обновляются списки подозреваемых, обвиняемых и осужденных по составам преступлений, предусмотренных ст. 228–234.1 УК РФ, проживающих совместно с несовершеннолетними детьми (вне зависимости от степени родства), которые впоследствии анализируются и аккумулируются отделом по контролю за исполнением наказаний. Филиалами уделяется особое внимание таким семьям. Так, в рамках данного направления организуется тесное взаимодействие с инспекторами по делам несовершеннолетних (ПДН) и комиссиями по делам несовершеннолетних (КДН). При постановке на учет осужденного по линии незаконного оборота наркотических средств, имеющего несовершеннолетних детей, в обязательном порядке организуется его посещение по месту жительства совместно с ПДН и КДН, по результатам составляется акт обследования жилищно-бытовых условий, фиксируются факторы, угрожающие жизни и здоровью детей. К большому сожалению, данная практика не повсеместна, это, на наш взгляд, возникает из-за отсутствия каких-либо специальных предписаний в инструкциях, регламентирующих деятельность УИИ. А потому большой проблемой остается выявление таких семей и принятие экстренных мер в отношении детей, проживающих в них.

В Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» делается акцент на несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, что в большей степени предопределяет оказание психологической, социальной, иной помощи органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений¹. Но, вместе с тем, если семья не признана социально опасной, несовершеннолетние, проживающие и воспитываемые лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций по ст. УК РФ за незаконный оборот наркотиков, выпадают из поля зрения субъектов профилактики.

С учетом изложенного, представляется возможным предложить авторское видение основных направлений совершенствования профилактической и воспитательной работы с осужденными в сфере незаконного оборота наркотических веществ:

1. Налаживание взаимодействия с учреждениями здравоохранения в части выявления лиц, состоящих либо состоявших ранее на учете в наркологических диспансерах, в целях проведения с ними отдельных воспитательных мероприятий. Уточнение срока ответа медицинской организации на запрос уголовно-исполнительной инспекции в приказе Министерства юстиции РФ и Министерства здравоохранения РФ от 3 февраля 2020 г. № 7/59 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за исполнением осужденными, признанными больными наркоманией, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию» — в течение 10 рабочих дней.

2. Расширение правовых средств воздействия на осужденных к штрафу, имеющих обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию в порядке ст. 72.1 УК РФ.

3. Закрепление в нормативных правовых актах необходимости проведения уголовно-исполнительной инспекцией совместных рейдов с инспекторами ПДН и КДН в целях обследования жилищно-бытовых условий состоящих на учете

¹ См.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. от 24 апреля 2020 г.) // Российская газета. 1999. № 121.

осужденных по ст. 228-234.1 УК РФ, проживающих совместно с несовершеннолетними.

4. Правовая регламентация порядка воспитательной работы с осужденными без изоляции от общества, предусматривающая дифференцированный подход к правонарушителям, обособление в рамках такой деятельности лиц, осужденных в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Без сомнений, что в рамках данной статьи невозможно описать и предложить решения всех имеющихся вопросов по данной проблематике, но возможно, что изложенные выше выводы, предложения и рекомендации положительным образом отразятся на создании эффективных методик работы с лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России.

Библиографический список

1. *Себрякова Т.А.* Профилактика зависимости от психоактивных средств у учащихся общеобразовательных учреждений: дис. ... канд. мед. наук. М., 2013. 176 с.
2. *Нахимова Я.Н.* Социальные установки российской молодежи на потребление наркотиков: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2017. 19 с.
3. *Рябов М.П.* Представления подростков о последствиях употребления наркотиков и профилактика наркомании в подростковом возрасте. М.: ОнтоПринт, 2019. 109 с.
4. *Казаринов Ю.Л.* Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности в сфере незаконного оборота наркотиков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 191 с.
5. *Курченко В.Н.* Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 519 с.
6. *Алиев Д.А., Борисов Д.М.* Причины и условия преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 57.
7. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд. М.: Норма, 2005. 912 с.
8. *Аванесов Г.А.* Криминология: учебник. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984. 500 с.
9. *Грушин Ф.В.* Состояние и перспективы развития уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ в Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 2 (4). С. 56–58.
10. *Хлыстов А.Н.* Противодействие проявлениям организованной преступности в местах лишения свободы: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 220 с.
11. *Гришин Д.А.* Государственное регулирование противодействия организованной преступности в уголовно-исполнительной системе России. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. 129 с.
12. *Шамшилова Е. А., Скиба А.П.* К вопросу о психологической работе и лечении как средствах исправления осужденных: некоторые аспекты проблемы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3 (48). С. 84–91.
13. *Харитонович Е.Д.* Исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в отношении лиц, страдающих различными видами заболеваний: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2020. 208 с.

14. *Бякина С.И.* Проблемы организации и проведения воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2021. № 9. С. 6–12.

15. *Хабибова Н.Е.* Институт семьи в системе профилактики наркомании // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 365–367.

References

1. *Sevrukova T.A.* The Prevention of Addiction to Psychoactive Means Among Students of General Educational Institutions: diss. .... cand. of medical sciences. M., 2013. 176 p.

2. *Nakhimova Y.N.* Social Attitudes of Russian Youth to Drug Use: a Sociological Analysis: extended abstract of diss. ... candidate of soc. sciences. Yekaterinburg, 2017. 19 p.

3. *Ryabov M.P.* Perceptions of Adolescents About the Consequences of Drug Use and Prevention of Drug Addiction in Adolescence. M.: OntoPrint, 2019. 109 p.

4. *Kazarinov Y.L.* Criminological Characteristics and Prevention of Female Criminality in the Sphere of Illicit Drug Trafficking: diss. ... cand. of law. Moscow 2000. 191 p.

5. *Kurchenko V.N.* Combating the Illegal Turnover of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances or Their Analogues: Criminal-Legal and Criminological Aspects: diss. ... doc. of law. Yekaterinburg, 2004. 519 p.

6. *Aliev D.A., Borisov D.M.* Causes and Conditions of Crime Related to Illicit Drug Trafficking // Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1. P. 57.

7. Criminology: textbook for universities / ed. A.I. Dolgova. M.: Norma, 2005. 912 p.

8. *Avanesov G.A.* Criminology: textbook. M.: Publishing house of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1984. 500 p.

9. *Grushin F.V.* State and Prospects for the Development of Criminal Punishments in the Form of Compulsory and Correctional Works in the Russian Federation // Criminal Executive Law. 2007. No. 2 (4). P. 56–58.

10. *Khlystov A.N.* Combating Manifestations of Organized Crime in Places of Detention: Criminological and Criminal-Legal Aspects: diss. ... cand. of law. Ryazan, 2005. 220 p.

11. *Grishin D.A.* State Regulation of Counteraction to Organized Crime in the Penal System of Russia. Ryazan: Akad. FSIN of Russia, 2013. 129 p.

12. *Shamshilova E.A., Skiba A.P.* To the Question of Psychological Work and Treatment as Means of Correction of Convicts: Some Aspects of the Problem // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2021. No. 3 (48). P. 84–91.

13. *Kharitonovich E.D.* Execution of Criminal Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society, with Respect to Persons Suffering from Various Types of Diseases: diss. ... Candidate of law. Ryazan, 2020. 208 p.

14. *Byakina S.I.* Problems of Organizing and Conducting Educational Work with Convicts Who Are Registered in Penitentiary Inspectorates // Vedomosti krimino-oponitelnoy sistemy. 2021. No. 9. P. 6–12.

15. *Khabibova N.E.* Institute of the Family in the System of Drug Prevention // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2012. No. 1. P. 365–367.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-210-217

УДК 343

М.Е. Дубова

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПОНЯТИИ ПРЕСТУПНОСТИ, СОПРЯЖЕННОЙ С ДИСКРЕДИТАЦИЕЙ ОВД

Введение: современные российские реалии обуславливают необходимость повышения авторитета государственной власти, надежным гарантом которой выступают органы внутренних дел (далее — ОВД). В этой связи особую актуальность приобретает исследование преступности, сопряженной с подрывом репутации ОВД. **Цель:** поиск и обоснование дефиниции «преступность, сопряженная с дискредитацией ОВД» с опорой на идеи и разработки ведущих отечественных криминологов и на тенденции развития рассматриваемого негативного социального явления, а также выявление его видов и их внутренних структур на основе анализа материалов судебно-следственной практики (98 судебных решений из 79 регионов России). **Методологическая основа:** диалектический и системный метод, дедукция, анализ, сравнение, обобщение, контент-анализ. **Результаты:** сформирована авторская позиция относительно понятия, видов и структуры преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД. **Выводы:** под преступностью, сопряженной с дискредитацией ОВД, следует понимать относительно массовое, исторически изменчивое, негативное социальное явление, имеющее уголовно-правовой характер, слагающееся из совокупности совершенных в определенный период времени и на определенной территории преступлений, закономерным и неотвратимым следствием которых становится подрыв авторитета и имиджа ОВД. Две основных разновидности преступной дискредитации ОВД (внешняя и самодискредитация) обуславливают содержание исследуемого явления.

Ключевые слова: ОВД, дискредитация, подрыв репутации, авторитет полиции, преступление, должностная преступность, самодискредитация.

М.Е. Dubova

GENERAL PROVISIONS ON THE CONCEPT OF CRIME INVOLVING DISCREDITING IAB

Background: modern Russian realities make it necessary to increase the authority of the state power, the reliable guarantor of which is the internal affairs bodies (hereinafter referred to as the IAB). In this regard, the study of criminality associated with the undermining of the reputation of the Department of Internal Affairs is of particular relevance. **Objective:** to search for and substantiate the definition of “criminality associated with discrediting the IAB” based on the ideas and developments of leading domestic criminologists and on the trends in the development of the negative social phenomenon under consideration, as well as to identify its types and their internal structures based on the analysis of materials of forensic investigative practice (98 court decisions from 79 regions of Russia). **Methodology:** dialectical and systematic method,

© Дубова Мария Евгеньевна, 2023

Адъюнкт (Нижегородская академия МВД России); e-mail: shaleeva0005@rambler.ru

© Dubova Maria Evgenyevna, 2023

Postgraduate (Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

deduction, analysis, comparison, generalization, content analysis. Results: the author's position on the concept, types and structure of criminality associated with the discrediting of the IAB has been formed. Conclusions: criminality associated with discrediting the IAB should be understood as a relatively massive, historically changeable, negative social phenomenon having a criminal-legal nature, consisting of a set of crimes committed in a certain period of time and on a certain territory, the logical and inevitable consequence of which is undermining the authority of the IAB. Two main types of criminal discrediting of IAB (external and self-discrediting) determine the content of the phenomenon under study.

Key-words: *IAB (internal affairs bodies), discrediting, reputation undermining, police authority, crime, malfeasance, self-discrediting.*

В целях выработки эффективной стратегии противодействия преступной дискредитации ОВД необходимо сформулировать дефиницию преступности, сопряженной с подрывом репутации ОВД. Однако перед нами стоят три основных проблемы: 1) отсутствие единого подхода к определению понятия и сущностных признаков преступности, сопряженной с подрывом репутации ОВД; 2) необходимость систематизации преступлений, входящих в систему посягательств, дискредитирующих ОВД; 3) потребность в выявлении сущностных черт преступлений, сопряженных с нанесением вреда авторитету ОВД. В этой связи нам требуется решить следующие задачи: во-первых, сформулировать дефиницию преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД; во-вторых, выявить перечень преступлений, образующих систему преступности, сопряженной с подрывом репутации полиции.

Дискредитация ОВД в общем смысле представляет собой некое негативное социально-правовое явление, стратегию по умалению авторитета, подрыву имиджа ОВД различными способами и средствами [1]. Следовательно, преступность, сопряженную с дискредитацией ОВД, мы оцениваем как преступность, в конечном итоге приводящую к подрыву имиджа, авторитета и репутации ОВД, снижению уровня общественного доверия к полиции различными способами и средствами.

При формировании авторской дефиниции преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД, используем дедуктивный метод исследования. Рассмотрим последовательно понятия «преступность», «сопряженность», «дискредитация ОВД».

Наиболее полное определение, сформулированное еще в 60-х гг. XX в., дала Н.Ф. Кузнецова: «Преступность — это относительно массовое, исторически изменчивое социальное, имеющее уголовно-правовой характер явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени» [2, с. 173]. Другие авторы, соглашались с таким подходом, но дополняли определение признаками общественной опасности, отрицательного или негативного характера этого социального явления [3, с. 12]. Выработанная Н.Ф. Кузнецовой дефиниция преступности, по сути, стала базисом, основой всех определений, данных преступности в дальнейшем. Исследуя отдельные виды и формы преступности, авторы наделяют его специфическими чертами и признаками, свойственными лишь рассматриваемой ими разновидности преступности. Так, отталкиваясь от общего определения, Ю.В. Пархоменко сформулировала понятие должностной

преступности [4, с. 69], С.В. Изосимов — служебной преступности [5], И.М. Мацкевич — экономической преступности [6].

Существует и иной (весьма распространенный) подход к определению понятия преступности. Некоторые ученые рассматривают ее как совокупность преступлений определенного вида и соотносят преступность и преступление как общее и частное. Так, Т.Л. Тропина под киберпреступностью понимает «...совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей...» [7, с. 15]. Профессор Б.В. Волженкин под коррупционной преступностью подразумевал «...преступления лиц, официально привлеченных к управлению, использующих различным образом имеющиеся у них по статусу возможности для незаконного извлечения личной выгоды» [8, с. 10]. Однако мы согласимся с точкой зрения А.И. Долговой, уверенной, что рассмотрение преступности как массы единичных преступлений сильно сужает дефиницию, не позволяя отразить содержание и сущность исследуемого явления [3, с. 13]. Следовательно, на преступность, сопряженную с дискредитацией ОВД, мы смотрим не как на простую совокупность однородных преступных деяний, а как на сложное негативное социально-правовое явление.

«Сопряженность» как категория уголовного права, по справедливому замечанию М.В. Бавсуна и Н.В. Вишняковой, имеет значительную разработанность в российской уголовно-правовой доктрине [9]. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова дает следующую трактовку понятия «сопряженный»: неразрывно связанный с чем-л.; сопровождаемый, соединенный, сопутствуемый чем-л.; находящийся во взаимодействии [10].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ)¹ этот термин упоминается более сорока раз, по смысловой нагрузке он означает неразрывную взаимосвязь, взаимообусловленность, сопровождаемость двух явлений (например, «убийство, сопряженное с похищением человека»; «изнасилование несовершеннолетней, сопряженное с совершением иного тяжкого...»). В качестве синонима термина «сопряженный» УК РФ более 15 раз употребляет понятия «соединенный» (например, «клевета, соединенная с обвинением лица...») и «связанный» (например, «хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти...»). Примечательно, что сопряженными бывают не только преступные деяния — преступление может быть сопряжено с совершением действий, не противоречащих УК РФ (например, побуждение к совершению суицида, сопряженное с публичным выступлением, использованием сети Интернет и СМИ).

Некоторые исследователи рассматривают категорию сопряженности в широком аспекте — как закономерную тесную связь самостоятельных видов преступности. Так, П.И. Иванов и Р.Ш. Шегабудинов рассматривают в качестве сопряженных организованную экономическую и коррупционную преступность [11].

В нашем же исследовании «сопряженность» является механизмом взаимосвязи отдельных преступлений, разрозненных по различным разделам и главам уголовного закона, и наступающих вследствие их совершения негативных последствий в виде дискредитации ОВД, умаления их авторитета в глазах общества.

Обобщая вышеизложенное и используя выводы проводимого нами ранее исследования феномена дискредитации ОВД [12], считаем, что под *преступно-*

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21 ноября 2022 г., с изм. от 8 декабря 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

стью, сопряженной с дискредитацией ОВД, следует понимать относительно массовое, исторически изменчивое, негативное социальное явление, имеющее уголовно-правовой характер, слагающееся из совокупности совершенных в определенный период времени и на определенной территории преступлений, закономерным и неотвратимым следствием которых становится подрыв авторитета и имиджа ОВД.

Отталкиваясь от субъектного состава совершения действий, умаляющих авторитет полицейского ведомства, полагаем, что в структуре преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД, следует выделить два основных ее подвида:

преступность, сопряженную с внешней дискредитацией ОВД (со стороны лиц, не имеющих отношения к системе МВД России);

преступность, сопряженную с самодискредитацией ОВД.

Характеризуя субъектов преступлений, формирующих первую из выделенных разновидностей преступности, мы определили типичных лиц, причастных к внешней дискредитации ОВД. В первую очередь, это публичные личности, блогеры, лидеры общественного мнения, использующие как правило для распространения информации социальные сети и СМИ. Указанные лица способны создать широкий общественный резонанс вокруг частной проблемы, привлечь внимание неограниченного круга лиц и сформировать у них негативное отношение к полиции. Кроме того, с учетом общедоступности сети Интернет и возможностей социальных сетей опорочить честь сотрудника полиции может любой гражданин, предвзято относящийся к силовым структурам. При этом важно различать действия законопослушных граждан, освещающих достоверные и объективные сведения, содержащие негативную оценку работы полиции и недостойных поступков ее отдельных сотрудников, от деятельности лиц, занимающихся (нередко «профессионально») распространением заведомо ложных или неverified данных. Гражданская активность и нетерпимость к аморальным и противоправным действиям представителей власти не могут быть уголовно наказуемыми. Следовательно, нам следует выделить в предмет исследования деяния, характеризующиеся наличием: 1) либо умышленного намерения дискредитировать полицейское ведомство с использованием незаконных методов и средств, связанных в частности с клеветой и освещением заведомо ложных материалов в целях формирования негативного отношения населения к ОВД; 2) либо субъекта преступления в лице сотрудника ОВД, умышленное или неосторожное преступное деяние которого неизбежно подрывает авторитет службы в полиции.

В ходе изучения материалов судебно-следственной практики (42 обвинительных приговора из 40 регионов России) было определено, что преступность, сопряженную с *внешней* дискредитацией ОВД, формируют следующие составы преступлений:

клевета в отношении сотрудника ОВД (ст. 128.1 УК РФ)¹;

нарушение неприкосновенности частной жизни полицейского (ст. 137 УК РФ)²;

¹ См., например: Приговор Верхнекамского районного суда Кировской области от 8 сентября 2015 г. по делу № 1-77/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pwJEESL86lH/> (дата обращения: 12.12.2022).

² См., например: Приговор Дудинского районного суда Красноярского края от 28 марта 2011 г. по делу № 10-3/2011. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BYMB3MkOknZZ/> (дата обращения: 12.12.2022).

хулиганство, сопряженное с оказанием сопротивления сотруднику полиции (ч. 2, 3 ст. 213 УК РФ)¹;

вандализм, сопровождаемый осквернением административных помещений ОВД, порчей их имущества (ст. 214 УК РФ)²;

действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам профессиональной принадлежности к какой-либо социальной группе сотрудникам полиции (ст. 282 УК РФ)³. Поясним, что вопреки некоторым возражениям, высказываемым относительно невозможности идентификации сотрудников ОВД как социальной группы, мы соглашаемся по этому вопросу с точкой зрения А.А. Глуховой и Д.А. Шпилева [12], и убеждены, что служащие в ОВД образуют социальную группу, что подтверждается материалами судебной практики⁴.

угроза убийством или причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении следователя, лица, производящего дознание (ч. 2–4 ст. 296 УК РФ)⁵;

неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства, являющихся сотрудниками ОВД (ч. 2 ст. 297 УК РФ)⁶;

клевета в отношении следователя, лица производящего дознание (ч. 2, 3 ст. 298¹ УК РФ)⁷;

провокация взятки в отношении сотрудника ОВД (ст. 304 УК РФ)⁸;

заведомо ложный донос на сотрудника ОВД (ст. 306 УК РФ)⁹;

посягательство на жизнь представителя власти (ст. 317 УК РФ)¹⁰;

применение насилия в отношении сотрудника ОВД при исполнении им своих должностных обязанностей (ст. 318 УК РФ)¹¹;

¹ См., например: Приговор Оренбургского районного суда от 5 ноября 2019 г. по делу № 1-306/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Nkpit9c6dj/> (дата обращения: 12.12.2022).

² См., например: Приговор Миасского городского суда Челябинской области от 7 апреля 2015 г. по делу № 1-114/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JYhL7kviIpgW/> (дата обращения: 12.12.2022).

³ См., например: Приговор Ленинского районного суда г. Красноярска Красноярского края от 25 июля 2018 г. по делу № 1-487/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VVAV0abPw9mp/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁴ См., например: Приговор Ленинского районного суда г. Кирова Кировской области от 11 августа 2015 г. по делу № 1-560/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z6LEahRsbo6P/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵ См., например: Приговор Амурского городского суда Хабаровского края от 18 февраля 2020 г. по делу № 1-6/2020. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/48052136/extended> (дата обращения: 12.11.2022).

⁶ См., например: Приговор Благоевщенского районного суда Алтайского края от 25 октября 2013 г. по делу № 1-106/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LEEqEEQHRRdrt/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁷ См., например: Приговор Советского районного суда г. Иваново Ивановской области от 9 июня 2022 г. по делу № 1-78/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/70121859/extended> (дата обращения: 14.11.2022).

⁸ См., например: Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 8 августа 2022 г. по делу № 1-642/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/69492590/extended> (дата обращения: 13.11.2022).

⁹ См., например: Приговор Солецкого районного суда Новгородской области от 26 ноября 2019 года по делу № 1-180/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NV9p5PmaZ0UQ/> (дата обращения: 19.11.2022).

¹⁰ См., например: Приговор Верховного Суда Республики Марий Эл от 13 января 2020 г. по делу № 2-2/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TViyrDVni5JK/> (дата обращения: 13.12.2022).

¹¹ См., например: Приговор Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 24 марта 2016 г. по делу № 1-267/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oDIzvndAISNC/> (дата обращения: 13.12.2022).

оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ)¹.

Помимо вышеперечисленных, можем отнести к числу структурных составляющих исследуемого явления составы преступлений, являющихся новеллами отечественного уголовного законодательства, что обуславливает отсутствие сложившейся судебной практики по уголовным делам. Речь идет о деяниях, предусмотренных ст. 207², 207³, 280³ УК РФ.

Вторая разновидность преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД, предполагает наличие специального субъекта преступления — сотрудника ОВД. Бесспорно, существенный репутационный вред системе МВД наносят противоправные поступки ее представителей, в связи с чем, полагаем, что структуру исследуемого явления формируют любые преступные деяния, совершенные сотрудниками ОВД. При этом считаем важным выделить типичные преступления по службе, причиняющие наибольший урон авторитету и имиджу ОВД:

а) «должностные» (предусмотренные гл. 30 УК РФ): злоупотребление полномочиями сотрудником ОВД²; превышение им своих должностных полномочий³; неисполнение сотрудником ОВД приказа⁴; незаконное участие сотрудника полиции в предпринимательской деятельности⁵; взяточничество⁶; служебный подлог, совершенный полицейским⁷, а также допущенная им халатность⁸;

б) иные деяния, совершаемые вопреки интересам службы в ОВД и предусмотренные статьями из различных глав и разделов уголовного закона России, использующие в числе обязательных признаков состава специального субъекта (ч. 2 ст. 137 УК РФ, ч. 2 ст. 138 УК РФ, ч. 3 ст. 139 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ, ст. 159² УК РФ, ч. 3 ст. 160 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 222 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 222² УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 228⁴ УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ, ст. 299 УК РФ, ст. 300 УК РФ, ст. 301 УК РФ, ст. 302 УК РФ, ст. 303 УК РФ, ст. 304 УК РФ, ст. 307 УК РФ, ст. 316 УК РФ). Поясним, что ввиду ограничения объема, предъявляемого к настоящему исследованию, мы не имеем возможности

¹ См., например: Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 20 ноября 2018 г. по делу № 1-304/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/woYgx17Hq6d1/> (дата обращения: 13.12.2022).

² См., например: Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 28 октября 2022 г. по делу № 1-547/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/71863700/extended> (дата обращения: 15.11.2022).

³ См., например: Приговор Камызякского районного суда Астраханской области от 22 июня 2022 г. по делу № 1-103/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/70240475/extended> (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ См., например: Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края от 3 октября 2022 г. по делу № 1-282/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/69674372/extended> (дата обращения: 15.11.2022).

⁵ См., например: Приговор Левобережного районного суда г. Воронежа Воронежской области от 20 декабря 2017 г. по делу № 1-302/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VPLjFhDcvjW1/> (дата обращения: 15.11.2022).

⁶ См., например: Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 11 октября 2022 г. по делу № 1-896/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/71268045/extended> (дата обращения: 15.11.2022); Приговор Ленинского районного суда г. Перми от 1 сентября 2022 г. по делу № 1-197/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/72334685/extended> (дата обращения: 15.11.2022); Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска Челябинской области от 30 июля 2020 г. по делу № 1-553/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gC6pbG3cBrQb/> (дата обращения: 15.11.2022).

⁷ См., например: Приговор Чурапчинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 21 июля 2022 г. по делу № 1-22/2022. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/70972886/extended> (дата обращения: 15.11.2022).

⁸ См., например: Приговор Курского районного суда Ставропольского края от 14 мая 2021 г. по делу № 1-11/2021. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/59703241/extended> (дата обращения: 15.11.2022).

рассмотрения примеров каждого из вышеперечисленных составов преступлений, фигурантами по которым выступали сотрудники ОВД. При этом отметим, что мы использовали 56 обвинительных приговоров из 41 региона России.

Подводя итоги проведенного исследования, считаем обоснованным наш взгляд на понятие преступности, сопряженной с дискредитацией ОВД, на ее виды и на преступления, формирующие ее структуру. Таким образом, преступность, сопряженная с дискредитацией ОВД — это относительно массовое, исторически изменчивое, негативное социальное явление, имеющее уголовно-правовой характер, слагающееся из совокупности совершенных в определенный период времени и на определенной территории преступлений, закономерным и неотвратимым следствием которых становится подрыв авторитета и имиджа ОВД. Две основных разновидности преступной дискредитации ОВД (внешняя и самодискредитация) обуславливают содержание исследуемого явления. С опорой на материалы правоприменительной практики установлены перечни преступлений, совокупность которых формирует в конкретный период времени и на конкретной территории преступность, дискредитирующую ОВД.

Библиографический список

1. Дубова М.Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и терминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 192–198.
2. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 232 с.
3. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 575 с.
4. Пархоменко Ю.В. О понятии должностной преступности в современной криминологии // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 67–69.
5. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 26 с.
6. Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: история, современность, перспективы развития. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 948 с.
7. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности. М.: Проспект, 2017. 272 с.
8. Волженкин Б.В. Коррупция. Сер.: «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. 43 с.
9. Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Сопряженность как уголовно-правовая категория // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 64–70.
10. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
11. Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш. Содержание понятия «Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией» // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). С. 44–48.
12. Глухова А.А., Шпилев Д.А. Роль модераторов сайтов, посвященных тематике АУЕ, в формировании социопатических и противоправных установок у подростков и молодежи // Russian Journal of Economics and Law. 2019. № 4. С. 1646–1660.

References

1. Dubova M.E. Discrediting the Internal Affairs Bodies: Criminal Law and Terminology Aspects // Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (58). P. 192–198.

2. *Kuznetsova N.F.* Crime and Criminality. Moscow: Publ. Moscow University, 1969. 232 p.
3. *Dolgova A.I.* Crime, Its Organization and Criminal Society. Moscow: Russian Criminological Association, 2003. 575 p.
4. *Parkhomenko Yu.V.* On the Concept of Official Crime in Modern Criminology // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 10. P. 67–69.
5. *Tropina T.L.* Cybercrime: Concept, State, Criminal Legal Measures of Struggle: extended abstract diss. ...cand.of law. Vladivostok, 2005. 26 p.
6. *Izosimov S.V.* Criminal Legislation on Responsibility for Official Crimes Committed in Commercial and Other Organizations: History, Modernity, Development Prospects. St. Petersburg: Law Center-Press, 2013. 948 p.
7. *Matskevich I.M.* The Causes of Economic Crime: a textbook. Moscow: Prospekt, 2017. 272 p.
8. *Volzhenkin B.V.* Corruption: series “Modern Standards in Criminal Law and Criminal Procedure”. St. Petersburg, 1998. 43 p.
9. *Bavsun M.V., Vishnyakova N.V.* Conjugation as a Criminal Legal Category // Society and Law. 2014. No. 4 (50). P. 64–70.
10. The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language: A-Ya / RAS. In-t lingv. research; comp., ch. ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. 1534 p.
11. *Ivanov P.I., Shegabudinov R.S.* The Content of the Concept of «Organized Economic Crime Associated with Corruption» // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2 (18). P. 44–48.
12. *Glukhova A.A., Shpilev D.A.* Features of Organization and Functioning of Web-Sites on AUE, Their Role in Developing Sociopathic and Unlawful Attitudes in Adolescents and Youth // Actual Problems of Economics and Law. 2019. No. 4. P. 1646–1660.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-218-226

УДК 343.1

В.А. Тимошкина

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Введение: необходимость соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве требует особого внимания и индивидуального подхода при каждом случае применения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого мер процессуального пресечения. Правоприменительная практика показывает, что органы предварительного расследования при выборе принудительной меры сталкиваются с проблемой «баланса» совершенного деяния с ограниченными правами лица. **Цель:** анализ эффективности и оптимальности применения некоторых мер пресечения, избираемых по решению суда в отношении несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых. **Методологическая основа:** общенаучные методы (системный анализ, интерпретация, опрос) и специальные методы — юридико-технический и сравнительно-правовой. **Результаты:** исследователем выявлено отсутствие специальных условий, которые могли бы быть применены к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому в результате избрания запрета определенных действий. На основании рассмотренных недостатков авторами предлагается внести изменения в законодательную конструкцию меры пресечения в виде запрета определенных действий. **Выводы:** видится, что наряду с мерой пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним, более эффективной альтернативой заключению под стражу может стать мера пресечения в виде запрета определенных действий, поскольку ее применение в полной мере отвечает цели и задачам уголовного судопроизводства, а также непосредственно влияет на формирование правового воспитания лица, не достигшего совершеннолетия.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, запрет определенных действий, правовое воспитание.

V.A. Timoshkina

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE APPLICATION OF CERTAIN PREVENTIVE MEASURES AGAINST MINORS

Background: the need to respect the rights and freedoms of man and citizen in criminal proceedings requires special attention and individual approach in each case of application of procedural preventive measures against a juvenile suspect/accused. Law enforcement practice shows that preliminary investigation bodies, when choosing a coercive measure, face the problem of “balancing” the committed act with the limited rights of the person. **Objective:** to analyze the effectiveness and optimality of the application of certain preventive measures chosen by a court decision in relation to juvenile suspects/accused. **Methodology:** general scientific methods (system analysis, interpretation, survey) and special methods — legal and technical and comparative legal. **Results:** the researcher revealed non-existence of special conditions that could be applied to a minor

© Тимошкина Виктория Андреевна, 2023
Адъюнкт (Нижегородская академия МВД России); e-mail: viktory.tim@mail.ru
© Timoshkina Victoria Andreevna, 2023
Adjunct (Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

suspect or accused as a result of the election of a ban on certain actions. Based on the shortcomings considered, the authors propose to amend the legislative construction of a measure of restraint in the form of prohibition of certain actions. Conclusions: it seems that, along with a measure of restraint in the form of supervision of a minor, a more effective alternative to detention may be a measure of restraint in the form of a prohibition of certain actions, since its application fully meets the goals and objectives of criminal proceedings, and also directly affects the formation of legal education of a person who has not reached the age of majority.

Key-words: *criminal process, preventive measure, minor suspect/accused, prohibition of certain actions, legal education.*

Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых постоянно находится в центре внимания, поскольку уголовное судопроизводство в отношении этих участников уголовного процесса обладает определенной спецификой. По нашему мнению, представленная категория лиц наиболее подвержена общественному влиянию, в первую очередь, со стороны своего окружения (семьи, сверстников и т.д.).

Избрание отдельных мер пресечения в целом является инструментом уголовно-процессуальной деятельности, которое «усугубляет» положение лица, подвергаемого уголовному преследованию. Рассматриваемый проблемный аспект представляет особую актуальность, так как на территории Российской Федерации ежегодно регистрируется значительное количество преступлений, совершенных несовершеннолетними: в 2019 г. — 41548, в 2020 г. — 37771, в 2021 г. — 29126 и в январе 2022 года каждое тридцать седьмое преступление совершено несовершеннолетними (2,8%)¹. Несмотря на очевидную тенденцию к снижению количества преступности среди несовершеннолетних, следует выделить категорию преступлений — тяжкие или особо тяжкие, то есть обладающие повышенной степенью общественной опасности.

Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних участников закреплены в гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации². Верховный Суд РФ все чаще акцентирует внимание правоприменителя на принципе «исключительности» применения заключения под стражу в отношении лица, не достигшего совершеннолетнего возраста³. В этой связи видится необходимым исследовать эффективность и оптимальность применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних, не связанных с лишением свободы.

В ходе расследования, при планировании и проведении следственных действий с участием несовершеннолетних требуется максимально индивидуальный подход, потому как необходимо поддерживать «баланс» между избираемой мерой пресечения и совершенным деянием. Разумеется, помимо общих обстоятельств, подлежащих доказыванию в отношении несовершеннолетних необходимо устанавливать: возраст, особенности развития личности, материальное положение

¹ См.: Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 13.12.2022).

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 9 марта 2022 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

³ См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11 июня 2020 г.) // Российская газета. 2013. 27 дек.

семьи, условия воспитания и психическое развитие подозреваемого/обвиняемого. Привлекает внимание и тот факт, что вопрос установления обстоятельств совершения преступлений с участием несовершеннолетних провоцирует использование индивидуального подхода к «выбору» обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе при избрании в отношении несовершеннолетних меры пресечения.

Наиболее «специфической» мерой пресечения является присмотр за несовершеннолетним подозреваемым/обвиняемым, закрепленная в ст. 105 УПК РФ. Она рассматривается как приоритетная, наряду с остальными мерами, так как в соответствии с п. 2 ст. 423 УПК РФ при решении вопроса об избрании меры пресечения, первоначально обсуждается возможность отдачи его под присмотр (надзор) [1, с. 124]. Лицо, заслуживающее доверия, берет на себя обязанность обеспечить правомерное поведение несовершеннолетнего лица, о чем составляется письменное согласие. Преимуществом этой меры пресечения стоит выделить фактор воспитательного воздействия, поскольку на психику несовершеннолетнего не оказывается негативное воздействие.

Однако нельзя обойти стороной недостатки избрания вышеуказанной меры. По нашему мнению, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым будет недостаточно эффективным в случае, если лицо:

- 1) проживает и развивается в неблагополучной семье;
- 2) отличается повышенной агрессией в сторону сверстников или законных представителей (имеет склонность к совершению преступлений);
- 3) состоит на профилактическом учете.

Как правило, избрание такой меры пресечения связано с некоторыми упущениями, так, недостаток контроля со стороны родителей (попечителей) приведет к нарушению требований избранной меры. Так, *«гр. Тулякову, обвиняемому в умышленно совершенном общественно-опасном деянии, предусмотренном п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, по совокупности доказательств, а также наличия некоторых смягчающих обстоятельств несовершеннолетнему подозреваемому/ обвиняемому была назначена мера пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним, однако позднее органами предварительного расследования установлено, что гр. Туляков вышел из под контроля матери, к ее мнению не прислушивался и их отношения расцениваются как конфликтные. Таким образом, гр. Тулякову была изменена мера пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым на заключение под стражу»¹.*

Здесь уместно обратить внимание на обстоятельство, подлежащее установлению при избрании меры пресечения несовершеннолетнему преследуемому. Так, родитель (попечитель) и иные лица, указанные в ч. 1 ст. 105 УПК РФ осуществляют присмотр за несовершеннолетним исходя из личных убеждений, при этом придерживаясь комплекса обязательств, предусмотренных ст. 102 УПК РФ. Фактически, в отношении лица не применяются какие-либо ограничения в поведении, а отсутствие эффективных рычагов воздействия на несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых может в дальнейшем привести к изменению меры пресечения на более строгую.

¹ См.: Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска Ульяновской области от 24 июля 2020 г. по делу № 1-374/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dAqf2rBjNddw/> (дата обращения: 12.12.2022).

Стоит детальнее рассмотреть меру пресечения, введенную в апреле 2018 г. — запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ)¹, которая по своей сути призвана стать альтернативой более строгим мерам пресечения. Ее преимущество заключается в допустимости применения в отношении несовершеннолетнего по преступлениям любой степени тяжести. В правоприменительной практике сложилось достаточно неоднозначное мнение относительно избрания и применения запрета определенных действий. Некоторые ученые [2, с. 56; 3, с. 65;] высказываются о «низкой» практике применения запрета определенных действий, уступающей аналогичным мерам, не связанным с лишением свободы, и придерживаются мнения о неостребованности рассматриваемой меры пресечения.

Однако достоверное представление дает анализ следственной и судебной практики, касающейся избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий. Согласно данным судебной статистики, во втором полугодии 2018 г. в отношении несовершеннолетних преследуемых лиц судами удовлетворено 6 ходатайств, в 2019 г. — 34, в 2020 г. — 39, в 2021 г. — 44². Таким образом, практика применения запрета определенных действий в отношении подозреваемых/обвиняемых лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, демонстрирует возрастающую актуальность этой меры пресечения.

Органы предварительного расследования и суд имеют возможность установить в отношении несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого как один, так и несколько запретов, закрепленных в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ. То есть, запрет определенных действий как мера пресечения, сочетает в себе «гибкий» комплекс мер воздействия на подозреваемых/обвиняемых, что позволяет органам предварительного следствия комбинировать соразмерные с тяжестью совершенного деяния запреты, без серьезного воздействия на психику несовершеннолетнего лица. По нашему мнению, это обстоятельство влияет на качество соблюдения конституционных прав и свобод лиц, подвергаемых уголовному преследованию.

Полагаем, что аргументом в пользу избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий является возможность соблюдения предусмотренных мерой запретов и ограничений, при этом позволяя беспрепятственно продолжать осуществлять учебную и (или) трудовую деятельность, по сути, не изменяя привычного образа жизни для несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого. Считаем, что интересы правосудия в данном случае могут быть обеспечены посредством более мягкой меры пресечения.

«Так, несовершеннолетний гр. Перепелятников обвинялся в совершении деяния, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ, в отношении него избрано мера пресечения в виде заключения под стражу. В связи с несогласием избранной меры пресечения защитником была подана апелляционная жалоба, поскольку доводы суда первой инстанции не обоснованы»³. Действительно, судом не учтен тот факт, что тяжесть преступления не может служить достаточным основанием для заключения под стражу. Несовершеннолетний полностью

¹ См.: Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 17, ст. 2421.

² См.: «Обзор судебной статистики и деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году». URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

³ См.: Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Калмыкия от 5 августа 2020 г. по делу № 3/12-Б/Н/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/one8WNEE5t5R/> (дата обращения: 20.12.2022).

признал вину, активно сотрудничает со следствием, осуществляет учебную деятельность и трудоустроен. Положительным фактором оказалось отсутствие конкретных обстоятельств, которые могли свидетельствовать о возможности несовершеннолетним обвиняемым продолжать заниматься противоправной деятельностью. Таким образом, по совокупности имеющихся данных, апелляционная жалоба была удовлетворена и обвиняемому Перепелятникову была избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий.

Поддерживая точку зрения И.Г. Савицкой, мы полагаем, что эффективным нововведением в законодательстве, касающимся соблюдения прав и свобод несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого, будет возможность комбинирования запрета определенных действий с присмотром [4, с. 105]. Таким образом, запрет определенных действий позволит обеспечивать более качественный уровень соблюдения прав и свобод несовершеннолетних лиц, подвергаемых уголовному преследованию.

Следующая мера пресечения, которая может применяться в отношении несовершеннолетнего преследуемого лица — это домашний арест. Эта мера процессуального пресечения состоит в «изоляции подозреваемого/обвиняемого лица по месту его жительства» и больше не содержит запрета на выход из места жительства. Данное обстоятельство свидетельствует лишь о том, что запрет покидать место жительства в определенные периоды времени стал отдельным пунктом — запретом в ст. 105¹ УПК РФ, аналогичной точки зрения придерживаются И.М. Алексеев, А.С. Данильян и С.А. Данильян [5, с. 54]. В соответствии со статистическими данными, домашний арест в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста был избран в 2018 г. — 176 раз, в 2019 г. — 237, в 2020 г. — 198, в 2021 — 208 раз¹. Таким образом, преобладающее большинство удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения, не связанных с лишением свободы в отношении несовершеннолетних преследуемых принадлежит домашнему аресту.

Вполне справедлива точка зрения Ю.Ю. Ксендзова, который обращает внимание на расположение мер пресечения по степени строгости. Рассматриваемый принцип дает основание полагать, что законодателем определен домашний арест значительно строже, нежели запрет определенных действий или залог» [6, с. 70]. Положения, указанные в п. 51.1 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 41 подтверждают данную позицию². Полагаем, что применение ст. 105¹ УПК РФ будет считаться более «гуманной» мерой пресечения и по совокупности ограничений может заменить домашний арест. А также следует подчеркнуть, что при применении запрета определенных действий в отношении несовершеннолетнего, не требуется социальная адаптация, поскольку лицо продолжает привычный образ жизни с соблюдением возложенных на него запретов и ограничений.

Опираясь на результаты проведенного интервьюирования сотрудников следственных подразделений, выяснилось, что органы следствия ходатайствуют об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, поскольку механизм реализации альтернативной меры пресечения в виде запрета определенных действий

¹ См.: «Обзор судебной статистики и деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году». URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

² См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11 июня 2020 г.) // Российская газета. 2013. 27 дек.

урегулирован не в полной мере. Проблема видится авторами в недостаточно эффективных технических средствах, посредством которых осуществляется контроль за исполнением запретов, предусмотренных мерой пресечения. Запрет определенных действий является сложной и одновременно многогранной мерой, не оснащенной четким алгоритмом действий уполномоченных должностных лиц по ее реализации, что ставит под сомнение эффективность и оптимальность применения¹.

Здесь уместно обратить внимание на отсутствие четкого процедурного механизма реализации установленных запретов, который приводит к неопределенности органов предварительного расследования, соответственно, правоохранительным органам легче избрать заключение под стражу, что ведет к минимизации избрания запрета определенных действий, а специальные условия, применяемые к несовершеннолетним, вовсе отсутствуют.

В этой связи считаем целесообразным в части контроля за исполнением пунктов-запретов несовершеннолетних подозреваемых/обвиняемых *дополнить п. 11 ст. 105¹ УПК РФ: «Функции по осуществлению контроля за соблюдением запретов несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым осуществляет инспектор по делам несовершеннолетних»*. Данное положение обусловлено их компетенцией и осведомленностью не только о несовершеннолетних лицах, имеющих судимость либо привлеченных к уголовной ответственности, но и о лицах, в отношении которых ведется уголовное судопроизводство.

Кроме того, в подтверждении позиции о том, что при избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетних необходимо учитывать комплексный подход при установлении обстоятельств совершенного деяния, следует рассмотреть пример применения запрета на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет. При наличии такого запрета в отношении несовершеннолетнего ни само несовершеннолетнее лицо (в силу психического, физиологического состояния), ни инспектор по делам несовершеннолетних не сможет регулировать соблюдение «запрета».

Считаем, что в данном случае необходимо прибегать к помощи родителя, законного представителя либо лица его заменяющего. Отметим, что рассматриваемый нами пример «запрета» указан в законе, однако, учитывая комплексность подхода и специфику субъекта, мы приходим к выводу о несостоятельности наличия инструментария реализации заявленных законодателем запретов, рассматривая приведенный пример, полагаем возможным предложить использование *письменного уведомления-обязательства родителей/попечителей либо лиц замещающих*, которые бы обеспечили соблюдение установленного запрета.

Самой строгой принудительной мерой избираемой в отношении лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, является заключение под стражу, закрепленная ст. 107 УПК РФ. Опираясь на данные судебной статистики, в 2018 г. в отношении несовершеннолетних заключение под стражу избиралось 845 раз, в 2019 г. — 835, в 2020 г. — 751, в 2021 г. — 661². Выбор меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в отношении несовершеннолетних, обусловлен «легальностью» способа по обеспечению эффективности расследования уголовного дела и дополнительно выступает превентивным аспектом повторного

¹ Анкетирование проведено среди 20 сотрудников подразделений СО ОП № 2 СУ УМВД России по г. Орел, СО СУ УМВД России по г. Орел.

² См.: «Обзор судебной статистики и деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году». URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

совершения преступления несовершеннолетними. Полагаем, что заключение под стражу будет негативно сказываться на нравственном развитии несовершеннолетних преследуемых, что в дальнейшем сможет привести к асоциальному образу жизни.

Таким образом, в результате анализа и исследования особенностей мер пресечения, которые могут применяться к подозреваемому или обвиняемому не достигшего совершеннолетнего возраста, целесообразно сделать вывод, что значительный объем ходатайств об избрании мер пресечения принадлежит именно заключению под стражу. Запрет определенных действий и домашний арест не стали полноценными альтернативами самой строгой меры пресечения, в связи с чем, требуется модернизация уже существующего механизма применения мер пресечения. Кроме того, с целью обеспечения гуманного подхода по применению мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних целесообразно применять более мягкие меры пресечения, а предложенные нововведения в уголовно-процессуальный закон, по нашему мнению, будут способствовать повышению качества соблюдения прав подозреваемого/обвиняемого.

Библиографический список

1. *Латыпова Д.М., Панькина Е.К.* Проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 123–126.
2. *Бекетов А.О.* Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2018. № 2. С. 52–56.
3. *Янин М.Г.* Запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3(22). С. 62–68.
4. *Савицкая И.Г.* О комбинированном подходе к применению мер пресечения в виде запрета определенных действий в отношении несовершеннолетнего // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2020. № 1 (7). С. 101–107.
5. *Алексеев И.М., Данильян А.С., Данильян С.А.* Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 53–57.
6. *Ксендзов Ю.Ю.* Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. 2020. № 8. С. 67–84.

References

1. *Latypova D.M., Pankina E.K.* Problems of Application of Coercive Measures of Educational Influence // Bulletin of the Samara Law Institute. 2018. No. 5 (31). P. 123–126
2. *Beketov A.O.* The Prohibition of Certain Actions as a New Preventive measure in Criminal Proceedings // Legislation and practice. 2018. No. 2. P. 52–56.
3. *Yanin M.G.* The Prohibition of Certain Actions as an Alternative to Detention // Law and Order: History, Theory, Practice. 2019. No. 3(22). P. 62–68
4. *Savitskaya I.G.* On a Combined Approach to the Application of Preventive Measures in the Form of a Ban on Certain Actions Against a Minor // Criminal Procedure Protection of the Rights and Legitimate Interests of Minors. 2020. No. 1 (7). P. 101–107.
5. *Alekseev I.M., Danilyan A.S., Danilyan S.A.* House Arrest and Prohibition of Certain Actions: Problems of Theory and Practice // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (53). P. 53–57.
6. *Ksendzov Yu.Yu.* Measures of Restraint in the Form of a Ban on Certain Actions, Bail, House Arrest: Questions of Their Correlation and Practice of Application // Law and Politics. 2020. No. 8. P. 67–84.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ: НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

К юбилею кафедры прокурорского надзора и криминологии

В сентябре 2022 г. кафедра прокурорского надзора и криминологии отметила свое 35-летие. Создание ее было обусловлено возросшим значением органов прокуратуры, реформированием государственного механизма, затрагивающим деятельность правоохранительных органов, а также развитием научной специальности 12.00.11, посвященной исследованию проблем судебной власти, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности.

Созданная кафедра обеспечивала преподавание таких учебных дисциплин, как «Прокурорский надзор» и «Суд и правосудие», которые до 1987 г. вели преподаватели кафедры уголовного процесса. Вполне закономерным представляется существование тесной взаимосвязи вновь созданной кафедры с кафедрой уголовного процесса, выступившей на первоначальном этапе источником научных изысканий и преподавательского состава.

Кадровую основу созданной самостоятельной кафедры правосудия и прокурорского надзора составили специалисты в области прокурорского надзора и уголовного процесса: В.В. Гаврилов, О.И. Лавринович, Т.П. Николаева, В.А. Шишанова.

Первым заведующим кафедрой был Виктор Викторович Гаврилов, участник Великой Отечественной войны, имевший значительный стаж и опыт работы в органах прокуратуры. Он внес большой вклад в развитие не только кафедры, но и Академии в целом, являясь около десяти лет деканом дневного (судебно-прокурорского) факультета, а с 1987 по 1997 год — заведующим кафедрой.

С 1997 г. по 2016 год кафедру возглавлял заслуженный юрист РФ, почетный работник прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент Александр Федорович Соколов. Им было опубликовано около 100 научных, учебных и учебно-методических работ, посвященных различным проблемам уголовного процесса и прокурорского надзора.

Развитие юридического образования обуславливало необходимость соответствующих изменений в работе кафедры и в 2013 году кафедра «Правосудия и прокурорского надзора» была переименована в кафедру «Прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности».

Дальнейшая модернизация высшего юридического образования, реформирование правоохранительной системы государства, а также изменения законодательства предопределили необходимость не только расширения штатной численности преподавательского состава кафедры, но и выработки новых подходов к формированию будущих кадров правоохранительных органов, способных эффективно решать профессиональные задачи, в том числе по профилактике преступлений и иных правонарушений.

В этой связи в июне 2016 года кафедра «Прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности» преобразована в кафедру «Прокурорского надзора и криминологии», которую возглавил доктор юридических наук, профессор Александр Николаевич Варыгин.

А.Н. Варыгин специалист в области криминологии, вице-президент Российской криминологической ассоциации. За время научно-педагогической деятельности им опубликовано свыше 150 научных и научно-педагогических работ по различным проблемам теории криминологии и профилактики преступлений, подготовлено 22 кандидата и 2 доктора юридических наук.

Большое внимание уделяется научно-исследовательской работе студентов. Преподаватели кафедры проводят студенческие конференции, круглые столы по наиболее актуальным проблемам организации и деятельности прокуратуры и других правоохранительных органов.

Продолжается активное взаимодействие кафедры с прокуратурой Саратовской области, ГУ МВД РФ по Саратовской области и другими правоохранительными органами страны.

История кафедры продолжается.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-227-237

УДК 343.85

А.Н. Варыгин, С.Ю. Бытко

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Введение: несмотря на то, что ученые обращались и обращаются к проблемам, возникающим в ходе осуществления органами прокуратуры такой функции как координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, остается ряд вопросов, требующих решения, в частности, это касается определения эффективности такой деятельности. **Цель:** определить сложности, возникающие в координационной деятельности органов прокуратуры по борьбе с преступностью и предложить методiku определения эффективности такой деятельности. **Методологическая основа:** сравнительно-правовой и формально-логический методы исследования, анализ и синтез, индукция и дедукция, логический, системный, структурно-функциональный, лингвистический, формально-юридический методы. **Результаты:** в связи с отсутствием разработанной и научно обоснованной методики оценки эффективности координационной деятельности органов прокуратуры, авторы предложили свою методiku оценки, основанную на показателях организационно-управленческого и криминологического характера. **Выводы:** для оценки эффективности координационной деятельности органов прокуратуры необходим ряд конкретных критериев (организационно-управленческих и криминологических), которые характеризуют показатели эффективности такой деятельности, и конкретная методика подсчета данных критериев и определения степени эффективности работы органов прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Такая методика разработана авторами и предложена в данной статье.

Ключевые слова: прокуратура, координационная деятельность органов прокуратуры, критерии и показатели эффективности координационной деятельности.

A.N. Varygin, S.Yu. Bytko

ON THE EFFECTIVENESS OF COORDINATION ACTIVITIES OF PROSECUTION AUTHORITIES

Background: despite the fact that scholars have addressed and are addressing the problems arising in the implementation of the prosecutorial function such as coordination

© Варыгин Александр Николаевич, 2023

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: VAN808@yandex.ru

© Бытко Сергей Юрьевич, 2023

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sergej-bytko@yandex.ru

© Varygin Alexander Nikolaevich, 2023

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

© Bytko Sergei Yurievich, 2023

Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

*of law enforcement agencies to combat crime, there remain a number of issues to be addressed, in particular, this concerns the determination of the effectiveness of such activities. **Objective:** to determine the difficulties arising in the coordination activities of prosecutorial authorities to combat crime and to propose a methodology for determining the effectiveness of such activities. **Methodology:** comparative-legal and formal-logical research methods, analysis and synthesis, induction and deduction, logical, systemic, structural-functional, linguistic, formal-legal methods. **Results:** in connection with the lack of developed and scientifically grounded methodology for evaluating the effectiveness of coordination activities of prosecution bodies, the authors proposed their own evaluation method based on indicators of organizational, managerial and criminological nature. **Conclusions:** to assess the effectiveness of coordination activities of prosecution bodies requires a number of specific criteria (organizational and managerial and criminological), which characterize the performance of such activities, and a specific methodology for calculating these criteria and determining the degree of effectiveness of the prosecution bodies to coordinate the activities of law enforcement agencies to combat crime. This technique was developed by the authors and proposed in this article.*

Key-word: prosecutor's office, coordination activities of the prosecutor's office, criteria and indicators of the effectiveness of coordination activities.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов¹.

Координационная деятельность органов прокуратуры имеет свою, достаточно длинную историю. Как отмечают ученые, еще в Российской империи существовала необходимость хотя бы в минимальной согласованности и координации деятельности правоохранительных органов — прокуратуры, полиции, судов [1, с. 83].

После Октябрьской революции 1917 г. положение дел начало меняться, как и политическая система в целом. В соответствии с «Временной инструкцией губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора», прокуроры губернии должны были созывать периодические совещания по борьбе с преступностью в составе председателя — прокурора и членов совещания: председателя совнарсуда, председателя ревтрибунала, заведующего рабоче-крестьянской инспекцией, начальника губернского ОГПУ с целью объединения усилий всех означенных органов в борьбе с преступностью, выработки необходимых мероприятий в этой области и обсуждения вопросов о правильной деятельности исправительно-трудовых учреждений, уголовного розыска и милиции [2, с. 234].

В 1926 г. в Положении о судостроительстве РСФСР были в общем виде определены координационные полномочия органов прокуратуры, а их законодательное закрепление нашло отражение лишь в Законе «О прокуратуре СССР» 1979 г. [2, с. 235].

История развития и деятельность органов прокуратуры показала важность и необходимость ее координационной функции в деле борьбы с преступностью.

¹ См.: Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

Борьба с преступностью является важнейшим направлением деятельности любого государства, для чего им и создаются правоохранительные органы. Координация их работы в противодействии преступности предполагает осуществление взаимосвязанной, взаимосогласованной деятельности правоохранительных органов по достижению ими общей цели. Как отмечается в ст. 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью¹, в целях повышения эффективности борьбы с преступностью необходима разработка и реализация согласованных мер и координационной деятельности.

При этом следует отметить, что ученые дают различные определения координационной деятельности органов прокуратуры и ее цели. Например, Ю.В. Капитонова пишет, что это координация органами прокуратуры деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью есть согласование правоохранительной деятельности уполномоченных государственных органов, направленное на своевременное выявление, раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений, устранение обстоятельств, способствующих их совершению, в целях укрепления законности и противодействия преступности, путем разработки и реализации совместных мероприятий по наиболее актуальным проблемам борьбы с преступностью в пределах компетенции каждого из ее участников [3, с. 7].

Другие отмечают, что она представляет собой функциональную деятельность прокуроров по организации разработок и осуществлению согласованных действий правоохранительных органов по борьбе с преступностью [4, с. 23]. Как видно из данных определений, авторы при их трактовке за основу брали нормы Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Видится наиболее удачным определение, предложенное Р.Н. Зинуровым, который рассматривает координационную деятельность как предусмотренное законом, объективно обусловленное, согласованное и постоянное взаимодействие в целях реализации участниками правоохранительной деятельности совместных мер по наиболее актуальным направлениям противодействия преступности и иным правонарушениям, под руководством соответствующей прокуратуры [5, с. 11]. Как видим, цели координационной деятельности учеными определяются по-разному («повышение эффективности борьбы с преступностью»; «укрепление законности и противодействие преступности»; «реализации совместных мер по наиболее актуальным направлениям противодействия преступности и иным правонарушениям»).

Задачи же, обеспечивающие достижение данной цели, исходя из указанной выше нормы, следующие:

своевременное выявление, раскрытие, пресечение и предупреждение преступлений;

своевременное выявление и устранение причин преступлений и условий, способствующих их совершению.

Некоторые ученые, кроме вышеперечисленных задач, указывают и иные. Так, например, О.Н. Коршунова к ним относит:

¹ См.: Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») (в ред. от 31 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1958.

объединение усилий и активизацию работы правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью;

устранение дублирования и параллелизма в деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности [6, с. 12].

Ф.М. Кобзарев, кроме вышеперечисленных задач, указывает на следующие: соблюдение законности при осуществлении координационной деятельности; обеспечение конкретности, качества, выполняемости координационных мероприятий и решений [7, с. 21].

Как видим, по данной проблеме среди ученых нет единого мнения.

Еще больше вопросов и споров возникает при рассмотрении вопросов эффективности координационной деятельности органов прокуратуры. Как справедливо отмечает Ф.М. Кобзарев, на первый взгляд, решение перечисленных задач и, тем самым, обеспечение достижения поставленных целей, составляют суть эффективности координационной деятельности правоохранительных органов. Однако, чтобы установить эффективно или неэффективно осуществляется координация, необходимо дать оценку эффективности, состоящей в системе действий, направленных на определение качественных признаков координационной деятельности [7, с. 21]. На наш взгляд, следует, прежде всего, разобраться с базовыми понятиями, такими как «результативность», «эффективность», «показатели эффективности», «критерии эффективности».

В соответствии со словарем русского языка: «результативность — являющийся результатом, продуктивный» [8, с. 664]. «Эффективный — дающий эффект, действенный» [8, с. 890]. Если сверяться с энциклопедическим словарем, то эффект — значит результат [9, с. 1536]. Иными словами, результативность и эффективность можно рассматривать в качестве синонимов. Таким образом, эффективность и результативность координационной деятельности органов прокуратуры означает одно и то же. Как справедливо отмечает Ф.М. Кобзарев, уровень эффективности определяется результатом достижения поставленной цели [7, с. 21].

Исходя из ст. 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, цель такой деятельности — повышение эффективности работы следственных органов. Сразу же возникает вопрос: а какова эффективность борьбы с преступностью и каким образом исследовать этот момент? В большинстве работ криминологов справедливо отмечается, что цель борьбы с преступностью заключается прежде всего в ее сокращении, то есть в уменьшении количества зарегистрированных преступлений на той или иной территории. Хотя полагаем, что одного сокращения общего количества преступлений явно недостаточно, нужно уменьшение доли тяжких и особо тяжких преступлений, увеличение процента раскрываемости преступлений, количества уголовных дел, направленных в суды и т.д. Таким образом, цель координационной деятельности прокуратуры должна заключаться в положительных изменениях и (или) исправлении криминогенной обстановки на той или иной территории.

Следующими терминами, требующими определения, являются «показатель» и «критерий эффективности». По словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «критерий — это мерило оценки...» [8, с. 300]. «Показатель это — то, по чему можно судить о развитии и ходе чего-нибудь...» [8, с. 538].

Как отмечает Ф.М. Кобзарев, в качестве критериев оценки эффективности координационной деятельности можно рассматривать, к примеру, полноту использования всех форм координации, достоверность отражения результатов координационной деятельности в соответствующих документах, реальное снижение преступности и др. Показатели же эффективности координации — это результаты координационной деятельности, отраженные в формах статистической отчетности [7, с. 23].

Большинство ученых, затрагивающих вопросы оценки эффективности координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в своих работах, отмечают, что при определении эффективности такой деятельности необходимо использовать критерии, которые используются при оценке деятельности органов прокуратуры [10]. В настоящее время действует приказ Генерального прокурора РФ от 26 мая 2020 г. № 278 «Об утверждении положения о применении общих подходов при подготовке и проведении проверок деятельности прокуратур субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратур»¹, в соответствии с которым одним из критериев оценки работы прокуратуры является состояние самой координационной деятельности, а именно:

конкретность и выполняемость принимаемых координационным совещанием решений, их влияние на состояние законности и правопорядка в регионе;

соблюдение требований, соответствующих нормативных правовых актов по данному вопросу;

участие в реализации мероприятий и работе координационного совещания по обеспечению правопорядка в субъекте Российской Федерации;

состояние, уровень и динамика преступности в регионе, принимаемые прокуратурой меры по противодействию ее негативным тенденциям;

состояние и уровень коррупционной преступности в регионе, принимаемые прокуратурой меры по сдерживанию негативных тенденций такой преступности;

состояние, уровень и динамика в регионе преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, а также в отношении несовершеннолетних.

Предлагаем исходить из того, что для определения эффективности координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, можно опираться на два показателя:

общее изменение криминогенной обстановки (в лучшую или худшую сторону) на той или иной территории;

уменьшение (увеличение) количества совершаемых преступлений (в данном случае рассматриваются не только зарегистрированные преступления, но и те преступления, где были выявлены лица, их совершившие) на определенной территории.

При совокупном улучшении данных показателей мы можем объективно оценить деятельность органов прокуратуры.

Критерии же эффективности — конкретные количественные и качественные данные, которые характеризуют саму координационную деятельность и определяют ее показатели, их также предлагаем разделить на 2 группы: криминологические и организационно-управленческие:

Криминологические:

¹ URL: <https://base.garant.ru/74300544/> (дата обращения: 20.07.2022).

- 1) динамика всей преступности;
- 2) динамика тяжких и особо тяжких преступлений;
- 3) динамика количества уголовных дел, направленных в суд;
- 4) процент раскрываемости преступлений;
- 5) динамика раскрываемости преступлений;
- 6) мнение граждан о криминогенной обстановке и работе правоохранительных органов.

Организационно-управленческие:

- 1) наличие планов координационной деятельности и их содержание;
- 2) полнота использование форм координационной деятельности;
- 3) своевременность и полнота исполнения решений координационных совещаний;
- 4) количество участников координационной деятельности, в том числе участвующих в конкретных мероприятиях;
- 5) степень участия в координационной деятельности иных субъектов борьбы с преступностью (суды, общественность, органы власти).

С учетом этих критериев становится возможным рассчитать эффективность координационной деятельности органов прокуратуры. Ее условно можно ранжировать на эффективную и неэффективную.

Авторами разработана методика оценки эффективности координационной деятельности органов прокуратуры. В ней предлагается использовать 5 критериев эффективности организационно-управленческой деятельности и 6 криминологических критериев.

Методика включает в себя пять этапов:

- 1) для каждого критерия подбирается весовой коэффициент k , который позволяет сбалансировать общую оценку, повышая значимость конкретного показателя (см. таблицу 1) и определяется максимально возможная оценка O_{max} ;
- 2) производится оценка качества организации координационной деятельности и криминогенной обстановки по избранным критериям;
- 3) вычисляются значения $P_{орг}$ и $P_{крим}$, которые показывают в какой степени реализованы цели координационной деятельности по формулам:

$$P_{орг} = \frac{\sum_{i=1}^5 k_i \cdot O_i}{\sum k_i \cdot O_{imax}} \cdot 100$$

$$P_{крим} = \frac{\sum_{i=6}^{11} k_i \cdot O_i}{\sum k_i \cdot O_{imax}} \cdot 100$$

где O_i — оценка по соответствующему критерию. В представленных формулах i — это номер соответствующего критерия (табл. 1), который принимает значение от 1 до 5 для оценки качества организации координационной деятельности и от 6 до 11 — для оценки криминогенной обстановки;

4) оценивается эффективность организации координационной деятельности и предупреждения преступности ($E_{\text{орг}}$ и $E_{\text{крим}}$ соответственно) по формулам:

$$E_{\text{орг}} = \begin{cases} 0, P_{\text{орг}} < 75 - \text{неудовлетворительно} \\ 1, P_{\text{орг}} \geq 75 - \text{удовлетворительно} \end{cases} E_{\text{крим}};$$

$$= \begin{cases} 0, P_{\text{крим}} < 15 - \text{неудовлетворительно} \\ 1, P_{\text{крим}} \geq 15 - \text{удовлетворительно} \end{cases}$$

5) производится итоговая оценка эффективности координационной деятельности:

$$E = E_{\text{орг}} \wedge E_{\text{крим}}$$

Координационная деятельность признается эффективной в тех случаях, когда удовлетворительными признаются оба параметра $E_{\text{орг}}$ и $E_{\text{крим}}$. Если же хотя бы один из них имеет значение «неудовлетворительно», координационная деятельность в целом признается неэффективной.

Таблица 1

Значения весовых коэффициентов и максимальных оценок показателей эффективности координационной деятельности

Показатель	весовой коэффициент	макс. оценка	макс. значение
1. Содержание планов координационной деятельности	1	5	5
2. Полнота использования форм координационной деятельности	2	10	20
3. Своевременность и полнота исполнения решений координационных совещаний	2	5	10
4. Количество участников координационной деятельности, в том числе участвующих в конкретных мероприятиях	1	8	8
5. Степень участия в координационной деятельности иных субъектов борьбы с преступностью	1	3	3
6. Динамика всей преступности	4	16	8
7. Динамика тяжких и особо тяжких преступлений	2	8	12
8. Динамика количества уголовных дел, направленных в суд	1	3	6
9. Процент раскрываемости преступлений	1	3	3
10. Динамика раскрываемости преступлений	1	3	3
11. Мнение граждан о криминогенной обстановке и работе правоохранительных органов	1	3	3

Критерии № 1–5 оцениваются по балльной шкале. Например, в критерии 3, оценка 5 ставится при своевременном исполнении всех решений координационных совещаний. В случае неисполнения отдельных мероприятий в установленные сроки оценка снижается пропорционально доле таких мероприятий в их общей массе.

Критерий № 1 «Содержание планов координационной деятельности» рассчитывается, исходя из соответствия планируемых мероприятий актуальным тенденциям преступности, наличия в планах конкретных результатов, сроков и исполнителей мероприятий. Показатель снижается при включении в план координационной деятельности мероприятий, относящихся к иным направлениям деятельности прокуратуры, неконкретности планируемых мероприятий (без указания конкретных сроков, результатов, ответственных лиц, привлекаемых органов и т. п.), при включении в план координационной деятельности мероприятий, носящих аналитический характер (например, включение в план мероприятий такого рода, как «анализ криминогенной ситуации в регионе». Подобный анализ, полагаем, необходим, но он относится не к координационной деятельности, а составляет ее методическое основание). Также считаем необходимым снижать оценку данного показателя при отсутствии в плане мероприятий, направленных на устранение причин и условий преступности.

Критерий № 2 «Полнота использования форм координационной деятельности» имеет максимально возможную оценку 10, поскольку в соответствии с п. 6 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью предусмотрено 10 форм координационной деятельности. Поэтому фактическая оценка будет зависеть от количества используемых форм.

Критерий № 4 имеет максимальное значение 8 по числу правоохранительных органов в Российской Федерации, которые могут привлекаться для совместных мероприятий (прокуратура, СК РФ, ФСБ РФ, МВД РФ, Росгвардия, ФТС РФ, УФСИН РФ, ФССП РФ). Фактическая оценка определяется количеством задействованных в координационной деятельности органов. Аналогичным образом установлено максимальное значение показателя № 5 (суды, общественность, органы власти).

Расчет криминологических критериев № 6–11 строится на основе нижеприведенных таблиц.

Таблица 2

**Расчет значений криминологических критериев № 6 и 7
(динамика всей преступности и динамика удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений)**

Динамика (D, %)	$D < -5$	$-5 \leq D < -3$	$-3 \leq D < -1$	$-1 \leq D < 0$	$0 \leq D < 1$	$1 \leq D < 3$	$3 \leq D < 5$	$D \geq 5$
значение показателя	4	3	2	1	0	-1	-2	-3

Расчет динамики преступности производится на основе данных уголовной статистики за предшествующий и текущий отчетный год. При положительных значениях этого показателя (ухудшение криминогенной ситуации) криминологические показатели могут принимать отрицательные значение и снижать общую оценку эффективности. В те периоды когда преступность стабильна, колебания ее динамики незначительны и при оценке не учитываются (значения динамики от 1 до 0%).

Оценка критерия № 8 осуществляется на основе таблицы 3.

Таблица 3

Оценка динамики количества уголовных дел, направленных в суд

Динамики (D, %)	$D \leq -2$	$-2 < D \leq -1$	$-1 < D \leq 0$	$0 < D \leq 1$	$1 < D \leq 3$	$3 < D \leq 5$	$D > 5$
Оценка	-3	-2	-	0	1	2	3

Оценка процента раскрываемости преступности осуществляется на основе таблицы 4.

Таблица 4

Оценка критерия «Процент раскрываемости преступлений»

Процент раскрываемости	менее 50	50–55	56–60	61–65	свыше 65
Оценка показателя	-1	0	1	2	3

Оценка динамики раскрываемости преступности осуществляется на основе таблицы 5.

Таблица 5

Оценка динамики раскрываемости преступлений

Процент раскрываемости	меньше -3	от -3 до 0	от 0 до 0,5	от 0,5 до 1	свыше 1
Оценка показателя	-2	-1	1	2	3

Оценка мнения граждан о криминогенной обстановке и деятельности правоохранительных органов осуществляется на основе таблицы 6.

Таблица 6

Мнение гражданами о криминогенной обстановке и работе правоохранительных органов

Оценка граждан	ситуация ухудшилась	без изменений	незначительные улучшения	стало лучше	стало значительно лучше
Оценка показателя	-1	0	1	2	3

Приведем пример значений показателей, при которых координационная деятельность оценивается как эффективная:

- 1) содержание планов координационной деятельности — 5 из 5;
- 2) полнота использования форм координационной деятельности — 7 из 10;
- 3) своевременность и полнота исполнения решений координационных совещаний — 5 из 5;
- 4) количество участников координационной деятельности — 5 из 8;
- 5) степень участия в координационной деятельности иных субъектов борьбы с преступностью — 2 из 3;
- 6) динамика всей преступности — 2,4%;
- 7) динамика удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений — +5,6%;
- 8) динамика количества уголовных дел, направленных в суд — 0%;
- 9) уровень раскрываемости преступлений — 50,3%;

10) динамика раскрываемости преступлений — 3,7%;

11) мнение граждан о криминогенной обстановке и работе правоохранительных органов 2 из 3.

Приведенный выше набор данных отражает реальное состояние криминогенной обстановки и раскрываемости преступлений в Саратовской области по состоянию на 2021 г.

По поводу предложенной методики следует дать некоторые пояснения. Во-первых, весовые коэффициенты и максимальные значения оценок подобраны таким образом, чтобы исключить получение удовлетворительной оценки путем реализации организационно-управленческих критериев на фоне ухудшения криминогенной обстановки.

Во-вторых, авторы придерживаются точки зрения об обязательном включении в число показателей оценки координационной деятельности, данных о состоянии преступности. В литературе высказана противоположенная точка зрения [11, с. 21], основанная, по всей видимости, на том обстоятельстве, что фактическое состояние законности не находится в прямой зависимости от деятельности прокуратуры. Действительно имеет место противоречие при котором, с одной стороны, правоохранительные органы несут ответственность за состояние криминогенной обстановки и, с другой, в силу объективных причин их влияние на преступности незначительно.

Однако полный отказ от игнорирования криминологических показателей в случае с оценкой координационной деятельности, полагаем, невозможен. Игнорирование изменений преступности может привести к формализации оценки, ее отрыву от действительности, незаинтересованности органов прокуратуры в реальном улучшении криминогенной обстановки.

В предлагаемой методике мы постарались смягчить это противоречие путем оценки криминологических критериев на основе данных о многолетнем поведении преступности, при котором незначительная изменчивость преступности в пределах многолетней нормы не влияет на оценку эффективности. Если же криминогенная обстановка в стране по каким-либо причинам резко изменится, то и способы оценки криминологических показателей, естественно, будут корректироваться.

И, наконец, в-третьих, следует обратить внимание на то, что предложенные в настоящей статье весовые коэффициенты и максимальные значения оценок показателей координационной деятельности являются ориентировочными, отражающими представления авторов о координационной деятельности органов прокуратуры и ее влияния на преступность, и могут быть скорректированы с учетом реальной ситуации и практического опыта оценки эффективности координационной деятельности.

Библиографический список

1. *Зинуров Р.Н.* Координационная деятельность российской прокуратуры. Уфа: Гилем, 2002. 251 с.
2. Прокурорский надзор: в 2 т. / под ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2018. Т. 2: Особая и специальная части: учебник. 420 с.

3. *Капитонова Ю.В.* Основы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.
4. Теоретические, правовые и организационные основы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / под ред. Ф.М. Кобзарева. М.: Проспект, 2015. 254 с.
5. *Зинуров Р.Н.* Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (тенденции и закономерности): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2003. 51 с.
6. Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / под ред. О.Н. Коршуновой. М.: КноРус, 2023. 176 с.
7. *Кобзарев Ф.М.* Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью // Законность. 2014. № 11 (961). С. 21.
8. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
9. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 1600 с.
10. *Умарова Х.М.* Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015.
11. *Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х.* К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 1 (27). С. 21–28.

References

1. *Zinurov R.N.* Coordination Activity of the Russian Prosecutor's Office. Ufa: Gilem, 2002. 251 p.
2. Prosecutor's Supervision: in 2 vols. / Ed. by O.S. Kapinus. M.: Yurite, 2018. Т. 2: Special and special parts: textbook. 420 p.
3. *Kapitonova Y.V.* Bases of Coordination of Activity of Law Enforcement Bodies to Combat Crime by the Prosecutor's Office: extended abstract . diss.... cand. of law. M., 2002. 26 p.
4. Theoretical, Legal and Organizational Bases of Coordination by the Prosecutor's Office of the Activities of Law Enforcement Bodies to combat Crime / ed. by F.M. Kobzarev. Moscow: Prospect, 2015. 254 p.
5. *Zinurov R.N.* Conceptual Bases and Scientific and Practical Problems of Coordination of Activity of Law Enforcement Bodies to Combat Crime (Trends and Patterns): extended abstract . diss.... doc. of law. Ufa, 2003. 51 p.
6. Coordination by the Prosecutor of the Activity of Law Enforcement Bodies to Combat Crime / ed. by O.N. Korshunova. Moscow: Knorus, 2023. 176 p.
7. *Kobzarev F.M.* Evaluation of the Effectiveness of Coordination Activities of the Prosecutor's Office to Combat Crime // Legality. 2014. No. 11 (961). P. 21.
8. The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological expressions / S.I. Ozhegov and N.Y. Shvedova. 4-th ed. ext. Moscow: A TEMP, 2006. 938 p.
9. The Soviet Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1983. 1600 p.
10. *Umarova H.M.* Assessment of the Effectiveness of Coordination Activities of the Prosecutor's Office to Combat Crime // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015.
11. *Kapinus O.S., Andreev B.V., Kazarina A.Kh.* On the Methodology and Technique of Assessing the Effectiveness of Prosecutorial Oversight // Bulletin of the Prosecutor General's Academy of the Russian Federation. 2012. No. 1 (27). P. 21–28.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-238-244

УДК 343.163

Е.Н. Асташкина

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Введение: эффективность деятельности органов прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением права на образование, обеспечивает слаженность функционирования системы образования, в целях решения стоящих перед ней задач в государстве. **Цель:** поиск наиболее адекватного подхода к достижению высокой результативности прокурорского надзора за соблюдением права на образование, посредством правовой регламентации отдельных его аспектов. **Методологическая основа:** философский анализ категорий «сущность» и «предмет прокурорского надзора», совокупность диалектического, сравнительного и системного методов исследования. **Результаты:** аргументированная авторская позиция относительно предмета прокурорского надзора за соблюдением права на образование. **Выводы:** на сегодняшний день есть необходимость в принятии отдельного Приказа Генерального прокурора РФ, который закрепил бы приоритетные направления прокурорского надзора за соблюдением, закрепленного в Конституции РФ и Федеральных законах права на образование (с конкретизацией отдельных актуальных вопросов, которые следует проверять).

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, функция, приоритетное направление прокурорского надзора, права и свободы человека и гражданина, право на образование, методика прокурорских проверок.

E.N. Astashkina

PROSECUTOR'S SUPERVISION AS A GUARANTEE OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO EDUCATION

Background: the effectiveness of the activities of prosecutors in the implementation of prosecutorial supervision of compliance with the right to education, ensures the coherence of the educational system, in order to meet the challenges it faces in the state. **Objective:** to find the most adequate approach to achieving high efficiency of prosecutorial supervision over the observance of the right to education, through the legal regulation of its individual aspects. **Methodology:** philosophical analysis of the categories "essence" and "subject of prosecutorial supervision", a set of dialectical, comparative and systematic research methods. **Results:** the author's reasoned position on the subject of prosecutorial oversight of the right to education. **Conclusions:** today there is a need to adopt a separate Order of the Prosecutor General of the Russian Federation, which would fix the priority areas of prosecutorial oversight over compliance with the right to education, enshrined in the Constitution of the Russian Federation and federal laws (with the specification of certain topical issues that should be checked).

© Асташкина Елена Николаевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Astashkinaen@gmail.com

© Astashkina Elena Nikolaevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

Key-words: *prosecutor's office, prosecutor's supervision, function, priority direction of prosecutor's supervision, human and civil rights and freedoms, right to education, methods of prosecutor's checks.*

Современное российское образование является фундаментальной основой общества, отражающей его интеллектуальный, духовно-нравственный, культурный уровень, подкрепляющий государственность и определяющий перспективную траекторию развития страны. Сбережение и развитие человеческого потенциала в нашем государстве, является одним из стратегических направлений национальной безопасности. Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 г., предусматривает увеличение спектра возможностей для получения качественного образования всех уровней, переподготовки в соответствии с изменяющимися потребностями рынка труда, обучение и воспитание несовершеннолетних на основе традиционных российских духовных, нравственных, культурных, исторических ценностей¹. Залогом стабильного и результативного функционирования системы образования является четкое соответствие всех процессов в данной сфере правоотношений соответствующим нормативно-правовым актам, что, в свою очередь, обеспечивает прокуратура РФ.

Органы прокуратуры осуществляют значимую деятельность по защите прав несовершеннолетних во всех сферах правоотношений и образование не исключение. Важность данной деятельности подчеркивает количество участников, реализующих свое право на образование. Так, в соответствии с государственной Программой РФ «Развитие образования», в 2020/21 учебном году по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования обучались 16 893 700 человек, функционировало 39 980 государственных и муниципальных общеобразовательных организаций, причем в государстве более 1,25 млн обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и более 700 тыс. детей-инвалидов; общая численность студентов, обучающихся в организациях среднего профессионального образования в 2020/21 учебном году составляла 3 336 323 человека².

Надзор за соблюдением прав несовершеннолетних на образование является одним из приоритетных направлений, на чем акцентирует внимание Генеральный прокурор РФ, приказывая нижестоящим прокурорам усиливать надзор в данной сфере, особое уделять внимание обеспечению необходимого качества образования, организации воспитания в образовательных учреждениях, в том числе, частных. Так, в приказе отмечается, что прокуроры должны оценивать достаточность принимаемых уполномоченными органами мер по решению проблемы дефицита мест в дошкольных и общеобразовательных организациях³. Такое требование на сегодняшний день несомненно актуально, поскольку доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет в 2020 г. составляла 99,17%, для детей раннего возраста (от 2 месяцев до 3 лет) составляла 91,65%,

¹ См.: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 27 (ч. II), ст. 5351.

² См.: Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие образования”» (в ред. от 26 сентября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 1 (ч. II), ст. 375.

³ См.: Приказ Генпрокуратуры России от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. 2022. № 2.

а 99 471 ребенок указанного возраста не был обеспечен местом в государственных или муниципальных дошкольных образовательных организациях¹.

Реализацию соблюдения прав детей на образование прокуратура держит в постоянном поле своего зрения. Мерами прокурорского надзора увеличивается количество образовательных организаций, обеспечивается доступность и безопасность получения образования, надлежащее оснащение учебного процесса. Например, к сентябрю 2022 г., в республиках Адыгея, Хакасия, Пермском крае и других регионах после прокурорских проверок в школах произведен ремонт, образовательные организации оборудованы в соответствии с санитарно-эпидемиологическими нормами, требованиями пожарной безопасности; в Чувашской Республике, Архангельской, Костромской областях и иных субъектах штат образовательных организаций укомплектован необходимыми педагогами, в том числе для обучения детей с ограниченными возможностями. Обеспечение права детей на образование в 2022/23 учебном году Генеральной прокуратурой Российской Федерации взято на особый контроль².

Обеспечение и защита прав несовершеннолетних в системе функций прокуратуры имеет межотраслевой, комплексный характер, который находит свое проявление во всех сферах надзора и при реализации иных функций, и в первую очередь, это участие в рассмотрении дел судами [1, с. 9].

Надзор за исполнением законов в сфере образования и соблюдением права на образование является одним из приоритетных направлений таких отраслей прокурорского надзора, как надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, а также прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В теории, сущность и назначение прокурорского надзора как функции, в целом вызывает дискуссии, однако, большинство авторов сходятся в том, что это понятие раскрывают предмет, объекты надзора, задачи, основные направления [2, с. 183–189]. Данные базовые элементы единого понятия имеют свое специфическое содержание как в различных отраслях надзора, так и в приоритетных направлениях данных отраслей надзора, что, в свою очередь, определяется характерными особенностями проверяемых правоотношений.

Предмет прокурорского надзора, всегда был вопросом, вызывающим повышенный интерес в теории и науке на протяжении длительного времени, и особенно с того момента как он нашел впервые свое законодательное закрепление в Федеральном законе «О прокуратуре РФ», принятом в 1992 г. [3, с. 3]. Анализируя нормативно-правовое закрепление данного вопроса, В.В. Гаврилов отмечал, что предмет надзора, в любой сфере связан с исполнением законов [4, с. 10–40]. Одни авторы отождествляют предмет с объектом деятельности поднадзорных органов и лиц, что выражается в исполнении, соблюдении законов или ограничивает это понятие актами и действиями органов и лиц, которых входят в предмет надзора [5, с. 204–205]. Вторые раскрывают предмет надзора, как «стороны (аспекты) деятельности органов, организаций, иных лиц, на которые направлены внимание и полномочия прокурора» [6, с. 38]. Третьи, при определении предмета надзора, исходят из законодательного регулирования

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие образования“» (в ред. от 26 сентября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 1 (ч. II), ст. 375.

² См.: Соблюдение прав детей на безопасные и современные условия образования остаются одной из приоритетных задач органов прокуратуры в новом учебном году. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/protecting_children/news?item=76428168 (дата обращения: 10.11.2022).

данного вопроса и считают, что предметом является соблюдение Конституции РФ, исполнение законов поднадзорными органами и соответствие законам издаваемых ими правовых актов [7, с. 151].

Принимая во внимание различные точки зрения, предмет прокурорского надзора можно определить как сферу общественных отношений, проверяемую органами прокуратуры по вопросу правильного и единообразного исполнения законов поднадзорными органами. Конкретизируя теоретический аспект, исследуя предмет прокурорского надзора за соблюдением права на образование, представляется верным рассматривать соблюдение поднадзорными органами в своей деятельности конституционного права на образование, закрепленное в законодательстве РФ.

Фундаментальный характер права на образование подтверждается его закреплением в Конституции РФ, где провозглашается право каждого на образование, его общедоступность и бесплатность, его реализация на основании федеральных государственных образовательных стандартов, которые поддерживают различные формы образования и самообразования¹.

Конституционная регламентация права на образование находит свою конкретизацию, а именно: ФЗ «Об образовании в РФ», ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», ФЗ «Об опеке и попечительстве» и др.²

Образуя в совокупности с Конституцией РФ предмет надзора, федеральные законы закрепляют механизмы и условия реализации и обеспечения права на образование. Так, в ФЗ «Об образовании в РФ», гарантируя положения Основного Закона, закрепляется структура системы образования, полномочия органов государственной власти РФ, органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, права обучающихся относительно обеспечения учебной литературой, выплаты стипендий, транспортного обеспечения, одежды и охраны здоровья обучающихся и т.д. В ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» гарантируется государственная поддержка получение инвалидами образования и необходимых условий для его получения, что реализуется в целях достижения равенства прав и свобод инвалидов наравне с другими гражданами, развитие их личных индивидуальных способностей и интеграцию в общество. При том, что образовательная деятельность реализуется в соответствии с адапти-

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 7 октября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598; Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в ред. от 29 ноября 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4563; Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177; Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3802; Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 1, ст. 48; Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (в ред. от 2 июля 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1, ст. 5.

рованными образовательными программами и индивидуальными программами реабилитации и абилитации инвалидов.

Стоит отметить, что соблюдение рассматриваемого права, закрепленного в федеральном законодательстве, относится к предмету данного направления надзора и, в свою очередь, отдельные его аспекты находят свою детализацию и в иных нормативно-правовых актах, в том числе и внутриведомственных. Знание их необходимо, так как они в полной мере отражают сущность и содержание положений федерального законодательства, выступающих в качестве гарантии реализации конституционного права на образование. Так, в ст. 41 ФЗ «Об образовании в РФ» закреплены положения, которые составляют содержание понятия «охрана здоровья обучающихся»: организация питания обучающихся; определение оптимальной учебной, внеучебной нагрузки, режима учебных занятий; обеспечение безопасности обучающихся в образовательных организациях и учреждениях и др. А раскрытие специфики содержания каждого элемента находит в иных нормативно-правовых актах. Например, Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 „Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи”», определяет санитарно-эпидемиологические требования к обеспечению безопасных условий образовательной деятельности, включая особенности локации образовательных учреждений, оборудование их территорий, планировку зданий и сооружений, технический регламент в отношении мебели (и для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов), организация питания, организациям, реализующим образовательные программы дошкольного образования, осуществляющих присмотр и уход за детьми¹.

Эффективность прокурорского надзора за соблюдением права на образование определяют и основные приоритетные направления, указывающие на самые уязвимые участки и требующие, в связи с этим, повышенного внимания прокурора. Данные направления сформулированы в приказах Генерального прокурора во всех отраслях надзора и имеют обязательный характер для исполнения нижестоящими прокурорами. В рассматриваемой сфере действует приказ Генерального прокурора № 195, который имеет общий характер для таких отраслей надзора, как надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Однако в данном приказе надзор в сфере образования не выделяется, а указывается в качестве приоритетных направлений прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, надзор за исполнением законов в социальной сфере и др.² Поскольку, в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», образование является одним из национальных проектов, то приоритетные направления прокурорского надзора при его реализации определены в Приказе Генерального прокурора РФ от 14 марта 2019 г. № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реа-

¹ См.: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 „Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.11.2022).

² См.: Приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (в ред. от 2 августа 2022 г.) // Законность. 2008. № 3.

лизации национальных проектов», где нижестоящих прокуроров ориентируют проверять всесторонность и своевременность принятия уполномоченными органами мер, направленных на повышение качества и доступности образовательных услуг, создание современной и безопасной образовательной среды, увеличение количества образовательных организаций, обеспечение условий для получения образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, пресечение незаконного закрытия образовательных заведений в населенных пунктах и др.¹

Однако, исходя из предмета надзора, включающий в себя достаточно широкий перечень нормативно-правовых актов, которым должна соответствовать сфера образования и многоплановость проверяемых правоотношений, очевидна потребность в едином нормативно-правовом документе, в котором нашли свое закрепление как ключевые проблемы в целом, на которых прокурорам следует сконцентрировать свое внимание, так и базовые вопросы в частности.

Такие аспекты подробно представляются в научных исследованиях, методиках проведения прокурорских проверок, где указываются не только отдельные значимые направления надзора за исполнением законов в сфере образования, исходя из требований закона (общедоступность образования, соблюдение права на образование инвалидами и лиц с ограниченными возможностями здоровья, лицензирование образовательной деятельности, информационная открытость образовательной деятельности, безопасность обучающихся, охрана здоровья обучающихся, соблюдение прав на образование детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, законность действий органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере образования и др.), но и перечисляются вопросы, которые необходимо выяснить [8, с. 73–84; 9, с. 147–151; 10, с. 72–83; 11, с. 132–145]. Следует отметить, что подобные разработки без сомнения имеют важное разъяснительное и познавательное значение, но их характеризует скорее рекомендательный характер.

Таким образом, представляется верным говорить о том, что на сегодняшний день есть необходимость в принятии отдельного Приказа Генерального прокурора РФ, который закрепил бы приоритетные направления прокурорского надзора за соблюдением закрепленного в Конституции РФ и федеральных законах права на образование с конкретизацией отдельных актуальных вопросов, которые следует проверять.

Библиографический список

1. Защита прокурором прав несовершеннолетних: практическое пособие / коллектив авторов; под ред. О.Н. Коршуновой. М.: ЮСТИЦИЯ, 2021. 588 с.
2. Воронин О.В. О сущности современного прокурорского надзора // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 183–189.
3. Гаврилов В.В., Николаева Т.П., Чугунов А.П. Прокурорский надзор в России: устройство и деятельность прокуратуры Российской Федерации / под ред. В.В. Гаврилова. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 1995. 244 с.

¹ См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в ред. от 21 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20, ст. 2817; Приказ Генпрокуратуры России от 14 марта 2019 г. № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» (в ред. от 19 января 2022 г.) // Законность. 2019. № 5.

4. *Гаврилов В.В.* Сущность прокурорского надзора в СССР: предмет, объект, функция, компетенция / под ред. В.И. Новоселова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 152 с.
5. *Шайхлисламов Э.Р., Ганеев Т.Ф.* Сущность современного прокурорского надзора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 9–2 (48). P. 204–205.
6. *Головко И.И.* О предмете деятельности прокурора и его пределах // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2021. № 4. С. 38.
7. *Викторов И.С., Игонина Н.А., Субанова Н.В.* Надзор за исполнением законов. Настольная книга прокурора: в 2 ч. / под общ. ред. О.С. Капинус, С.Г. Кехлерова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. Ч. 1: практическое пособие. 481 с.
8. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие / коллектив авторов; под. ред. О.Н. Коршуновой. 2е изд., перераб. и доп. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. 408 с.
9. *Муравьев И.А.* Правовые основы государственного надзора в сфере образования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2. С. 147–151.
10. *Куликова Т.Б.* Проблемы правового регулирования лицензионного контроля за образовательной деятельностью // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 1. С. 72–83.
11. *Терещенко Е.А., Иванченко Е.А., Зассеев Д.А.* Защита органами прокуратуры Российской Федерации права на образование и соблюдение образовательными организациями СКФО федерального законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 132–145.

References

1. Protection by the Prosecutor of the Rights of Minors: a practical guide / collective of authors; edited by O.N. Korshunova. Moscow: JUSTICE, 2021. 588 p.
2. *Voronin O.V.* On the Essence of Modern Prosecutorial Supervision // Criminal Justice. 2018. No. 11. P. 183–189.
3. *Gavrilov V.V., Nikolaeva T.P., Chugunov A.P.* Prosecutor's Supervision in Russia: The Structure and Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation / Edited by V.V. Gavrilov. Saratov: Sarat. State Academy of Law, 1995. 244 p.
4. *Gavrilov V.V.* The Essence of Prosecutorial Supervision in the USSR: Subject, Object, Function, Competence / Edited by V. I. Novoselov. Saratov: Saratov University Press, 1984. 152 p.
5. *Shaikhislamov E.R., Ganeev T.F.* The Essence of Modern Prosecutorial Supervision // International Journal of Humanities and Natural Sciences. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 9–2 (48). P. 204–205.
6. *Golovko I.I.* On the Subject of the Prosecutor's Activity and Its Limits // Vestnik VSU. Series: Law. 2021. No. 4. P. 38.
7. *Viktorov I.S., Igonina N.A., Subanova N.V.* Supervision of the Execution of Laws / Prosecutor's Handbook. In 2 h. Part 1: practice. manual / under the general Ed. O.S. Kapinus, S.G. Kehlerova. 5-th ed., reprint. and additional. M.: Yurayt Publishing House, 2019. 481 p.
8. Prosecutor's Check. Methodology and Tactics of Conducting: textbook / team of authors; edited by O.N. Korshunova. 2nd ed., transab. and additional. Moscow: JUSTICE, 2019. 408 p.
9. *Muravyev I.A.* Legal Bases of State Supervision in the Field of Education // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSLA). 2014. No. 2. P. 147–151.
10. *Kulikova T.B.* Problems of Legal Regulation of Licensing Control over Educational Activities // Bulletin of St. Petersburg State University. Right. 2019. Vol. 10. Issue 1. P. 72–83.
11. *Tereshchenko E.A., Ivanchenko E.A., Zasseev D.A.* Protection by the Prosecutor's Office of the Russian Federation of the Right to Education and Compliance by Educational Organizations of the North Caucasus Federal District with Federal Legislation // Legal policy and legal life. 2019. No. 4. P. 132–145.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-245-249

УДК 343.163

Е.В. Богатова, О.И. Лавринович

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ РАЗУМНЫХ СРОКОВ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Введение: надзор за соблюдением разумных сроков предварительного следствия является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры. Ежегодно выявляется значительное количество нарушений в данной сфере. При этом недостатки нормативно-правового регулирования полномочий прокурора существенно снижают результативность надзора. **Цель:** поиск способов повышения эффективности прокурорского надзора за соблюдением разумных сроков предварительного следствия. **Методологическая основа:** методом анализа и синтеза проводится исследование причин и условий, влияющих на качество и своевременность прокурорского надзора в исследуемой сфере. Методом конкретизации обращается внимание на низкую неэффективность определенных полномочий прокурора. **Результаты:** обозначены типичные нарушения законов в данной сфере. Проведен анализ причин и условий, влияющих на качество прокурорского надзора за соблюдением разумных сроков предварительного следствия. При изучении Приказа генерального прокурора № 544 выявлены несоответствия федеральному законодательству. Предложено внести изменения в ч. 8 ст. 162 УПК РФ, что позволит прокурору в максимально короткое время проверить законность продления срока предварительного следствия. **Выводы:** прокурор при осуществлении надзора за соблюдением разумных сроков следствия фактически не наделен действенными полномочиями по предупреждению и устранению выявленных нарушений. Для повышения эффективности данной деятельности требуется внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: прокурорский надзор, разумный срок, надзор за деятельностью органов следствия.

© Богатова Екатерина Владимировна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Bogatovaev@yandex.ru
© Лавринович Ольга Ивановна, 2023
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)

© Bogatova Ekaterina Vladimirovna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

© Lavrinovich Olga Ivanovna, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

E.V. Bogatova, O.I. Lavrinovich

PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE COMPLIANCE
OF REASONABLE TIME LIMITS BY PRELIMINARY
INVESTIGATION BODIES

Background: supervision of the observance of reasonable terms of preliminary investigation is one of the priorities of the prosecutor's office. Every year a significant number of violations in this area is revealed. At the same time deficiencies of normative-legal regulation of the prosecutor's powers significantly reduce the effectiveness of supervision. **Objective:** to find ways to increase the effectiveness of prosecutorial supervision over compliance with reasonable time limits for the preliminary investigation. **Methodology:** the method of analysis and synthesis is used to study the causes and conditions that affect the quality and timeliness of prosecutorial supervision in the area under study. The specification method draws attention to the low inefficiency of certain powers of the prosecutor. **Results:** typical violations of the law in this area are identified. Analysis of causes and conditions affecting the quality of prosecutorial supervision over the observance of reasonable terms of pre-trial investigation was conducted. The study of the Prosecutor General's Order No. 544 revealed inconsistencies with the federal legislation. It was proposed to amend part 8 of article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which would allow the prosecutor to check the legality of the extension of the preliminary investigation within the shortest possible time. **Conclusions:** the prosecutor, when exercising supervision over the observance of reasonable time limits for the investigation, is actually not endowed with effective powers to prevent and eliminate the identified violations. To increase the efficiency of this activity, amendments to the criminal procedural legislation are required.

Key-words: prosecutor's supervision, reasonable time, supervision of the activities of the investigating authorities.

Принцип разумного срока был введен в уголовно-процессуальное законодательство в 2010 г.¹ Его правовую основу составила ст. 6.1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), которая закрепила не только обязанность соблюдения сроков расследования, но и некоторые положения о порядке определения их разумности. В целях обеспечения реализации указанного принципа был принят Федеральный закон «О компенсации за нарушения права на судопроизводства в разумный срок или права на исполнения судебного акта в разумный срок»², который установил возможности обращения в суд за компенсацией до прекращения уголовного преследования или до вступления приговора в законную силу (в случае установления подозреваемого или обвиняемого), если продолжительность производства по уголовному делу превысила четыре года.

¹ См.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (в ред. от 8 марта 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2145.

² См.: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (в ред. от 11 июня 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18, ст. 2144; 2022. № 24, ст. 3943.

В результате внесенных изменений появилась необходимость в пристальном надзоре со стороны органов прокуратуры за соблюдением сроков расследования. Приказом Генерального прокурора от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства»¹ (в настоящее время утратил силу) (далее — Приказ № 276), данное направление было признано приоритетным в деятельности прокуратуры, определен порядок осуществления надзора и периодичность проведения анализа состояния законности, причин длительного расследования преступлений (свыше трех лет).

В дополнение к названному приказу в 2015 г. было принято совместное Указание «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства»². В нем регламентированы обязанности в исследуемой сфере не только прокуратуры, но и руководителей следственных органов. Тем самым данный акт был направлен на всестороннее регулирование контрольно-надзорной деятельности за соблюдением сроков предварительного следствия.

Несмотря на это при проведении прокуратурой проверок деятельности органов предварительного следствия отмечается, что большое количество нарушений закона в досудебных стадиях уголовного процесса связано с несоблюдением разумных сроков. Так, по данным прокуратуры Ставропольского края за 9 месяцев 2022 г. 31,6% уголовных дел расследуются в сроки свыше установленных УПК РФ³.

Нарушения допускаются при продлении сроков доследственной проверки и предварительного расследования, при необоснованной пересылки сообщений о преступлениях из одного органа предварительного расследования в другой, при длительном непринятии материалов проверки к производству после отмены процессуальных решений, в связи с неоднократным вынесением незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении уголовного дела [1, с. 26; 2, с. 185; 3, с. 234]. Прокурорские работники часто отмечают, что по делам, расследованным с нарушением сроков, в течение нескольких месяцев подряд не проводилось ни одного следственного действия [1, с. 27; 4, с. 58]. Несмотря на наличие у прокурора полномочий по выявлению и устранению нарушений закона, не всегда они имеют действенный характер.

Например, следователем отдела № 2 (по обслуживанию Октябрьского района) СУ УМВД России по г. Рязани были допущены нарушения сроков расследования, что явилось основанием для обращения потерпевшего в суд для взыскания соответствующей компенсации. Уголовное дело было возбуждено практически спустя 6 месяцев после подачи заявления, неоднократно выносились поста-

¹ См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» (в ред. 22 апреля 2011 г.) (утратил силу). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257411/> (дата обращения: 21.08.2022).

² См.: Указание Генпрокуратуры России №275/36, СК России 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России №195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 3 июня 2015 г. «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // Бюллетень федеральной службы судебных приставов. 2015. № 11.

³ См.: Основные результаты прокурорской деятельности_09 2022. Прокуратура Ставропольского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_26/activity/statistics/office/result?item=77607686 (дата обращения: 10.10.2022).

новления о приостановлении производства по уголовному делу, которые были признаны необоснованными и отменены руководителем следственного органа и надзирающим прокурором. Общий срок досудебного производства с момента подачи заявления о преступлении составил более пяти лет, а с момента возбуждения уголовного дела — четыре года и три месяца. По заявлениям потерпевшего прокурором Октябрьского района г. Рязани были внесены четыре представления в адрес начальника СУ УМВД России по Рязанской области об устранении нарушений ст. 6.1 УПК РФ, а также пять требований об устранении нарушений федерального законодательства. В связи с неисполнением актов прокурорского реагирования было внесено представление в адрес начальника УМВД России по Рязанской области¹.

Несмотря на принятые прокурором меры, разумный срок предварительного следствия был нарушен. Причинами такого положения дел являются проблемы правового и организационного характера.

Так, заслуживает внимание мнение Е. Богословской, которая отмечает, что «...прокурор лишен каких-либо властных полномочий, способных напрямую повлиять на сроки проведения предварительного следствия. В частности, ст. 37 УПК РФ прокурор не наделен правом давать следователю указания о направлении хода расследования, производстве процессуальных действий, не установлен механизм реальной ответственности недобросовестных должностных лиц» [2, с. 58].

Действительно, практика показывает, что представление и требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства не всегда эффективны при осуществлении надзора за соблюдением разумных сроков предварительного следствия. При этом более действенных способов реагирования прокурор не имеет. Стоит, конечно, упомянуть, что в некоторых случаях положительный результат достигается в результате обсуждения данных проблем на координационных совещаниях. Однако результат таких мероприятий, как правило, зависит от качества налаженных взаимоотношений между прокурором и руководителем следственного органа [5, с. 85].

Помимо отсутствия у прокурора властных полномочий имеются проблемы и организационного характера. В 2021 г. Приказ № 276 утратил силу, некоторые его положения были отражены в новом Приказе Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»² (далее — Приказ № 544), который среди прочего закрепил отдельные вопросы организации надзора за соблюдением разумных сроков предварительного следствия.

¹ См.: Решение № 3а-552/2020 от 21 декабря 2020 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XWbzy47HKk8/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+6.1.+%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D1%81%D1%80%D0%BE%D0%BA+%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%28%D0%A3%D0%9F%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1667909527932 (дата обращения: 10.11.2022).

² См.: Приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2021. № 12.

Следует обратить внимание на п. 1.13 Приказа № 544, который предписывает «...наладить действенный надзор за исполнением законов в части соблюдения сроков предварительного следствия и своевременного принятия процессуальных решений по уголовным делам. Обеспечивая надзор за соблюдением предусмотренных статьей 6.1 УПК РФ положений о разумном сроке уголовного судопроизводства, ориентировать руководителей следственных органов на незамедлительное представление прокурору копий постановлений о продлении срока предварительного расследования». Нужно признать, что такие меры способны положительным образом отразиться на предупреждении нарушений закона и сроков расследования. Однако УПК РФ не устанавливает такую обязанность для руководителя следственного органа. В соответствии с ч. 8 ст. 162 УПК РФ следователь в письменной форме должен уведомить обвиняемого и его защитника, а также потерпевшего и его защитника о продлении срока предварительного следствия. Поэтому фактически положения Приказа № 544 противоречат нормам УПК РФ, что может привести к неисполнению или несвоевременному исполнению требований прокурора.

В связи с этим необходимо дополнить ч. 8 ст. 162 УПК РФ изложив ее в следующей редакции «Следователь в письменном виде уведомляет прокурора, обвиняемого и его защитника, а также потерпевшего и его представителя о продлении срока предварительного следствия».

Таким образом, прокурор при осуществлении надзора за соблюдением разумных сроков следствия фактически не наделен действенными полномочиями по предупреждению и устранению выявленных нарушений. Для повышения эффективности данной деятельности требуется внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Библиографический список

1. *Герман А.А., Карпенюк А.Е.* Практика осуществления надзора за соблюдением разумных сроков уголовного судопроизводства // Следственная практика. 2015. № 196.
2. *Стуконог И.В.* Соблюдение разумных сроков на стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2014. № 2 (48).
3. *Ветрила Е.В.* Проблемы реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Современный ученый. 2019. № 5. С. 232–237.
4. *Богословская Е.* Разумный срок уголовного преследования // Законность. 2015. № 4.
5. *Богатова Е.В.* Контрольно-надзорная деятельность и ее эффективность в стадии возбуждения уголовного дела. М.: Юрлитинформ, 2018. 168 с.

References

1. *German A.A., Karpenyuk A.E.* The Practice of Supervision over Compliance with Reasonable Terms of Criminal Proceedings // Investigative Practice. 2015. No. 196.
2. *Stukonog I.V.* Compliance with Reasonable Terms at the Stage of Initiating a Criminal Case // Society and Law. 2014. No. 2 (48).
3. *Vetrila E.V.* Problems of Implementation of the Principle of a Reasonable Period of Criminal Proceedings / E. V. Vetrila // Modern scientist. 2019. No. 5. P. 232–237.
4. *Bogoslovskaya E.* Reasonable Term of Criminal Prosecution // Legality. 2015. No. 4.
5. *Bogatova E.V.* Control and Supervisory Activities and Its Effectiveness at the Stage of Initiating a Criminal Case. M.: Yurлитinform, 2018.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-250-255

УДК 343.97

И.Н. Вишневецкая

ФЕМИЦИД: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Введение: в статье обозначается проблемный характер понимания термина «фемцид», приводятся различные точки зрения по вопросу определения его дефиниции. Констатируется недостаточное внимание к проблеме фемцида в России. Автором выделяются его характерные свойства и особенности. **Цель:** обосновать понятие, признаки, свойства и характерные особенности фемцида. **Методологическая основа:** использовался общенаучный — диалектический метод научного познания, а также частнонаучные методы — формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический. **Результаты:** предпринята попытка обоснования понятия фемцида. Выявлены и обоснованы криминологические особенности данного подвида преступлений против женщин. **Выводы:** фемцид представляют собой специфическую разновидность преступности в России, отличающуюся широким распространением, высоким уровнем латентности, спецификой отношения к потерпевшей, существенной виктимологической составляющей.

Ключевые слова: фемцид, гендерные признаки преступности, преступления против женщин, мотивация преступлений против женщин.

I.N. Vishnevetskaya

FEMICIDE: PROBLEMS OF CRIMINAL AND LEGAL QUALIFICATION AND CRIMINOLOGICAL PECULIARITIES

Background: the article outlines the problematic nature of understanding the term "femicide" and provides different points of view on the issue of defining it. It states the lack of attention to the problem of femicide in Russia. The author highlights its characteristic features and peculiarities. **Objective:** to substantiate the concept, signs, properties and characteristic features of femicide. **Methodology:** the general scientific — dialectical method of scientific cognition was used, as well as private scientific methods — formal-legal, system-structural, comparative-legal, statistical. **Results:** an attempt was made to substantiate the concept of femicide. Criminological features of this subspecies of crimes against women were identified and substantiated. **Conclusions:** femicide is a specific type of crime in Russia, characterized by its widespread occurrence, high level of latency, specific treatment of the victim, and a significant victimological component.

Key-words: femicide, gender characteristics of crime, crimes against women, motivation of crimes against women.

© Вишневецкая Ирина Николаевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: irina-vishnevetskaya@yandex.ru

© Vishnevetskaya Irina Nikolaevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

Преступные деяния в отношении лиц женского пола в силу массовой распространенности и общественной опасности, без сомнения, нуждаются в глубоком научном анализе и требуют особого внимания законодателя и правоохранительных органов.

С криминологической точки зрения, преступления против женщин складываются в специфический вид преступности, выделяющийся из общего объема преступности гендерным признаком жертвы преступления. Данный вид преступности является составной частью преступности в целом, но специфические особенности позволяют выделять его в качестве самостоятельного объекта криминологического изучения [1, с. 187].

Одной из актуальнейших проблем мирового масштаба, обусловленной социальной значимостью возрастающей гендерной жестокости, является детальное изучение вопроса фемицида как подвида преступлений.

Впервые термин фемицид (от англ. *femicide*), или феминицид (от исп. *feminicidio*) в том понимании, которое актуально на сегодняшний день, ввела в оборот феминистка Диана Э.Х. Расселл в 1976 г. В своем докладе на Брюссельском Международном трибунале по преступлениям в отношении женщин она вынесла вопрос о насилии и угнетении по биологическому признаку (в отношении женщин) во время проведения военных операций.

Сам термин «фемицид» в СМИ начал активно употребляться в России лишь с 2019 г., до этого его чаще всего адаптировали и заменяли на более привычные, но уничтожающие саму сущность термина словами «домашнее насилие», «преступления против женщин» и т.д. В современной научной литературе проблема фемицида практически не изучена, ей не уделяется должного внимания, а также нет единой дефиниции данного понятия.

Так, Диана Э.Х. Расселл сужает определение фемицида до «убийства женщин мужчинами, потому что они женщины». Она делает акцент на то, что мужчины совершают фемицид из сексистских побуждений [2, с. 13–14]. Жаклин Кэмпбелл и Кэрон Раньян трактуют фемицид как убийство женщин вне зависимости от статуса преступника или его мотивов, аргументируя это тем, что мотивация далеко не всегда может быть четко установлена и поэтому должна быть исключена при квалификации фемицида для сбора данных [3, с. 347–352]. Некоторые ученые трактуют данное явление как «промахи» в борьбе за власть, в которой мужчины стремятся контролировать женщин и лишать их свободы, а женщины борются за автономию [4, с. 3–23].

Несмотря на различия в точках зрения ученых, необходимо заметить, что целью многих из них является выделение фемицида в самостоятельную и отдельную категорию, другими словами, фемицид — это всегда убийство (доведение до самоубийства) женщины, но не всякое убийство (доведение до самоубийства) женщины есть фемицид. Например, преступник, пытающийся скрыться от преследования сотрудников правоохранительных органов, стреляет в толпу людей и убивает женщину. В данном случае мы можем квалифицировать его действия как убийство женщины общеопасным способом, но при этом не можем говорить о фемициде.

В связи с этим необходимо разграничить фемицид от иных видов убийств (доведения до самоубийства), в том числе лиц женского пола. Представляется целесообразным рассмотреть такую мотивацию совершения преступления как «ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы». Иногда

в литературе данный мотив называют «мотивом социальной ненависти» или «мотивом социального превосходства».

В настоящее время наука остро нуждается в конкретизации признаков, перечисленных в нормах уголовного законодательства. Так, одним из таких признаков, требующим конкретного толкования, является «принадлежность к какой-либо социальной группе». Как верно отмечает В.В. Тростянецкая, «...большая часть терминов, используемых в научной литературе по социологии, получает точные формулировки спустя определенное время, поскольку, для того чтобы исключить двусмысленность толкования какого-либо понятия, необходимо апробировать его в различных ситуациях» [5, с. 52].

В Социологическом энциклопедическом словаре, понятие «социальная группа» трактуется как «...совокупность индивидов, объединенных любым общим признаком: общим пространственным и временным бытием, деятельностью, экономическими, демографическими, психологическими и другими характеристиками» [6, с. 58].

Широко определяет социальную группу А.И. Кравченко: «Это любая совокупность людей, выделенных по социально значимым критериям. Таковыми являются пол, возраст, национальность, раса, профессия, место жительства, доход, власть, образование и некоторые другие» [7, с. 113]. Следует отметить, что ни п. «л» ч. 2 ст. 105 УК, ни п. «е» ч. 1 ст. 63 УК¹ отдельно не выделяет половую принадлежность лица как детерминирующий фактор вражды или ненависти, поэтому считаем целесообразным гендерный критерий заложить в основу деления индивидов в отдельную социальную группу.

С криминологической точки зрения фемцид представляет собой специфическое, массовое, системное, негативное, социально-правовое, исторически-изменяемое явление, т.е. совокупность преступлений, включая убийства (доведения до самоубийств) по мотивам ненависти, вражды, гендерного превосходства над женщинами как социальной группы на определенной территории, за определенный период времени, обладающее общими количественными и качественными показателями.

Специфическим и обязательным признаком субъективной стороны фемцида является мотивация преступного деяния. Считаем правильной позицию Н.А. Лопашенко, которая под ненавистью или враждой в отношении к какой-либо социальной группе понимает крайне негативное, непримиримое, отрицательно окрашенное чувство и отношение лица к определенной социальной группе и входящим в ее состав людям [8, с. 424]. На наш взгляд, понятие «гендерное превосходство» как убеждение, что мужской пол превосходит женский и это дает право доминировать, контролировать и, в случае фемцида, лишать жизни, является более узким по отношению к понятию «вражды» и соотносится с ним как часть и целое.

Одной из специфических черт, присущих фемциду является высокий уровень латентности. Латентность фемцида представляет собой относительно устойчивую совокупность убийств и доведения до самоубийств, характеризующихся гендерным признаком жертв, в качестве которых выступают лица женского пола как отдельная социальная группа, по мотивам ненависти, вражды, ген-

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24 сентября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 39, ст. 6535.

дерного превосходства и лиц, их совершивших на определенной территории, за определенный временной период, но не нашедших своего отражения в данных статистического учета. В подавляющем большинстве случаев мотивация ненависти, вражды, неприязни, гендерного превосходства, стремления контролировать и доминировать над женским полом не находит своего отражения при квалификации данных преступлений и не становится квалифицирующим признаком или отягчающим наказанием обстоятельством. На практике чаще всего находят подтверждение и квалифицируются очевидные обстоятельства, например, беременность женщины, несовершеннолетний возраст потерпевшей, зависимое материальное положение и т.д. Доказать специфическую мотивацию как детерминирующий преступление фактор проблематично и правоохранительные органы не стремятся тратить на это время и силы. На странице первого российского антифемицидного проекта *femicid.net*, который был начат 1 февраля 2019 г., активистками Московского женского музея приводятся количественные показатели новостного фемицида в России. В 2019 г. только по новостям в России было освещено 1766 случаев фемицидов (2,28 случая на каждые 100 тысяч женщин), в 2020 г. — 1707 случаев (2,21 на каждые 100 тысяч женщин), в 2021 г. — 1413 случаев (1,83 случая на 100 тысяч женщин). Лидерами по коэффициенту новостного фемицида в 2021 г. являются Дальневосточный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ и Поволжский федеральный округ (соответственно 3,25, 2,42 и 2,22 случая на каждые 100 тыс. женщин). Наименьший коэффициент новостного фемицида наблюдался в Северо-Кавказском федеральном округе (0,54 случая на каждые 100 тыс. лиц женского пола)¹.

Представляется необходимым выделить виктимологическую составляющую фемицида, ведь зачастую убийство данного вида (доведение до самоубийства) является конечной точкой и результатом систематического физического или психического насилия над женщиной в течение длительного времени, о котором не сообщалось в правоохранительные органы по различным причинам. По данным за 2021 г. российского антифемицидного проекта *femicid.net* в подавляющем большинстве убийство совершают лица, являющиеся либо членами семьи, либо знакомыми женщин-потерпевших. Так, фемицид был совершен интимным партнером женщины в 41,54% случаев, знакомым женщины — в 22,29% случаев, сыном женщины — в 9,91% случаев, бывшим интимным партнером женщины — в 5,45% случаев, близким родственником (не считая сыновей) — в 3,89% случаев². Однако следует подчеркнуть, что в отличие от преступлений, совершенных на почве личностных неприязненных отношений, фемицид имеет специфические детерминирующие факторы (мотивацию): неприязнь, вражду, гендерное доминирование и т.д. по отношению к лицам женского пола.

В рамках данного исследования представляется целесообразным обратить внимание и на некоторые специфические способы фемицида, которые в научной литературе иногда называют «мизогинные практики». Все чаще общественный резонанс приобретают случаи «убийств чести» в отношении женщин, которые не придерживались национальных обычаев и «опозорили» семьи; детские браки, которые влекут смерть девочек, не достигших полового созревания; калечащие

¹ См.: Страница первого российского антифемицидного проекта *femicid.net*. URL: <https://planeta.ru/api/util/away.html?to=http%3A%2F%2Fwmmsk.com> (дата обращения: 02.08.2022).

² См.: Там же.

операции на половые органы девочек; селективные аборты и убийства новорожденных девочек и т.д.

Изучив имеющиеся точки зрения на понятие фемцид, на наш взгляд, можно обозначить его следующие основные характеристики. Фемцид:

это специфический подвид преступлений против женщин;

является крайней формой гендерного насилия;

предполагает гендерное превосходство мужчин над женщинами;

потерпевшими являются женщины (девушки, девочки);

объектом преступлений является право на жизнь (убийство/ доведение до самоубийства);

имеет умышленную форму вины и особый мотив, своего рода «идеологическую базу» (ненависть, неприязнь, нетерпимое отношение к лицам женского пола как к социальной группе);

субъектом преступления являются мужчины либо женщины, но в целях мужской выгоды (превосходства);

нередко является финальной точкой систематического физического или психического насилия.

Таким образом, актуальными векторами, направленными на эффективное предотвращение фемцида в России, на современном этапе выступают: дальнейшее детальное изучение, анализ и внесение терминологической ясности в понятие фемцида как подвида преступлений в отношении женщин, разработка классификаций и типологий фемцида, привлечение особого внимания законодателя и правоохранительных органов к данной проблеме. Данное исследование позволяет подготовить почву для решения иных фундаментальных проблем, связанных с изучением и предупреждением преступлений против женщин.

Библиографический список

1. *Вишневецкая И.Н.* Преступления против женщин: понятие и криминологические особенности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1(132). С. 185–190.

2. *Диана Е.Х.* Фемцид в глобальной перспективе. Нью-Йорк: Изд-во педагогического колледжа, 2001. С. 13–14.

3. *Кэмпбелл, Жаклин, Раньян, Кэрол У.* «Фемцид» // Исследования убийств. 2016. №2 (4). С. 347–352.

4. *Джонсон Холли, Эрикссон Ли, Мазеролле Пол, Уортли Ричард.* Интимный фемцид: роль принудительного контроля // Феминистская криминология. 2017. № 14 (1). С. 3–23.

5. *Тростянецкая В.В.* Понятие «социальная группа» как квалифицирующий признак статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 2 (52). С. 51–55.

6. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. Г.В. Осипова. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1998. С. 488.

7. *Кравченко А.И.* Социология: учебник для студентов. М.: Академический Проект, Издательская корпорация «Логос», 1999. С. 181.

8. *Лопашенко Н.А.* Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. 544 с.

References

1. *Vishnevetskaya I.N.* Crimes Against Women: Concept and Criminological Features // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 1(132). P. 185–190.

2. *Russell, Diana E.H., Harms, Roberta A. (editor)*. Femicide in a Global Perspective. New York: Publishing house of the pedagogical college, 2001. Part 2. P. 13–14.
3. *Campbell, Jacqueline, Runyan, Carol Wu*. "Femicide" // Homicide research. 2016. No. 2 (4). P. 347–352.
4. Intimate femicide: the Role of Coercive Control / Johnson Holly, Ericsson Lee, Mazerollet Paul, Wortley Richard // Feminist criminology. 2017. No. 14 (1). P. 3–23.
5. *Trostyanskyaya V.V.* The Concept of "Social Group" as a Qualifying Feature of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (52). P. 51–55.
6. Sociological Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French and Czech / Editor-coordinator G.V. Osipov. M.: Publishing group INFRA M – NORM, 1998. P. 488.
7. *Kravchenko A.I.* Sociology: Textbook for students. M.: "Academic Project", Publishing Corporation «Logos», 1999. P. 181.
8. *Lopashenko N.A.* Murders. M.: Yurlitinform. 2013. P. 544.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-256-262

УДК 340

О.А. Грачёва, А.А. Титова

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РФ В КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

Введение: актуальность данной статьи определяется тем, что статус прокуратуры в координационной деятельности по борьбе с преступными проявлениями недостаточно определен на законодательном уровне, что порождает проблемы в правоприменительной практике. **Цель:** определение роли органов прокуратуры РФ в координационной деятельности по предупреждению преступных проявлений. **Методологическая основа:** в основу работы лег всеобщий диалектический метод познания. Также при подготовке статьи были реализованы следующие методы — логический, формально-юридический, статистический, изучение практики. **Результаты:** внесены предложения о необходимости более детальной законодательной регламентации, поскольку именно в Законе о прокуратуре необходимо закрепить специальные нормы, которые будут посвящены конкретным формам и методам координационной деятельности, в том числе с четким изложением полномочий прокуроров по противодействию преступности. **Выводы:** по результатам проведенного исследования авторы полагают, что законодатель в последнее время расширяет границы при осуществлении прокуратурой координационной деятельности. Генеральная прокуратура, как главный координатор правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью обязана вести государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, а также осуществлять проведение и контроль исполнения координационных мероприятий — совещаний.

Ключевые слова: прокурор, прокуратура, борьба с преступностью, противодействие преступности, координационная деятельность, правоохранительные органы, формы и направления координационной деятельности.

О.А. Gracheva, A.A. Titova

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN COORDINATING ANTI-CRIME ACTIVITIES

Background: the relevance of this article is determined by the fact that the status of the Prosecutor's office in coordinating activities to combat criminal manifestations is insufficiently defined at the legislative level, which causes problems in law enforcement

© Грачёва Ольга Алексеевна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: letsik91@mail.ru

© Титова Анжела Александровна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: anz66@yandex.ru

© Gracheva Olga Alekseevna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

© Titova Anzhela Alexandrovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

practice. Objective: to determine the role of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in coordinating activities to prevent criminal manifestations. Methodology: universal dialectical method of cognition. Also, during the preparation of the article, the following methods were implemented — logical, formal-legal, statistical, and the study of practice. Results: proposals were made on the need for more detailed legislative regulation, since it is in the Law on the Prosecutor's Office to enshrine special norms that will be devoted to specific forms and methods of coordination activities, including a clear statement of the powers of prosecutors to counter crime. Conclusions: based on the results of the study, the authors believe that the legislator has recently expanded the boundaries in the implementation of coordination activities of the prosecutor's office. The Prosecutor General's Office, as the main coordinator of law enforcement activities to combat crime, is required to maintain the state unified statistical record of data on the state of crime, as well as to conduct and monitor the implementation of coordination activities - meetings.

Key-words: *prosecutor, prosecutor's office, crime fighting, crime prevention, coordination activities, law enforcement agencies, forms and directions of coordination activities.*

Органы прокуратуры России всегда являлись гарантом законности и правопорядка. На сегодняшний день цели и задачи, стоящие перед данной системой органов, все также являются необходимыми элементами развития и защиты государственности страны в целом. Однако вопросам изучения роли деятельности органов прокуратуры в противодействии преступности не уделяется в специальной литературе должного внимания. Между тем, именно прокуратура РФ занимает одно из центральных мест в системе субъектов противодействия преступности, исходя из ее многопланового и всеобъемлющего характера деятельности. Ведь в специальной литературе, среди всех субъектов противодействия преступности органы прокуратуры называют «главным координатором» борьбы с преступностью [1, с. 55].

В настоящее время, согласно действующему законодательству, целями деятельности органов прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. В числе актуальных направлений в деятельности российской прокуратуры все также остаются борьба с преступностью и коррупцией, защита прав и законных интересов граждан, обеспечение единства правового пространства страны. Обоснованно отмечается, что «...задача прокуратуры состоит в принятии нужных мер к устранению, нейтрализации условий, способствующих проявлению причин преступности» [2, с. 64].

Однако в Законе о прокуратуре РФ не содержится норм четко регламентирующих полномочия прокурора по предупреждению и профилактике преступности, кроме этого, не указывается обстоятельство, что прокуратура является самостоятельным субъектом противодействия преступности.

Стоит отметить, что в Законе № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» отмечается, что органы прокуратуры РФ являются субъектами профилактики преступлений, где под «профилактикой правонарушений» понимается «...совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на вы-

явление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»¹.

Как представляется, законодателем были предприняты попытки отразить в вышеупомянутом Законе № 182-ФЗ предупредительную роль органов прокуратуры в данном направлении деятельности, которую, полагаем, также необходимо закрепить и в основном Законе в вопросах регулирования организации и деятельности органов прокуратуры — Законе о прокуратуре РФ.

Данное обстоятельство, а именно, отсутствие детальной регламентации полномочий прокурора по профилактике нарушений закона в основополагающем Законе снижает качество работы на данном приоритетном направлении, а также порождает большое количество вопросов [1, с. 54]. И это бесспорно, поскольку четкое закрепление в законодательстве соответствующей роли органов прокуратуры (способов ее реализации, форм, методов и приемов) будет способствовать повышению эффективности деятельности органов прокуратуры в целом.

В подтверждение этому, А.Ю. Винокуров отмечает, что «...в период действия Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» профилактика преступлений и иных нарушений непроступного характера относилась законодателем к числу самостоятельных видов внешнефункциональной прокурорской деятельности» [3, с. 621].

Между тем высказываются диаметрально противоположные мнения в научной литературе на данный счет, о том что «...профилактику преступлений и иных правонарушений нельзя рассматривать в качестве функции прокуратуры, поскольку в законодательстве об этом четко не говорится, а сама профилактика осуществляется посредством всей функциональной деятельности прокуратуры» [4, с. 1356].

Как представляется, сложившаяся ситуация, не означает того, что прокуратура при реализации своей многоаспектной деятельности, включающей в себя потенциал всех функций органов прокуратуры, не имеет своей первоочередной задачей предупреждение преступности. В научной литературе справедливо отмечается, что «...предупреждение преступности — одно из важных направлений борьбы с ней» [5, с. 37].

Данное обстоятельство подтверждается и положениями ведомственных актов², в которых профилактика правонарушений и противоправных деяний рассматривается как важнейший аспект надзорной, координационной, правотворческой и иной деятельности прокуроров [6, с. 348].

К примеру, в п. 1 приказа Генерального прокурора РФ № 195 от 7 декабря 2007 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» среди основных направлений деятельности органов прокуратуры, отдельно выделено такое приоритетное направление, как *предупреждение преступных проявлений*.

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 27 июня 2016. № 26 (ч. I), ст. 3851.

² На сегодняшний день действует несколько ведомственных актов, регламентирующих деятельность прокуроров в данном направлении работы. Это приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности», от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции», от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» и др.

Однако в специальной литературе такие дефиниции, как «профилактика», «предупреждение», «противодействие» и «борьба» с данным явлением четко не разграничиваются. Стоит обратить внимание, что эти категории часто рассматриваются в качестве синонимов, определяющие один и тот же смысл. Более тождественны такие понятия, как «предупреждение преступности» и «борьба с преступностью».

Данные категории будут включать в себя более узкие понятия, такие как «профилактика преступности», «предотвращение преступлений» и «пресечение преступлений».

Целью предупреждения преступлений, как и целью борьбы с преступностью, является противодействие криминальным процессам в обществе, обеспечение сдерживания, сокращение преступности и темпов ее роста, защита личности, общества и государства от преступных посягательств.

В энциклопедических словарях «предупреждение» определяется как «...система различных мер упреждающего воздействия на обстоятельства, порождающие и воспроизводящие такое социально негативное явление, как преступность» [7, с. 772]. В специальной литературе высказывается мнение, что «...наиболее обоснованным целесообразно считать рассмотрение предупреждения как категории, объединяющей профилактику, предупреждение и пресечение (противодействие), которые представляют собой уровни предупредительной деятельности» [8, с. 92].

Термин «профилактика» уже ранее нами анализировался, исходя из положений Закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Решая вышеуказанные задачи по выявлению, устранению или нейтрализации причин преступности и условий, способствующих их совершению, по профилактике воздействия на лиц с противоправным поведением, а также по предотвращению замысленных и готовящихся преступлений «профилактика преступлений» представляет собой важную часть общего процесса противодействия преступности и борьбы с ней.

Что касается термина «противодействие преступности», то многими авторами проводится аналогия с такой категорией как «борьба с преступностью». Соответственно, так или иначе все рассмотренные выше понятия отождествляются в специальной литературе с термином «борьба с преступностью», представляющую собой последовательную и системную деятельность государственных органов, имеющей своей целью обеспечение соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, выражающейся в совершении активных действий по *противодействию преступности*, путем профилактики противоправного поведения, пресечения противоправных деяний, а также применении к виновным лицам мер юридического воздействия в установленном законе порядке. В силу этого, стоит отметить, что термин «борьба с преступностью» детерминируется через категорию «противодействие преступности».

Более того, многими учеными обосновывается мнение о том, что «законодатель использует понятие «противодействие», аккумулируя в нем все термины в данной сфере» [8, с. 93]. И это не безосновательно, поскольку анализ нормативных правовых актов, призванных регламентировать систему мер по противодействию конкретным видам преступности¹, позволяет сделать вывод, что заложенный за-

¹ См.: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. I), ст. 6228; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3031 и др.

конодателем смысл в данное понятие, как «противодействие» имеет одинаковое значение во всех законодательных актах.

К примеру, в Законе о противодействии коррупции, понятие «противодействие» включает в себя такие категории, как предупреждение, профилактику, выявление, пресечение, раскрытие и расследование правонарушений.

В результате, анализ законодательства позволяет сделать вывод, что правильнее будет употреблять такое понятие как «противодействие», которое будет включать в себя все иные ранее перечисленные категории.

Деятельность прокуратуры по противодействию преступности проявляется при реализации координирующей функции органов прокуратуры, а именно координации правоохранительной деятельности органов по борьбе с преступностью. Важная роль органов прокуратуры при осуществлении координационной деятельности проявляется в определенных проводимых формах и направлениях совместной работы¹. Значимым, является проведение координационных мероприятий с руководителями правоохранительных структур как на федеральном, так и региональном уровнях.

Выступая на расширенном заседании коллегии в Генеральной прокуратуре РФ 25 апреля 2022 г. Игорь Краснов, в частности, отметил, что «...прокуроры, защищая интересы граждан, государства и общества пресекли свыше 4 млн нарушений закона, добились восстановления прав более 1 млн человек. При этом важно совершенствовать механизмы взаимодействия с органами ФСБ, МВД России, а также другими ведомствами для снижения уровня преступности в различных сферах жизнедеятельности»², в том числе и повышения эффективности прокурорской деятельности в дальнейшем.

Как свидетельствует практика, такие совещания проводятся прокурорами в течении года, в ходе анализируется состояние преступности с целью своевременного реагирования на негативные тенденции. По их результатам вырабатываются и реализуются механизмы борьбы с противоправными посягательствами.

Стоит отметить, что законодатель в последнее время расширяет границы координационной деятельности прокуратуры. Именно на прокуратуру возложена обязанность по ведению государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности (раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы, прокурорского надзора в целом).

В литературе выделяют и другие задачи. Например, определение направлений координационной деятельности, изучение практического опыта борьбы с преступностью, обсуждение актов, выносимых руководителями правоохранительных органов [9, с. 272].

Однако данные формы достаточно четко не регламентированы действующем законодательством, что подтверждается мнением ряда ученых, утверждающих, что нужна более полная и детальная регламентация координационной деятельности. Так, С.П. Зайцев предлагает определить статус прокурора относительно постановки вопроса об ответственности участников координации за неисполнение

¹ См.: Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 31 декабря 2019 г.) (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1958.

² Состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2021 год // Генеральная прокуратура РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73312986> (дата обращения: 21.10.2022).

требований регламента [10, с. 2], что является обоснованным, так как отсутствие прямо установленной ответственности участников координации снижает эффективность их взаимодействия. Стоит согласиться и с мнением В.Г. Бессарабова, предлагающего проработать формы и методы взаимодействия [11, с. 9], поскольку остаются неурегулированными порядок подготовки и обмена информацией, процедура разрешения возникающих между участниками противоречий. Слабое законодательное регулирование приводит, как справедливо отмечает профессор В.А. Рыбаков, к формальному пониманию информации [12, с. 7].

Таким образом, координационная деятельность по вопросам борьбы с преступностью, как показывает анализ действующего законодательства и правоприменительной практики, нуждается в более подробном правовом регулировании, поскольку именно в Законе о прокуратуре необходимо закрепить специальные нормы, которые будут посвящены конкретным формам и методам координационной деятельности, в том числе с четким изложением полномочий прокуроров по противодействию правонарушениям и преступлениям. Более того, обоснованным считается разработка соответствующих методических рекомендаций по вопросам координационной деятельности.

Дискуссионным является вопрос оценки эффективности координационной деятельности. Как представляется, данная оценка не должна стать новым статистическим показателем, который создает дополнительную отчетность прокурорским работникам, а должна объективно отражать существующее влияние от реализации координационной деятельности. Основными показателями эффективности следует признать уровень и динамику преступности, так как на улучшение именно данных явлений направлена координационная деятельность.

Так, возложение законодателем на органы прокуратуры координирующей функции объясняется, прежде всего, тем, что именно прокуратура, обладая особым местом в механизме разделения трех ветвей государственной власти, способна надлежащим образом согласовывать действия других правоохранительных органов по противодействию преступности.

Библиографический список

1. *Раскина Т.В.* Прокуратура в системе профилактики правонарушений // Юридические исследования. 2018. № 1. С. 53–60.
2. *Звирбуль В.К.* Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности. Научные основы. М.: Юридическая литература, 1971. 168 с.
3. *Винокуров А.Ю.* К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 7. С. 620–626.
4. *Гальченко А.И.* Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex Russica. 2014. № 11 (Том ХСVI). С. 1346–1357.
5. *Шабанов В. Б., Красиков В.С.* Противодействие преступности: проблемы предупреждения и профилактики // Судебная экспертиза Беларуси: научно-практический журнал. 2018. № 1. С. 36–43.
6. *Винокуров А.Ю.* Проблемы классификации прокурорской деятельности // Винокуров А. Ю. Избранные статьи: в 3 т. М., 2017. Т. 3. 501 с.
7. Российская юридическая энциклопедия. М.: ИНФРА-М, 1999. 1118 с.
8. *Гришин Д.А.* Предупреждение преступности. разграничение используемой терминологии // Закон и право. 2020. № 3. С. 91–94.

9. *Огородников В.И., Годунов И.В., Борисенко И.В.* Координационная деятельности прокуратурой правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: материалы Международной научной конференции. 2017. С. 272–274.

10. *Зайцев С.П.* Профилактика преступлений и правонарушений: координация и прокурорский надзор // Законность. 2009. № 8. С. 2–4.

11. *Бессарабов В.Г.* Координация российской прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (история, состояние, перспективы) // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 9.

12. *Рыбаков В.А.* Законность: к вопросу о понятии // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2013. № 2 (35). С. 6–12.

References

1. *Raskina T.V.* The Prosecutor's Office in the System of Crime Prevention // Legal research. 2018. No. 1. P. 53–60.

2. *Zvirbul V.K.* Activity of the Prosecutor's Office on Crime Prevention. Scientific Foundations. M.: Legal literature, 1971. 168 p.

3. *Vinokurov A.Yu.* On the Issue of the Participation of the Prosecutor's Office in the Prevention of Offenses in the Russian Federation // Administrative and municipal law. 2016. No. 7. P. 620–626.

4. *Galchenko A.I.* Functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Controversial Issues // Lex Russica. 2014. No. 11 (Volume XCVI). P. 1346–1357.

5. *Shabanov V.B., Krasikov V.S.* Countering Crime: Problems of Prevention and Prevention // Forensic Examination of Belarus: Scientific and Practical Journal. 2018. No. 1. P. 36–43.

6. *Vinokurov A.Yu.* Problems of Classification of Prosecutorial Activity // Vinokurov A.Y. Selected articles: In 3 t. M., 2017. T. 3. 501 p.

7. Russian Legal Encyclopedia. M.: INFRA-M, 1999. 1118 p.

8. *Grishin D.A.* Crime Prevention. Differentiation of the Terminology Used // Law and Law. 2020. No. 3. P. 91–94.

9. *Ogorodnikov V.I., Godunov I.V., Borisenko I.V.* Coordination of Activities by the Prosecutor's Office of Law Enforcement Agencies to Combat Crime // The Great Russian Revolution of 1917 in the History and Destinies of the Peoples and Regions of Russia, Belarus, Europe and the World in the Context of Historical Realities of the XX – Early XXI Century: materials of the International scientific conference. 2017. P. 272–274.

10. *Zaitsev S.P.* Prevention of Crimes and Offenses: Coordination and Prosecutorial Supervision // Legality. 2009. No. 8. P. 2–4.

11. *Bessarabov V.G.* Coordination by the Russian Prosecutor's Office of the Activities of Law Enforcement Agencies in the Fight Against Crime (History, State, Prospects) // Journal of Russian Law. 2001. No. 3. P. 9.

12. *Rybakov V.A.* Legality: to the Question of the Concept // Bulletin of OmSU. Series. Law. 2013. No. 2 (35). P. 6–12.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-263-273

УДК 331.542

В.А. Абалдуев

МИНИМАЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА КАК КОЛЛЕКТИВНО-ДОГОВОРНАЯ ГАРАНТИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ

Введение: правовое регулирования минимальной заработной платы на федеральном и региональном уровне социального партнерства является коллективно-договорной гарантией трудовых прав работников. Это понимание пока не нашло отражения в законодательстве. **Цель:** на основе анализа норм Трудового кодекса РФ, материалов Конституционного Суда РФ, опыта социального партнерства показать роль актов коллективного трудового права в установлении минимальной заработной платы. **Методологическая основа:** использованы методы анализа и синтеза, изучены и систематизированы материалы коллективно-договорного установления минимальной заработной платы, дана экспертная оценка положения дел в этой сфере. **Результаты:** выявлены достоинства и недостатки регулирования данной гарантии. Критически оценены варианты закрепления исследуемой гарантии в актах социального партнерства. **Выводы:** коллективно-правовые гарантии необходимо легализовать в нормах ТК РФ. Это соответствует их статусу и обеспечит должный уровень защиты прав работников. Универсальным ориентиром служит прожиточный минимум трудоспособного населения. Предложен проект новых норм ст. 133 ТК РФ и даны рекомендации по решению ряда практических вопросов.

Ключевые слова: минимальная заработная плата, гарантия трудовых прав, коллективно-договорное регулирование, прожиточный минимум, Трудовой кодекс РФ.

V.A. Abalduev

MINIMUM WAGE AS A COLLECTIVE AND CONTRACTUAL GUARANTEE OF LABOR RIGHTS OF EMPLOYEES

Background: legal regulation of the minimum wage at the federal and regional level of social partnership is a collective and contractual guarantee of labor rights of employees. This understanding has not yet been reflected in the legislation. **Objective:** on the basis of analysis of the norms of the Labor Code of the Russian Federation, materials of the Constitutional Court of the Russian Federation, the experience of social partnership to show the role of acts of collective labor law in the establishment of the minimum wage. **Methodology:** methods of analysis and synthesis were used, materials of collective

---

© Абалдуев Владимир Александрович, 2023
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: abalduev.v@yandex.ru
© Abalduev Vladimir Aleksandrovich, 2023
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Labor Law (Saratov State Law Academy)

bargaining minimum wage were studied and systematized, an expert assessment of the situation in this area was given. Results: the advantages and disadvantages of the regulation of this guarantee were revealed. The options for enshrining the studied guarantee in the acts of social partnership were critically evaluated. Conclusions: collective legal guarantees should be legalized in the norms of the LC RF. This corresponds to their status and will ensure the proper level of protection of workers' rights. Universal reference point is the living wage of able-bodied population. The draft of new norms of article 133 of the Labor Code of the RF is proposed and recommendations for solving a number of practical issues are given.

Key-words: *minimum wage, guarantee of labor rights, federal agreement, region, collective contract regulation, subsistence minimum, Labor Code of the Russian Federation.*

В научной литературе пристальное внимание уделено рассмотрению состояния правового регулирования минимального размера оплаты труда в Российской Федерации (далее — МРОТ), который согласно ч. 1 ст. 130 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) является государственной гарантией оплаты труда работников. Следует иметь в виду, что минимальные ставки оплаты труда работников практически на всех уровнях социального партнерства в сфере труда устанавливаются коллективными соглашениями и коллективными договорами работодателей. В России накоплен серьезный опыт регулирования этой сфере и анализ этого опыта, думаем, весьма актуален.

Эти акты, являющиеся по сути гарантией минимального вознаграждения за труд, до настоящего времени не получили должного рассмотрения и вызывают немало вопросов как с точки зрения качества исполнения соответствующих норм и практики их применения, так и в определении их роли в трудовом законодательстве.

Методологически такой анализ должен носить научно-практический характер, поскольку предполагает не только теоретическую оценку состояния трудового законодательства, но и обобщение, систематизацию коллективных соглашений по социально-трудовым вопросам, формирование предложений по их оптимизации.

На национальном уровне МРОТ как государственная гарантия устанавливается и обеспечивается комплексом законодательных и подзаконных правовых актов РФ, в совокупности образующих самостоятельный правовой подинститут отрасли трудового права. Отношения связанные с реализацией прав работников на минимальный размер оплаты труда, определяются нормами Основного Закона: ст. 37, 75 Конституции РФ, ст. 130, 133 Трудового кодекса РФ, Федеральном законе от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (в ред. от 29 декабря 2020 г.)¹.

В 2022 г. в качестве временной меры в условиях проведения специальной военной операции и внешних санкционных ограничений специальным федеральным законом² Правительству РФ предоставлено право устанавливать особенности исчисления минимального размера оплаты труда, предусмотренного Федеральным законом № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда». Это серьезное отступление от государственной правовой политики России в сфере

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 26, ст. 2729.

² См.: Федеральный закон от 8 марта 2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 28 июня 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 11, ст. 1596.

МРОТ, согласно которой эта гарантия должна устанавливаться исключительно федеральным законом. В отличие от законодательного варианта фиксации минимального размера оплаты труда Правительство РФ не определяет его размер в абсолютных цифрах, но устанавливает величину его повышения в процентах от ставки, предусмотренной федеральным законом. С 1 июня 2022 г. законодательный МРОТ увеличен Правительством РФ на 10% и составляет 15792 руб.¹

Государственная гарантия служит нормативным ориентиром для анализа теории и практики коллективно-договорного регулирования минимальной заработной платы на федеральном, региональном и локальном уровне социального партнерства в сфере труда.

Право сторон социального партнерства на коллективно-договорное регулирование минимальной заработной платы на уровне региона (субъекта Российской Федерации) было законодательно признано нормами ТК РФ в 2007 г.²

Статья 133.1 ТК РФ, определяя порядок осуществления этого права, предусмотрела именно договорный вариант регулирования минимальной заработной платы, учитывающий возможности и потребности экономики региона, уровень жизни населения и другие объективные факторы, специфику социально-трудовых отношений. Принятию этого решения предшествовали научные дискуссии насчет формы правового акта, определяющего минимальный заработок работников: предлагали устанавливать его региональным законом или актом органа исполнительной власти. Эти вопросы обсуждались нами ранее [1, с. 212–214]. Были и радикальные точки зрения, согласно которым сама идея регионального регулирования минимальной оплаты труда, противоречит Конституции РФ и ст. 6 ТК РФ [2, с. 33–34]. Теперь это регулирование имеет более чем десятилетний опыт применения.

Регламентация минимальной заработной платы актами коллективно-договорного трудового права на федеральном уровне, на региональном отраслевом или межотраслевом уровне, на уровне территорий (в муниципальных образованиях), в рамках конкретных работодателей прямо законом не предусмотрена, но это основано на общих нормах о социальном партнерстве в сфере труда, которые, как известно, не ограничивают содержание централизованных соглашений и коллективных договоров организаций.

Согласно ст. 24 ТК РФ основным принципом социального партнерства является свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда. В коллективный договор могут включаться обязательства работников и работодателя по любым вопросам оплаты труда; с учетом финансово-экономического положения работодателя могут устанавливаться условия труда, более благоприятные по сравнению с установленными законом, иными нормативными правовыми актами, соглашениями (ст. 41 ТК РФ). Содержание и структура централизованного соглашения по социально-трудовым вопросам также определяются по договоренности между представителями сторон, которые свободны в выборе круга вопросов для обсуждения и включения их в соглашение (ст. 46 ТК РФ).

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 28 мая 2022 г. № 973 «Об особенностях исчисления и установления в 2022 году минимального размера оплаты труда, величины прожиточного минимума, социальной доплаты к пенсии...» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 23, ст. 3801.

² См.: Федеральный закон от 20 апреля 2007 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О минимальном размере оплаты труда“ и другие законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 17, ст. 1930.

В целях настоящего исследования следует обратить внимание на то, что ч. 1 ст. 46 ТК РФ предусматривает правило, которое улучшает положение работников, — закон рекомендует определять соглашением минимальные размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов). Это важно, поскольку государственная гарантия признает законной и ситуацию, в которой тарифный заработок работника может быть ниже федерального минимального размера оплаты труда. В этом случае МРОТ обеспечивается иными выплатами в системе оплаты труда с исключением сумм заработка, предусмотренных постановлениями Конституционного Суда РФ 2017–2019 гг.¹ В 2020 г. мы обсуждали проблемы реализации этих актов КС РФ в нормах трудового права и в правоприменении [3, с. 15–19].

Приведенный ниже анализ показывает, что согласно формулировке ст. 46 ТК РФ, в большинстве федеральных и иных централизованных социально-партнерских соглашений стороны определяют не минимальный размер месячной оплаты труда, а минимальный размер тарифных ставок (окладов). Вместе с тем, считаем целесообразным, по аналогии с законодательной гарантией МРОТ, дополнительно конкретизировать в нормах ТК РФ (ст. 41, 46) право сторон социального партнерства устанавливать минимальный размер оплаты труда и (или) минимальные ставки тарифного заработка работников как централизованными коллективными соглашениями, так и коллективными договорами организаций.

Трудовое законодательство России в настоящее время формально не закрепляет значение минимальной заработной платы, установленной актами социального партнерства в сфере труда, как самостоятельной гарантии прав работников. Однако совершенно очевидно, что если соглашением или коллективным договором устанавливается минимальная оплата труда работников, улучшающая их социально-трудовое положение в сравнении с законом (государственным МРОТ), такое социально-партнерское регулирование приобретает характер коллективно-договорной гарантии. Оно обладает необходимой для исполнения юридической силой и в случае нарушения может обеспечиваться средствами государственного принуждения (судом, органами государственного надзора в сфере труда, юридической ответственностью).

Имея в виду возможности коллективно-договорного регулирования минимальной заработной платы и в целом оплаты труда работников в современной России, а также масштабную практику такого регулирования, считаем оправданным дополнение названия ст. 130 ТК РФ словами «и коллективно-договорные», а в содержании данной статьи следует отдельно указать гарантии оплаты, определяемые актами социального партнерства.

Предусмотренная в законе коллективно-договорная гарантия прав работников на соответствующий уровень вознаграждения за труд будет стимулировать практику такого взаимодействия социальных партнеров, усилит юридическую роль соглашений и обеспечит должное внимание к этим отношениям со стороны органов государственного надзора и суда.

Гарантия минимальной заработной платы (далее — МЗП) в коллективных соглашениях носит нормативный характер и обеспечивается двумя группами правил, определяющих:

¹ Речь идет о трех постановлениях Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П, 11 апреля 2019 г. № 17-П, 16 декабря 2019 г. № 40-П. В них указаны выплаты в структуре оплаты труда, не подлежащие включению в расчет гарантированного МРОТ.

размер минимальной заработной платы, структуру выплат, учитываемых в ее составе и (или) порядок исчисления данной гарантии, если она не установлена в абсолютных цифрах;

сферу действия гарантии по кругу работодателей, которые участвовали в соответствующем социально-партнерском соглашении, определены этим соглашением, либо на которых действие такого соглашения было распространено после его заключения. Вопросы «распространения» в практике социально партнерства пока далеки от идеального решения в законе и являются самостоятельным направлением научных исследований [4, с. 7–24; 5, с. 86–87].

Правовое регулирование минимальной заработной платы актами социального партнерства на федеральном уровне осуществляется по общим правилам коллективно-договорного регулирования труда соглашениями по социально-трудовым вопросам любых видов, на региональном уровне — специальными соглашениями о минимальной заработной плате. На практике соответствующие нормативы также включают и в иные региональные (отраслевые, межотраслевые) акты социального партнерства. Город Москва — единственный субъект России, где МЗП, по существу, определяет не договор, а региональный закон о социальном партнерстве и соответствующий акт главы субъекта об установлении величины прожиточного минимума.

Генеральное соглашение по социально-трудовым вопросам предписывает совершенствовать регулирование в этой сфере (п. 2.1 и 2.11)¹, однако трудовое право России, к сожалению, пока не содержит никаких указаний насчет того, как и исходя из каких ориентиров (как мы указали ранее, единственным ориентиром в этой сфере следует считать федеральный МРОТ), определять размер минимальной заработной платы актами социального партнерства, оставляя это на усмотрение работников, работодателей, органов исполнительной власти.

Практика такого регулирования весьма разнообразна. Полностью совпадающих решений насчет величины или порядка расчета минимальной заработной платы в федеральных отраслевых соглашениях почти нет. В этом более или менее единообразны акты социальных партнеров на региональном уровне, но и в этой группе есть принципиальные отличия и аспекты, вызывающие сомнения у специалистов трудового права.

Федеральные отраслевые соглашения — наиболее представительный уровень социального партнерства в части гарантий по оплате труда. Опыт разработки и применения гарантий минимальной заработной платы в таких социально-партнерских соглашениях, безусловно, требует детального изучения. В этих целях нами проведен анализ тридцати федеральных отраслевых (одно межотраслевое) соглашений по социально-трудовым отношениям, который, думаем, позволяет установить основные наиболее часто используемые способы (правовые формы) фиксации минимальной заработной платы, оценить эти положения с точки зрения закона, степени конкретизации и гарантированности прав работников.

Ожидаемо и объективно подтвердилось то, что федеральные отраслевые соглашения в бюджетной сфере и во внебюджетных отраслях, где это касается учреждений образования, культуры, здравоохранения либо вообще не содержат положений насчет минимальной заработной платы (Отраслевое соглаше-

¹ См.: Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2021–2023 годы // Российская газета. 2021. 13 апр.

ние по органам и учреждению Федерального казначейства на 2019–2022 г.¹, Отраслевое соглашение по организациям Федерального архивного агентства на 2020–2022 гг.², Отраслевое соглашение между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на 2020–2022 гг.³, Отраслевое соглашение по организациям ракетно-космической промышленности Российской Федерации на 2021–2023 гг.⁴), либо не улучшая положения работников, формально ссылаются на МРОТ, установленный федеральным законом (Отраслевое соглашение по учреждениям образования, подведомственным Федеральному агентству железнодорожного транспорта, на 2020–2022 гг.⁵, Отраслевое соглашение между ГПРФ и Общероссийским профсоюзом работников госучреждений и общественного обслуживания РФ на 2020–2022 гг.⁶, Отраслевое соглашение по организациям, находящимся в ведении Министерства просвещения Российской Федерации, на 2021–2023 гг.⁷ и др.).

Удивляет нежелание работодателей, которые полагаем, финансово обеспечены, повысить гарантии заработной платы для своих работников. Они дублируют в соглашениях нормы ТК РФ (Межрегиональное отраслевое соглашение по алмазно-бриллиантовому комплексу Российской Федерации на 2019–2021 гг.)⁸.

Оценивая ситуацию с позицией коммерческих работодателей, участвующих в федеральных отраслевых соглашениях, следует признать, что абсолютное большинство объединений работодателей повышают уровень защиты работников в части минимальной заработной платы, что полностью соответствует целям таких соглашений (из общего числа рассмотренных нами соглашений с участием внебюджетного финансирования только 3–4 оставляют ссылку на МРОТ).

Особый интерес для настоящего исследования представляют избираемые социальными партнерами формы определения размеров МЗП и (или) порядка ее исчисления для категорий, групп работников. Приятно отметить, что все соглашения так или иначе, дифференцирующие гарантию минимального заработка, делали это юридически корректно — использовали критерии, указанные в ст. 129 и других нормах Кодекса, то есть с учетом квалификации работника, сложности трудовой функции, — именно эти характеристики труда признаются верными и в научной литературе [6, с. 41–48] (пример такого решения — Отраслевое соглашение по строительству и промышленности строительных материалов Российской Федерации на 2020–2023 гг.⁹).

Анализ федеральных отраслевых соглашений, предусматривающих более высокую в сравнении с МРОТ минимальную заработную плату, позволил выявить

¹ См.: Солидарность. 2019. № 19.

² См.: Официальный сайт Минтруда России. URL: <https://rosmintrud.ru> (дата обращения: 24.05.2019).

³ См.: на сайте. URL: <https://psvsrf.ru>. (дата обращения: 25.02.2021).

⁴ См.: Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2021. № 7.

⁵ См.: Официальный сайт Минтруда России. URL: <https://rosmintrud.ru> (дата обращения: 16.01.2020).

⁶ См.: Официальный сайт Минтруда России. URL: <https://rosmintrud.ru> (дата обращения: 30.06.2020).

⁷ См.: Официальный сайт Минтруда России. URL: <https://rosmintrud.ru> (дата обращения: 25.02.2021).

⁸ См.: Солидарность. 2019. № 25. Соглашение утратило силу с 21 февраля 2022 года в связи с истечением срока действия. Есть основания полагать, что и в новом исполнении дополнительных гарантий насчет МЗП не появится.

⁹ См.: Официальный сайт Минтруда России. URL: <https://rosmintrud.ru> (дата обращения: 05.02.2021).

и систематизировать следующие правовые формы (варианты) минимальной гарантии оплаты труда.

1. Соглашением устанавливается минимальная тарифная ставка (ставка основной оплаты труда) работников низшей квалификации (1 разряда) либо в абсолютных цифрах, либо в размере МРОТ, что гарантирует основную (тарифную часть) месячной оплаты в размере или выше федерального МРОТ. Минимальная ставка тарифной оплаты в составе месячного заработка увеличивается за счет выплат компенсационного и стимулирующего характера (Федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности на 2019–2021 гг. (29 сентября 2021 г. действие соглашения продлено до 31 декабря 2024 г. — Письмо Минтруда России от 29 октября 2021 г. № 14-4/10/В-14288)¹, Отраслевое тарифное соглашение в электроэнергетике Российской Федерации на 2022–2024 гг.², Отраслевое соглашение по организациям наземного городского электрического транспорта Российской Федерации на 2021–2023 гг.³ Федеральное тарифное соглашение в лифтовой отрасли и сфере вертикального транспорта Российской Федерации на 2022–2024 гг.⁴, Отраслевое соглашение по образовательным организациям высшего образования, находящимся в ведении Министерства науки и высшего образования РФ на 2021–2023 гг.⁵).

2. Соглашением устанавливается минимальная тарифная ставка (оклад), т.е. размер основной оплаты труда без учета иных частей системы оплаты труда (компенсационных и стимулирующих выплат) на уровне прожиточного минимума трудоспособного населения в соответствующем субъекте РФ или в размерах, кратно превышающих такой прожиточный минимум. Концепция установления МЗП с использованием базового показателя (критерия) — прожиточный минимум трудоспособного населения в соответствующем регионе — является преобладающей в федеральных отраслевых соглашениях. В разных вариантах формулирования она использована сторонами в большинстве изученных нами соглашений на 2021, 2022 и последующие годы.

В содержании ряда соглашений, правильно определяющих размер минимальной заработной платы в соотношении с прожиточным минимумом, использованы формулировки декларативного характера, «обещающие», но не гарантирующие соответствующий заработок работникам: например «минимальный размер заработной платы в 2021 году будет повышен до 1,8 прожиточного минимума» (Отраслевое соглашение по горно-металлургическому комплексу РФ на 2020–2022 гг.⁶) или «минимальный размер оплаты труда достигнет к декабрю 2022 года...» (Отраслевое соглашение по машиностроительному комплексу РФ на 2020–2022 гг.⁷).

Такие формулировки, разумеется, не следует использовать в правовом регулировании вопросов оплаты труда. Размеры и сроки действия соответствующих гарантий должны быть конкретизированы в соглашении.

¹ См.: Солидарность. 2019. № 13, 15, 16.

² См.: Официальный сайт Минтруда России. URL: <https://rosmintrud.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

³ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2022. № 3.

⁵ См.: Официальный сайт Минтруда России. URL: https://rosmintrud.ru (дата обращения: 25.05.2021).

⁶ См.: Там же. URL: <https://rosmintrud.ru> (дата обращения: 21.01.2020).

⁷ См.: Там же. URL: <https://rosmintrud.ru> (дата обращения: 06.03.2020).

В федеральных отраслевых соглашениях, поскольку они касаются и работников коммерческих работодателей и «бюджетников», занятых в данной отрасли, нет примеров установления разных гарантий минимального заработка в зависимости от источника финансирования. Но, как выяснилось, такое разграничение присутствует в региональных соглашениях о минимальной заработной плате.

В качестве общих выводов по этой части анализа следует отметить следующее: в большинстве федеральных соглашений повышаются гарантии по минимальной оплате труда работников в сравнении с федеральным МРОТ;

в таких соглашениях такие гарантии конкретизированы по величинам и срокам применения;

отсутствие более высоких в сравнении с МРОТ гарантий характерно для соглашений в бюджетной сфере и отраслей, имеющих учреждения социальной сферы (образование, медицина, культура и др.);

в определении более высоких гарантий минимального заработка в федеральных отраслевых соглашениях используется установление тарифной ставки (основной) оплаты труда на уровне МРОТ или на уровне прожиточного минимума населения субъекта РФ (кратно нему). В большинстве соглашений — это прожиточный минимум. Такой подход считаем верным в этом случае. Однако возможна ситуация, когда МРОТ или прожиточный минимум ниже или выше друг друга. Поэтому более оптимально предусматривать в соглашении одновременно оба показателя для исчисления МЗП.

Полученные объективные данные позволяют предложить предусмотреть в общероссийском Генеральном соглашении конкретизированную рекомендацию социальным партнерам устанавливать в актах социального партнерства гарантию минимального заработка на основе прожиточного минимума трудоспособного населения в субъекте РФ. Это сделано в ст. 133 ТК РФ, но не учтено в коллективно-договорном регулировании. Также следует официально признать недопустимой практику установления МЗП и иных гарантий по оплате труда без конкретизации сумм, правил их исчисления и сроков введения в действие.

На уровне субъекта РФ минимальная заработная плата согласно ст. 133.1 ТК РФ должна устанавливаться специальными региональными соглашениями с условием распространения действия таких соглашений на работодателей, не участвовавших в их заключении в составе объединения работодателей.

Именно так МЗП определяется во всех субъектах РФ за исключением города Москвы. В соответствии с Московским трехсторонним соглашением на 2022–2024 гг. от 30 декабря 2021 г. № 77-1352¹ минимальная заработная плата определяется нормативным актом — постановлением мэрии о величине прожиточного минимума трудоспособного населения в г. Москве (определяется универсальная ставка для всех работодателей, включая организации бюджетного финансирования всех уровней). Такой способ регулирования исключает специальное региональное соглашение о МЗП. Законность такой особой практики, явно несогласующейся с нормами ст. 133 ТК РФ, странным образом не вызывает возражений у прокуратуры и судов, однако, в данном случае нас больше интересует не этот частный механизм установления МЗП, но ее размеры в субъектах РФ в целом.

Анализ системы регулирования МЗП в 89 субъектах РФ² показал, что только 46 из них специально определяют это региональными соглашениями, в 43 субъек-

¹ См.: URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/48199220/> (дата обращения:

² По материалам Справочной информации: «Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тах применяется Федеральный закон о МРОТ. В 11 действующих региональных соглашениях МЗП также установлена на уровне МРОТ.

В 54 регионах РФ по общим нормам ТК РФ действует федеральная государственная гарантия по оплате труда. Полагаем, что в связи с увеличением МРОТ постановлением Правительства РФ от 28 мая 2022 г. № 973 до 15279 руб. и санкционными проблемами 2022 года — эта цифра возрастет.

Посмотрим, каким образом определяется МЗП в субъектах РФ, предусмотревших более высокие размеры такой гарантии:

7 регионов установили МЗП в абсолютных цифрах выше МРОТ без дифференциации для коммерческих и бюджетных работодателей;

11 регионов — в абсолютных цифрах выше МРОТ с дифференциацией размеров МЗП для бюджетного и коммерческого сектора (Кабардино-Балкария, Татарстан, Алтайский край, Брянская область, Волгоградская область, Липецкая область, Омская область, Рязанская область, Саратовская область, Тульская область, Ульяновская область);

2 региона — только для коммерческих работодателей (без упоминания бюджетных организаций);

только 2 региона (Москва и Волгоградская область) установили МЗП на величину прожиточного минимума.

Анализ практики, с учетом общих норм трудового права и позиций Конституционного Суда РФ, выявляет следующие вопросы:

можно ли такими соглашениями исключать из сферы их действия работодателей, финансируемых из регионального и муниципального бюджета, если статья 133.1 ТК РФ предусматривает это только для федерального бюджета¹;

можно ли соглашением установить единую ставку региональной МЗП, в том числе и для федеральных бюджетников, если закон устанавливает ее неприменимость по общему правилу (г. Москва);

соответствует ли нормам ТК РФ практика установления различных размеров МЗП для коммерческих и бюджетных работодателей (11 региональных соглашений по стране);

вправе ли стороны и нужно ли в каждом соглашении определять выплаты, которые не подлежат включению в состав МЗП при ее исчислении в субъекте РФ, если это не предусмотрено нормами ТК РФ и актами Конституционного Суда РФ?

Исключение из сферы действия регионального соглашения о МЗП областных и муниципальных бюджетников предусмотрено во многих регионах. Например, об этом говорит п. 2 Соглашения о минимальной заработной плате в Саратовской области от 26 апреля 2021 г. При заключении первого такого соглашения в 2009 г. у региональной прокуратуры были замечания на этот счет. Но уже больше 10 лет областное соглашение о МЗП на местных бюджетников не распространяется. Это соответствует финансовым интересам региона, муниципальных образований и повсеместно применяется. Но закон такого исключения не предусматривает.

Думаем, давно следовало легализовать эту практику, дополнив ст. 133.1 ТК РФ нормой, позволяющей социальным партнерам исключать из сферы действия соглашения работодателей, финансируемых из регионального и муниципального бюджета.

¹Законность нормы ст. 133.1 ТК РФ о нераспространении региональных МЗП на работодателей, финансируемых из федерального бюджета подтверждена Определением Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 29020-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». Опыт исключения из этих соглашений других бюджетных работодателей КС РФ не оценивался.

Принципиальное значение для рассматриваемых отношений имеет, и отсутствующая позиция российского законодателя насчет установления соглашениями регионов разных размеров МЗП для бюджетных и коммерческих работодателей. Опыт таких соглашений противоречит основной цели регионального регулирования — обеспечить трудовые доходы всех работников в зависимости от условий жизни на данной территории (ч. 3 ст. 133.1 ТК РФ). Спорный с точки зрения норм трудового права характер таких соглашений отмечали С.Ю. Головина и Н.М. Саликова, прямо указывая на то, что дифференциация региональной МЗП по такому критерию как источник финансирования работодателя, вызывает большие сомнения [7, с. 113–114].

К сожалению, судебной практики по этому спорному вопросу нет и, наверное, поэтому российский законодатель не обращает внимания на неопределенность указанной ситуации. Начать решение этого вопроса следовало бы с определения в Генеральном соглашении позиции Российской трехсторонней комиссии по поводу практики дифференциации региональной МЗП в зависимости от коммерческого или бюджетного статуса работодателя. Очевидно, что этот вопрос имеет смысл инициировать на федеральном уровне российским профсоюзам.

Еще одна отмеченная нами проблема — это отсутствие законодательной определенности насчет составных частей заработной платы, которые не включаются в расчет региональной МЗП. Этот вопрос в равной степени относится и к федеральным отраслевым соглашениям. В данной части наиболее показателен пример уже упомянутого Московского трехстороннего соглашения на 2022–2024 гг. (п. 3.3.), в соответствии с которым из МЗП исключены выплаты, предусмотренные ст. 147, 151, 152, 154 ТК РФ. Эти выплаты не входили в расчет федерального МРОТ до изменений закона в 2007 году.

Ранее мы отмечали, что выплаты, которые исключены из подсчета МРОТ, установлены постановлениями КС РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П, от 11 апреля 2019 г. № 17-П и от 16 декабря 2019 г. № 40-П. Заметим, что в них нет единого решения насчет состава региональных минимальных заработных плат. Постановление № 38-П говорит о не включении в региональную МЗП районных коэффициентов и территориальных надбавок (иные социально-партнерские соглашения не упоминаются). Постановление № 40-П также не включает в региональные МЗП доплату за совмещение должностей.

Однако в Постановлении № 17-П ничего не сказано об исключении из региональной МЗП и любых иных соглашений о МЗП оплаты сверхурочной работы, в выходные и праздничные дни, в ночное время. Поэтому обоснованность таких исключений в рассматриваемых соглашениях остается под вопросом.

Считаем, что указанная ситуация с расчетом федеральной отраслевой или региональной минимальной оплаты труда может быть очень просто решена путем дополнения ст. 133 ТК РФ новой нормой следующего содержания:

«Более высокие гарантии минимальной заработной платы работников могут быть установлены коллективными соглашениями по социально-трудовым вопросам, коллективным договором, локальными нормативными актами работодателя.

В составе заработной платы (части месячной заработной платы), не превышающей МРОТ (минимальной зарплаты, установленной актами социального партнерства, локальным нормативным актом работодателя), не учитываются выплаты за работу в местностях с особыми климатическими условиями при со-

вмещении профессий (должностей), за сверхурочную работу, работу в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни».

Это, во-первых, легализует в ТК РФ позиции КС РФ о составе минимального заработка, а, во-вторых, обеспечивает единство законодательного и коллективно-договорного регулирования гарантий по оплате труда работников.

Библиографический список

1. *Абалдуев В.А.* Социальное партнерство на региональном уровне: правовые аспекты формирования и реализации российской государственной политики в сфере труда // Правоведение. 2007. № 5 (274).
2. *Брюховецкий Н.Н.* Минимальная заработная плата в регионах: правомерность процедуры установления // Законодательство и экономика. 2008. № 2.
3. *Абалдуев В.А.* Трудовое право и конституционное правосудие: как обеспечить связь закона и судебной практики // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3.
4. *Абалдуев В.А., Герасимова Е.А., Девятков О.В.* Законодательство о присоединении работодателей к федеральным отраслевым и региональным соглашениям в сфере труда: вопросы совершенствования // Отраслевые особенности труда и социальной защиты населения: единство и дифференциация правового регулирования / под общ. ред. В.А. Абалдуева, Т.В. Ерохиной. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2022.
5. *Сафонов В.А.* Социальное партнерство в сфере труда: некоторые конституционные аспекты // Российский юридический журнал. 2019. № 1.
6. *Молчанов Р.Ю.* О дифференциации минимального размера оплаты труда // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4.
7. *Головина С.Ю., Саликова Н.М.* О правовом положении категории «минимальный размер оплаты труда» // Российский юридический журнал. 2018. № 5.

References

1. *Abalduiev V.A.* Social Partnership at the Regional Level: Legal Aspects of the Formation and Implementation of the Russian State Policy in the Sphere of Labor // Jurisprudence. 2007. No. 5 (274).
2. *Bryukhovetsky N.N.* Minimum Wage in the Regions: the Legitimacy of the Establishment Procedure // Legislation and Economics. 2008. No. 2.
3. *Abalduiev V.A.* Labor Law and Constitutional Justice: How to Ensure the Connection Between Law and Judicial Practice // Labor Law in Russia and Abroad. 2020. No.3.
4. *Abalduiev V.A.* Legislation on the Accession of Employers to Federal Sectoral and Regional Agreements in the Field of Labor: Issues of improvement // Sectoral Features of Labor and Social Protection of the population: Unity and Differentiation of Legal Regulation / under total ed. V.A. Abalduieva, T.V. Erokhina. Saratov: Publishing House. Saratov State Law Academy, 2022.
5. *Safonov V.A.* Social Partnership in the Sphere of Labor: Some Constitutional Aspects // Russian Journal of Law. 2019. No. 1.
6. *Molchanov R.Yu.* On the Differentiation of the Minimum Wage // Electronic supplement to the Russian Legal Journal. 2021. No. 4.
7. *Golovina S.Yu., Salikova N.M.* On the Legal Status of the Category “Minimum Wage” // Russian legal journal. 2018. No. 5.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-274-285

УДК 347.12

А.А. Богустов

ПРАВО ЛИЦА НА ИЗОБРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Введение: сравнительно-правовой анализ законодательства государств евразийского региона о праве лица на изображение является редким явлением. Его осуществление позволит осмыслить сущность права лица на изображение и выявить тенденции развития правового регулирования в этой области. **Цель:** осуществление комплексного сравнительно-правового анализа законодательства государств евразийского региона о праве лица на изображение для уяснения его правовой природы и выявления проблем и перспектив его развития. **Методологическая основа:** использованы общие (метод анализа и синтеза, индукции и дедукции и др.) и специальные методы научного познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и др.). **Результаты:** проанализированы применяемые в национальном законодательстве государств евразийского региона способы определения содержания права на изображение; исследован круг отношений, охватываемых этим правом; рассмотрены актуальные вопросы ограничения права лица на изображение. **Выводы:** выявлены тенденции к расширению толкования понятия «изображение» и наделению его имущественным содержанием. Предложено усовершенствовать механизм использования презумпции согласия на использование изображения и расширить понятие общественных интересов как основания для свободного использования изображения.

Ключевые слова: право на изображение, авторское право, личные неимущественные права, гражданское право, субъективное право, абсолютные права.

А.А. Bogustov

THE RIGHT OF A PERSON TO AN IMAGE IN THE LEGISLATION OF THE STATES OF THE EURASIAN REGION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Background: comparative legal analysis of the legislation of the states of the Eurasian region on the right to an image is a rare phenomenon. Its implementation will make it possible to reflect on the essence of the right of a person to an image and to identify trends in the development of legal regulation in this area. **Objective:** implementation of a comprehensive comparative legal analysis of the legislation of the states of the Eurasian region on the right of a person to an image to clarify its legal nature and to identify problems and prospects for its development. **Methodology:** general (method of analysis and synthesis, induction and deduction, etc.) and special methods of scientific knowledge

© Богустов Андрей Алексеевич, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы); e-mail: bogustov_aa@grsu.by

© Bogustov Andrey Alekseevich, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Department of International Law (Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus)

(comparative-legal, formal-legal, systemic, etc.) were used. Results: methods used in the national legislation of the states of the Eurasian region to determine the content of the right to the image were analyzed, the range of relations covered by this right were studied; topical issues of limiting the right of a person to an image were considered. Conclusions: the tendencies to expand the interpretation of the concept of “image” and its property content have been identified. It is proposed to improve the mechanism of using the presumption of consent to the use of the image and to expand the concept of public interest as a basis for the free use of the image.

Key-words: *right to an image, copyright, personal non-property rights, civil law, subjective law, absolute rights.*

В настоящее время право лица на изображение вызывает интерес доктрины и правоприменительной практики. Это обусловлено не только возрастанием значимости личных неимущественных прав, но и расширением сферы использования изображений, что повышает риски нарушения прав на них. Можно согласиться с тем, что «...появлению этого права способствовала всеобщая цифровизация всех сфер нашей жизни, приведшая к активному использованию фотографий, видеозаписей с изображением как самих граждан, так и третьих лиц, в сети Интернет и, в частности, в различных социальных сетях» [1, с. 100].

Изменение законодательных подходов в отношении этого права произошло относительно недавно, что порождает ряд вопросов, требующих разрешения на основе проведения теоретического анализа. Проблематике права лица на изображение были посвящены работы Н.А. Аблятиповой и И.Ю. Волковой [2], О.Г. Лазаренковой [1], Е.Ю. Маликова [3], Е.А. Свиридовой [4], А.В. Чигилейчика [5] и иных авторов. Отдельные аспекты этого права выступают предметом исследования науки конституционного права [6, с. 15–16].

Однако, несмотря на интерес современных ученых к указанной проблематике, одно из направлений остается без внимания. На сегодняшний день практически отсутствуют сравнительно-правовые исследования направленные на комплексный анализ законодательства государств евразийского региона о праве лица на изображение. Имеющиеся работы не выходят за рамки сравнения права отдельных постсоветских стран с российским законодательством. Например, А.А. Николаевой был проведен анализ нормативных актов России и Украины по этому вопросу [7], а автором настоящей статьи — проблемных аспектов формирования института права лица на изображение в законодательстве Республики Беларусь и возможного использования в ходе этого процесса российского опыта [8].

Сравнительно-правовой анализ законодательства стран евразийского региона в этой области имеет не только значительное научное, но и практическое значение. Это обусловлено тем, что правовое регулирование в указанной сфере в национальном законодательстве рассматриваемой группы государств имеет ряд отличий. Вместе с тем нормативное закрепление права лица на изображение произошло во всех постсоветских странах практически в одно и то же время и в силу сходных причин. Анализ существующих в национальных правовых системах подходов позволит не только лучше уяснить юридическую природу этого права, но и выявить основные проблемы и направления его дальнейшего развития.

Отличия национального законодательства государств евразийского региона в регулировании права лица на изображение коренятся в том, что в советском

законодательстве и правовой доктрине вплоть до распада СССР не сложилось комплексного и непротиворечивого подхода к его определению.

Автором настоящей статьи ранее предпринималась попытка исследования эволюции права на изображение в российском дореволюционном и советском законодательстве и доктрине [9]. Для целей же настоящей работы можно лишь отметить, что в советском законодательстве существование этого права с одной стороны не считалось обязательным, но с другой — не отрицалась. Это, в свою очередь, приводило как к слишком узкой трактовке сферы действия этого права, так и к сложностям в определении места рассматриваемого института в системе гражданского законодательства.

Подходы, использовавшиеся в ГК союзных республик и соответствовавшие уровню развития общественных отношений в конкретных исторических условиях, не могли привести к положительным результатам при увеличении числа случаев и возникновении новых форм использования изображения граждан. Это во многом может объяснить отсутствие существенного влияния нормативных предписаний сложившихся в советском законодательстве на формирование национальных гражданско-правовых систем.

Кроме того, на различие механизмов нормативного закрепления права лица на изображение в гражданских кодексах постсоветских стран повлияло и то, что в Модельном гражданском кодексе для государств-участников СНГ, послужившем основой для формирования национального законодательства большинства из них, это право не упоминалось.

В законодательстве государств евразийского региона можно выделить несколько подходов к определению содержания права лица на изображение. Более того, далеко не во всех национальных кодексах содержатся предписания о нем. Примером этому могут служить ГК Азербайджана¹, Армении² и Беларуси³.

При этом само по себе отсутствие в ГК норм, закрепляющих право на изображение, не означает его отрицания. Так, белорусскими авторами высказывается справедливое замечание о том, что «Фрагментарно правовое регулирование использования и охраны собственного изображения физического лица осуществляется нормативными правовыми актами, регулирующими общественные отношения в отдельных сферах деятельности. В частности, запрет на использование изображения физического лица без его согласия (согласия законных представителей) установлен в ст. 34 Закона Республики Беларусь „О средствах массовой информации”, ст. 10 Закона Республики Беларусь „О рекламе”» [5, с. 202].

Кроме того, самостоятельный характер этого права был признан Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 октября 2018 г., признавшим необходимым внести соответствующие изменения в ГК и закрепившим, что «...право на изображение гражданина как личное неимущественное право, являющееся нематериальным благом, должно быть обеспечено законными способами его осуществления и защиты. В случае посягательства на указанное благо, в том числе путем обнародования и распространения изображения

¹ См.: Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 779-IQ (с изм. и доп. по сост. на 27 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2000. Кн. I. № 4, ст. 250.

² См.: Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 (с изм. и доп. по сост. на 8 февраля 2022 г.) // Официальные Ведомости Республики Армения. 1998. № 17 (55).

³ См.: Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (с изм. и доп. по сост. на 31 декабря 2021 г.) // Ведомасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. 1999. № 7–9. ст. 101.

гражданина без его согласия, гражданин может прибегнуть к разрешенным законом способам защиты»¹.

В национальном законодательстве право на изображение может признаваться без установления конкретных механизмов его реализации и защиты. Примером такого подхода служит ст. 99 ГК Узбекистана², признавая, что право на изображение, так же как и иные личные неимущественные права и нематериальные блага не отчуждаемы и не передаваемы иным способом.

Наиболее распространенный на постсоветском пространстве взгляд на анализируемое право закрепляется в законодательстве России (ст. 152.1 ГК³), Кыргызстана (ст. 19 ГК⁴), Казахстана (ст. 145 ГК⁵), Таджикистана (ст. 176 ГК⁶) и Туркменистана (ст. 17 ГК⁷). Он состоит в том, что по общему правилу обнародование и использование изображения гражданина возможно лишь с его согласия, а после смерти — с согласия его ближайших родственников и членов семьи.

С определенными оговорками подобный подход может использоваться в нормативных актах, регулирующих отдельные аспекты права на изображение. Например, из п. 9 ст. 10 Закона Республики Беларусь «О рекламе»⁸ следует, что по общему правилу не допускается использование образов граждан в рекламе без их согласия или согласия их законных представителей.

Однако в национальном законодательстве упомянутых выше государств существуют отдельные технико-юридические отличия, приводящие, в конечном итоге, к определенному несходству в трактовке рассматриваемого права.

Например, из анализа п. 1 ст. 152.1 ГК РФ можно сделать вывод, что законодатель не дифференцирует механизм реализации этого права в зависимости от характера и назначения изображения, применяя его, в том числе к фотографиям, видеозаписям и произведениям изобразительного искусства. При определении же круга лиц, наделенных правом давать согласие на использование изображения гражданина после его смерти, российское законодательство базируется на приоритете интересов ближайших родственников и членов семьи изображенного лица, не зависящих от их наследственных прав. В частности, в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ закреплена необходимость согласия на использование изображения детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — родителей.

¹ См.: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 октября 2018 г. № Р-1145/2018 «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2018. № 42.

² См.: Гражданский Кодекс Республики Узбекистан (часть первая) от 21 декабря 1995 г. № 163-1. (с изм. и доп. по сост. на 12 октября 2021 г.) // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 1996. № 11–12.

³ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. по сост. на 25 февраля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

⁴ См.: Гражданский Кодекс Кыргызской Республики (часть первая) от 8 мая 1996 г. № 15 (с изм. и доп. по сост. на 18 января 2022 г.) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Респ. 1996. № 6, ст. 80.

⁵ См.: Гражданский кодекс Республики Казахстан (общая часть) от 27 декабря 1994 г. (с изм. и доп. по сост. на 12 января 2022 г.) // Ведомости ВС РК. 1994. № 23-24 (приложение).

⁶ См.: Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть первая) от 30 июня 1999 г. (с изм. и доп. по сост. на 2 января 2020 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Респ. Таджикистан. 1999. № 6.

⁷ См.: Гражданский кодекс Туркменистана от 17 июля 1998 г. № 294-1 (с изм. и доп. по сост. на 5 октября 2019 г.) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1998. № 2 (ч. II), ст. 39.

⁸ См.: Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З (с изм. и доп. по сост. на 4 января 2021 г.) «О рекламе» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 119. 2/1321.

В законодательстве Казахстана и Таджикистана помимо общего правила об использовании изображения отдельно закрепляется порядок обнародования, воспроизведения и распространения изобразительного произведения. Анализ ст. 145 ГК Казахстана и ст. 176 ГК Таджикистана указывает на то, что ключевое отличие в режиме этих разновидностей изображения состоит в определении круга лиц, наделенных правом давать согласие на использование изображения гражданина после его смерти. По общему правилу такими лицами признаются наследники, а в отношении изобразительных произведений — дети и переживший супруг.

Представляется, что достаточно спорным выглядит наделение наследников правом давать согласие на использование изображения. Это связано с тем, что законодательство не определяет категорию наследников обладающих подобным правом. Из этого можно сделать вывод, что оно в равной степени принадлежит как наследникам по закону, так и по завещанию (в том числе лицам не находящимся в семейных либо родственных отношениях с изображенным и юридическим лицам). То есть при определенных условиях согласие на использование изображения будут давать субъекты, не имеющие личного интереса в сохранении неприкосновенности частной жизни умершего лица, личной и семейной тайны, чести, достоинства и деловой репутации и т.п.

Предоставление наследникам (и прежде всего наследникам по завещанию) возможности распоряжаться изображением гражданина после его смерти фактически означает трансформацию личного неимущественного блага в имущественное, включение его в коммерческий оборот, что противоречит его сущности и назначению.

Законодательство Кыргызстана (ст. 19 ГК) и Туркменистана (ст. 17 ГК) лишь констатирует, что никто не вправе публиковать и распространять опубликованное изображение какого-либо лица без его согласия. Но при этом не устанавливается механизмов использования изображения гражданина после его смерти.

Определенное сходство с рассмотренным выше подходом к праву гражданина на изображение имеют положения, содержащиеся в ГК Грузии¹. Из анализа ч. 5 ст. 18 ГК Грузии следует, что по общему правилу лицо, в случае публикации без его согласия изображения (фотографии, кино-, видеофильма и т.п.), вправе потребовать прекратить такое действие либо отказаться от такого действия. В отношении права на изображение в соответствии со ст. 19 ГК Грузии применяется общий порядок защиты личных прав после смерти, состоящий в том, что эти права может использовать и лицо, которое само хотя и не является его носителем, однако имеющее для этого заслуживающий защиты интерес.

Весьма интересным представляется механизм защиты права лица на изображение используемый в законодательстве Молдовы, Из ст. 45 ГК Молдовы² следует, что при осуществлении права на собственное изображение лицо может запрещать или препятствовать воспроизведению либо, по обстоятельствам, использованию такого воспроизведения. Существенным отличием законодательства Молдовы является более широкая трактовка понятия «изображение» и детализация порядка реализации права на него.

¹ См.: Гражданский кодекс Грузии от 26 июня 1997 г. № 786 (с изм. и доп. по сост. на 2 августа 2021 г.) // Парламентские ведомости. 1997. № 31.

² См.: Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга первая. Общие положения) от 6 июня 2002 г. № 1107-XV (с изм. и доп. по сост. на 11 ноября 2021 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. № 82–86.

Наибольшим своеобразием отличается регламентация рассматриваемого права в ГК Украины¹, который дифференцирует защиту интересов физического лица при проведении фото-, кино-, теле- и видеосъемок (ст. 307 ГК) и охрану интересов изображенного на фотографиях и иных художественных произведениях гражданина (ст. 308 ГК). Кроме того, отдельные аспекты права лица на изображение подпадают под действие норм ГК о праве на личные бумаги (ст. 303–305 ГК).

Из ст. 303 ГК Украины следует, что фотографии гражданина относятся к числу личных бумаг и являются его собственностью. Однако если эти бумаги касаются личной жизни другого лица, то их использование (в том числе путем опубликования) возможно только с его согласия. После смерти этих лиц использование личных бумаг возможно лишь с согласия их детей, переживших супругов, а при их отсутствии — родителей, братьев и сестер. Ст. 307 ГК Украины требует по общему правилу согласия лица при проведении фото-, кино-, теле- и видеосъемок и устанавливает, что гражданин давший такое согласие может требовать прекращения публичного показа отснятых материалов в той части, которая касается его личной жизни.

Можно сделать вывод, что в указанных случаях правовое регулирование направлено не на охрану изображения как такового, а как одного из элементов обеспечения неприкосновенности личной жизни.

Непосредственно же на защиту права лица на изображение направлена ст. 308 ГК Украины, из анализа которой следует, что фотографии и иные художественные произведения, на которых изображено физическое лицо, могут быть публично показаны, воспроизведены, распространены лишь с его согласия. После смерти этого лица осуществление подобных действий возможно с согласия его детей, переживших супругов, а при их отсутствии — родителей, братьев и сестер.

Однако, несмотря на все существующие в национальных законах отличия в регламентации права на изображение существует ряд общих для них проблем теоретического и практического характера.

Прежде всего необходимо определить круг отношений, охватываемых правом на изображение. То есть нужно уяснить, что подпадает под понятие изображение с точки зрения права.

Решение этого вопроса осложнено тем, национальное законодательство не дает легального определения этого понятия, а его лексическое значение весьма широко. Например, под изображением можно понимать «то, что изображено (рисунок, фотография, скульптура и т. п.); предмет, изображающий кого-, что-л... Образ предмета, отраженный где-л.»². То есть, из общеупотребительного определения понятия «изображение» следует, что оно не сводится лишь к визуальному образу.

Возможность более широкого толкования права на изображение признавалась еще в дореволюционной цивилистической доктрине. Например, И.А. Покровский к возможным нарушениям этого права относил помимо прочего случай, «...когда писатель описывает вашу интимную жизнь в каком-либо романе, хотя и не называя вашего имени, но так, что всякий, более или менее посвященной, вас узнает» [10, с. 104].

Анализ законодательства государств евразийского региона также позволяет сделать вывод о тенденции к расширению сферы охраноспособности изображе-

¹ См.: Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 г. № 435-IV (с изм. и доп. по сост. на 1 января 2022 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины. 2003. № 40, ст. 356.

² См.: Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. М., 1999. С. 651.

ния. Наиболее ярко она проявляется в ГК Молдовы, закрепившем, что изображение включает в себя как внешний вид, так и голос лица (ст. 45).

Как уже отмечалось выше гражданские кодексы Казахстана и Таджикистана помимо общего правила об использовании изображения устанавливают режим изобразительного произведения. Подобный подход свидетельствует о том, что понятие изображения трактуется более широко и не ограничивается лишь визуальной сферой.

На наш взгляд, вопрос об определении понятия «изображение» остается открытым и в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ. Он запрещает использовать без согласия гражданина его изображение «в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства». Использование выражения «в том числе» показывает, что понятие «изображение» охватывает перечисленные объекты, но не исчерпывается ими.

Вместе с тем в праве отдельных государств понятие изображения может трактоваться существенно уже. Например, по мнению Конституционного Суда Республики Беларусь, высказанному в упомянутом ранее Решении от 30 октября 2018 г. № Р-1145/2018, изображение гражданина представляет собой «его внешний (индивидуальный) облик в объективированной форме, например в произведении изобразительного искусства, на фотографии или видеозаписи в конкретный момент времени».

Представляется, что, в конечном итоге, выбор того, должно ли право на изображение ограничиваться лишь визуальным, изобразительным произведением зависит от целей предоставления охраны. Если оно трактуется как самостоятельное личное неимущественное благо, то необходимо ограничивать его только фиксацией внешнего облика. Если же это право рассматривается в качестве элемента права на неприкосновенность частной жизни, то целесообразно рассматривать его более широко. Это связано с тем, что неблагоприятные последствия незаконного использования изображения как в визуальной, так и в любой иной форме будут в этом случае аналогичны.

К числу проблем, требующих решения в связи с нормативным закреплением права на изображение, относится и необходимость установления пределов его действия. Можно выделить несколько вопросов в этой области, которые являются общими для национального законодательства большинства государств евразийского региона.

Прежде всего, право лица на изображение может быть ограничено в силу презумпции согласия. Например, в законодательстве ряда государств закреплено, что согласие на использование изображения не требуется, если лицо позировало за плату (п. 5 ст. 18 ГК Грузии, ч. 2 ст. 19 ГК Кыргызстана, п. 2 ст. 145 ГК Казахстана, подп. 3 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ, п. 2 ст. 176 ГК Таджикистана, ч. 2 ст. 17 ГК Туркменистана, ч. 1 п. 1 ст. 308 ГК Украины). Законодательство здесь акцентирует внимание на то, что лицо получает плату за позирование и именно это является основанием ограничения его права на изображение.

Но на наш взгляд ключевым в этом случае должен являться сам факт позирования. Если лицо соглашается позировать художнику либо фотографу, то оно, очевидно, должно понимать, что у них присутствует законный интерес в обнародовании, распространении и использовании созданного произведения. Более того, в подавляющем числе случаев произведение и создается для этого. То

есть, если лицо не хочет, чтобы произведение с его изображением в дальнейшем распространялось, то оно может просто отказаться от позирования.

Представляется, что справедливым было бы распространить презумпцию согласия на все случаи позирования, независимо от возмездности таких отношений. По подобному пути пошли, например, законодатели Молдовы. Из п. 2 ст. 46 ГК Молдовы следует, что если лицо согласно на то, чтобы его изображение было запечатлено при обстоятельствах, когда очевидно, что изображение будет распространяться, предполагается, что оно также согласно на его воспроизведение и распространение обычным способом, как и следует разумным образом ожидать при таких обстоятельствах.

В этом случае действие презумпции согласия следовало бы ограничить в отношении ситуаций, когда для создания произведения позирует его заказчик.

Важным является вопрос об охране интересов не только позировавшего, но и создавшего произведение. Такая проблема может возникнуть в случае последующего запрета изображенного лица на какое-либо использование созданного произведения. Нормативные предписания по данному вопросу достаточно редки. Исключение составляет ГК Украины, из п. 2 ст. 308 которого следует, что лицо, позировавшее автору произведения за плату, а после его смерти — его дети и переживший супруг, родители, братья и сестры могут требовать прекращения публичного показа, воспроизведения или распространения произведения при условии возмещения автору или другому лицу связанных с этим убытков.

Представляется, что подобный подход может нарушить баланс интересов автора и изображенного лица. Автор в этом случае будет постоянно находиться под угрозой запрета использования созданного им произведения, что может существенно осложнить возможность реализации его субъективных прав, поставив их в зависимость от воли изображенного лица либо членов его семьи. Для обеспечения устойчивости гражданского оборота целесообразно было бы ограничить возможность последующего запрета на использование произведения возникновением у изображенного заслуживающих учета интересов, которые отсутствовали на момент создания картины, фотографии и т.п. Причем наличие подобного интереса и его значимость должна доказываться лицом, требующим подобного запрета.

Законодательство рассматриваемых государств допускает использование изображения без согласия граждан в публичных интересах. При этом используемые в законодательстве формулировки с технико-юридической точки зрения могут существенно отличаться.

Например, ГК Казахстана (п. 2 ст. 145) и Таджикистана (п. 2 ст. 176) носят отсылочный характер, устанавливая, что в случаях предусмотренных законодательством согласие лица на использование его изображения не требуется. На сходных позициях базируются ГК Кыргызстана (ч. 1 ст. 19) и ГК Туркменистана (ч. 1 ст. 17), дополнительно к отсылочной норме уточняющие, что согласие не требуется, когда использование изображения связано с требованиями суда, органов дознания и следствия.

При этом анализ специального законодательства, допускающего случаи использования изображения без их согласия (например, п. 1-1 ст. 14 Закона Ка-

захстана «О средствах массовой информации»¹), приводит к выводу о публично-правовых целях установления подобных правил.

Из п. 5 ст. 48 ГК Молдовы следует, что согласие лица не требуется, если изображение выполняется или используется на основании закона в официальных целях, либо если кто-нибудь совершает публичный акт в общественных интересах.

Анализ ГК Украины приводит к выводу о том, что съемка лица, в том числе тайная, может быть проведена лишь в установленных законом случаях (ч. 3 ст. 307), а фотография может быть распространена без разрешения гражданина, если это вызвано необходимостью защиты его интересов или интересов других лиц (ч. 3 ст. 307).

Несколько шире трактуются интересы, обеспечение которых требует ограничения права лица на изображение, в законодательстве России и Грузии.

В ст. 152.1 ГК РФ установлено, что обнародование и дальнейшее использование изображения допускается без согласия гражданина, если это «осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах». А п. 5 ст. 18 ГК Грузии допускает возможность использования изображения лица, когда фотографирование (видеосъемка и т.п.) связано с его общественным признанием, занимаемой должностью, с требованиями правосудия или полиции, научными, учебными или культурными целями, или фотографирование (видеосъемка и т.п.) производилось в общественной обстановке.

Несмотря на существующие отличия, применимые в праве России и Грузии подходы сближает то, что свободным использованием изображения обеспечиваются помимо прочего общественные интересы, не подпадающие под категорию публично-правовых. Это порождает необходимость их более детального рассмотрения.

В российском праве понятие публичных интересов, обеспечение которых допускает обнародование и использование изображения, сформулировано в ч. 1 п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»².

Понятие же общественных интересов не имеют настолько однозначной трактовки. Например, из п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“»³ следует, что они определяются потребностью общества «...в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде и прочее». Однако это определение вызывает вопрос о том, чем же государственные (публичные) интересы отличаются от общественных. Кроме того, общественные интересы в этом случае трактуются только применительно к деятельности СМИ.

¹ См.: Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 г. № 451-І «О средствах массовой информации» (с изм. и доп. по сост. на 24 ноября 2021 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1999. № 21, ст. 771.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Очевидно, что общественные интересы, связанные с использованием изображения, не могут ограничиваться лишь указанной сферой. Например, можно предположить, что общественным интересам будет отвечать распространение пародии, карикатуры или шаржа. Еще С.А. Беляцкий справедливо указывал на то, что «...карикатура сама по себе представляется нарушением личного права на изображение. Но тут выступает на сцену другая сторона вопроса — общественная заинтересованность» [11, с. 196].

В настоящее время отношения по поводу карикатур и пародий рассматриваются главным образом с позиций авторского права. Это проявляется как в доктрине, так и в законодательстве государств евразийского региона.

Например, высказывается мнение, что «под пародией следует понимать метажанр, где в центре нового произведения находится узнаваемое оригинальное произведение, основные черты которого выставляются в критически-комическом свете, а его юридическая сущность как объекта авторских прав проявляется в виде заочного, неурегулированного правом общественного отношения между автором оригинала и пародистом» [12, с. 127].

Российское законодательство (п. 4 ст. 1274 ГК РФ) считает правомерным создание произведения в жанре литературной, музыкальной либо другой пародии или в жанре карикатуры на основе иного (оригинального) правомерно обнародованного произведения и использование данных пародий или карикатуры без согласия автора либо другого обладателя исключительного права на оригинальное произведение и без выплаты ему вознаграждения.

Закон Украины «Об авторском праве и смежных правах»¹ определяет карикатуру как «...произведение изобразительного искусства, которое является творческой переработкой другого правомерно обнародованного произведения, в том числе персонажа произведения или имени персонажа произведения, по своему содержанию имеет комический, сатирический характер или направляется на высмеивание определенных лиц или событий» (ст. 1) и допускает использование правомерно обнародованных произведений для ее создания (п. 9–1 ст. 21).

Анализ приведенных положений приводит к выводу о том, что законодатель акцентирует внимание на регламентации отношений возникающих между создателем карикатуры либо пародии и обладателем прав на произведение, послужившим основой для их создания. Однако карикатуры и пародии могут затрагивать и право лица на изображение, возникать самостоятельно (например, политическая карикатура, пародия на артиста и т.п.). Жесткое следование в этих случаях праву лица на изображение способно будет вообще уничтожить указанные жанры, что вряд ли будет способствовать интересам общества.

Перечисленные выше случаи далеко не исчерпывают все ситуации возможного использования изображений в общественных целях. Можно согласиться с высказываемым современными авторами обоснованным мнением о правомерности использования изображений в медицинских и образовательных целях [13, с. 1–7].

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, в законодательстве государств евразийского региона существует тенденция к наделению права на изображение имущественным содержанием. Она выражается в предоставлении наследникам фактической возможности рас-

¹ См.: Закон Украины от 23 декабря 1993 г. № 3792-XII «Об авторском праве и смежных правах» (с изм. и доп. по сост. на 5 января 2022 г.) // Ведомости Верховной Рады Украины. 1994. № 13, ст. 64.

поряжаться изображением гражданина после его смерти. Это означает трансформацию личного неимущественного блага в имущественное, включение его в коммерческий оборот, что противоречит сущности и назначению этого права.

Во-вторых, сравнительно-правовой анализ приводит к заключению о том, что охрана права на изображение может не ограничиваться лишь визуальным, изобразительным произведением. Это связано с тем, что право на изображение рассматривается в качестве элемента права на неприкосновенность частной жизни. В этом случае неблагоприятные последствия незаконного использования изображения как в визуальной, так и в любой иной форме будут аналогичны.

В-третьих, наиболее полному учету интересов создателей произведения, изображенных лиц и общества способствовало бы закрепление в законодательстве следующей трактовки презумпции согласия на использование изображения:

1) она должна распространяться на все случаи позирования независимо от получения изображенным лицом вознаграждения;

2) исключение из этого правила составляют случаи, когда для создания произведения позирует его заказчик;

3) возможность последующего запрета на использование произведения может быть вызвана возникновением у изображенного лица заслуживающих учета интересов, отсутствовавших на момент создания произведения.

В-четвертых, обеспечение общественных интересов требует, чтобы признание правомерности использования произведения для создания карикатуры, пародии, шаржа должно быть дополнено возможностью совершения подобных действий и в отношении изображения.

Библиографический список

1. Лазаренкова О.Г. Право гражданина на изображение в системе личных неимущественных прав // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 1(63). С. 98–107.

2. Аблятипова Н.А., Волкова И.Ю. Право гражданина на неприкосновенность изображения: анализ эффективности правоприменительной практики при определении критериев неправомерности использования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 251–260.

3. Маликов Е.Ю. Авторские права и права изображенного лица: противоречия правового регулирования // Legal Concept. 2015. № 3. С. 39–44.

4. Свиридова Е. А. Основные подходы в правоприменительной практике при защите права на изображение // Образование и право. 2016. № 1. С. 92–101.

5. Чигилейчик А.В. Гражданско-правовая защита собственного изображения физического лица // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1. С. 201–205.

6. Шупицкая О.Н. Конституционные ценности: понятие, система, проблемы воплощения // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 4: Правоведение. 2019. Т. 9. № 3. С. 13–19.

7. Николаева А.А. Проблемы защиты права гражданина на изображение с учетом сравнительного анализа норм России и Украины // Юридическая мысль. 2014. № 6(86). С. 95–98.

8. Богустов А.А. Теоретические аспекты защиты права лица на собственное изображение в законодательстве Республики Беларусь // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Юридические науки. 2020. № 1(23). С. 14–16.

9. *Богустов А.А.* Эволюция соотношения права на изображение и авторского права в российском и советском законодательстве и правовой доктрине // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1(37). С. 132–136.
10. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 328 с.
11. *Беляцкий С.А.* Частное право в основных принципах (курс гражданского права). Каунас, 1928. 900 с.
12. *Кочубей Т.А.* Понятие пародии как объекта авторского права // Legal Concept. 2018. № 1. С. 123–129.
13. *Понкин И.В., Понкина А.А.* О праве врача на использование медицинских изображений пациента в профессиональных целях // Медицина. 2017. Т. 5. № 3(19). С. 1–7.

References

1. *Lazarenkova O.G.* A Citizen's Right to Be Depicted in the System of Personal Non-Property Rights // Leningrad Legal Journal. 2021. No 1(63). P. 98–107.
2. *Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu.* The Citizen's Right to Image Invalidity: A Analysis of the Effectiveness of Law Enforcement Practice in Determining the Criteria of Unlawful Use // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. 2021. Vol. 7 (73). No 1. P. 251–260.
3. *Malikov E.Yu.* Copyrights and the Rights of a Depicted Person: Contradictions of Legal Regulation // Legal Concept. 2015. No 3. P. 39–44.
4. *Sviridova E.A.* The Main Approaches in Law-Enforcement Practice at Protection of the Right for the Image // Education and law. 2016. No 1. P. 92–101.
5. *Chigileychik A.V.* Civil Law Protection of the Own Personal Image // Vestnik of Academy of the MIA of the Republic of Belarus. 2020. No 1. P. 201–205.
6. *Shupitskaya O.N.* Constitutional Values: Concept, System, Problems of Incarnations // Vesnik of State Yanka Kupala University of Grodno. Series 4. Jurisprudence. 2019. Vol. 9. No 3. P. 13–19.
7. *Nikholaeva A.A.* Problems of Defence of Citizen's Right on an Image Taking Into Account the Comparative Analysis of Norms of Russia and Ukraine // Legal idea. 2014. No (86). P. 95–98.
8. *Bogustov A.A.* Theoretical Aspects of Protecting the Right of a Person to His Own Image in the Legislation of the Republic of Belarus // Bulletin of Vladimir State University named after Aleksandr and Nikolay Stoletovs. Edition: Law science. 2020. No 1(23). P. 14–16.
9. *Bogustov A.A.* Evolution of the Image Rights Ratio and Copyrighting the Russian and Soviet Legislation and Legal Doctrine // Altai Law Journal. 2022. No 1(37). P. 132–136.
10. *Pokrovsky I.A.* Main Problems of Civil Law. Petrograd: ed. legal book. warehouse «Law», 1917. 328 p.
11. *Belyatskin S.A.* Private Law in Basic Principles (Civil Law Course). Kaunas, 1928. 900 p.
12. *Kochubey T.A.* The Concept of Parody as an Object of Copyright // Legal Concept. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 123–129.
13. *Ponkin I.V., Ponkina A.A.* On the Physician's Right to Use the Patient's Medical Images for Professional Purposes // Medicine. 2017. Vol. 5. No. 3 (19). P. 1–7.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-286-289

УДК 343.985.7:343.342

Н.Л. Потапова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СПОРТИВНОГО ЭКСТРЕМИСТА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: в настоящее время в связи со сложной международной обстановкой увеличился риск совершения преступлений экстремистской направленности. Спортивный экстремизм зачастую является предпосылкой возникновения политического и национального экстремизма, проявляясь в форме транснациональных преступлений и создавая угрозу безопасности мировому сообществу. **Цель:** путем комплексного подхода сформировать психологический портрет спортивного экстремиста для использования данных о личности при подготовке и производстве следственных действий и повышении качества расследования. **Методологическая основа:** решение исследовательских задач основано на принципе объективности, сочетании системного и междисциплинарного подходов, с применением методов обобщения, анализа и синтеза, позволяющих комплексно исследовать проблему личностных качеств (характеристик) спортивного экстремиста. **Результаты:** анализ специальной литературы позволил сформировать перечень психологических свойств и признаков личности спортивного экстремиста. **Выводы:** в целях повышения качества расследования спортивного экстремизма крайне важно знание и учет психологического портрета преступника.

Ключевые слова: спортивный экстремизм, психологический портрет преступника, расследование преступлений.

N.L. Potapova

THE PSYCHOLOGICAL PROFILE OF A SPORTS EXTREMIST AND ITS USE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Background: at present, due to the difficult international situation, the risk of extremist crimes has increased. Sports extremism is often a prerequisite for the emergence of political and national extremism, manifesting itself in the form of transnational crimes and posing a threat to the security of the global community. **Objective:** through a comprehensive approach to form a psychological portrait of a sports extremist for the use of personality data in the preparation and conduct of investigative actions and to improve the quality of the investigation. **Methodology:** the solution of research problems is based on the principle of objectivity, a combination of systemic and interdisciplinary approaches, using methods of generalization, analysis and synthesis, allowing a comprehensive study of the problem of personal qualities (characteristics) of a sports extremist. **Results:** analysis of the special literature allowed us to form a list of psychological properties and characteristics of the personality of a sports extremist. **Conclusions:** in order to improve

---

© Потапова Наталия Леонидовна, 2023

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия)

© Potapova Nataliya Leonidovna, 2023

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

the quality of the investigation of sports extremism, knowledge and consideration of the psychological portrait of the offender is extremely important.

Key-words: *sports extremism, psychological portrait of a criminal, investigation of crimes.*

Преступления экстремистской направленности являются наиболее тяжкими, поскольку нарушают не только права личности, но и подрывают авторитет политики государства, ставят под угрозу международные отношения. Спортивный экстремизм, как одно из проявлений радикального поведения, легко трансформируется в политический и националистический, подрывая стабильность и нанося урон безопасности мирового сообщества.

Особую роль при расследовании преступлений вообще и спортивного экстремизма в частности играет изучение личности преступника. Личностные качества оказывают существенное влияние на выбор жертвы, способ, время и место совершения преступления, формирование мотива, который, в свою очередь, позволяет отграничить преступление экстремистского характера от схожих составов, например, хулиганства или вандализма.

В связи с этим возникает потребность в формировании психологического портрета спортивного экстремиста для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению данной категории преступлений.

Изучение личностных качеств спортивного фаната-экстремиста вызывает неподдельный интерес представителей различных областей знаний: психологии, социологии, педагогики, политологии, криминологии и криминалистики. Особо, на наш взгляд, следует выделить работы С.В. Расторгуева, С.А. Ищенко, В.В. Сараева, М.Ф. Мусаеляна, Е.Н. Юрасовой. Вместе с тем следует отметить, что требуется комплексный (междисциплинарный) подход к решению данного вопроса с учетом современной, сложившейся в настоящее время ситуации, в то время как имеющиеся публикации подготовлены до изменений в сфере международных отношений, политики, экономики, спорта.

Спортивный экстремизм совершается, как правило, членами спортивных фанатских объединений (фан-клубов). Чтобы познать сущность личностных качеств спортивного экстремиста важно раскрыть психологию фанатизма. Фанаты являются представителями субкультуры, демонстрирующей символику и атрибутику спортивной команды (кепки, шарфы, майки, значки, флажки), в общении используют сленг, который, как правило, непонятен лицам, не входящим в данный фан-клуб и, наряду с атрибутикой, является средством отличия «своих» от «чужих». Психо-эмоциональное их состояние нестабильно, характеризуется резкими переходами от эйфории к ярости, от радости к отчаянию и одержимостью. Зачастую реальные события, происходящие на поле, являются для фанатов лишь поводом для агрессивного самовыражения [1, с. 271].

Спортивными экстремистами в большинстве случаев являются подростки и молодые люди мужского пола (средний возраст 21 год), объединенные в группы. Они импульсивны, отличаются резкими перепадами настроения, типичными для пограничного расстройства личности, с отсутствием самоидентификации и отождествлением себя с командой (толпой), принимающие идеологию группы, где личная идентификация подменяется понятием «группа — это я, я — это группа».

Это обусловлено тем, что подросткам с учетом возрастных особенностей психики более, чем иным возрастным категориям, свойственно бунтарство, противостояние общепринятым нормам поведения и ценностям, самоутверждение через агрессию, совершение противоправных деяний. Для них совершение экстремистских действий является искаженной аффилиацией, где спорт лишь повод, а основание — желание удовлетворить патологические потребности. Эффект толпы нивелирует в их сознании чувство страха и личной ответственности за свои поступки. Кроме того, как верно отмечает С.В. Расторгуев, к факторам, связанным со становлением деструктивной личности относятся: психологическая склонность к агрессивным действиям, относительно невысокий уровень толерантности и готовности к компромиссу, возрастная склонность к риску, к протесту против традиций и авторитетов [2, с. 139].

Предпосылками формирования девиантного поведения спортивного экстремиста, как правило, является воспитание в условиях жесткой критики, угроз, унижений, когнитивной ригидности, нетерпимости к иному (отличному от собственного) мнению, что приводит к повышенной тревожности и агрессивному поведению. В данном случае чувство превосходства (расового, национального или иного) является компенсацией собственных комплексов неполноценности, порожденных в детстве.

Возглавляют фан-клубы, совершающие преступления экстремистской направленности, зачастую лица асоциальные с пограничным расстройством психики, агрессивные, испытывающие жажду власти и контроля, с высоким порогом страха, не реагирующие на административные и другие социальные воздействия.

Знание особенностей личности спортивного экстремиста имеет существенное значение при подготовке к производству следственных действий и при их проведении, поскольку позволяет выбрать наиболее эффективные тактические приемы и повысить результативность сбора доказательственной информации.

В ходе допроса при упоминании конкурирующих спортивных команд, подозреваемые по данной категории преступлений проявляют немотивированную агрессию по отношению к ним. Показания характеризуются употреблением значительного количества фраз и языковых оборотов неформального регистра, используемых исключительно представителями спортивных фанатских сообществ. С целью наилучшего понимания значения указанных выражений и повышения качества допроса представляется целесообразным создание «Словаря сленга спортивных фанатов», который позволил бы сделать производство данного следственного действия более эффективным и результативным. Кроме того, имеющееся в распоряжении следователя указанное издание окажет существенную помощь следователю и при проведении очной ставки, поскольку участники ее производства могут в ходе общения полностью перейти на употребление сленга, оставив должностное лицо в неведении относительно значения употребляемых слов и выражений.

При производстве обыска в местах пребывания спортивных фанатов, подозреваемых в совершении преступлений экстремистской направленности, особое внимание следует уделить поиску атрибутики спортивных команд противника, которую подозреваемые зачастую считают «трофеем» и отбивают в стычках с болельщиками других команд. Она подлежит изъятию и приобщению к делу в качестве вещественного доказательства.

По нашему мнению, при расследовании преступлений рассматриваемой категории важно активное привлечение специалистов в области психологии, а в необходимых случаях психиатрии как к участию в следственных действиях, так и к производству экспертных исследований, например, психолого-психиатрической экспертизы. Привлеченные к участию специалисты помогут нейтрализовать агрессию, снять психо-эмоциональное напряжение допрашиваемого и установить психологический контакт с ним. Также огромное значение имеет проведение своевременного медицинского освидетельствования лица на наличие запрещенных психотропных веществ в его организме, которые могут вызывать агрессивное и иное неадекватное поведение, в том числе подавляющее личную волю субъекта.

С.А. Ищенко рекомендует разработать, утвердить и внедрить «Инструкцию по предупреждению спортивного экстремизма в деятельность органов внутренних дел» [3, с. 48]. Поддерживая указанное предложение, считаем целесообразным включить в данное издание информацию о психологическом портрете спортивного экстремиста, поскольку эффективное противодействие преступному поведению возможно только с учетом свойств и признаков лица, его совершающего.

Спортивный экстремизм легко трансформируется в политический и националистический и может быть использован заинтересованными лицами, в том числе иностранных государств, для достижения своих корыстных целей по подрыву национальной, политической и экономической стабильности и безопасности страны.

В связи с этим важно комплексно, полно и всесторонне изучать личность спортивного экстремиста с целью правильной квалификации преступления, установления истины по делу и предотвращения противоправных деяний рассматриваемой категории.

Библиографический список

1. *Чистякова М.А., Шестакова Л.А., Лункина Н.И.* Проблема проявления экстремизма в субкультуре футбольных «фанатов» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 270–273.
2. *Расторгуев С.В.* Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики // Политическая наука. 2018. № 4. С. 124–145.
3. *Ищенко С.А.* Спортивный экстремизм как разновидность экстремизма: административно-правовой аспект // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2019. № 1 (22). С. 45–48.

References

1. *Chistyakova M.A., Shestakova L.A., Lunkina N.I.* The Problem of Extremism in the Subculture of Football “Fans”// The World of Science, Culture, Education. No. 2 (75) 2019. P. 270–273.
2. *Rastorguev S.V.* Extremism in the Youth Environment of Modern Russia: Types, Distribution Factors, Soft Prevention Technologies// Political science. 2018. No. 4. P. 124–145.
3. *Ishchenko S.A.* Sports Extremism as a Kind of Extremism: Administrative and Legal Aspect// Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. The series “Law”. 2019. No. 1 (22). P. 45–48.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-290-299

УДК 343.13

А.А. Батчаева

О НОВЫХ ВЕЯНИЯХ
В «ДЕЛАХ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ»
(АНАЛИЗ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ
СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧАСТНОГО НАЧАЛА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ)

Введение: высказанное Верховным Судом РФ мнение о неэффективности производства по уголовным делам частного обвинения, поставило под сомнение факт целесообразности существования как самого института уголовных дел частного обвинения в целом, так и института примирения в уголовном судопроизводстве¹. В уголовно-процессуальной доктрине вопрос обоснованности данных выводов продолжает оставаться открытым. **Цель:** изучение законодательной и доктринальной основы, а также правоприменительной практики реализации частного обвинения и примирения в его рамках. **Методологическая основа:** исследование базируется на историческом, диалектическом методах познания правовой действительности, также использованы анализ и синтез, формально-юридический метод. **Результаты:** не установлено теоретического обоснования исключения из уголовного процесса особенностей производства по делам частного обвинения. **Выводы:** в настоящее время отказ от производства в порядке частного обвинения является преждевременной и необоснованной мерой, а механизм оказания содействия сторонам частного процесса в участии в уголовном судопроизводстве нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: уголовный процесс, примирение, дела частного обвинения, прекращение уголовного дела.

А.А. Batchaeva

ON NEW TRENDS IN “CONCILIATORY CASES”
(ANALYSIS OF THE FEASIBILITY
OF THE PRIVATE PRINCIPLE IN RUSSIAN
CRIMINAL PROCEDURE)

Background: the opinion expressed by the Supreme Court of the Russian Federation on the ineffectiveness of proceedings in criminal cases of private prosecution, questioned the expediency of both the institution of criminal cases of private prosecution in general, and the institution of reconciliation in criminal proceedings. In the criminal procedural

© Батчаева Аминат Алхазовна, 2023

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса (Северо-Кавказская государственная академия); e-mail: a.batchaeva@mail.ru

© Batchaeva Aminat Alkhazovna, 2023

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure (North Caucasus State Academy)

¹ См.: ВС предложил защитить жертв домашнего насилия отменой частного обвинения в судах// Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29837/ (дата обращения: 22.12.2021).

doctrine the question of the validity of these conclusions remains open. Objective: study of the legislative and doctrinal basis, as well as law enforcement practice of implementation of private prosecution and conciliation in its framework. Methodology: the study is based on historical, dialectical methods of cognition of legal reality, analysis and synthesis, formal-legal method are also used. Results: no theoretical justification for excluding the specifics of private prosecution proceedings from criminal proceedings has been established. Conclusions: at the present time the abandonment of private prosecution proceedings is premature and unjustified, and the mechanism for assisting parties to private proceedings to participate in criminal proceedings needs to be improved.

Key-words: *criminal process, reconciliation, cases of private prosecution, termination of criminal case.*

Нормы института примирения достаточно активно применяются в уголовном судопроизводстве России. Так, в 2020 г. в связи с примирением сторон в порядке ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ судами были прекращены уголовные дела в отношении 102 451 человек (в 2019 г. — в отношении 108 662, в 2018 г. — в отношении 127 353 человек)². В правоприменительной практике часто встречаются и случаи примирения по уголовным делам частного характера, хотя сами дела частного обвинения составляют незначительную в процентном отношении часть рассматриваемых судами уголовных дел (в 2020 г. они составили только 1% от всех рассмотренных дел). Тем не менее подобные решения коснулись 9800 обвиняемых³. В связи с примирением потерпевшего с обвиняемым в 2020 г. суды прекратили уголовные дела в отношении 1 519 обвиняемых в умышленном причинении легкого вреда здоровью, в отношении 1 355 лиц, обвиняемых в побоях, и в отношении 131 обвиняемого в клевете⁴, что в абсолютных показателях представляет 30,66% от всех рассмотренных уголовных дел частного обвинения. По данным Верховного Суда РФ, в 2020 г. количество уголовных дел, по которым состоялось примирение в общем порядке, предусмотренном ст. 25 УПК РФ, составило 17% от всех дел, рассмотренных судами первой инстанции [1]. По мнению председателя Верховного Суда РФ, судебный контроль, заключающийся в обязанности суда проверить добровольность волеизъявления потерпевшего о примирении и реальность возмещения причиненного ему вреда, применяемый по делам частного-публичного и публичного обвинения, прекращаемых в порядке ст. 25 УПК РФ, позволяет в большей степени обеспечить защиту прав лиц, потерпевших от преступления. В этой связи Верховный Суд РФ расценил как неэффективное производство по уголовным делам частного обвинения, предусмотренное ч. 2 ст. 20, ст. 318 и 319 УПК РФ, и отразил эту позицию в законопроекте № 1145531-7, внесенном на рассмотрение Государственной Думы РФ

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 22 ноября 2001 года (с изм. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921; Российская газета. 2022. 11 янв.

² См.: Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/12/s/7> (дата обращения: 10.05.2021).

³ См.: ВС предложил защитить жертв домашнего насилия отменой частного обвинения в судах. Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29837/ (дата обращения: 22.12.2021).

⁴ См.: Там же.

7 апреля 2021 г.¹ Согласно данному законопроекту, дела частного обвинения, предусмотренные ч. 2 ст. 20 УПК РФ, должны перейти в разряд уголовных дел частного-публичного обвинения, фигура частного обвинителя исключается из уголовного судопроизводства, специфический порядок производства по уголовным делам частного обвинения также изымается из закона и правоприменительной практики. Как представляется, предлагаемый законопроект носит достаточно радикальный характер, поскольку производство по делам частного обвинения известно российскому уголовному процессу со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [2, с. 120]. Этот институт проверен временем и зарекомендовал себя как достаточно эффективный.

Производство по уголовным делам частного обвинения берет свое начало в частно-исковой форме процесса, и его существование всегда было предметом научных дискуссий. Так, анализируя производство у мировых судей конца XIX столетия, охватывающее, в том числе, дела частного обвинения, В.П. Безобразов отмечал, что: «...мировая власть вносит право в такую сферу отношений нашего общества, где не существовало даже и признака права, даже и понятия о возможности права» [3, с. 6], а его современник А.Ф. Кони, оценивая деятельность мировых судов, считал, что они «...были не только местом отправления доступного народу правосудия, но и школою порядочности и уважения к человеческому достоинству» [4, с. 914].

В начале XX в. Н.Н. Полянский писал о том, что «...нельзя отрицать за частным лицом право на уголовный иск только потому, что это право принадлежит и государству, ... в особенности недопустимым представляется отказ потерпевшему в праве на уголовный иск... по поводу незначительных проступков, мало интересующих государство» [5, с. 5]. Другой известный российский ученый-процессуалист Н.Н. Розин, подчеркивая значимость дел частного обвинения, указывал, что по тем деяниям, «...которые ближайшим образом посягают на частный интерес, и мало затрагивают интерес публичный... таким преступным деяниям, как, например, обида, элемент вредности которого измеряется исключительно индивидуальными взглядами потерпевшего» [6, с. 231, 237] так важно право потерпевшего обратиться к мировому судье за защитой своих интересов.

В советский период институт частного обвинения существовал достаточно условно: нормативно его положения были закреплены в УПК РСФСР (ст. 27, ч. 5 ст. 109)², но применялись весьма ограничено, ввиду наличия в законе оговорки о возможности возбуждения уголовного дела частного характера прокурором или его вступления в процесс на любом его этапе производства в целях охраны государственных и общественных интересов или прав граждан. Активная роль суда в процессе возбуждения уголовных дел частного обвинения также вызывала ряд вопросов, в связи с чем стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ³.

¹ См.: Законопроект № 1145531-7 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество» Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения: 10.12.2021).

² См.: УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 5, ст. 611.

Советские ученые-процессуалисты неоднозначно оценивали особенности частного уголовного производства. Так, М.А. Чельцов считал его пережитком буржуазного права, который следует полностью искоренить из социалистического правосознания и правоприменения [7, с. 64]. Сходную с ним позицию занимал и Б. Сухаревский [8, с. 130–132]. М.С. Строгович, напротив, положительно воспринимал применение диспозитивных (частных) начал по ограниченному числу составов преступлений, указывая, что именно в данном процессе наиболее ярко проявляется состязательность уголовного судопроизводства [9, с. 81–82]. Позитивно к производству по делам частного обвинения относились и другие известные советские ученые-процессуалисты [10, с. 132–136; 11, с. 55].

Многие современные авторы обращают внимание на то, что в производстве по делу частного обвинения ярко проявляется именно примирительная, а не репрессивная направленность [12, с. 90], обращая внимание на то, что обязанностью судьи является создание правовых, организационных и психологических предпосылок для примирения сторон [13, с. 98], поскольку особенностью дел частного обвинения является, в том числе, специфика взаимоотношений потерпевшего и обвиняемого, между которыми нередко имеются родственные, бытовые связи [14, с. 9]. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 20 УПК РФ, заявление частного обвинителя о примирении с обвиняемой стороной в нынешнем правовом регулировании обязательно для мирового судьи, который не обязан выяснять причины примирения. Напротив, ч. 5 ст. 319 УПК РФ ориентирует его на необходимость разъяснения сторонам возможности примирения. И хотя некоторые авторы поддерживают инициативу Верховного Суда РФ по исключению из уголовно-процессуального законодательства категории уголовных дел частного обвинения, тем не менее, они предлагают сохранить за частным обвинителем ряд исключительных, только ему присущих прав [15, с. 54].

Российский законодатель, закрепив правила производства по уголовным делам частного обвинения, не выработал единого подхода к определению тех составов преступлений, по которым они должны применяться. Об отсутствии научно-обоснованных критериев отнесения конкретного состава преступления к категории дел частного обвинения свидетельствуют те беспорядочные изменения, которые вносились в ст. 20 УПК РФ после его принятия. Первоначальная редакция ст. 20 УПК РФ относила к числу дел частного обвинения следующие составы преступлений: ст. 115, ст. 116, ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ. Федеральным законом от 12 апреля 2007 года № 47-ФЗ¹ данный перечень был сужен за счет исключения ч. 2 ст. 115 УК РФ и ч. 2 ст. 116 УК РФ. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ² из перечня составов частного обвинения исключены ч. 1 ст. 129 и ст. 130 УК РФ. Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ³ перечень составов частного обвинения, существовавших на тот момент, был до-

¹ См.: Федеральный закон от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 16, ст. 1827.

² См.: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7362.

³ См.: Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31, ст. 4330.

полнен ч. 1 ст. 128.1 УК РФ (клевета). И, наконец, законом от 3 июля 2016 г.¹ к уголовным делам частного обвинения были вновь отнесены ст. 115, ч. 1 ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ.

Такое хаотичное правотворчество породило целый ряд доктринальных и правоприменительных проблем. Прежде всего возник вопрос о том: кто должен давать уголовно-правовую квалификацию деяния, позволяющую отнести его к категории дел частного обвинения? Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что суд не имеет правомочий по квалификации преступления и осуществлению уголовного преследования, что заявление самого потерпевшего играет роль обвинительного акта, по которому проводится судебное разбирательство². Но очевидно, что далеко не каждый потерпевший в состоянии отразить в заявлении все необходимые элементы состава преступления и дать им верную уголовно-правовую оценку. Другой проблемой явилось собирание и представление в судебное заседание доказательств виновности лица в инкриминируемом преступлении при отсутствии у частного обвинителя полномочий должностного лица. Также неясным оставался вопрос о возможности примирения потерпевшего с обвиняемым после постановления судом первой инстанции приговора.

Вместе с тем производство в частном порядке имеет очевидное и весьма существенное достоинство: именно волеизъявление пострадавшего лица является движущей силой всего процесса. Это производство является воплощением той самой «чистой» состязательности, к которой так стремится российский законодатель: состязательности, не обремененной должностными обязанностями властного участника процесса, нередко корректируемой в соответствии со статистическими показателями и т.п. Именно в связи с данными преимуществами Концепция судебной реформы 1991 года³ предусматривала расширение применения частных начал по уголовным делам.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П указал, что определяя форму судопроизводства, законодатель должен принимать во внимание степень распространенности противоправного деяния, значимость охраняемых законом ценностей, существенность причиняемого вреда⁴. Эти признаки были положены в основу разделения составов преступлений на частные, частно-публичные и публичные. Они были выделены еще в трудах российских и затем советских ученых-процессуалистов [6, с. 231; 16, с. 81; 17, с. 49].

¹ См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (ч. II), ст. 4256.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 5, ст. 611; Определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2005 г. № 268-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 1 города Смоленска о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 145, статей 318 и 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Верховного Суда РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июля 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 28, ст. 2904.

Уголовные дела частного обвинения — это составы преступлений, не представляющих большой общественной опасности и не сложных по своим фактическим обстоятельствам. Поэтому производство по ним возможно без досудебной подготовки, без досудебных стадий процесса. Именно диспозитивность в делах частного обвинения Конституционный Суд РФ рассматривает как значимый признак доступности защиты прав и законных интересов потерпевших, обращая особое внимание на то, что производство по уголовному делу в частном порядке не освобождает государство в лице уполномоченных должностных лиц от обязанности обеспечения потерпевшему возможности полноценно реализовать принадлежащие ему права¹.

Безусловно, что обвинение по делам данной категории сложно сформировать и поддерживать лицу, не обладающему юридическими знаниями. Но, как представляется, данная проблема вполне решаема, если должностные лица, обязанные оказывать помощь пострадавшему лицу в формировании и поддержании обвинения, будут квалифицированно выполнять свои должностные обязанности. В теории уголовного процесса высказан целый ряд предложений, способных дополнительно обеспечить права потерпевших по делам частного обвинения. Так, В.Г. Степанова предлагает наделить потерпевшего правом обращения в правоохранительные органы для установления личности субъекта, которого он намерен обвинить, без изменения категории преступления, с дальнейшим производством по нему в мировом суде по правилам частного обвинения [18, с. 9]. А.Л. Корякин считает необходимым сообщения по составам преступлений частного обвинения, поступившие в полицию, передавать мировому судье без дополнительных обременений потерпевшего необходимостью переоформления заявления на имя судьи [19, с. 205–206]. Другие авторы предлагают на законодательном уровне детально урегулировать порядок и способы оказания сторонам содействия в собирании доказательств [14, с. 10; 20, с. 6].

Таким образом, у производства по делам частного обвинения сегодня много сторонников, предлагающих расширить перечень дел частного обвинения за счет составов преступлений, предусмотренных ст. 121, 155, 157 УК РФ [21, с. 8; 14, с. 9; 18, с. 8–9], и справедливо указывающих на то, что объектом преступлений, преследуемых в частном порядке должны выступать общественные отношения, охраняющие здоровье, честь, достоинство и репутацию человека [20, с. 11].

В действующем УПК РФ есть проблема, которую можно обозначить как проблему законодательной техники, порождающая значительные сложности в практике правоприменения. Так, ст. 116.1 УК РФ входит в перечень уголовных дел частного обвинения, но по правилам подсудности, установленным ст. 31 УПК РФ, она отнесена к подсудности не мировых, а районных судей. Между тем, положения гл. 41 УПК РФ, определяющие порядок производства по уголовным делам частного обвинения, не применимы при рассмотрении уголовных дел районными судами. В итоге образовался некий «замкнутый круг»: мировому судье уголовные дела о составах преступлений, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ не подсудны, а для районных судей правил их рассмотрения в законе не содержится.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 28, ст. 2904.

К сожалению, имеют место случаи, когда потерпевшие, вместо гарантированной защиты их нарушенных прав, вынуждены ходить поэтому «замкнутому кругу» процессуальной неразберихи. Так, судья Петропавловск-Камчатского городского суда отказала в принятии заявления частного обвинителя по ст. 116.1 УК РФ, руководствуясь тем, что УПК РФ не наделят районные (городские) суды полномочиями по возбуждению уголовных дел частного обвинения¹. Полагаем, что законодателю необходимо, прежде всего, разобраться с такого рода проблемами, требующими незамедлительного разрешения.

Отмечая, что при определении категории преступления, федеральный законодатель учитывает значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств, Конституционный Суд РФ одновременно указал на необходимость учитывать оценку деяния самим потерпевшим с точки зрения значимости причиненного ему вреда и адекватности подлежащих применению к виновному лицу средств правового воздействия². Тем самым Конституционный Суд РФ подчеркнул основополагающее значение по делам частного обвинения личного восприятия потерпевшим степени посягательства на его охраняемые законом права и интересы, в том числе, при выборе средств правового воздействия, соразмерных посягательству, которые не обязательно должны заключаться в наказании виновного лица. Полагаем, что дифференцировав в ст. 20 УПК РФ порядок осуществления уголовного преследования на публичный, частно-публичный и частный, законодатель должен был провести четкие различия и в основаниях отнесения составов преступлений к этим порядкам. При производстве в порядке частного обвинения, на наш взгляд, определяющее значение должно иметь волеизъявление потерпевшего лица не только при принятии решения о начале уголовного преследования, но и при определении форм его окончания.

«Диспозитивность в уголовном судопроизводстве применительно к делам частного обвинения выступает, таким образом, в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших»³. Что не отменяет обязанности государственных органов, наделенных правом осуществления уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивать возможность потерпевшим реализовать принадлежащие им права, в том числе, и особенно, в силу специфики производства по делам частного обвинения. Такой вывод следует из анализа п. 6 и 7 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г.⁴

Полагаем, что абсолютный отказ от такого яркого проявления диспозитивного и состязательного начала в уголовном процессе, как производство по уголовным делам частного обвинения преждевременен и явно не соответствует историче-

¹ См.: Постановление Петропавловск-Камчатского городского суда от 18 февраля 2019 г. № 9У-1/2019 9У-1/2019-МУ-1/2019 МУ-1/2019 по делу № 9У-1/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GPuzGbbeA8bw/> (дата обращения: 10.02.2022).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 28, ст. 2904.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ским традициям развития российского уголовно-процессуального права. Для исключения из уголовного процесса особенностей производства по делам частного обвинения сегодня не представлено какого-либо теоретического обоснования и данная законодательная инициатива обусловлена исключительно потребностями практиков, однобоко трактующих свои процессуальные обязанности.

Безусловно, по делам данной категории нередко возникает потребность в оказании помощи потерпевшему при написании заявления, при собирании доказательств и их представлении в суде. Все это в состоянии реализовать аппарат мирового судьи, органы дознания. Но с отказом от частного обвинения, будет утрачена и такая значимая и достаточно эффективно используемая форма прекращения уголовного дела как примирение потерпевшего с обвиняемым, предусмотренная ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Принципиальная необходимость ее существования в процессуальном праве обусловлена следующим: она является ярким проявлением усмотрения потерпевшего, который зачастую находится в родственных отношениях или является соседом, знакомым обвиняемого лица, и конфликт между ними часто имеет обоюдный характер. Поэтому ст. 321 УПК РФ закрепляет исключительное право обвиняемого на подачу встречного заявления. Именно обоюдный характер противоправных действий обуславливает, по нашему мнению, высокий процент примирений по уголовным делам частного обвинения. Кроме того, примирение является исключительным правом потерпевшего, не связанного позицией должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в то время как примирение сторон по делам частно-публичного и публичного обвинения в порядке ст. 25 УПК РФ полностью опосредовано усмотрением должностного лица, ведущего производство по уголовному делу и его применение на этапе досудебного производства фактически нивелируется потребностями статистики расследованных и направленных в суд уголовных дел [22, с. 62–65; 23, с. 15–18].

В силу этого необходим не отказ от дел частного обвинения, а создание реального механизма оказания содействия сторонам в подготовке процессуальных документов и осуществлении доказывания по делам данной категории, в том числе путем подробного изложения порядка обращения сторон за помощью и обязанности (а не права, как в нынешней правовой регламентации) соответствующего должностного лица ее оказать, а также путем издания руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по производству по уголовным делам частного обвинения.

Библиографический список

1. Куликов В. До 17% уголовных дел о нетяжких преступлениях прекращаются за примирением сторон // Российская газета. 2021. 12 апр.
2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1991. Т. 8: Судебная реформа. 496 с.
3. Безобразов В.П. Мысли по поводу мировой судебной власти. М., 1886. 66 с.
4. Кони А.Ф. На жизненном пути. М., 1913. Т. 1. 914 с.
5. Полянский Н.Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении: (принципиальные основания actio popularis в уголовном процессе). М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. 27 с.
6. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям Н.Н. Розина. 2-е изд., измененное и доп. СПб.: издание Юридического книжного склада «Право», 1914. 546 с.

7. *Чельцов-Бebutov M.A.* Советский уголовный процесс. Харьков, 1928. Вып. 2. 230 с.
8. *Сухаревский Б.* Постановление о товарищеских судах и проект нового УПК о делах частного обвинения // *Еженедельник советской юстиции*. 1929. № 6. С. 130–132.
9. *Строгович М.С.* Уголовный процесс. М.: Юридическое изд-во, 1946. 511 с.
10. *Цыпкин А.Л.* О диспозитивности в советском уголовном процессе // *Советское государство и право*. 1958. № 3. С. 132–136.
11. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и форма. М., 1976. 168 с.
12. *Кудашкина И.А.* Уголовные дела частного обвинения: проблемы правового регулирования // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право»*. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 89–94.
13. *Мосиенко В.П., Мазур А.А.* Об особенностях рассмотрения уголовных дел частного обвинения мировым судьей // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2020. № 1 (116). С. 96–98.
14. *Соболев М.В.* Производство по уголовным делам частного обвинения в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
15. *Муллахметова Н.Е.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения на стадии возбуждения уголовного дела // *Виктимология*. 2021. Т. 8. № 1. С. 47–55.
16. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951. 511 с.
17. *Гальперин И.М.* Об уголовном преследовании, осуществляемом потерпевшим // *Советское государство и право*. 1957. № 10. С. 45–54.
18. *Степанова В.Г.* Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 26 с.
19. *Корякин А.Л.* Проблемы судебного следствия по делам частного обвинения // *Вестник Омского университета. Сер.: Право*. 2014. № 3 (40). С. 205–206.
20. *Талышева З.З.* Особенности уголовного судопроизводства по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2008. 35 с.
21. *Дорошков В.В.* Материально-правовые и процессуальные аспекты частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 200 с.
22. *Нагуляк М.В.* Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон право или обязанность компетентных органов? // *Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право*. 2011. № 6 (223). С. 62–65.
23. *Баранова М.А.* О процессуальных сложностях примирения по уголовным делам публичного обвинения // *Правовые институты и методы обеспечения экологической и природоресурсной безопасности в России, странах СНГ и европейского союза: законодательство, социальная и экологическая эффективность: материалы VI Международной научно-практической конференции: сборник научных статей / под ред. Б.Т. Разгильдиева*. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 15–18.

References

1. *Kulikov V.* Up to 17% of Criminal Cases of Non-serious Crimes Are Terminated for Reconciliation of the Parties // *Rossiyskaya Gazeta*. 2021. April 12.
2. *Russian Legislation of X–XX Centuries: in 9 vol. / ed. by O.I. Chistyakov*. М., 1991. Vol. 8: Judicial reform. 496 p.
3. *Bezobrazov V.P.* Thoughts on the world judicial power. М., 1886. 66 с.

4. *Kony A.F.* On the Way of Life. M., 1913. V. 1. 914 p.
5. *Polyanski N.N.* On the Participation of Private Persons in Public Prosecutions: (Principal Bases of Actio Popularis in Criminal Proceedings). M.: type. G. Lissner and D. Sobko, 1915. 27 p.
6. *Rozin N.N.* Criminal proceedings: a Manual to the Lectures of N.N. Rozin. 2nd edition, revised edition. St.Petersburg: Editions of the Legal Book Warehouse "Pravo", 1914. 546 p.
7. *Cheltsov-Bebutov M.A.* Soviet Criminal Process. Kharkov, 1928. Issue. 2. 230 p.
8. *Sukharevsky B.* Decree About Comradely Courts and the Project of New Code of Criminal Procedure on Cases of Private Prosecution // Soviet Justice Weekly. 1929. No. 6. P. 130–132.
9. *Strogovich M.S.* Criminal Process. M.: Juridical Publishing House, 1946. 511 p.
10. *Tsyarkin A.L.* On Dispositiveness in the Soviet Criminal Process // Soviet State and Law. 1958. No. 3. P. 132–136.
11. *Lupinskaya P.A.* Decisions in Criminal proceedings. Their Types, Content and Form. M., 1976. 168 p.
12. *Kudashkina I.A.* Criminal Cases of Private Prosecution: Problems of Legal Regulation // Izvestia of Southwestern State University. Series "History and Law". 2017. Vol. 7. No. 2 (23). P. 89–94.
13. *Mosienko V.P., Mazur A.A.* On Peculiarities of Consideration of Criminal Cases of Private Prosecution by a Justice of the Peace // Science and Education: Enterprise and Economy; Entrepreneurship; Law and Management. 2020. No. 1 (116). P. 96–98.
14. *Sobolev M.V.* Proceedings in Criminal Cases of Private Prosecution in Accordance with the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: extended abstract of diss. cand. of law. M., 2008. 26 p.
15. *Mullahmetova N.E.* Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Victims in Cases of private Prosecution at the Stage of Initiation of a Criminal Case // Victimology. 2021. V. 8. No. 1. P. 47–55.
16. *Cheltsov M.A.* Soviet Criminal Procedure. Moscow: Gosurizdat, 1951. 511 p.
17. *Galperin I.M.* On Criminal Prosecution by the Victim // Soviet State and Law. 1957. No. 10. P. 45–54.
18. *Stepanova V.G.* Criminal Proceedings on Cases of Private Prosecution: extended abstract of diss. ... cand. of law. Irkutsk, 2008. 26 p.
19. *Koryakin A.L.* Problems of Judicial Investigation in Cases of Private Prosecution // Vestnik of Omsk University. Law Series. 2014. No. 3 (40). P. 205–206.
20. *Talyneva Z.Z.* Peculiarities of Criminal Proceedings in Cases of Private Prosecution: extended abstract of diss. cand. of law. 2008. 35 p.
21. *Doroshkov V.V.* Material-Legal and Procedural Aspects of Private Prosecution: diss. ... of cand. of law. M., 1997. 200 p.
22. *Nagulyak M.V.* Termination of the Criminal Case in Connection with Reconciliation of the Parties: Right or Obligation of the Competent Bodies? // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2011. No. 6 (223). P. 62–65.
23. *Baranova M.A.* On the Procedural Complexities of Reconciliation in Criminal Cases of Public Prosecution // Legal Institutions and Methods of Environmental and Natural Resource Security in Russia, CIS Countries and the European Union: Legislation, Social and Environmental Effectiveness: materials of the VI International Scientific-Practical Conf.: collection of scientific articles / ed. by B.T. Razgildiev. Saratov: Saratov source, 2019. P. 15–18.

DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-300-306

УДК 347.734.01

А.С. Пастушенко

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ БАНКА РОССИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ В РАМКАХ ПРОЦЕДУР БАНКОВСКОГО НАДЗОРА

Введение: Центральный банк Российской Федерации играет ключевое значение в вопросах стабилизации финансовой системы страны, что осуществляется им, в том числе, посредством правоприменительной деятельности. Однако очерченный до недавнего времени в общей теории права круг субъектов, уполномоченных осуществлять правоприменительную деятельность, не позволяет однозначно включать в него Центральный банк Российской Федерации, являясь дискуссионным вопросом. **Цель:** рассмотреть сущность правоприменительной деятельности Центрального банка Российской Федерации, определить ее признаки и функции, охарактеризовать правоприменительные акты Банка России. **Методологическая основа:** общенаучный метод анализа, а также частнонаучные методы формально-юридического анализа и толкования. **Результаты:** установлено, что Центральный Банк Российской Федерации должен быть отнесен к числу субъектов, осуществляющих правоприменительную деятельность. Рассмотрены основные аспекты правоприменительной деятельности Банка России, дана характеристика его правоприменительных актов как одного из видов правовых актов. **Выводы:** автор приходит к заключению о необходимости уточнения понятийного аппарата в отношении правоприменительных действий, осуществляемых Банком России в рамках банковского надзора.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации, Банк России, правоприменительная деятельность, банковский надзор, правоприменительный приказ, юридическое лицо публичного права.

A.S. Pastushenko

THEORETICAL CHARACTERIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIONS OF THE BANK OF RUSSIA, CARRIED OUT WITHIN THE PROCEDURES OF BANKING SUPERVISION

Background: the Central Bank of the Russian Federation plays a key role in the stabilization of the financial system of the country, which is carried out by it, including through law enforcement activity. However, the outlined until recently in the general theory of law the circle of subjects authorized to carry out law enforcement activities, does not allow unambiguously include the Central Bank of the Russian Federation, being a debatable issue. **Objective:** to consider the essence of the law enforcement activity of the Central Bank of the Russian Federation, to determine its features and functions, to characterize the law enforcement acts of the Bank of Russia. **Methodology:** general

---

© Пастушенко Александр Сергеевич, 2023

Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: pastushenko.sash@mail.ru

© Pastushenko Aleksandr Sergeyeovich, 2023

Postgraduate student of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

scientific method of analysis, as well as private scientific methods of formal legal analysis and interpretation. Results: it is established that the Central Bank of the Russian Federation should be referred to the number of subjects that carry out law enforcement activities. The main aspects of law enforcement activity of the Bank of Russia are considered, the characteristic of its law enforcement acts as one of the types of legal acts is given. Conclusions: the author concludes that it is necessary to clarify the conceptual apparatus in relation to law enforcement actions carried out by the Bank of Russia in the framework of banking supervision.

Key-words: *Central Bank of the Russian Federation, Bank of Russia, law enforcement activity, banking supervision, law enforcement order, legal entity of public law.*

Формирование качественной правовой среды на отечественном финансовом рынке в современных условиях многозадачности и неопределенности требует не только адекватного и оперативного правового регулирования, но и эффективного, взвешенного, разумного, риск-ориентированного правоприменения Центрального банка Российской Федерации (далее — Банка России) как мегарегулятора финансового рынка, включающего и банковский рынок, на котором Банк России выступает органом банковского регулирования и банковского надзора. Важным приоритетом правоприменительной деятельности Банка России является общественно значимая цель по защите прав и законных интересов вкладчиков и кредиторов кредитных организаций, потребителей финансовых услуг (включая банковские услуги, в том числе и в цифровом формате), неквалифицированных инвесторов на финансовом рынке как действующих, так и потенциальных, для чего Банк России реализует программы повышения финансовой, инвестиционной, цифровой грамотности и развивает банковский надзор, внедряя новые формы и методы с элементами поведенческого надзора, упрощением процедуры обращения с жалобой, заявлением в Банк России посредством использования возможностей официального сайта Банка России.

С учетом особенностей и специфики развития современных общественных отношений банковский сектор выступает одной из наиболее важных сфер государственного регулирования. В связи с тем, что на протяжении последнего десятилетия (в особенности в течение 2019–2022-х гг.) происходит беспрецедентное санкционное давление на российскую экономику, Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации обращено внимание Банка России, в том числе, на возможность продолжить реализацию мер, необходимых для сохранения устойчивости банковского сектора и других секторов финансового рынка и др.¹ О важной роли Банка России в вопросах поддержания стабильности на отечественном финансовом рынке подчеркивалось и при представлении Годового отчета Банка России за 2021 г., когда был сделан акцент на то, что обеспечение прочности в банковской системе стало возможно, в том числе, благодаря многолетней политике Банка России по оздоровлению и очищению банковской системы².

В банковском секторе экономики важная роль отводится реализации регулирующих, контрольных и надзорных функций. Учитывая указанные обстоятель-

¹ См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 апреля 2022 г. № 1210-8 ГД «О годовом отчете Центрального банка Российской Федерации за 2021 год» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 17, ст. 2859.

² См.: Выступление Эльвиры Набиуллиной на пленарном заседании Государственной Думы, посвященном рассмотрению Годового отчета Банка России за 2021 год // Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12840> (дата обращения: 16.07.2022).

ства Банком России осуществляется и правоприменительная деятельность [1, с. 23]. Правоприменительные действия Банк России осуществляет, в основном, в ходе проводимого им банковского надзора. Исходя из изложенного, представляет научный и практический интерес предложенное С.В. Рыбаковой определение банковского надзора, согласно которому «...надзор Банка России за деятельностью кредитных организаций представляет собой отдельное направление его работы, в рамках которого производится проверка деятельности кредитных организаций по установлению ее соответствия требованиям, нашедшим закрепление в нормативно-правовых актах, а также актах Банка России, и предпринимаются меры воздействия по результатам установленных нарушений, которые направлены на их пресечение, предупреждение, устранение, а также на привлечение к ответственности» [2, с. 96–97]. В порядке развития данного обоснованного суждения, сделанного автором в начале 2000-х гг., подтвержденного в теории и практике финансового права и публичного банковского права, хотелось бы отметить профилактическую направленность не только мер воздействия Банка России, но и в целом правоприменительной деятельности Банка России, в том числе при планировании проверок кредитных организаций, имеющих целью формирование правомерного поведения при ведении кредитными организациями банковской деятельности, пресечение недобросовестных практик, выявляемых в ходе банковского надзора Банка России.

В процессе осуществления банковского надзора Банк России реализует свою деятельность, в том числе, и в правоприменительной форме. Е.Н. Пастушенко подчеркивает: правоприменительная форма деятельности Банка России сопряжена с исполнением различных нормативных правовых актов для применения норм права в каждом конкретном случае [3, с. 308]. Следовательно, представляется возможным на основании данной позиции автора сделать вывод о том, что источниками правового регулирования правоприменительной деятельности Банка России в рамках банковского надзора являются федеральные законы и нормативные акты Банка России, в отношении которых наблюдается рост их принятия по мере развития банковского законодательства за последние 30 лет, что отражено в годовых отчетах Банка России, представляемых им в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

При обобщении 20-летнего опыта применения Банком России банковского законодательства Е.В. Вадбольская подчеркивает социальную ценность банковского надзора и под правоприменительной деятельностью Банка России понимает определенную разновидность управленческой деятельности, которая характеризуется властным, подзаконным и творческим характером, а также высокой степенью своей социальной значимости для оказания воспитательного воздействия на субъектов соответствующих правоотношений посредством осуществления индивидуально-правового регулирования на основе существующих правовых предписаний [4, с. 75]. К признакам правоприменительной деятельности, осуществляемой Банком России, указанный автор относит: подзаконный характер, непрерывный характер, оказание активного воздействия на общественные отношения, особое целевое назначение, осуществление в рамках правоприменительных отношений [4, с. 72–73]. Думается, что наряду с перечисленными автором характеристиками следует подчеркнуть тенденцию развития проактивного банковского надзора Банка России в последние 10 лет, что находит отражение в расширении консультативных форм контрольно-надзорной деятельности Банка России.

Помимо внедряемых консультативных форм в рамках проактивного банковского надзора продолжают совершенствоваться традиционные формы банковского надзора Банка России сообразно текущим обстоятельствам социально-экономических и политико-правовых реалий. Сохраняет научно-практическое значение предложенная Т.Э. Рождественской классификация форм банковского надзора: на предварительном этапе; на текущем этапе; на последующем этапе контрольно-надзорной деятельности Банка России, который затрагивает, в частности, вопросы отзыва лицензии на осуществление банковских операций, вопросы ликвидации банковских организаций [5, с. 32]. Несмотря на то, что каждая из перечисленных выше форм банковского надзора закономерно характеризуется своими собственными целями и методами их достижения, некоторые методы обладают единством для всех трех форм, среди которых (в контексте правоприменительной деятельности Банка России): методы надзора за выполнением поднадзорными субъектами нормативных требований; принуждение поднадзорной кредитной организации к выполнению указанных требований. Поэтому представляется возможным сделать вывод о том, что правоприменительные действия являются неотъемлемым элементом деятельности Банка России и осуществляются они в рамках каждой формы банковского надзора. При предварительном банковском надзоре данные действия заключаются, например, в выдаче кредитным организациям лицензий на осуществление банковских операций. В рамках текущего банковского надзора такие действия могут выражаться в проведении соответствующих проверок деятельности кредитных организаций, а также в действиях, направленных на пресечение соответствующих нарушений и на принуждение поднадзорных кредитных организаций к выполнению соответствующих нормативных требований. Таким образом, на наш взгляд, правоприменительной деятельности Банка России присуща и правоохранительная функция (которая выражается, в частности, и в таком виде, как контроль и надзор, осуществляется преимущественно в форме правоприменения и направлена на обеспечение состояния защищенности и безопасности отношений, находящихся в сфере правового воздействия [6, с. 10–11]). Представляется, что без правоохранительной формы правоприменительной деятельности Банка России не могут быть должным образом реализованы нормативные установления в области банковского надзора.

Приказы Банка России об отзыве лицензии на осуществление банковских операций у кредитных организаций представляется возможным рассматривать как правоприменительные приказы, поскольку правоприменительный приказ, как обоснованно считает А.В. Чернышов, «...с функциональной точки зрения выполняет ряд основных задач: служит средством организации реализации значительной части норм российского права...; выступает особой формой государственно-управленческой... деятельности; является особым видом юридических фактов, влекущим возникновение, изменение, приостановление или прекращение правоотношений...» [7, с. 10].

Необходимо подчеркнуть, что предлагаемая в настоящей статье концепция правоприменительной деятельности Банка России в рамках осуществления банковского надзора, в том числе по вопросам издания правоприменительного приказа Банка России в заявленной сфере общественных отношений, связана с научными исследованиями концепции правосубъектности Центрального банка Российской Федерации (Банка России) как юридического лица публичного права. Обозначенный вывод сделан нами на основе заслуживающего внимания

суждения А.В. Чернышова о том, что «...в современных условиях назрела необходимость в широком понимании публичного управления, осуществляемого в форме применения...» [7, с. 10], что позволило автору обосновать «необходимость коррекции в общей теории права круга субъектов уполномоченных осуществлять правоприменительную деятельность, в том числе посредством издания приказа...» [7, с. 10], к числу которых автор предложил «относить наряду с органами государственной и муниципальной власти (и их должностными лицами), также юридических лиц публичного и частного права, органы управления которых наделены соответствующей управленческой компетенцией (кратоспособностью)» [7, с. 10]. Закономерно, что в круг таких субъектов должен входить и Банк России как субъект с особым публично-правовым статусом, позволяющим охарактеризовать его как юридическое лицо публичного права [8, с. 18]. При характеристике юридических лиц публичного права С.В. Рыбакова верно подчеркивает значение публичных интересов в их деятельности [9, с. 100], что наблюдается и в целеполагании правоприменительной деятельности Банка России в рамках банковского надзора.

Несколько схожей точки зрения о субъектах правореализации придерживается С.А. Мельников, который пишет о том, что «к сожалению, на уровне общей теории права до настоящего времени не поставлены и не решены вопросы о специфике форм реализации права такими субъектами, как государство в целом и его государственные образования (административно-территориальные и национальные, юридические лица частного и публичного права)» [10, с. 3], что имеет отношение и к исследованию проблематики трансформации правосубъектности Банка России с учетом новелл правового регулирования о развитии функций Банка России в период пандемии и санкционного давления недружественных государств 2020–2022 гг. Автором делается обоснованный вывод о том, что в науке к настоящему времени накоплен достаточный объем знаний относительно индивидуальной и коллективной форм реализации права, что, бесспорно, требует своего переосмысления прежде всего, в науке теории государства и права, что будет иметь свою ценность для многих специально-отраслевых юридических наук [10, с. 15]. Такие исследования могут быть востребованы, в том числе, и в науке финансового права. Полностью соглашаясь с дефиницией понятия «правоприменение», предложенной С.А. Мельниковым, можно сделать вывод о том, что правореализационная деятельность Банка России в форме правоприменения также направлена на «...издание акта индивидуально-властного характера, разрешающего конкретную юридически значимую жизненную ситуацию по существу» [10, с. 28] и имеет своей целью «...устранение возможных препятствий в реализации права другими участниками правоприменительного процесса или обеспечение и защиту их прав» [10, с. 28].

Компетенция (правообязанность) не без оснований рассматривается С.В. Рыбаковой как исключительный элемент правосубъектности юридических лиц публичного права, тогда как закрепленные за ними отдельные права и обязанности для участия в публичных правоотношениях подобным образом автором не характеризуются [11, с. 340], что в данном случае следует сказать и в отношении правоприменительной деятельности Банка России и осуществляемого им банковского надзора.

Подводя итог настоящего исследования, следует сделать следующие выводы. Правоприменительные действия Банка России, совершаемые в процессе банковского надзора, оформляются в виде актов применения права, которые по своей юридической природе являются правовыми актами, содержат в себе

индивидуальные властные предписания, применяющиеся однократно и адресованные конкретным субъектам. Правоприменительные акты Банка России выражают в себе волю государства, и направлены на ее реализацию посредством применения норм банковского законодательства. Правоприменительные акты Банка России направлены на урегулирование общественных отношений и влекут за собой определенные юридические последствия. Обозначенные суждения, высказанные в настоящей статье применительно к современной ситуации осуществления Банком России правоприменительной деятельности в рамках банковского надзора, основаны на положениях теории права, согласно которым правоприменительные акты — это «(документы компетентных структур, содержащие индивидуальные властные предписания, применяющиеся однократно и адресованные конкретным лицам...)» 12, с. 187]. Соответственно актами применения права Банка России являются вынесенные в официальном порядке Банком России или его структурными подразделениями на основании нормативных актов Банка России решения по определенному, конкретному делу, включающее в себя властное распоряжение, выраженное в соответствующей форме и направленное на индивидуально-правовое регулирование деятельности конкретной поднадзорной кредитной организации.

Таким образом, по своей юридической функции правоприменительные акты как вид правовых актов Банка России являются индивидуальными актами. В целом, правоприменительные акты, выносимые Банком России в ходе банковского надзора, можно подразделить на следующие разновидности: разрешающие акты (например, выдача Банком России лицензии кредитной организации на осуществление банковских операций); предписывающие акты (содержат в себе предписания Банка России в порядке надзора или на основании его результатов о принятых определенных действиях, направленных на устранение нарушений в деятельности кредитных организаций, их предупреждение или предписания об их устранении); правопрекращающие акты (например, отзыв лицензии на осуществление кредитной организацией банковских операций). Предложенная классификация, на наш взгляд, позволяет оптимально сочетать традиционные формы и методы правоприменительной деятельности Банка России в рамках банковского надзора и востребованные в современной теории и практике контрольно-надзорной деятельности Банка России на финансовом рынке новые инструменты проактивного финансового надзора, взаимосвязанные в отношении банков и некредитных финансовых организаций: страховых компаний, негосударственных пенсионных фондов, микрофинансовых организаций, ломбардов, кредитных потребительских кооперативов и др.

В заключение следует отметить, что изложенное свидетельствует об актуальности уточнения понятийного аппарата в отношении правоприменительных действий, осуществляемых Банком России в рамках банковского надзора, для отраслевой юридической науки финансового права и публичного банковского права с учетом положений общей теории права современного периода, что способно оказать позитивное влияние на гармонизацию правового регулирования банковской деятельности и иных секторов финансового рынка, а также оптимизацию правоприменительных технологий Банка России.

Библиографический список

1. Константинов А.В. Формы реализации правоприменительной деятельности Банка России // *European science*. 2016. № 9 (19). С. 23–27.

2. *Рыбакова С.В.* Теоретико-правовые основы банковского надзора в России. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 142 с.
3. *Пастушенко Е.Н.* Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 518 с.
4. *Вадбольская Е.В.* Правоприменительная деятельность в банковской системе Российской Федерации (финансово-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 200 с.
5. *Рождественская Т.Э.* Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 60 с.
6. *Домнина О.В.* Формы реализации функции охраны правопорядка современного российского государства (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 26 с.
7. *Чернышов А.В.* Правоприменительный приказ (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 26 с.
8. *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5 (101). С. 16–26.
9. *Рыбакова С. В.* Юридические лица как субъекты публичного права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2009. № 28(161). С. 96–100.
10. *Мельников С.А.* Индивидуальная и коллективная формы реализации права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 30 с.
11. *Рыбакова С. В.* Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 603 с.
12. Актуальные проблемы права: учебник для магистрантов / под ред. В.Л. Кулапова. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. 446 с.

References

1. *Konstantinov A.V.* Forms of Implementation of Law Enforcement Activities of the Bank of Russia // European science. 2016. No. 9 (19). P. 23–27.
2. *Rybakova S.V.* Theoretical and Legal Foundations of Banking Supervision in Russia: monograph. Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2004. 142 p.
3. *Pastushenko E.N.* Legal Acts of the Central Bank of the Russian Federation: Financial and Legal Aspects of Theory: dis. ... doc. of law. Saratov, 2006. 518 p.
4. *Vadbolskaya E.V.* Law Enforcement Activity in the Banking System of the Russian Federation (Financial and Legal Aspects): dis. ... cand. of law. Saratov, 2011. 200 p.
5. *Rozhdestvenskaya T.E.* Theoretical and Legal Foundations of Banking Supervision in the Russian Federation: extended abstract of dis. ...doc. of law. M., 2012. 60 p.
6. *Domnina O.V.* Forms of Implementation of the Function of Law Enforcement of the Modern Russian State (General Theoretical Aspect): extended abstract dis. ... cand. of law. Saratov, 2022. 26 p.
7. *Chernyshov A.V.* Law Enforcement Order (General Theoretical Aspect): extended abstract dis. ... cand. of law. Saratov, 2022. 26 p.
8. *Chirkin V.E.* Legal Entity of Public law // Journal of Russian Law. 2005. No. 5 (101). P. 16–26.
9. *Rybakova S.V.* Legal Entities as Subjects of Public Law // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2009. No. 28(161). P. 96–100.
10. *Melnikov S.A.* Individual and Collective Forms of Realization of the Right: extended abstract dis. ... cand. of law. Saratov, 2022. 30 p.
11. *Rybakova S.V.* Theoretical Foundations of Regulation of the Activities of Credit Institutions as Subjects of Modern Financial Law: diss. ... doc. of law. Saratov, 2009. 603 p.
12. Actual Problems of Law: textbook for undergraduates / edited by V.L. Kulapov; Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy. 2021. 446 p.

ИНФОРМАЦИЯ

УЧИТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, ЧЕЛОВЕК! ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА ТЕРЕНТЬЕВИЧА КАБЫШЕВА

A TEACHER, A SCIENTIST, A PERSON!
IN MEMORY OF PROFESSOR VLADIMIR
TERENTYEVICH KABYSHEV

13 февраля 2022 года на 85 году ушел из жизни доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра интеграции юридической науки и практики Института законодательства Саратовской государственной юридической академии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего образования России, действительный член Академии гуманитарных наук, кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и ордена Дружбы, ветеран труда **Владимир Терентьевич Кабышев**.

Вся жизнь Владимира Терентьевича была отдана науке и ее развитию. Он был уважаемым Учителем для многих поколений студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов; талантливейшим, выдающимся ученым-конституционалистом России; высокопорядочным, честным, мужественным, настоящим Человеком! Владимир Терентьевич отличался способностью рассказывать просто о сложных вещах, умел прививать интерес к научным исследованиям, учил уважать коллег, поддерживать учеников и студентов; быть благодарными старшему поколению и своим учителям; дорожить настоящей дружбой; работать вдохновенно, не жалея времени и сил; внимательно и уважительно относиться к другим точкам зрения; уметь выслушать собеседника; радоваться успехам окружающих и приходить на помощь в трудную для них минуту.

Владимир Терентьевич родился 18 декабря 1938 г. в станице Староминской Краснодарского края. Свою трудовую деятельность он начал в 1956 г. шофером Ново-Ясенской МТС Староминского района Краснодарского края. В 1959–1963 гг. — студент Саратовского юридического института им. Д.И. Курского. В 1963–1965 гг. — следователь, затем старший следователь Первомайского РОВД Краснодара. В 1965–1966 гг. — следователь Кировского РОВД Саратова, а затем старший следователь Управления милиции города Саратова. В 1966 г., поступив в очную аспирантур родного института, В.Т. Кабышев определил свою научную судьбу до конца жизни, связав ее с наукой конституционного права и родной кафедрой. В 1969 г. защитил кандидатскую, в 1981 г. — докторскую диссертацию. С 1969 г. начинается преподавательская деятельность. В.Т. Кабышев работает в Саратовском юридическом институте в должности ассистента, затем старшего преподавателя, доцента.

Более 35 лет (с 1981 по 2017 гг.) В.Т. Кабышев заведовал кафедрой государственного права, конституционного и международного права (ныне — кафедра конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера), которая являлась для него смыслом жизни и служению которой он направлял свои

силы, дар организатора и яркий талант ученого. Ему принадлежит ведущая роль в формировании творческого коллектива кафедры, воспитании подрастающего поколения молодых ученых. Кафедра конституционного права Саратовской государственной юридической академии под руководством В.Т. Кабышева зарекомендовала себя одним из центров российского конституционализма в России и за рубежом.

Владимир Терентьевич один из ведущих специалистов в области конституционного права России, безусловный лидер и идейный вдохновитель Саратовской школы конституционного права. Своим личным примером преданности юридической науке он вдохновлял студентов, аспирантов, молодых преподавателей на поиск научной истины. Под его руководством было подготовлено 7 докторов (Г.Н. Комкова, Т.М. Пряхина, А.Р. Еремин, В.В. Мамонов, В.С. Хижняк, Т.В. Заметина, Д.С. Велиева) и 46 кандидатов юридических наук. Он щедро делился своим огромным педагогическим и научно-исследовательским опытом как с молодыми коллегами, так и с обучающимися. Владимир Терентьевич Кабышев — учитель и наставник, который не только дал многим ученым-юристам путевку в научную жизнь, но и показал пример бескорыстного служения своему делу, бесконечного уважения к своему учителю — Исааку Ефимовичу Фарберу, требовательного и доброжелательного отношения к своим ученикам.

Теоретические изыскания В.Т. Кабышева нашли отражение в более чем 200 его научных трудах по проблемам российского конституционализма, теории Конституции, конституционного обеспечения прав человека, федерализма, конституционного механизма власти и народного суверенитета. Впервые в науке российского конституционного права В.Т. Кабышевым был поставлен вопрос о необходимости исследования проблемы психологии власти, сформулированы элементы психологии властвования в российском обществе и государстве.

Одна из самых ярких страниц биографии В.Т. Кабышева — создание Саратовского проекта Конституции РФ. Авторский коллектив под руководством профессора В.Т. Кабышев подготовил один из проектов Конституции РФ — Конституции Российской Федеративной Республики, который получил высокую оценку и заслуженную награду: решением Конституционной комиссии РСФСР 3 января 1991 г. он был отмечен второй премией (первая не присуждалась).

Владимир Терентьевич являлся активным участником конституционного процесса, законопроектной деятельности. В качестве эксперта он участвовал в работе Конституционного совещания, созданного Президентом РФ для выработки согласованного варианта проекта Конституции РФ; инициировал подготовку ряда законопроектов, направленных в Верховный Совет РСФСР и Государственную Думу Федерального Собрания РФ; являлся членом научно-консультативного совета Конституционного Суда РФ; возглавлял избирательную комиссию Саратовской области; являлся членом оргкомитета по подготовке и проведению празднования 20-летия Конституции РФ. Его энциклопедические знания, высокий уровень эрудиции востребованы практикой конституционного строительства эпохи масштабных реформ и судьбоносных решений.

Владимир Терентьевич продолжал работать, подавая пример научной добросовестности и творческого порыва до самых последних своих дней, анализируя актуальные проблемы правовой системы.

Российская наука конституционного права и высшая школа понесли огромную, невосполнимую утрату с уходом Владимира Терентьевича, масштабы которой еще не осознаны. Светлая память о Владимире Терентьевиче навсегда сохранится в умах и сердцах его благодарных учеников, коллег и друзей.